VISIT…

ФРЭНСИС ДЖОН БИРН

КОРОЛИ И ВЕРХОВНЫЕ ПРАВИТЕЛИ ИРЛАНДИИ

Санкт-Петербург
Евразия
2006

ББК 63.3(0)4
УДК 94 Б64

Научный редактор *Иванов С. В.*

Бирн, Фрэнсис Джон
Б64 Короли и верховные правители Ирландии. Пер. с анг. Иванова С. В. — СПб.: Евразия, 2006. — 368 с.
ISBN 5-8071-0169-3

Это первая книга, специально посвященная ирландской истории, выходящая на русском языке. В ней освещается самая интересная и сложная эпоха — раннее средневековье, рассматриваются различные аспекты социального и политического развития Ирландии. Изложение основывается на строгом и тщательном анализе многочисленных памятников ирландского языка и литературы. Книга Ф. Дж. Бир-на получила заслуженно высокую оценку в том, что касается охвата материалов и фактической стороны ранней ирландской политической истории, ход которой автор осветил детальнейшим образом. Именно в Ирландии надо искать религиозные и политические корни западноевропейской истории. Страна, чья история до сих пор многим кажется простой и едва ли отсталой, на деле оказала колоссальное воздействие на Европу, и отзвуки этого воздействия ощущаются и в наше время. «Медвежий уголок» Европы, Ирландия долгое время хранила заветы кельтской культуры и традиции, но она же первой приняла христианство, предложив континенту безупречный образец монашеского служения Господу. Король — воин и священник — недостижимая мечта средневековой Западной Европы — довольно рано стал реальностью в Ирландии. Книга Ф. Дж. Бирна посвящена не только ирландским королям. Автор раскрывает перед читателями сложный и запутанный мир реализации и символики власти, формировавшийся в условиях кровавой междоусобной борьбы за право властвовать на Зеленом острове. Сложный водоворот грубой силы, правовых, религиозных и племенных обычаев придал ирландской королевской власти особые черты, в дальнейшем унаследованные во многих государствах континентальной Европы.

© Иванов С. В., перевод, 2005
© Лосев П. П., обложка, 2006
© Евразия, 2006

OCR – Aspar, 2009. [6] – так обозначен конец страницы оригинального издания

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика	6
Предисловие	8
Глава I. Представления ирландцев о королевской власти	15
Глава II. Король и народ	40
Глава III. Короли и верховные короли	53
Глава IV. Королевство Тары	63
Глава V. Ниалл Девяти Заложников	88
Глава VI. Диармайт, сын Керрбела, и усиление власти Уи Нейллов	108
Глава VII. Короли Ульстера	129
Глава VIII. Короли Лейнстера	152
Глава IX. Кашель	192
Глава X. Половина Конна и Половина Муга	231
Глава XI. Коннахт	262
Глава XII. Верховная королевская власть над Ирландией	288
Приложение I. Списки королей	312
Приложение II. Генеалогические таблицы	317
Библиографическая справка	339
Указатель географических названий	348
Указатель собственных имен	353
Указатель названий племен и династий	362

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Книга «Короли и верховные короли Ирландии» представляет собой первое развернутое исследование ирландской истории, выходящее на русском языке.

Книга Ф. Дж. Бирна получила заслуженно высокую оценку в том, что касается охвата материалов и фактической стороны ранней ирландской политической истории, ход которой автор осветил детальнейшим образом. С другой стороны, были высказаны критические замечания относительно общетеоретической концепции, в рамки которой укладываются конкретные исторические события. Ее основные положения изложены в первых вступительных главах.

Следует отметить, что с середины 50-х годов XX века ирландисты, филологи и историки, разделились на два различных и зачастую взаимно непримиримых лагеря, получивших названия «нативисты» и «антинативисты». Нативисты, представлявшие доминирующее направление с самого зарождения научной ирландистики, подчеркивали устойчивость и консервативность местной ирландской традиции, полагая, что она в неизменном виде сохранила, как в художественной сфере, так и в общественной жизни, многие черты, восходящие к общекельтскому и даже праиндоевропейскому состоянию. Взгляды антинативистов, в общем и целом, сводятся к стремлению показать, что большая часть материалов, на которые опираются нативисты, на самом деле возникла под влиянием латинской традиции и христианской церкви. В сущности, мы не ошибемся, если скажем, что нативистам свойственна тенденция отрывать ирландскую культуру от общеевропейских исторических процессов, в то время как антинативисты, наоборот, стремятся как можно органичнее вписать ее в европейскую картину.

Именно со стороны антинативистов, как и следовало ожидать, подверглись критике воззрения на природу королевской власти в древней **[6]** Ирландии, изложенные Бирном, рассматривающим ее с позиций Бенвениста и Дюмезиля как по сути своей сакральную и с позиций Д. Бинчи как функционально ограниченную в своих проявлениях. Впрочем, эта критика еще не означает, что Ш. Дж. Бирн является сторонником нативистской концепции. По нашему мнению, ему удалось совместить многое из того, что

представляется несомненными достижениями обеих сторон. Так, к числу его заслуг относится последовательно критическое отношение к источникам, выражающееся в признании их политизированности и небеспристрастности. Вкратце это отношение можно описать следующим образом: источники отражают не столько описываемое в них положение дел, сколько политические интересы стороны, заинтересованной в их написании. В приложении к историческому исследованию, такие взгляды, продолжающие общие тенденции антинативистской критики текстов, открывают новые и зачастую неожиданные перспективы.

Более обоснованными кажутся упреки в размытости и неопределенности термина «трибализм», с помощью которого характеризуется стадия, предшествующая установлению династических и территориальных форм правления. Неясны и отличия между двумя этими этапами. Такие же сомнения вызывает и постулируемый переход от династического правления к местному изводу феодализма, происходивший, по мнению автора, в XI—XII вв.

Тем не менее, несмотря на эти претензии, которые с полным правом можно признать второстепенными и не затрагивающими существа дела, «Короли и верховные короли Ирландии» твердо заняли свое место в довольно коротком ряду книг, без знакомства с которыми не может обойтись ни один человек, интересующийся историей Ирландии.

С. *В. Иванов* **[7]**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие ирландцы похваляются тем, что в их жилах течет королевская кровь. Подобное утверждение не всегда оправданно, но и не совсем абсурдно, так как королевской крови в Ирландии был явный избыток. Во многих областях страны племенные короли-вассалы и вышестоящие короли пятин сохраняли власть до конца XVI века, а благодаря ирландской системе престолонаследия и законам о браке, которые приближались к полигамии, правящие династии разрастались за счет низших слоев, так что чиновники королевы Елизаветы жаловались, что большинство ирландцев являются незаконнорожденными, хотя утверждают, будто они джентльмены.

Королевская власть в древней Ирландии представляет собой благодатную область исследований не только для историков, но и для всех ученых, специализирующихся в антропологии, мифологии и сравнительной культурологии. В их распоряжении находится богатый, но довольно трудный для анализа материал, так как ирландцы всегда питали пристрастие к художественному вымыслу. За основу более или менее достоверных сведений мы можем принять анналы и генеалогии, но даже они пропитаны мифами и легендами, и не так много ученых до сих пор занималось серьезным изучением обстоятельств создания этих литературных памятников. С другой стороны, благодаря необычайному богатству ирландской литературы мы имеем возможность пристально рассмотреть и постичь дух и природу раннесредневекового общества, причем нашими проводниками служат не чужеземные наблюдатели, ни даже местное духовенство, мыслившее интернациональными латинскими штампами, а местные авторы, обозревавшие общество изнутри и творившие в рамках литературной традиции, не прерывавшейся с VI по XII век и на самом деле продолжавшейся до XVII века, давшего ирландской литературе такие имена, как Китинг, Мак Ширбис и О'Флаэрти. **[8]**

Поэтому вопрос исторической истины в определенном смысле теряет свою значимость: сами тексты, каким бы легендарным ни было их содержание, являются памятниками столетий, в которые они создавались, а труды кельтологов за последние пятьдесят лет позволили нам датировать их с высокой степенью уверенности. Я пошел бы

еще дальше и сказал, что ранне-ирландскую литературу нельзя понимать иначе как исторический памятник.

Мы вовсе не отрицаем возможность написания исторического повествования в общепринятом смысле слова — в противном случае читатель не держал бы в руках эту книгу. В лучших рукописях анналов содержатся записи, современные описываемым событиям начиная со второй половины VI века. С их помощью, равно как и с помощью генеалогий и списков правителей, мы можем с определенной долей уверенности проследить историю различных династий и правил наследования. Даже когда историческая достоверность той или иной генеалогии или списка королей вызывает подозрения, подделка и ее мотивы сами по себе представляют собой весьма любопытные исторические факты. К VIII веку политическое устройство Ирландии обрело свою классическую форму, которой суждено будет подвергнуться медленным изменениям лишь в ходе столетий викингских завоеваний. Перед нашим взором предстает четкая и даже довольно подробная картина общества, составленного из христианских и языческих элементов; поистине варварского, но вместе с тем необычайно сложного, самодостаточного и самодовлеющего.

Большая часть псевдоисторических сочинений, написанных в то время светскими составителями генеалогий и сказителями или сведущими в латинской учености монахами, которые из отрывков устных языческих преданий и иноземных книг создавали для ирландцев монархическую традицию, уходящую корнями в такую же седую старину, как и царство Израиля, носила этиологический и дидактический характер: в этих произведениях объяснялось происхождение господствующих династий и оправдывались их современные притязания. Такова истинная причина создания мифа: а именно желание показать, почему положение вещей именно таково и почему оно должно оставаться таковым вечно. Миф, утративший свою значимость для общества, может продолжить существование в форме сказки, но живой миф непременно сопровождается ритуалом, и обряды, сопутствовавшие инаугурации ирландских королей, могут быть такими же древними, как и курганы, на которых они проводились.

Ирландия была страной, в которой архаические индоевропейские установления и, вероятно, еще более древние традиции, сохраняемые потомками **[9]** строителей мегалитических сооружений каменного века, не были затронуты всесокрушающим бульдозером римской цивилизации; латинское христианство даровало Ирландии умение писать на двух языках, но само приспособилось к гэльской культуре. Таким образом, мы можем обнаружить даже в Новое время сохранившиеся черты той сакральной королевской власти, которую находили во многих областях мира во многие периоды жизни различных цивилизаций. Ранняя ирландская легенда может пролить свет на пережиток ритуала в Афинах V века; взаимоотношения ирландского короля и богини дополняют скандинавские описания королевской власти в Упсале; награда поэту за инаугурацию короля объясняется в ведическом гимне.

Интерпретация мифологического материала таит в себе множество опасностей и, возможно, никогда не свободна от субъективности. Я считаю справедливым то, что я написал по этому поводу, но вовсе не ожидаю, что это убедит скептиков. Однако само изложение данных может сподвигнуть других исследователей на создание собственных теорий.

С чисто исторической точки зрения, основную тему данного исследования составляет укрепление династической формы правления в Ирландии и возникновение представлений о власти верховного короля, если не о национальной монархии; и хотя в результате у нас остается широкое поле для догадок, общий ход событий вполне ясен. Ирландский трибализм со своими многочисленными небольшими королевствами имеет в глазах историка то преимущество, что он несет с собой огромное количество информации по местной истории, возможно, превышающее объем данных, доступных для любой другой европейской страны в тот период. Ирландская королевская власть уходила своими

корнями в саму почву, и этот партикуляризм, эта приверженность к «своему милому неизменному месту» наложила свой отпечаток на ирландскую литературу и перешла в литературу английскую благодаря сочинениям Иейтса и Джойса. Отсюда и необходимость в подробных картах, которые, как мы рассчитываем, будут полезны для студентов, изучающих ирландскую историю, и одновременно окажут практическую помощь читателю.

Важнейшим, хотя и громоздким проводником в хитросплетениях династической преемственности также являются генеалогические таблицы. Они составлялись на основе анналов и генеалогий, и по ходу работы я был вынужден не раз вносить в них необходимые исправления; несомненно, некоторые ошибки остались неисправленными. В некоторых случаях информация носит столь противоречивый характер, что мы могли **[10]** предложить лишь самую приблизительную реконструкцию; иногда родословная почти наверняка была сфальсифицирована, но тем не менее она воспроизводится в книге, так как сама фальсификация имеет историческое значение. Сложность генеалогических таблиц дает некоторое представление о том объеме информации, который находится в нашем распоряжении и большая часть которого игнорируется историками. Впрочем, мы привели генеалогии только главных династий пяти ирландских королевств: аналогичные таблицы можно составить для большинства королей небольших племен. В двух самых ранних генеалогических рукописях содержится приблизительно 12 000 имен, носители которых жили между V и XII веком, а в более поздних средневековых рукописях можно найти еще большее количество данных, относящихся к этому периоду.

Однако из этого изобилия имен сложно вычленить сведения о той или иной личности. Сообщения анналов чрезвычайно немногословны, а в современных событиям хвалебных стихотворениях и поздних сагах герои изображаются с помощью общепринятых шаблонов, так как цель поэта состояла не в изображении личности отдельного короля, а в описании свойств идеальной королевской власти. Мы вынуждены строить лишь догадки о побуждениях даже тех людей, о которых сохранились достаточно подробные сведения, таких как Бриан Борома и Диармайт Мак Мурхада, подвергая тщательному рассмотрению их поступки, сообщения о которых появляются в анналах. На последних страницах этой книги я поместил краткий очерк о Диармайте в уверенности, что его место в ирландской истории нуждается в пересмотре, и представил свою точку зрения на Бриана, которая отличается от общепринятых взглядов. Однако единственное подробное исследование в книге посвящено Федлимиду, сыну Кримтанна (см. главу X). Сходные краткие биографии можно было написать и о последующих претендентах на верховную власть, но они выходят за рамки данной книги.

Первоначально я планировал посвятить эту книгу верховным королям Ирландии с V по XII век, однако эфемерная природа королевства Тары не позволила представить эту тему стержневой осью ирландской политики в ранний период. Она становится таковой начиная с IX века, но в этот момент меняется сам характер ирландской истории (что я попытался показать в заключительной главе), и от этого пострадало бы единство изложения. Адекватное изучение королевской власти в среднеирландский период вдвое увеличило бы объем нашего исследования и потребовало бы **[11]** рассмотрения чужеземных королевств Дублина, Уотерфорда и Аимерика и их внешнеполитических связей[1].

Несмотря на это, мы оставили полные генеалогические таблицы, доведенные до XII века, с тем чтобы обозначить последующую судьбу династий, набравших силу между V и VIII веком, а также потому, что в тексте содержится множество ссылок на королей среднеирландского периода. В совокупности они впервые составляют перечень правителей основных ирландских королевств в донорманнский период. Даже фальсифицированные родословные обладали такой важностью, что невозможно понять

[1] Ныне ведутся важные раскопки на месте норвежского города Дублина.

карьеру ни одного ирландского короля в отрыве от ее генеалогического контекста: королевские амбиции окрашивались славой или безвестностью предков, правление короля омрачалось присутствием родичей, обладавших столь же законными правами и притязаниями, а его доброе имя после смерти зависело от успеха его потомков.

Источники сообщили этой книге некоторые присущие им качества. Начиная с IX века ход политической истории приобретает все большую отчетливость, и краткий ее обзор читатель найдет в заключительной главе. В остальном начальные главы посвящены определению социального фона, за которым следует обсуждение мифологического значения Тары и легенд о происхождении Уи Нейллов, которые притязали на титул «королей Тары». Глубинные представления о королевской власти часто выражались в мифологической форме даже в тех случаях, когда короли являлись несомненно историческими личностями, поэтому довольно значительное внимание было уделено распутыванию сложного клубка мифологических мотивов и вплетению нитей из него в ткань архаического ирландского общества. Затем мы совершаем подобие ритуального обхода Ирландии от крайней северной до крайней западной точки, перемещаясь вслед за солнцем *(deiseal)*[2], как принято у ирландцев, так как наиболее достоверные ранние материалы относятся к Ульстеру и срединным областям, и только потом в анналах начинают постепенно появляться сведения о южной и западной частях страны. Фундаментальное единство ирландской культуры и институтов явилось результатом усилий образованного **[12]** слоя, сохранявшего стандартный литературный язык и не слишком обремененного узами племенной верности. И все же мы обнаружим, что каждой пятине свойственен свой особый стиль королевской власти, отраженный в природе дошедших до нас литературных и исторических свидетельств.

Эти свидетельства говорят сами за себя в переводах различных ученых. Иногда тот или иной текст впервые появляется в английском переводе. Многое уже хорошо известно интересующимся древнеирландским языком, но заслуживает внимания и более широких кругов читателей. Впрочем, лишь малая часть этих материалов до сих пор изучалась в качестве исторических свидетельств об ирландской истории или обществе.

На данный момент не существует учебника по раннеирландской истории, и поэтому было сложно написать книгу для широкого круга читателей по вопросам, не освещенным в ученом труде, которому можно было бы придать популярную форму. Многие подумают, что я хотел усидеть на двух стульях, но я пытался свести воедино специализированные исследования многих ученых и предложить некоторые собственные толкования, надеясь привлечь новых исследователей к этой находящейся в пренебрежении сфере ирландской истории и побудить несогласных со мной изложить свои взгляды. Я избегал обширных примечаний, считая, что они мало что скажут читателю-неспециалисту и что студенты, заинтересовавшиеся оригиналами, найдут необходимое в библиографической справке. Само собой, в указателе содержится внушительное количество собственных имен, и я добавил краткое руководство по их написанию и произношению.

Из самого текста и библиографии совершенно очевидно, что я многим обязан как здравствующим, так и ушедшим от нас ученым. Со многими я не согласен, у всех я учился. Из прежнего поколения особого упоминания заслуживают Эойн Мак-Нейлл, основатель раннеирландской истории как академической дисциплины, и Т. Ф. О'Рахилли. Преемник Мак-Нейлла и мой предшественник: преподобный Джон Райен из Общества Иисуса — пробудил во мне интерес к этой области истории, которую он столь хорошо знает, а покойным Джерарду Мерфи и отцу Фрэнсису Шоу из Общества Иисуса я обязан

---

[2] Слово *deiseal* кроме значения «в правую сторону, по ходу солнца» также приобрело смысл «благоприятный, удачный». В основании этого перехода, по-видимому, лежит ритуальный принцип подражания, призванный обеспечить неизменную повторяемость какого-либо природного явления. — *Примеч. ред.*

посвящением в кельтологию. Другими современными учеными, так или иначе оказавшими значительное влияние на создание этой книги, были Д. А. Бинчи, Майлз Диллон, Джеймс Карни, Алвин и Бринли Рис, а также мой коллега по дублинскому Университетскому Колледжу Проншиас Мак Кана. Я хотел бы поблагодарить моих **[13]** коллег по историческому факультету Университетского Колледжа за их постоянную поддержку и моих учеников за толчок к написанию книги. Особенную признательность я хотел бы выразить профессору Р. Дадли-Эдвардсу за терпение, с которым он читал машинописный текст на всем протяжении работы, и за его проницательные замечания.

Университетский Колледж, Дублин
24 августа 1971 года **[14]**

ГЛАВА I

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИРЛАНДЦЕВ О КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Краткое описание политической ситуации, сложившейся в конце XII века, можно найти в гесте, прославляющей англо-норманнское завоевание Ирландии:

En yrland erent reis plusur
Cum alures erent les cunturs$
Mes qui tent mithe e leynistere
E desmund e munestere
E connoth e uluestere
Que ia dis tendrent le sis frere,
Qui celes tenent sunt chef reis
De yrlande, solum les yrreis.

В Ирландии было много королей,
как считается,
но те, кто владел Митом и Лейнстером,
и Десмондом и Мунстером,
и Коннахтом и Ульстером,
которыми когда-то владели шесть братьев, —
те, кто владеют ими, являются главными королями
Ирландии, по словам ирландцев.

В действительности в Ирландии между V и XII веком на любой данный момент насчитывалось не менее 150 королей. Так как общая численность населения, вероятно, составляла гораздо меньше полумиллиона, подобная многочисленность королей кажется тем более замечательной. Каждый король правил туатом *(tuath),* то есть племенным королевством. Слово «туат», буквально означавшее «народ», происходит от кельтского корня *teuto- или *touto- и часто переводится как «племя». Этот термин представляется несколько неудачным отчасти из-за того, что он обладает уничижительными коннотациями в английском, но основная причина лежит в его чрезвычайной расплывчатости и отсутствии четкого определения. Так, слово «племя» часто заменяется словами со столь же туманным значением, такими как «септ» или «клан», которые более уместно употреблять для обозначения «фине» (*fine*) или большой семьи, так что может создаться совершенно ложное впечатление, будто эта первичная социальная **[15]** единица каким-то образом слилась с туатом. Мы можем с уверенностью считать туат племенной единицей, ибо он являлся популяционной группой, составлявшей отдельный политический организм. Однако если под словом «племя» мы понимаем народ со своим собственным языком, обычаями и религией, то будет неоправданно использовать этот термин для описания любого ирландского королевства в исторический период. Подобно

Древней Греции, донорманнская Ирландия сочетала политическую раздробленность с культурным единством.

Ученые допускают, что различные группы переселенцев, переправившихся в Ирландию в доисторические времена, говорили на разных языках. В ирландском языке отмечаются следы как некельтских языков, так и кельтских диалектов, родственных валлийскому, однако в самых ранних памятниках мы обнаруживаем единый литературный язык, использовавшийся по всей стране начиная по меньшей мере с VI века. Несомненно, существовали местные вариации на разговорном уровне, и, возможно, современные ирландские диалекты отражают древние территориальные разграничения, однако до тех пор, пока сохранялось универсальное и привилегированное сословие поэтов и других образованных людей, то есть до разрушения гэльской Ирландии в XVII веке, нормой оставался единообразный стандартный язык, и так было не только в Ирландии, но и в гэльских областях Шотландии, где он продолжал свое существование до 1745 года.

Сходным образом единообразие основных установлений наблюдается в области права, хотя в различных школах, возможно, преподавались различные способы толкования традиции. Во многом похожая ситуация имела место в индийских правоведческих школах, учения которых находят множество параллелей в законах ирландских брегонов. Свободное население обозначалось в юридических трактатах словом «фении» *(Feni),* а само традиционное право получило название «фенехас» (*finechas*). Обыкновенно в других сочинениях ирландцы именовались «гэлами» *(Goedil),* а это слово является заимствованием из валлийского, в котором оно имеет форму *Gwyddyl*. Таким образом, ирландцы не имели общепринятого самоназвания до тех пор, пока они не вступили в контакт с чужеземцами. Иногда в правоведческих трактатах мы находим упоминания об «уладах» *(Ulaid),* жителях Ульстера, и «галеойнах» *(Gaileoin)* или «лагенах» (*Laigin*), жителях Лейнстера, как об отличных от «фениев» народах. Это означает, что название «фении» первоначально могло относиться к населению срединных областей Ирландии, которыми в христианскую эпоху **[16]**

(Карта. Ирландия около 800 г.н.э.) [17]

правила великая династия Уи Нейллов, и, возможно, также к Эоганахтам, властвовавшим над Мунстером. Из генеалогической традиции известны и другие древние этнические группы, рассеянные по различным частям Ирландии, в особенности «эрины» *(Erainn)* («иверны», которых отметил на своей карте во II веке Птолемей) и «круитни» (Cruthin или Cruithni), носящие то же название, что и таинственные шотландские пикты. Впрочем, в отличие от пиктов, ни одна из этих групп, по-видимому, не отличалась ни по языку, ни по общественному устройству от остальных ирландцев, хотя в эпоху раннего Средневековья они долгое время сохраняли свою идентичность.

Мы должны соблюдать известную осторожность и не отождествлять ни «гэлов», ни «фениев» с лингвистическим термином «гойделы», которым современные ученые обозначают носителей гэльских или Q-кельтских языков в противоположность народам, говорящим на бриттских или P-кельтских диалектах. Вопросы о том, в какое время кельты пришли в Британию и Ирландию и каким образом возникли различия между диалектами, которые в конечном итоге разделились на гэльскую и бриттскую ветви, волнуют лингвистов и специалистов по доисторическому периоду: они не имеют непосредственного касательства к периоду раннего Средневековья. Мы располагаем многочисленными свидетельствами о переселениях, которые протекали в обоих направлениях через Ирландское море в римскую эпоху, а в IV и V веках крупные поселения ирландцев (которых римляне назвали «скоттами») появились в Западной Британии и оставили следы своего пребывания в средневековой валлийской традиции и огамических надписях. Самая знаменитая ирландская колония была образована севернее, в Аргайле, переселенцами из королевства Дал Риада, находившегося на территории современного графства Антрим.

Изучением ирландской предыстории увлекались средневековые ирландцы, столетиями разрабатывавшие подробное описание последовательных нашествий Партолона, Немеда, Фир Болг, племен богини Дану и сыновей Миля. Это повествование, запечатленное в «Книге Захватов Ирландии» (*Lebor Gabala),* которая постоянно переписывалась в новых и пересмотренных редакциях до конца XII века, представляет собой фантастическое переплетение подлинных воспоминаний, чужеземной латинской учености и мировой истории, заимствованной у Орозия и Исидора Севильского, евгемеризированной кельтской мифологии, династической пропаганды, фольклора и чистого вымысла. В самой ранней версии (имевшей хождение уже в VIII веке) только коннахты, вместе с их потомками **[18]** Уи Нейллами, и мунстерские Эоганахты происходят от двух сыновей Миля; остальные народы Ирландии четко отделяются от них и по молчаливому согласию наделяются низшим статусом. Такое положение дел отражает широко распространенную теорию, согласно которой страна разделялась на две сферы влияния: половину Конна (Leth Cuinn) и половину Муга (Leth Moga) — верховные королевства Тары и Кашеля. Впрочем, вскоре стараниями средневековых историков родословные, возводящие их происхождение к сыновьям Миля, получили и другие династии местного значения, и в итоге семья прародителя разрослась до устрашающих размеров. Даже наиболее выдающиеся роды круитни и эринов были включены в милезианскую схему, пока число «потомков Фир Болг» не свелось лишь к нескольким незначительным племенам-данникам. Утверждения, будто кельтские боги на самом деле были одним из народов, населявших Ирландию до появления сыновей Миля, «племенами богини Дану» *(Tuatha De Danann),* изгнанными сыновьями Миля в скрытые убежища в потусторонних сидах, располагавшихся внутри холмов и под озерами, не могли никого обмануть. Подобная евгемеризация служила для успокоения совести христиан, интересующихся языческим прошлым.

Современные ученые, оснащенные новейшими филологическими и археологическими методами, оказались столь же пылкими и неуравновешенными, как и их средневековые предшественники, познакомившиеся с мировыми хрониками Иеронима и Евсевия. Подобно тому, как монахи Бангора принялись вставлять имена доисторических королей или божеств-покровителей Тары и уладской столицы Эмайн Махи в хронологические таблицы, стремясь привести их в соответствие с хронологией Египта, Ассирии, Персии, Греции и Римской империи, точно так же нынешние ученые интерпретировали «Книгу Захватов Ирландии» в терминах различных волн кельтских и докельтских переселенцев, строителей мегалитических сооружений, племен культуры колоколовидных кубков, галльштаттской и латенской культуры. Самым впечатляющим памятником подобного рода деятельности явился грандиозный труд Т. Ф. О'Ра-хилли «Раннеирландская история и мифология» *(Early Irish history and mythology).* Согласно воззрениям О'Рахилли, гойделы составляли последнюю волну кельтских переселенцев в Ирландию и прибыли на остров в I веке до н. э. Он использует наименование «гойделы» в чрезвычайно тенденциозном смысле, в сущности ограничивая круг его значений коннахтами, Уи Нейллами и Эоганахтами: эрины и улады, лагены и круитни, по его мнению, были P-кельтами. Однако документальные свидетельства **[19]** не позволяют историку отодвинуть дату возникновения династий Уи Нейллов и Эоганахтов далее V века н. э., и, вне зависимости от силы и влияния этих династий, они не имели бы возможности за столь короткий срок навязать свой язык всему остальному населению страны. Более того, теория О'Рахилли вступает в противоречие с первыми письменными памятниками ирландского языка — огамическими надписями, самое большое скопление которых отмечается именно в якобы не-гойдельских областях. Гэльский язык принесло с собой в Шотландию и племя Дал Риада, которое происходило от эринов.

О том, насколько мало можно доверять средневековым представлениям о доисторическом периоде, говорит поразительный факт: ни ирландцы, ни валлийцы, несмотря на то, что они находились в постоянном контакте и обладали очень сходными

чертами в сфере общественного устройства, законов и литературы, по-видимому, даже и не догадывались о своем общекельтском происхождении. И напротив, англосаксы, гораздо прохладнее относившиеся к генеалогическим исследованиям, всегда сохраняли память о своих связях с древними саксами в Германии. Расы обозримого мира вели свой род от сыновей Ноя; но если валлийцы (действуя по подсказке Исидора Севильского) возводили свое происхождение к Бруту и троянцам, то ирландцы заставили сыновей Миля идти из Скифии через Египет и Испанию. Даже в церковной сфере, в которой валлийцы, бретонцы и ирландцы демонстрировали сходную монастырскую организацию и некоторые традиции, казавшиеся эксцентричными (если не хуже) представителям римской вселенской церкви, они, по-видимому, почти не осознавали своего единства. Термин «кельтская Церковь» был придуман современными историками, и он имеет право на существование; однако ирландцы совершенно не представляли себе, что они относятся к ней.

Составителям генеалогий можно доверять постольку, поскольку они демонстрируют, что у эринов, круитни и лагенов бытовали самобытные легенды о происхождении и своеобразные родовые традиции, однако когда они утверждают, что какой-либо конкретный народ входил в ту или иную из этих групп или же был связан с коннахтами или Эоганахтами, к подобным заявлениям следует подходить с большой осторожностью. Генеалогии часто модифицировались применительно к политическим целям. Возможно, самым показательным примером может служить выдумка ирландских ученых, будто род Дал Кайс, правителей небольшого королевства в восточной части Клэра, является ответвлением Эоганахтов, с глубокой древности имеющим право на верховную королевскую власть над Мунстером. **[20]** Престижность аристократического происхождения настолько сильно укоренилась в сознании ирландцев, что таких явлений, как приход к власти Бриана Боромы и укрепление этой власти О'Брайенами, оказалось недостаточно, чтобы повысить статус Дал Кайс в политической иерархии, не прибегая к фальшивой позолоте и не придумывая с этой целью выдающихся предков.

Легенды о происхождении многих династий повествуют о том, что они захватили свои земли, прибыв в Ирландию из-за моря. Подобные сказания, совершенно не вписывавшиеся в рамки милезианской схемы, бытовали у лагенов и Эоганахтов. Позднее, когда завершилось создание псевдоисторической доктрины и когда общее признание получили представления, что сыновья Миля высадились в Ирландии в далеком прошлом, такие ранние, более аутентичные легенды о захвате Мунстера Эоганом и захвате Лейнстера Лабрайдом Аоингсехом показались анахронистическими, так как и Эогану, и Лабрайду приписывалось происхождение от Миля. Тем не менее эти легенды сохранились в видоизмененной форме, изображая персонажей-первопредков в виде изгнанных принцев, возвращающих наследственные владения с помощью иноземных войск. Ирландская традиция была чрезвычайно устойчива, а консерватизм ирландского общества удивительно силен, и поэтому вовсе не странным выглядит предположение, что Диармайт Мак Мурхада в XII веке вдохновлялся примером своего легендарного предка.

Похожую историю рассказывали и о Туатале Техтмаре, деде Конна Ста Битв (*Conn Cetchathach),* эпонимического предка коннахтов. В самом деле, не многие ирландские роды притязали на автохтонность. Поэтому мы проявили бы чрезмерный скепсис, если бы стали отрицать, что существовали какие-то воспоминания о кельтских нашествиях и переселениях, какими бы искаженными они ни представали в прокрустовых схемах средневековых ученых. Лингвистические данные и, в меньшей степени, свидетельства археологии говорят о том, что Ирландия была кельтской страной; избежав римского завоевания, она сохранила кельтские культуру и государственное устройство, а рассказы античных писателей о континентальных кельтах находят примечательные параллели в ирландской литературе и исторических документах. Почти что каждую главу из повествования Цезаря о галльской войне можно проиллюстрировать ирландскими примерами,

хотя в эпоху Цезаря Галлия начала испытывать радикальные перемены, упраздняя монархическую форму правления. Такая революция была немыслима для ирландцев. **[21]**

Вышедшая в недавнее время на передний план озабоченность ученых доисторическими вопросами лингвистики и археологии, а также попытки распутать гордиев узел патрикианской проблемы, стоящей у самых истоков ирландской истории, отвлекли внимание исследователей от изучения хорошо документированных столетий, предшествующих англо-норманнскому нашествию 1169 года. Раннеирландская история представляет собой богатое и относительно мало исследованное поле, необычайно интересное для историка цивилизации. Из наших источников вырисовывается подробная картина замкнутого общества, в одно и то же время архаичного и сложного; тихой заводи, не потревоженной основным потоком латинского Средневековья, в который оно, как это ни парадоксально, привнесло освежающее течение интеллектуального оживления и религиозного идеализма. Первозданные черты ирландского общества и в особенности архаические свойства представлений о королевской власти находят ближайшие европейские параллели в дохристианской Скандинавии. В самом деле, Тойнби зачислил как Ирландию, так и Скандинавию в разряд «недоразвитых цивилизаций», независимых от Рима и западной культуры, являвшейся наследницей римской цивилизации, но он несколько преувеличивает своеобразие ирландской Церкви, которая при всех своих отличиях оставалась латинской.

Христианство пришло в Ирландию из римской Британии и Галлии, но не вслед за легионами. Нарождающаяся ирландская Церковь не испытала воздействия чуждых образцов: падение Римской империи подарило ей свободу развития, которой ирландская Церковь и воспользовалась, конечно же, заимствовав различные элементы из восточного и западного христианства, но приспособив их к нуждам ирландского общества. Эклектизм, связавший множество чужеземных ингредиентов в самобытный ирландский узор, можно наблюдать в литургии *Требника из Стоу* (Stowe Missal), в эволюции ирландского письма, а также в иллюминировании рукописей и других искусствах. Характерная организационная единица ирландской Церкви, монастырская община *(familia),* отражает основную единицу общества, фине, или большую семью, являвшуюся субъектом ирландского права. Вовсе не случайно ни то, что церковная реформа XII века, доведенная до завершения св. Малахией, которая ввела в Ирландии стандартную западноевропейскую епархиальную систему, протекала в то самое время, когда ирландское общество становилось по-настоящему феодальным, ни то, что эта реформа получила поддержку со стороны тех князей, которые стремились создать новую модель монархии и заменить **[22]** ею прежнюю в высшей степени раздробленную систему племен-королевств.

И ирландцы, и валлийцы создали литературу на родных языках, по-видимому, уже в VI веке. Обе страны унаследовали от древнего кельтского мира наделенную огромными привилегиями касту ученых людей, поэтов, друидов, бардов, составителей генеалогий и правоведов, которые пережили введение христианства, отказавшись от своих самых очевидных языческих функций. Таким образом, христианское духовенство не обладало монополией на ученость, и в Ирландии «люди искусства» (*aes dana)* сохраняли местную традицию, обогащая ее новым латинским монастырским образованием. Было бы неправильным предполагать, что средневековые ирландские поэты и брегоны были скрытыми язычниками, но в силу самого своего служения, состоявшего в передаче традиции *(senchas),* они сознательно или бессознательно сохранили многие друидические черты.

Из сочинений античных писателей, а именно философа-стоика и путешественника Посидония из Апамеи, мы узнацм, что у галлов была каста поэтов-пророков, бардов и друидов — *vates, bardoi* и *druides;* хорошо известен и рассказ Цезаря об обучении в школах друидов. Слово *vates* перешло в ирландский язык в форме *faith,* «прорицатель», однако обычным словом для обозначения «поэта» являлось слово *fili* (мн. ч. *filid*), означавшее буквально «провидец», а из средневековых источников явствует, что

предсказания входили в перечень функций поэта. В валлийском языке поэт обозначался словом Ьапй, однако в Ирландии, как и в древней Галлии, барды составляли низшую ступень сословия стихотворцев и специализировались в сатире и хвалебной поэзии: обычно бард сопровождал филида в составе его свиты. Ирландское слово *drui* (мн. ч. *druid)* обыкновенно передается в гиберно-латинских текстах, в которых друиды зачастую выступают в роли противников Патрика и других святых, с помощью слова *magus.* В ирландском праве «люди искусства» составляли особую общественную прослойку, обладавшую равным статусом с родовой знатью (Цезарь подразделял галльское общество на друидов, всадников и простонародье). В эту иерархическую схему с ее изощренными установлениями, относившимися к сумме вергельда и «цены чести», по аналогии было включено и христианское духовенство. Включение служителей Церкви в общественную иерархию предоставило правоведам обширный материал, благодаря которому они с успехом могли проявить свою педантичную страсть к классификации. Подобно тому как духовенство разделялось на семь чинов от епископа до чтеца, должно быть и семь **[23]** разрядов *aes dana,* и семь рангов знати, и, в конечном итоге, даже семь классов простых свободных общинников. Оллам *(ollam),* занимавший наивысшее положение в образованном сословии, приравнивался по своему правовому статусу к королю или епископу. Оллам унаследовал плащ древнего друида, но сам друид как таковой, профессиональный волшебник, при новом распределении был низведен до несвободного статуса.

Компромисс, достигнутый между Церковью и филидами, отражен в легендах, окутывающих Собор в Друим Кете, состоявшийся в 575 году. Шилидам угрожали изгнанием ирландские короли, посчитавшие их запросы обременительными, их высокомерие нестерпимым, а их владение сатирой опасным. От уничтожения их неожиданно спасло вмешательство величайшего ирландского святого, Колума Килле из Ионы. Хотя сама эта легенда не имеет исторического значения, ныне общее признание получила точка зрения, согласно которой древнейшее произведение ирландской литературы, написанное туманным языком и известное под названием «Чудо Колума Килле» *(Amra Co1uim Cille),* действительно было создано профессиональным поэтом по случаю смерти святого в 597 году. Древняя ирландская литература обязана своим богатством и самобытностью плодотворному сотрудничеству монаха и филида, а англо-саксонская традиция ранним своим расцветом, возможно не в последнюю очередь, обязана благожелательному отношению со стороны ирландских миссионеров.

Традиция утверждает, что законы первоначально находились в ведении филидов, и действительно, самые ранние отрывки, датируемые VII и, возможно, даже VI веками, написаны архаическими стихами. Однако в историческую эпоху правоведы составляли отдельную ветвь «людей искусства» и именовались *brithemain* (мн. ч. от *brithem:* английское «брегон» происходит от новоирландской формы *breitheamhain).* Также к особой категории относился *senchaid,* официальный историк и составитель генеалогий, хотя он мог сочинять свои произведения в стихотворной форме: сегодня *senchai,* «шанахи», является хранителем фольклора, сказочником и певцом. Именно этот замкнутый круг поэтов и ученых по большей части нес ответственность за поддержание культурного единства страны. Только они, вкупе с христианским духовенством, наделенным такими же привилегиями, обладали правовым статусом за пределами своего туата. В величайшем эпическом повествовании, «Похищении быка из Куальнге» *(Tain Bo Cuailnge),* Коналл Кернах охраняет уладские границы в горах Фьюз (южная часть графства Арма), ибо «денно и нощно стоит там в дозоре один из славнейших уладов, дабы самому сразиться за весь Улад, если **[24]** задумает недруг пойти на уладов войною. А случись кому из мудрецов и филидов оставить наш край без достойной награды, дело его поднести им сокровищ и разных подарков во славу всей нашей страны. Тем же из них, кто

идет ко двору Конхобара, будет в пути он защитой до самого ложа владыки, где прежде всех прочих по праву должны быть пропеты их песни и сказы»[3].

Можно сказать, что в некотором смысле филиды обладали большей властью, чем короли. Они создавали общественное мнение, которое является высшим судьей и определяет приемлемость тех или иных форм государственного устройства и политики. Впрочем, выражаемое ими мнение едва ли можно назвать народным: в аристократическом обществе сословие филидов было чрезвычайно высокопоставленным и в высшей степени консервативным. В XVI веке они стали выразителями старого гэльского порядка, отказавшегося приспосабливаться к новым сложным условиям и сполна расплатившегося за это. В то время многие князья и вожди, которых поэты упрямо продолжали считать независимыми королями, каждый из которых был достоин занять королевский престол Тары и всей Ирландии, достаточно охотно приняли тюдоровские условия, в соответствии с которыми они должны были передать свои земли королю Англии и получить их обратно в виде лена. Поэтому «люди искусства» подвергались поношениям со стороны елизаветинских памфлетистов и преследовались властями. Окончательное низвержение филидов произошло в конце XVII века, когда, утратив своих покровителей, они были вынуждены оставить искусственный стиль выражения и величавые силлабические размеры и писать или петь на языке крестьян, которых они презирали, но с которыми отныне была неразрывно связана их судьба.

Вряд ли можно сомневаться в том, что влияние, которым они располагали на протяжении более тысячи лет, уходит корнями в древние представления о могуществе слов. Вера в магическую силу, присущую распевному формульному речению истинного поэта, выражается в индийских Ведах, в семантическом поле значений латинских слов *carmen* и *canere* и, по-видимому, стоит за изысканным, но странным выражением Алкиноя, признающего истинность чудесного повествования о приключениях Одиссея; он говорит, что земля порождает множество лжецов и обманщиков: **[25]**

> Царь Одиссей, мы, внимая тебе, не имеем обидной
> Мысли, чтоб был ты хвастливый обманщик, подобный
> Многим бродягам, которые землю обходят, повсюду
> Ложь рассевая в нелепых рассказах о виденном ими.
> Ты не таков; ты возвышен умом и пленителен речью.
> Повесть прекрасна твоя...
> *(Одиссея, XI. 363 и слл., пер. В. А. Жуковского)*

«Прекрасная повесть» филида по самой сути была истиной. Так, судя по всему, гласила догма, продержавшаяся в подсознании ирландцев-христиан вплоть до наших времен и искупавшая льстивое многословие бар-довских панегириков. С другой стороны, именно эта ужасная сила пропитывала ядом поэтическую сатиру *(aer).* Сатира могла вызывать волдыри на лице, а сравнительная антропология не дает нам оснований усомниться в том, что в дохристианскую эпоху она могла в буквальном смысле слова убить человека. Человек, против которого была направлена справедливая сатира, лишался своей цены чести, а тем самым и права голоса. Исключения не составляли и короли. Удивительный пример могущества, приписываемого этому оружию, можно наблюдать в договоре, заключенном О'Доннеллом из Тирконелла и О'Коннором из Слайго в 1539 году. В качестве гарантов выступали архиепископ Туамский и другие духовные лица, которые обещали отлучить О'Коннора в случае нарушения им договора, а также три представителя поэтических династий Уордов и О'Клери — Конхобар Руад Мак ан Ворд *(Conchobar Ruadh Mac an Bhaird),* О'Клери *(O Clerigh)* и Фергал мак Домналл Руад Мак ан Ворд

---

[3] Цит. по изданию: Похищение быка из Куальнге. Пер. Т. А. Михайловой, С. В. Шкунаева, М, 1985. С. 162. Далее — [Похищение].

(Fearghal mac Domhnaill Ruaidh Mac an Bhaird), — которые обязались написать против него сатиры по воле О'Доннелла.

Филид играл важную роль в королевской инаугурации. Инаугурационная ода, написанная Торной О'Мал Конайре *(Torna O Maol Chonaire*) (ум. в 1468 г.) для Фелима О'Конхобара *(Feilim O Conchobhair),* сопровождается описанием церемонии, проводившейся в древнем священном месте, на доисторическом кургане Карн Фрайх (холм Карнфри в графстве Роскоммон). Хотя при обряде присутствовали епископы, аббаты и все гэльские вассальные короли Коннахта, в оде говорится, что «О'Мал Конайре было доверено вручить прут королевской власти ему [Фелиму] при его возведении на престол, и никто из коннахтской знати не был в праве быть с ним на холме, кроме О'Мала Конайре, который возводит его в королевский сан, и О'Коннахтайна, который охраняет вход на холм». **[26]**

Характерной особенностью неумеренной похвалы, присущей бардов-ской поэзии, является то, что поэт после тщательного рассмотрения генеалогии покровителя не только наделяет его воинской доблестью, мудростью, щедростью и героическими деяниями, но часто также в выспреннем, хотя и общепринятом стиле описывает его телесную красоту. Один поэт эпохи позднего Средневековья с пуританским складом ума критикует своих коллег за очевидную и явную ложь, к которой они прибегали в таких ситуациях:

Cuirthi urla cruthach caomh
ar eadan mhaol, mor an oil;
cumthaoi d'fhior chriothshuileach cham
go mbi a rosg mall mar an gloin...
Don duine chartbhuidhe chron
cumaidh sibhse, gidh glor truagh:
'Cneas mar eala no mar aol
ata 'gan gheis is caomh snuadh'..

Прекрасными вьющимися локонами
вы прикрываете лысый лоб,
превращаете кривого с дрожащими веками
в ясноглазого и зоркого,
человеку с совершенно желтой
поблекшей кожей даете вы
„кожу прекрасного лебедя
у нашего вождя прекрасного цвета".

Очевидно, к этому времени подобная условность изжила себя, а ее истинная цель была забыта. На самом деле все перечисленные качества восходят к описанию жениха. Инаугурационная ода первоначально представляла собой свадебную песню, прославляющую бракосочетание короля и страны, ιερος γαμος между королем и богиней. Это вовсе не искусственные построения современных ученых, так как в *Анналах Коннахта* инаугурация другого Фелима О'Конхобара в 1310 году описывается следующим образом:

«И было его возведение на престол столь же царственным, и великолепным и многолюдным, как любого из его рода со времен Бриона, сына Эоху Мугмедона, и до этого дня. И когда женился Федлимид, сын Аэда, сына Эогана, на пятине Коннахт, ожидал его приемный отец[4] той ночью так, как должно по воспоминаниям стариков и записям старых книг, и это была самая превосходная королевская свадьба, которая когда-либо проводилась в Коннахте до того дня».

[4] Мак Диармада, который на самом деле многое сделал для избрания Фелима. Согласно *Анналам Коннахта* (1461 г.), этот вассальный король должен был надевать башмак на ногу новоизбранного О'Коннора.

Здесь для обозначения свадьбы используются слова *feis* и *banais*. Последняя лексема (стандартное обозначение свадьбы) является сложным **[27]** образованием, состоящим из первого слова (*feis*) и приставки *ban-*. Слово *feis* обычно переводится как «пир», но в этимологическом плане оно является глагольным именем от древнеирландского глагола *fo-aid* «провести ночь, спать с кем-либо». Профессор Джеймс Карни обратил внимание на то, что, вероятно, именно символическое бракосочетание составляло истинное значение знаменитого «Праздника Тары» *(Feis Temro).*

О том, что когда-то «свадьба» проводилась в более грубой форме, чем на благопристойной церемонии XV века на холме Карнфри, по-видимому, свидетельствует известный отчет, приведенный Геральдом Камбрийским в конце XII века и повествующий о нелепом обряде, якобы бытовавшем в Донеголе:

«В северной и отдаленной части Ульстера, а именно в Кенелкунилле (Тирконнелле) живет некий народ, который имеет обыкновение возводить на престол своих королей, справляя совершенно нелепый и отвратительный обряд. Когда весь народ этой страны собирается в одном месте, в середину собрания выводят белую кобылу. Коронуемый не как вождь, но как зверь, не как король, но как преступник, прежде всего обнимает животное, признавая себя также зверем. Затем кобылу сразу же убивают, разрубают на части и варят в воде. После этого из той же воды для этого человека готовят ванну. Он садится в ванну в окружении всего своего народа, и все, он и они, едят мясо кобылы, которое подают им. Он глотает и пьет похлебку, в которой сидит, не из чаши и не из рук, а просто погружая в нее свой рот. Когда этот нечестивый обряд завершается, он наделяется королевской властью и могуществом».

Конечно, Геральд был более чем заинтересован в успехе англо-норманнского вторжения. Его родственники играли важную роль в этом предприятии, официально заявленной целью которого было возвращение ирландцев — варваров и полуязычников — в лоно христианской церкви. Поэтому, очевидно, мы не можем полностью доверять его сообщению. Примечательно, что Геральд не утверждает, будто он видел обряд своими глазами, а помещает описываемые события в отдаленную область, в которую еще не проникли завоеватели. Тем не менее нам не кажется вероятным, что Геральд мог придумать весь этот рассказ, так как мы обнаруживаем жертвоприношение лошади, ассоциируемое с инаугурационными ритуалами, у многих индоевропейских народов. Очевидные параллели можно найти в древнеиндийской ашвамедхе и в обряде поедания конины королем и народом в Норвегии, которому вынужден был подчиниться даже **[28]** христианин Хакон Добрый. С другой стороны, Адомнан, сам являвшийся членом правящего дома Тир Конайлла, с особым отвращением относился к поеданию мяса кобылы еще за пять столетий до Геральда. Во всяком случае, в эпоху позднего Средневековья О'Доннелл *(O Domhnaill)* был возведен на престол в церкви Килмакренана вассальным королем О'Галлхобаром *(O Gallchobair)* и эренагом О'Фрилом *(O Frighil),* наследственным преемником аббатов древнего колумбановского монастыря. А в XVI веке Сидни говорил о Конне О'Доннелле (ум. в 1583 г.): «Этот Хон намеревался стать главой страны, но епископы и другие лендлорды все-таки выбрали О'Доннеллом сэра Гуго». К тому времени, конечно же, Церковь уже давно придала инаугурационной церемонии христианскую форму, а Кенел Конайлл гордились своим родством с такими святыми, как Колум Килле и Адомнан.

Целительная ванна из мясной похлебки для раненого героя является обычным мотивом в сагах, однако внимание привлекает то обстоятельство, что первый пример мы находим в саге «Похищение стад Фроэха» *(Tain Bo Froech),* основу которой составляет этиологическая легенда, объясняющая происхождение названия Карн Фрайх, того самого кургана, на котором возводились на престол О'Конноры, находившегося на расстоянии трех миль от Круахана, древней столицы Коннахта. Согласно легенде, Фроэх, смертный сын женщины из Иного мира, сестры Боанн (эпонимической богини реки Войн), посватался к Финдабайр, дочери Айлиля и Медб, короля и королевы Коннахта. Они

вероломно завлекли Фроэха в озеро, в котором на него напало водяное чудовище. Далее в легенде говорится:

«— Нехорошо поступили мы, — сказала Медб.

— Жаль, что мы так обошлись с ним, — ответил Айлиль. — ...Теперь же готовьте вы Фроэху все для купания: суп из свинины да мясо теленка, отбитое топором и теслом, а потом отведите его в купальню.

Так все и было сделано.

Тем временем впереди Фроэха выступили к крепости трубачи, и от звуков их рогов тридцать любимейших друзей Айлиля погибли от упоения. Фроэх вошел в крепость и направился к купальне, где уже собрались женщины, чтобы растереть его и вымыть ему голову. Потом вышел Фроэх из купальни, и ему приготовили ложе. Вдруг услышали все плач и стенания, разносившиеся над Круаханом, и увидели трижды пятьдесят женщин в пурпурных одеяниях с серебряными браслетами на запястьях и зелеными уборами на головах. Послали к тем женщинам людей, чтобы узнать, кого они оплакивают. **[29]**

— Фроэха, сына Идата, — отвечали женщины, — юного любимца королей сидов Ирландии.

Между тем и сам Фроэх услышал тот плач.

— Уведите меня отсюда, — сказал он своим людям, — ибо это плач моей матери и женщин Боанн.

Тогда подняли его и отнесли к женщинам, а те окружили Фроэха и увели в Сид Круахан. На другой же день к вечеру предстало пред людьми Круахана чудесное зрелище — вышел из сида Фроэх, а с ним пятьдесят женщин. Был Фроэх здоров, как и прежде, без следа недуга иль порчи. Равны красотою, летами, обличьем, равно прекрасные, стройные, ловкие были те женщины в одеяниях жителей сидов, так что не отличить бы никому одну от другой. Столпились вокруг них люди, а женщины распрощались с Фроэхом против ворот крепости, и от их стенаний немало людей там упали в беспамятстве. С той поры и знают ирландские музыканты „Плач женщин из сидов".

Тогда вошел Фроэх в крепость. Встали все воины при виде него и приветствовали так, будто явился он с того света. Встали и Айлиль с Медб и повинились во всех неправых делах, да во всем зле, что причинили они Фроэху. Так помирились они». [Похищение. С. *93—95.]*

На самом деле Фроэх был искусственно воскрешен повествователем, чтобы связать первоначальную легенду с основным сюжетом «Похищения быка из Куальнге»: Фроэх присоединяется к походу Медб на Ульстер, гибнет от руки Кухулина, и женщины сидов еще раз уносят его в сид, который носит его имя. Профессор Джеймс Карни недавно привлек внимание к огамической надписи из самого Круахана, которая гласит: VRAICCI MAQI MEDVVI «[камень] Фроэха, сына Медба», причем в данном случае Медб является мужским именем.

Таким образом в VIII веке, по всей видимости, существовала туманная традиция, связывавшая купание в мясной похлебке с местом королевской инаугурации. Кажется разумным предположение, что в XII веке Геральд узнал в упрощенной форме от ирландцев или норвежцев с юго-востока рассказ об устарелом языческом обряде, который, по уверениям клеветников, все еще бытовал у отдаленного племени в северо-западной части страны: мы не находим однозначных утверждений, что под выражением «некое племя» *(gens quaedam)* скрывается Кенел Конайлл. Однако у нас есть все основания полагать, что даже в эту позднюю эпоху символическое купание могло составлять часть церемонии, подобно той, что сопровождала посвящение в рыцари. **[30]**

Мы еще неоднократно будем возвращаться к тесной связи между кельтскими королевскими резиденциями и неолитическими погребальными курганами, которая свидетельствует о необычайной устойчивости местной ирландской традиции. Такие мегалитические сооружения, а также многие естественные холмы считались сидами или потусторонними обиталищами (слово *sid* родственно латинскому *sedes),* ирландская же

банши на самом деле является женщиной из сидов *(ben side*), богиней-прародительницей, оплакивающей своих благородных, но смертных потомков.

Центральная роль филида на инаугурационной церемонии любопытным образом оттеняется прерогативами, которыми до относительно недавнего времени пользовались ирландские поэты на свадьбах. В XVI веке бард требовал себе приданое невесты или равную ему стоимость, а на Гебридах в XVII веке он забирал плед и шляпу жениха в качестве оплаты за свадебную песню. В валлийских правоведческих трактатах говорится о плате в 24 пенса, которую должна выплачивать главному поэту страны каждая дева, выходя замуж, и эта сумма представляется заменой первоначального дара. В ведической Индии магические и ритуальные первоис-токи этого обычая проявляются более отчетливо: здесь брахман, произносивший гимн богу Сурье на свадьбе, получал на следующее утро сорочку невесты.

Согласно трактату О'Коннора, упоминавшийся выше О'Мал Конайре получил после инаугурации одежду и оружие Конхобара, и этот рассказ находит параллель в повествовании Мартина, написанном в XVII веке и посвященном «церемонии провозглашения Господина Островов»:

«На ней иногда присутствовали епископ Аргайла, епископ Островов и семеро священников; однако всегда присутствовал какой-нибудь епископ с вождями всех главных родов и *Господин Островов.* Там был квадратный камень, семи или восьми футов в длину, на котором он стоял, и это означало, что он будет идти по стопам своих предшественников и следовать их честности и что он по праву введен в свои владения. Он был одет в белое одеяние, чтобы показать свою невинность и чистоту сердца... После этого белые одежды по праву принадлежали поэту. Затем ему должны были вручить белый прут, означающий, что он наделен властью не для того, чтобы править тиранически и несправедливо, но с благоразумием и искренностью...».

В связи с инаугурацией часто используется выражение *c1o §a\гm г(§* «провозглашение короля»; громкое выкликание его имени и титула составляло существенную часть церемонии. Может показаться, что таким **[31]** образом король мог быть провозглашен по всем правилам и без изощренных обрядов, связанных с местом инаугурации, и тем самым истинным «делателем королей» становился поэт, повелевающий могуществом Слова.

В эпоху позднего Средневековья поэт иногда лишался своей высшей церемониальной роли, но без его присутствия никогда не могли обойтись целиком и полностью. Часто самый влиятельный из королей-вассалов или представитель древней династии, которая, хотя и понизилась в статусе, все еще владела местом проведения церемонии, выдвигал свои притязания на право проведения инаугурации. Так, в XVI веке главными лицами при законном возведении на престол О'Нейллов были и О'Кейны *(О Cathain),* и О'Хэганы *(О Hagain)* из Тулах Ок. В трактате, посвященном Уи Фиахрах, говорится, что при инаугурации О'Дауда *(О Dubhda* из Тирераха) его оружие, одеяние и конь передавались О'Коману *(О Caomhain),* представителю побежденной династии, который в свою очередь отдавал свое снаряжение филиду из рода Мак Фирбисов.

В некоторых областях духовные лица, сами являвшиеся членами родов, обладавших наследственной духовной властью и схожих с бардовски-ми септами, брали в свои руки функции и прерогативы поэтов. Наиболее разработанный рассказ о подобных притязаниях мы находим в позднем ирландском «Житии св. Мэдока Фернсского». Св. Мэдок был покровителем одновременно южнолейнстерских Уи Хеннселайг *(Ui Cheinnselaig)* и Уа Руайрк *(Ua Ruairc)* из Брефне. Житие было написано в интересах Церквей Друмлейна и Россинвера в графстве Лейтрим:

«Конь и одежды короля Брефне в день, когда он становится королем, или же десять лошадей или двадцать коров. Вокруг короля обнести Брекк Мэдок[5], чтобы обязать его тем самым праведно судить между человеком и человеком, будь он слаб или могуч. Более того, его следует нести перед людьми Брефне в каждом сражении и каждом состязании, и оно должно обойти вокруг них по правую руку, и они вернутся невредимыми. Покрывало из шелка или золотой нобль для Брекк, чтобы защитить его, если нужно, должно быть дано сыновьями королей и вождей *(o maccaibh riogh 7 taoisech*). Самому королю на следующий день после того, как он сделался королем, идти в Друмлейн или Россинвер с подношением, и ему не нужно бояться болезни или недуга до последней немочи... **[32]**

Таков обычай возведения короля Брефне: двенадцать наследников Мэдока идут вокруг него шествием, то есть О'Фаррелли, О'Фергус, О'Шеллоу, О'Коннахти, Магоран, О'Даффи, О'Дигенан, О'Кессиди; наследники Каллина, пресвитера Фроэха и епископа Финнхада[6]; и все они должны ходить вокруг него. Это собрание должно совместно воздать почести О'Даффи и его преемникам после него, ибо он воспитатель Мэдока, и позволить О'Даффи передать прут королю Брефне в честь Мэдока. И этот прут (*slat*) следует срубить с орешника Мэдока в Сескенн Уайрбойл в Лейнстере, каковое место является пустыней Мэдока *(Disert Maedoc).* Король должен отдать своего коня и одежды дому *(muinntir)* Мэдока или же возмещение, которое мы только что назвали. Треть этого снаряжения отходит О'Даффи в честь того, что он взрастил и воспитал Мэдока, или его преемнику, а другие две трети — тому собранию, о котором мы говорили. И тот не король и не вождь, кто не был посвящен таким образом...

Таков перечень того, что причитается Мэдоку от Лейнстера: одежда короля Лейнстера в тот день, когда он становится королем, за исключением его шелковой рубахи и одного копья, и один из его башмаков, полный серебра; и преемнику Аэда, сына Сетны[7], трижды обойти вкруг него. И если он или его преемник вложат прут в руку короля, он превзойдет всех силой и смелостью...»[8].

В нашем переводе мы избегали слова «коронация», которое употребляет Пламмер. Аатинское слово *cogona* было заимствовано в ирландский язык в форме *corann* и сузило свое значение до «монашеской тонзуры»; слово *coroin* «(королевская) корона» представляет собой заимствование эпохи позднего Средневековья. Иногда сообщается, будто ирландские короли выделялись тем, что носили «диадему» (*mind*) или «шлем» *(cathbarr),* но ни один из этих головных уборов, по всей видимости, не являлся королевской прерогативой. Слово *mind* обладает расплывчатым значением и может означать «сокровище; реликвия»; оно часто относится к изысканно украшенным ракам и ковчегам, а так как на них часто приносились клятвы, то в новоирландском языке *mionn* обычно означает «клятва». В целом понятия «короны» и «трона» были чужды архаической **[33]** ирландской королевской власти. Достоинство королей заключалось в исполнении определенных гейсов и использовании определенных прерогатив. Королевское звание формально переходило к ним с вручением прута власти», а упоминание поэтического орешника в «Житии св. Мэдока» выдает истинное происхождение описываемых обрядов.

Вопрос о том, выполняли ли кельтские друиды жреческие функции, остается спорным. Вероятнее всего, нет. Жрецом своего народа, по-видимому, был король. Король племени на самом деле обладал очень незначительным объемом исполнительной власти, выступая лишь в роли военного вождя и председателя народного собрания *(oenach).* Как и

---

[5] *Brecc Maedec* — «пестрая» рака Мэдока, ныне хранящаяся в Национальном музее в Дублине.

[6] Покровители церквей Фенага, Клуна и Килларги в графстве Лейтрим.

[7] То есть св. Мэдока, имя которого представляет собой уменьшительно-ласкательную форму, означающую «мой маленький Аэд».

[8] Основано на переводе Пламмера.

подобает сакральному королю, ирландский *ri* на каждом шагу сталкивался с проявлениями божественной природы в виде многочисленных табу или гейсов. В начале XI века, когда предпринимались сознательные попытки возродить древние обычаи, почти забытые в эпоху войн с викингами, поэт Куан уа Лотхайн *(Cuan ua Lothchain)* сочинил поэму, повествующую о запретах и правах *(gessa ocus buada),* свойственных королям пяти доисторических пятин Ирландии. Фрэзер в «Золотой ветви» привлек внимание антропологов к этим проявлениям священной природы королевской власти много лет назад. Король Тары не должен был: встречать восход солнца в Таре, прерывать поезку на Маг Брег в среду, ехать по Маг Кулинн после заката, направлять своих коней в Фан Коммайр, уезжать на север от Тетбы во вторник, иметь разведчика в Бетре в понедельник после Бельтайна (1 мая) или след своей армии в Ат Майгне во вторник после Самайна (1 ноября). Его правами были: рыба Войн, олень Луйбнеха, лес Маны, черника Бри Аейт, салат Броснаха, вода из колодца Тлахтги, зайцы Нааса. «Все это обычно приносилось королю Тары первого августа. И год, в который он съедал их, не отнимался от срока его жизни, и он был победоносен в сражении на любой стороне».

В саге «Разрушение дома Да Дерга» *(Togail Bruidne Da Derga),* самой мрачной и загадочной ирландской саге, рассказывается о том, как Конайре, легендарный прототип справедливого и добродетельного короля Тары, невольно нарушил один за другим все свои гейсы, в то время как судьба неумолимо влекла его к дому Да Дерга. Конайре был предком многих племен эринов, которые в исторические времена были низведены до подчиненного положения. Сходную роль образцового короля средневековые историки приписывали Кормаку, сыну Арта, легендарному предку великих династий Уи Нейллов и коннахтов. Как и следовало ожидать, его жизненный путь был удачнее, чем у Конайре, хотя он также встретил свою **[34]** смерть, погибнув от колдовских чар в доме Клетех на реке Войн (якобы он был убит друидами за то, что перешел в христианство).

«Хорошо было в Ирландии во времена этого короля. Нельзя было выпить воды из ее рек из-за обилия рыбы; нельзя было ходить по ее лесам из-за обилия плодов; нелегко было ездить по равнинам из-за обилия меда, и все это было даровано ему с небес благодаря *правде* его правления».

Правда правителя (*fir flathemon* или *firinne flatho*) является постоянно повторяющейся темой, связанной со столь же архаическими представлениями о силе Слова, о которых мы уже говорили. Эти идеи находят впечатляющее выражение в одном архаическом трактате, датируемом VII веком. В нем содержатся наставления правителю, вложенные в уста легендарного правоведа Моранна. Возможно, это первый образец жанра «королевского зерцала» *(Furstenspiegel)* в средневековой литературе. Древнейшая редакция «Завещания Моранна» *(Audacht Moraind)* по всем признакам принадлежит языческой эпохе, но уже вскоре после ее завершения ту же самую тему берут на вооружение христианские моралисты.

Моранн посылает вестника к Ферадаху Финд Фехтнаху, королю Тары:

«Возгласи ему это слово пред всеми. Донеси слово до него пред всеми. Скажи слово ему пред всеми. Открой ему слово пред всеми.

Да возвеличит он правду, она возвеличит его.

Да укрепит он правду, она укрепит его.

Да сохранит он правду, она сохранит его.

Да возвысит он правду, она возвысит его.

Ибо, пока он хранит правду, не отойдет от него добро и его правление не будет знать неудачи.

Ибо правдой правителя управляются великие королевства.

Правдой правителя великий мор отвращается от людей.

Правдой правителя отражаются великие армии обратно в вражескую страну.

Правдой правителя торжествует каждое право, и каждый сосуд наполняется в его правление...

Правдой правителя должная погода приходит в подобающее ей время, зима — прекрасная и морозная, весна — сухая и ветреная, лето — теплое с потоками дождя, осень — с обильной росой и плодородная. Ибо ложь правителя приносит неподобающую погоду дурным людям и иссушает плоды земли». **[35]**

В статье «Архаизм ирландской традиции», из которой взят приведенный выше перевод, Майлз Диллон показывает, что эти представления находят множество параллелей и в санскритской литературе. В Бехистунской надписи, творении родственной индийским ариям персидской цивилизации, Дарий торжественно возвещает о своей победе над узурпатором. Надпись составлена в ключе, весьма напоминающем ирландские представления о неправедном правителе, правящем ложью *(go flatho):*

«Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился и было великое зло в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других провинциях. (...)

Эти провинции, которые стали мятежными, — ложь сделала их мятежными, потому что они (самозванцы) обманывали народ — Ахурамазда их предал в мои руки. Как мне было угодно, так я с ними поступил. (...)

Говорит Дарий-царь: „О ты, который будешь со временем царем, крепко оберегай себя от лжи. Человека, который будет лжецом, строго наказывай, если хочешь, чтобы страна твоя была невредимой"»[9].

В «Завещании Моранна» есть фрагмент, рассказывающий о различных типах королей, определяемых не их положением в иерархии, а их характером:

«Есть лишь четыре правителя в мире.

Правитель, захватывающий власть с помощью иноземных войск извне *(flaith congbale co slogaib anechtair);* обычно власть его слаба и мимолетна. Когда войска покидают его, его достоинство и вызываемый им страх умаляются.

Разумный правитель *(ciallfhlaith):* он приобретает власть над своими землями без побед и разрушений, он никого не притесняет и никто не притесняет его. Он проживает свое время днями и ночами, ибо днями и ночами движется весь мир.

Но истинный правитель (*firfhlaith*): он и правда возвышают друг друга, усиливают друг друга, устремляются друг к другу, подпирают друг друга.

Бычий правитель *(tarbfhlaith)* не любим [народом]. Он бьет и получает удары, притесняет и терпит притеснения, нападает и терпит нападения. Против него всегда гудят рога. Тяжело и трудно начало его правления, ненавистна и неблагородна его середина, неустойчиво и скоротечно его окончание. Преступления его останутся на его сыновьях, лица людей **[36]** отвернутся, сердца людей закроются. „Нет привета, — скажут все, — сыновьям этого правителя: не добрым было для нас правление вашего отца"».

Уже в VII веке в ирландское религиозное сочинение «О двенадцати проклятиях мира» *(De duodecim abusivis saeculi)* была включена глава о «неправедном царе» *(rex iniquus),* которая с одобрением цитируется (и приписывается св. Патрику) в собрании канонов, составленном в следующем столетии. В это же собрание вошло и письмо Карлу Великому, написанное примерно в 775 году неким Катвульфом (вероятно, англосаксом). На протяжении IX века эта глава ходила под именами Августина, Киприана и Исидора и цитировалась на различных франкских Синодах и церковных Соборах. По мнению Кении, она внесла существенный вклад в развитие европейской политической мысли.

Церковный писатель придал изложенным в сочинении представлениям новый оборот, запретив праведному королю оказывать покровительство друидам и сатирикам, в число которых он, вероятно, включал всех «людей искусства»:

«Правосудие Короля состоит в том, чтобы не притеснять никого незаконно своим могуществом... в том, чтобы не поддерживать развратных людей и фигляров *(impudicos et histriones)...* в том, чтобы окружать себя советниками из старших, мудрых и

---

[9] Цит. по изданию: Хрестоматия по истории Древнего Востока, под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. Пер. В. И. Абаева. М., 1963. С. 359-363. — *Примеч. ред.*

здравомыслящих людей, в том, чтобы не взирать на суеверия друидов, прорицателей и пророчиц *(magorum, ariolum pythonissarumque).*

Для тех, кто хорошо поразмыслит, ясно, сколь полезно для мира Правосудие Короля. Ибо оно — мир для народа, охрана страны, безопасность простолюдинов, защита племени, исцеление недугов, радость людей, мягкость погоды, спокойствие моря, плодородие земли, утешение бедных, наследие детей, а для самого короля надежда на грядущее блаженство.

Впрочем, пусть король знает, что точно так же как на троне он поставлен первым среди людей, так ему достанется и первенство в мучениях, если он не будет вершить Правосудие».

Более сложный и утонченный характер носит труд «О христианских правителях» *(De rectoribus christianis),* написанный во второй половине IX века Седулием Скоттом, ирландским поэтом и ученым, одним из светил каролингского возрождения. По-видимому, сочинение было адресовано то ли Людовику II, то ли Лотарю II, а по форме оно построено по образцу чередующихся стихотворных и прозаических глав труда Боэция «Об утешении философией» *(De consolatione philosophiae).* Это произведение **[37]** в гораздо большей степени проникнуто христианским духом, однако, возможно, вовсе не случайно, что столь влиятельный труд, вдохновивший множество подражателей в Средние века — включая Геральда Камбрийского, написавшего «Наставление правителям» *(Instructio principis*), — вышел из-под пера ирландца. Гномические «Наставления» подобного рода (*tecosca*) сохраняли свою популярность в местной ирландской традиции и, похоже, сочинялись в правоведческих школах. Самым известным произведением подобного жанра являются «Наставления короля Кормака», адресованные Кормаком, сыном Арта, своему сыну Кайрпре Лифехарю. Отрывки из них были опубликованы Куно Майером в книге «Древняя ирландская поэзия» *(Ancient Irish poetry*), однако фрагменты, лучше всего соответствующие текстам, которые мы цитировали выше, следует искать в его первоначальной редакции.

Хотя крупнейшие королевские центры, такие как Тара, Круахан и Эмайн Маха, славились по всей Ирландии, у каждого маленького туата было свое святилище, в котором происходила инаугурация короля. Короли Дал Кайс возводились на престол в Маг Адайр в южной части графства Клэр, а короли Дал Фиатах из Ульстера — в Краэб Тулхе на севере графства Даун. Начиная с XI и до конца XVI века короли Кенел Эогайн *(Cenё1 nEogain)* провозглашались в Тулах Оке (Туллахог) под Дунганноном, а после поражения последнего и величайшего О'Нейлла при Кинселе Маунтджой разрушил неброский трон из каменных плит, который стоял на склоне холма за пределами укрепления[10].

В состав важных инаугурационных принадлежностей входила каменная плита (*lecc*): Камень Скона является лишь самым знаменитым из множества подобных камней. Это вовсе не Лиа Шаль из Тары, как часто утверждают, который до сих пор находится на своем месте и имеет совершенно другое назначение. Страбон рассказывает, что центр галат-ской тетрархии в Анатолии назывался Друнеметон, «дубовая роща», и кельты обычно употребляли слово *nemeton* по отношению к таким рощам; оно родственно ирландскому *nemed,* «священный», и латинскому пеших. С определенностью можно говорить о том, что в общем случае на месте инаугурации находились также священное дерево (*bile*) или группа **[38]** деревьев. Часто они стояли на вершине холма, который обычно представлял собой захоронение неолита или бронзового века. Если вражеские войска сжигали или срубали священные деревья, они наносили смертельное оскорбление противнику.

---

[10] Имеется в виду событие, произошедшее 24 декабря 1601 года, когда ирландские войска О'Нейлла, пришедшие на помощь осажденным в Кинселе испанцам, были разбиты английской армией под командованием лорда Маунтджоя и графа Томонда. — *Примеч. ред.*

Чрезвычайно сильное чувство местного патриотизма, символизируемое этими эмблемами, является лейтмотивом ранней ирландской истории. Пока гэлы сохраняли свою независимость, партикуляризм (или, если угодно, трибализм) никогда не удавалось искоренить. Впрочем, он не всегда приносил один лишь вред. Он выдержал испытание викингскими нашествиями, в то время как преждевременно наступившее единство огромной каролингской империи растворилось в партикуляризме феодальной системы. Несколько столетий спустя его невыгодным сторонам суждено будет проявиться с большей отчетливостью. **[39]**

ГЛАВА II

КОРОЛЬ И НАРОД

Профессор Д. А. Бинчи считал раннеирландское общество «племенным, сельским, иерархическим и семейным». Это определение, несмотря на то что его первый член кажется сомнительным, стало классическим. Общество было «семейным» в том отношении, что каждый свободный человек входил в «фине», группу родичей по мужской линии, которая была наделена правом собственности и от принадлежности к которой зависело его юридическое положение. Оно было «иерархическим», так как права, привилегии и обязанности индивида напрямую зависели от его социального статуса.

На деле каждый свободный человек был либо господином (flaith), либо клиентом господина (cele), и таким образом вовлекался в сеть взаимных обязательств, выходивших за пределы его фине. Человек, лишенный подобных уз родства и клиентства, был преступником или, в лучшем случае, изгоем *(deorad).* Поддержка, оказываемая человеку его родом и его господином, а также обязательства, которые она влекла за собой, обеспечивали разумное функционирование законов в небольшой сельской общине туата. Землей владели не только благородные, но и просто свободные люди; клиент получал в долг от своего господина скот. Очевидно, скот обладал большей ценностью, чем земля. Человек, входивший в категорию cele giallnai (позднее называвшуюся doer-chele, или «несвободный клиент»), платил арендную плату продовольствием и выполнял определенную службу. Он также должен был оказывать господину и его свите бесплатное гостеприимство в определенное время. Люди, относившиеся к классу soer-chele («свободный» или «благородный» клиент), выплачивали за скот более высокий процент и оказывали господину политическую поддержку, становясь членами его свиты *(dam);* ибо слово *cele*, как и феодальный латинский термин *comes,* означает «спутник, товарищ». **[40]**

Этот институт напоминает положение германских «комитов», однако в Ирландии — по крайней мере, в трактатах, описывающих общество VII и VIII веков — не выделяется военный отряд как таковой; вырисовывается картина, скорее, простого сельского хозяйства, в условиях которого даже знатные люди лишь при случае становились воинами. Более того, в ирландской литературе мы наблюдаем меньший интерес к теме верности господину или состояния человека без господина, чем в англосаксонской. В германском обществе узы между господином и слугой, по-видимому, отодвинули на задний план родственную связь. В древнеанглийском сочинении «Сон о кресте» Христос изображается в виде юного воина, всходящего на крест, чтобы отдать свою жизнь в бою. Древнеирландская поэма о Страстях Господних, написанная Блатмаком, сыном Ку Бреттана (его отец, кстати говоря, был королем Фир Росс с границы между современными графствами Монаган и Лаут и умер в 740 году), описывает Христа такими словами:

Ferr faith, fisidiu cech drui,
ri ba hepscop, ba lansui.

Он лучше пророка, сведущей любого друида,
король, что был епископом и совершенным мудрецом.

«Форма его совершенней формы любого человека, сильней его отважная сила, чем сила любого мастера; мудрей, чем любая грудь под небесами, справедливей любого судьи».

Блатмак описывает распятие в терминах убийства родича *(fingal):*

«...Иудеи позавидовали ему: награда, которую давали ему, была неуместна в кровном родстве...

Твой народ схватил твоего сына, Мария, они бичевали его...

Страшное дело совершили над ним: что сами его родичи по матери распяли человека, пришедшего спасти их».

Правда, однажды апостолы изображаются в виде воинского отряда, но эта метафора тут же принимает монашеский оттенок: «Он призвал к себе отважный отряд людей, знаменитых своей воинской удалью: двенадцать апостолов, для которых он был аббатом, семьдесят два ученика». Блатмак восхваляет гостеприимство Господа, используя юридическую терминологию; эту добродетель ирландские сочинители ценили очень высоко: «Он ходил для всеобщего блага; Он был приветлив, добр в обхождении; перед лицом несчастья Он никому не отказывал (*etech n-aire*) и никого не прогонял (*essain*) от себя».

История ирландской и англосаксонской королевской власти дает материал для поучительного сравнительного анализа, так как эти общества **[41]** кажутся столь схожими на первый взгляд. Однако, несмотря на четкое разграничение англичан на англов, ютов и саксов, проведенное Бедой, представляется очевидным, что их так называемая гептархия не основывалась на племенном распределении. Англосаксонский король был вождем удачливого военного отряда и отказывался от своих корней, похваляясь происхождением от Бодана, бога чужаков, поэтов и воинов. Обычно предком короля племени в родных землях германцев считался бог плодородия Шрей. Но так как английские военные отряды процветали, а завоеванные у бриттов земли все расширялись, то в этом бывшем племенном обществе все более отчетливую форму принимали особые тенденции к феодализму. Короли не должны были соперничать с нижестоящими королями и искать их поддержки на местах. Принятие христианства дало в их руки еще больше могущества и ускорило процесс детрибализации. В VII веке Ине, король Уэссекса, обнародовал свой свод законов, как до него это сделал Этельберт Кентский, принявший миссию Августина. Свод носил германский и племенной характер, но подвергался постоянным изменениям под королевским и церковным влиянием. Король сумел навязать христианство своим подданным, а позднее (как на Соборе в Уитби) навязать свою волю Церкви, организовать диоцезы и оказывать влияние на выборы епископов. К концу VIII века король проходил обряд помазания, а цареубийство было осуждено Церковью как святотатство. Однако когда в 867 году в Йорке появились новые варварские военные вожди, чрезвычайно разросшаяся Нортумбрия была поставлена на колени после одного-единственного сражения. Смерть короля повлекла за собой крушение королевства. Гений Альфреда Великого спас Уэссекс, а его способные преемники извлекли все возможные выгоды из того обстоятельства, что Уэссекс оказался единственным сохранившимся англосаксонским королевством. Датские завоевания смели с его пути всех соперников и позволили королям Уэссекса стать королями Англии.

Но ирландские короли и народы, которыми они правили, были неразрывно связаны с родной землей. Их укрепляли все силы могучей и древней традиции. Их власть была чрезвычайно ограниченной: им препятствовали не только божественные установления. Племенные законы и обычаи вовсе не сводились к противоречивым сказаниям, сохранявшимся в памяти стариков. Они ревностно охранялись в друидических школах профессиональным сословием, быстро осознавшим выгоду монастырского образования,

обучившимся грамоте на родном языке и заносившим устную традицию на страницы книг. Король так и не стал источником **[42]** справедливости, хотя он и председательствовал на ежегодном народном собрании.

Это собрание («оэнах» — *oenach)* являлось важным событием в календаре сельского общества и представляло собой одновременно политическое сборище, ярмарку (именно это означает новоирландское слово *aonach) и* повод для общего веселья. В действительности оно очень напоминает скандинавский и исландский тинг. Существенную часть оэна-ха составляли игры и скачки. Вряд ли можно сомневаться в том, что прежде они входили в погребальный обряд и что «ярмарка» проходила на месте древнего кладбища племени. Самой большой известностью пользовался «Оэнах Тайльтиу» *(Oenach Tailten*), или «Телтаунская ярмарка», в графстве Мит, пережитки которой сохранялись до прошлого столетия. Председательство на этом собрании являлось ревностно охраняемой прерогативой короля Тары.

На оэнахе король мог провозглашать определенные специфические чрезвычайные меры и распоряжения; например, после поражения, во времена мора или вражеского нашествия. Однако народ жил по обычному праву, лишь подтверждаемому королем, который «ручался», что его подданные будут соблюдать его. Он мог также «поручиться» за своих людей в том, что они будут соблюдать договор или союз, заключенный им с другим туатом, а также сопровождать его в военных предприятиях в случаях, строго определенных законом. Поручительство *(gell)* и заложники *(giall* или *aitire)* играли важную роль во всех сферах общественной жизни. «Тот не король, у кого нет заложников в цепях», — гласил закон. На самом деле почти что все законные соглашения скреплялись поручительством или гарантией. Правоведы разработали очень интересную систему поручительства, и один из его подтипов, видимо, представляет собой особенность ирландского права. Речь идет о *naidm* (буквально: «связывающий»), третьей стороне высокого ранга, ручающейся за выполнение соглашения не своей личностью в качестве заложника, но своей «ценой чести», материальным выражением социального статуса. Вооруженная свита такого господина взыскивала долги или убытки, по всей форме налагая арест на имущество стороны, не выполнившей своих обязательств, которая также возмещала господину полную стоимость его потерянной «чести». Очевидно, обычный свободный человек извлекал выгоду, становясь клиентом могущественного господина, к тому же это положение не приводило клиента к полной феодальной зависимости. Земля оставалась его собственностью, а соглашение о клиентстве по желанию могло ограничиваться **[43]** определенными временными рамками. Господину же было выгодно иметь много клиентов, так как они увеличивали его «честь», а с нею — его правовой статус и политическое влияние. Если он был членом королевской династии, большое число клиентов могло сильно повысить его шансы на наследование престола.

Такая система отводила королю очень небольшую роль в сфере применения закона, если только дело не затрагивало напрямую его самого или кого-либо из его клиентов. Ограниченная территория туата и сама природа отношений, связывавших его воедино, препятствовали его превращению даже в зародыш государства. Конечно, туат по определению был королевством: «тот не туат, у которого нет короля», гласит другое изречение; однако у короля не было армии, а были только наемные телохранители и свита из благородных клиентов, не было и служащих, за исключением управляющего (*rechtaire*), собиравшего его личные доходы. Основная функция короля состояла в исполнении роли военного вождя и представлении туата во внешних отношениях, которые осуществлялись опять-таки на основании личных связей между королями.

Схематичное описание королевского распорядка дня приводит изгнанник Фергус в разговоре с королевой Медб в приведенном ниже отрывке из «Похищения быка из Куальнге», посвященном детским подвигам Кухулина. В возрасте 17 лет Кухулин пожелал посетить двор короля Ульстера в Эмайн Махе, где воспитывалось 150 юношей из благородных семей:

«Ибо вот как текли дни Конхобара с тех пор, как он стал королем. Лишь только поднявшись, решал он дела королевства и всякие споры, остаток же дня разделял на три части: сперва наблюдал он забавы и игры юнцов, затем принимался играть в брандуб и фидхелл, а уж под вечер, пока всех не охватывал сон, вкушал он напитки и яства под навевающую дремоту музыку. Хоть я и был изгнан оттуда, — молвил Фергус, — но клянусь, что в Ирландии и Шотландии не сыскать подобного Конхобару!» [Похищение. С. 150.]

В этих строках отчетливо проявляется сознательная ирония. Более подробный, но столь же нереальный рассказ о королевском времяпрепровождении содержится в правоведческом трактате VIII века *Crith Gablach:*

«Вот еще недельный распорядок, подобающий королю, то есть: воскресенье — для питья пива, ибо тот не истинный князь, кто не обещает пиво каждое воскресенье; понедельник — для судебных дел, для разрешения споров между туатами; вторник — для фидхелла; среда — для наблюдения **[44]** за псовой охотой; четверг — для супружеского общения; пятница — для верховой езды; суббота — для суждений».

В том же трактате мы находим описание королевской крепости *(dun),* размеры укреплений которой являлись видимым выражением количества построивших ее несвободных клиентов:

«Какова надлежащая крепость для короля, который живет в постоянной резиденции во главе своего туата? Семь раз по двадцать футов — вот полная мера величины его крепости во всех направлениях. Семь футов [ширина] его рва; двенадцать футов — его глубина. Только тогда он король, когда вал несвободного клиентства окружает его. Каков же вал несвободного клиентства? Двенадцать футов — ширина его проема, его основания и его расстояния от крепости. Тридцать футов — его длина с наружной стороны. Клирики творят его домашние молитвы: повозка дров и повозка тростника каждому из них. Если князь принимает посох странника, он не имеет права иметь крепость, сделанную для него, но только свой дом. Тридцать семь футов его дом; двенадцать спальных помещений в королевском доме».

Король мог возлагать на своих подданных некоторые другие «общественные работы», напоминающие англосаксонскую «тройную повинность» *(trimoda necesitatis).* В «Житии св. Бригиты», написанном Когитосом в VII веке, содержится любопытный рассказ о том, как один верховный король разослал приказ «народу и провинциям» *(per plebs et provincias)* проложить дорогу или гать по болотистой местности из бревен, положенных на каменное основание, достаточную для проезда лошадей, повозок и колесниц. Труд был распределен среди родов (*cognationes et familias*), по земле которых должна была пройти дорога.

Возвращаясь к нашему юридическому трактату, мы обнаруживаем, что в нем приводится подробное описание размещения людей в королевском пиршественном зале. Длинное прямоугольное здание обращено фасадом на восток, а король сидит близ дальнего конца на северной стороне.

«Как устроен королевский дом? Королевские наемники на юге. Вопрос: каковы наемники, подходящие королю? Человек, которого он спасает от насильственной смерти; человек, которого он спасает от плена; человек, которого он спасает от рабства, от неволи, от несвободного положения. У него нет человека, которого он спасает с поля битвы, если он не предает его или убивает его из личной обиды или семейной преданности. Сколько наемников подобает королю? Четверо: передний охранник, задний охранник и двое боковых; таковы их названия. Именно им должно находиться на юге **[45]** королевского дома, чтобы сопровождать его при выходе из дома и при входе в дом снаружи. Личное поручительство за несвободных клиентов к западу от них. Какова его цена? Это человек,

владеющий землей ценой в семь кумалов[11]: он ответственен за их имущество перед королем и Церковью и законом фениев. Посланцы к западу от него. Гости за ними. Поэты за ними. Арфисты за ними. Волынщики, трубачи, фокусники к юго-востоку. В другой половине, на севере, воин, герой, охраняющий дверь: его копье перед каждым из них, чтобы предотвратить беспорядок в пиршественном зале. Благородные клиенты короля к западу от них — это их группа в присутствии короля. Заложники за ними. Судья за ними. Жена короля к западу от него, а затем король. Захваченные заложники в цепях на северо-западе».

Отступление язычества, должно быть, означало упадок королевского могущества, так как вне зависимости от сакральности, продолжавшей окутывать образ короля, он лишился жреческих функций. Христианство восторжествовало в Ирландии без деятельной поддержки королей, хотя и не встретило со стороны многих из них и яростного сопротивления. Св. Патрик говорит в своей «Исповеди», что он обеспечил дарами покровительство королей и судей. Хотя он ежедневно ожидал смерти, на самом деле никаких мучеников в Ирландии не было.

Церковь прибавила свои методы воздействия к влиянию поэтов. Легендарное проклятие Тары, наложенное св. Руаданом, отражает власть святых, однако более достоверное свидетельство мы находим в прозаической записи, появившейся в анналах под 811 годом. Святилище (termonn) Таллахта было осквернено верховным королем Аэдом, сыном Ниалла, во время похода на Лейнстер, после чего монашеская община бойкотировала Оэнах Тайльтиу, и в результате «туда не прибыло ни одной лошади, ни одной колесницы». Общим местом в агиографических памятниках становится приписывание взлета или падения той или иной династии благословению или проклятию святого. Церковь достигла общего языка с ученым сословием: статус епископа был признан правоведами равным статусу короля или оллама (хотя на деле еще большее могущество со временем приобрели аббаты крупных монастырских конфедераций). Многие князья и знатные люди с энтузиазмом приняли монашескую жизнь, а монастырские **[46]** общины *(familiae)* стали активными ячейками ирландского христианства, как и подобало стране, в которой мощнейшей социальной силой являлась фине. Ирландское монашество в отличие от египетского, к которому оно восходило в конечном итоге, приветствовало образование и тем самым обеспечило себе уважение общества, всегда высоко ценившего своих ученых.

Коротко говоря, Церковь столь удачно вписалась в ирландское общество, что едва ли испытывала желание внести в него радикальные изменения. Она была не слишком многим обязана светским князьям и не стремилась способствовать повышению их престижа или усилению их власти. Когда в 630 году на Соборах в Маг Лене и Маг Айльбе обсуждался вопрос о времени празднования Пасхи, ни один король не занимал место председателя собрания. То обстоятельство, что Колман в негодовании покинул Нортумбрию после Собора в Уитби, состоявшегося в 664 году, скорее всего, отражает его неудовольствие проведением церковной дискуссии под руководством светского правителя. Св. Вилфреду на самом деле будет суждено вскоре осознать политические последствия своей победы.

Несмотря на это, внутри ирландской Церкви все-таки началось движение за укрепление королевской власти. Вероятно, оно зародилось в недрах римской партии в VII веке, так как ее представители, должно быть, стремились упразднить самые безнравственные, с их точки зрения, положения законов брегонов. Среднеирландский пролог к *Senchas Mor* приписывает самому Патрику неудачную попытку установить

[11] Кумал *(cuma1,* буквально: «рабыня», в гибернийской латыни *ancilla)* был высшей единицей стоимости в доденежной ирландской экономике. Он составлял три молочных коровы, иногда больше. Также использовался в качестве меры земли. Семь кумалов является распространенной метафорой для обозначения более высокой стоимости.

смертную казнь в наказание за человекоубийство вместо выплаты эрика (*eraic*) роду убитого. Более значительный шаг вперед позднее сделала Церковь Армы, утвердившая свое первенство и оказавшая мощную поддержку идее национальной монархии, власти верховного короля Ирландии, который мог бы укрепить ее положение и гарантировать ее привилегии на всей территории страны. Однако могущественные короли пятин и претенденты на верховную власть начали оказывать деятельную помощь зачинателям церковной реформы и способствовали установлению новых территориальных диоцезов не раньше XII века, когда ирландское общество уже проделало большой путь к феодализму.

Первоначально считалось, что ирландские короли ведут свой род от божеств, и отчетливые следы имен кельтских богов можно наблюдать даже в средневековых родословных. Таким образом, королевская власть принадлежала отдельному роду в рамках туата. Этот род, как и остальные фине, представлял собой крупную группу родичей по мужской линии, **[47]** включавшей в себя троюродных и четвероюродных братьев. Право первородства не признавалось ирландскими законами, хотя старшинство по мужской линии являлось обычным критерием для определения главы рода. Тем не менее для наследования королевского престола в расчет принимались и другие качества. Ученый и составитель генеалогий Дубалтах Мак Фирбис, живший в XVII веке, цитируя изречение из ранних правоведчес-ких трактатов, написал: «Пойми также, о читатель, что законно в Ирландии отдавать во власти первенство младшему над старшим, как сообща доказывает это правило из *Senchas Mor* и из *fenechas*, таким образом:

Sinsior la fine, feabhta la flaith, eagna la heaglais.

Старший для рода, достойный для правления, мудрый для Церкви.

То есть поставить старшего в роде во главе этого рода и дать человеку, который владеет большим числом клиентов и большей властью, если он столь же благороден, как и старший, верховную власть и главенство, и поставить мудрейшего человека на высшее положение в церкви».

Ирландская фине очень напоминает индийскую большую семью. Наследственная земля не может быть отчуждена; после смерти владельца она обычно делилась на равные части между его сыновьями, а если сыновей у него не было, она отходила в установленных долях его родичам. Чаще всего на практике в качестве подлинного родового сообщества выступала группа, известная под названием «дербфине» *(derbfhine,* буквально «определенная фине»), которая включала в себя двоюродных братьев и распространялась на пять поколений, происходящих от общего предка. Более отдаленные ветви фине учитывались только в том случае, если у человека не оставалось более близких родичей. В случае наследования престола дербфине также составляла магический круг, все представители которого формально являлись «материалом для короля» *(rigdamnai).* Этот термин часто переводится как «королевский наследник», что придает праву наследования престола ложный оттенок предопределенности. В действительности же он означал, что любой человек, прадед которого был королем, теоретически имел право на престол[12]. В отличие **[48]** от Меровингов ирландцы не распространяли на королевскую власть то же разделение между наследниками, которое действовало в законе о собственности: небольшие размеры туатов делали такое установление совершенно ненужным. Впрочем, в относительно редких случаях королевство разделялось между двумя претендентами, чтобы избежать вражды и вытекающих из нее убийств родичей, и

[12] Иллюстрацию практического применения этой системы читатель найдет в VII главе. Впрочем, нужно отметить следующее: недавно было высказано мнение, что *rigdamnae* на самом деле являлся предполагаемым наследником и было поставлено под сомнение само существование какого-либо стандартного «закона» о наследовании королевской власти. См. библиографический указатель, с. 342—343.

поэтому иногда мы встречаем звание *leth-ri* («полу-король», однако эта ирландская идиома обозначает одного из двух наследников, таким образом, ее лучше переводить как «со-король»).

В ирландских источниках нельзя найти полного описания подлинного процесса выборов. Мы видели, что в конце XVI века Сидни приписывает право выбора епископам и «лендлордам», однако к этому времени большая часть земли перешла в руки не только знати, но и правящих династий с их многочисленными ответвлениями. В раннюю эпоху решение, вероятно, выносилось фениями, свободными землевладельцами — сословиями, которые получили в законах наименование «священные» *(nemed)* и обладали правом участвовать в оэнахе. По словам Хогана, у нас «отсутствуют свидетельства относительно того, что соблюдалась определенная процедура выборов, и в итоге на деле в подобных случаях династия распадалась на группировки, а выбор правителя тем самым превращался в борьбу группировок, в которой соперничающие кандидаты зачастую прибегали к помощи правителей соседних королевств. Таким образом, к бедам династических раздоров добавлялись ужасы внешних нашествий». Хоган цитирует установление из одного правоведческого трактата, которое требует от боайре *(boaire)* оказывать услуги септу или септам *(cenël),* поступая в их свиту на три ночи по случаю королевских выборов. Не ясно, употреблено ли здесь слово *cenël* в единственном или множественном числе и, следовательно, относится ли оно лишь к королевской династии или также к другим септам. По всей видимости, *cenël* являлся более крупной единицей, чем фине, и, вероятно, этот термин обычно обозначал большие аристократические роды, особенно королевской крови, тщательно сохранявшие свои родословные и прослеживавшие родственные связи даже за широкими границами законного фине. Слово *cenël* родственно валлийскому *cenedl,* которое имеет более широкое значение, чем ирландская фине. Боайре представлял собой преуспевающего земледельца, занимающего высшую ступень в иерархии простолюдинов или свободных общинников. Поздний комментарий приписывает долг гостеприимства бриугу *(briugu),* официальному гостеприимцу туата, который обычно назначался из сословия **[49]** боайре. Далее в комментарии говорится, что если имеется несколько кандидатов на королевский престол, то весь туат должен собраться в его странноприимном доме и держать совет три дня и три ночи; однако это положение, как и многие другие комментарии, скорее всего, следует считать вымыслом правоведов позднего Средневековья.

В действительности, как предполагал Мак Фирбис, выборы завершались вынесением заранее известного решения, которое зависело от количества клиентов, подчинявшихся кандидатам. Аюди, заключившие договор на условиях несвободного клиентства, в любом случае лишались права голоса, а «свободные клиенты», составлявшие свиту господина, вряд ли имели возможность свободного волеизъявления. Даже если в отдаленном прошлом существовала процедура свободных демократических выборов, проводимых фениями (при этом нам неизвестно, какую часть всего населения они представляли), она давно прекратила свое существование, превратившись в чистую формальность за исключением тех случаев, когда клиенты сохраняли законное право переносить свою верность на другого господина. Мак-Нейлл первым обратил внимание на рассказ Цезаря о собрании гельветов, разбиравших обвинение в попытке переворота, выдвинутое против Оргеторикса, но оказавшихся бессильными, когда обвиняемый явился в окружении своих клиентов и должников *(clientes obaeratosque*).

В X и XI веках принцип первородства получил повсеместное признание в качестве обычной нормы наследования фьефа в феодальной Европе, однако потребовалось много времени, чтобы он вытеснил выборное право в наследовании престола во Франции и в Англии, а в Германии он так и не привился. Наряду с лишением «народа» (в действительности, знати) решающего голоса, практическое неудобство этого принципа состояло в том, что в результате его применения королевство могло быть доверено попечению ребенка или слабоумного. Впрочем, с течением времени стало ясно, что в

общем и целом в обществе, считавшем монархию единственно возможной формой правления, он причинял государству меньше ущерба, чем любая другая система. Когда в эпоху позднего Средневековья гэльское государственное устройство вошло в соприкосновение с англо-норманнским феодализмом, ирландские короли действительно попытались ввести принцип первородства, но они постоянно наталкивались на сопротивление дербфине, настаивавшей на соблюдении своих традиционных прав. Именно об этот риф разбились планы Генриха VIII, намеревавшегося «цивилизовать» местных ирландских правителей с помощью изъятия земель и последующего их возвращения. **[50]**

Обычно считалось, что институт «танистри», в соответствии с которым наследник ирландского короля, его *tanaise,* назначался во время его правления, представлял собой осознанное подражание определенности, отличавшей англо-норманнский порядок престолонаследия. Однако теперь известно, что звание *tanaise* гораздо древнее. В трактате VIII века *Crith Gablach,* отрывки из которого мы уже цитировали, говорится: *«Tanaise* короля, почему он так зовется? Потому что весь туат ожидает его на месте короля без споров». Слово *tanaise* означает «второй», однако первоначально оно было причастием прошедшего времени со значением «ожидавшийся». Глагол *fris-aissi* «ожидать», использованный в этом отрывке, имеет параллель в валлийском языке, где родственное слово *gwrthrychiad* является титулом наследника, но позднее было вытеснено словом *edlyng,* заимствованным из англосаксонского, где оно имело форму *aetheling.* В ирландских монастырях настоятель именовался титулом *tanaise abb,* переводившимся как «второй аббат» *(secundus abbas),* что в свою очередь привело к возникновению нового ирландского слова *secnap,* а валлиец Ассер говорит о том, что Альфред Великий в молодости действовал в роли секундария *(secundarius)* по отношению к своему брату, королю Уэссекса Этельреду.

В конце XVI века Спенсер обозначит термином «танистри» всю ирландскую систему наследования земли и должностей, и довольно подробно расскажет о функциях самого *tanaise* и о королевской инаугурации:

«У ирландцев существует обычай, что через некоторое время после смерти любого из их главных лордов или капитана они собираются в определенном и известном им месте, чтобы выбрать вместо него другого, где они выдвигают и по большей части выбирают не старшего сына и не кого-нибудь из детей усопшего лорда, но следующего за ним по крови, то есть старейшего и достойнейшего, обычно следующего после него брата, если у него был таковой, или следующего двоюродного брата и так далее, пока есть старейший в этом роду или септе, а затем после него они выбирают следующего по крови танистом, который затем наследует ему в названном капитанстве, если доживет до этого...

Обыкновенно они ставят того, кто будет их капитаном, на камень, предназначенный для этой цели и обычно помещенный на холме, и на некоторых из них я видел изображенную или вырезанную ступню, которая, как они говорят, является меркой со ступни их первого капитана, стоя на которой он принимает клятву нерушимо хранить все древние прежние обычаи страны и мирно передать наследство своему танисту, и затем ему **[51]** передает прут некто, в чьи обязанности это входит; после чего, сходя с камня, он оборачивается вокруг себя, трижды вперед и трижды назад.

Но как избирается танист?

Они говорят, что он ставит только одну ногу на камень и принимает клятву, сходную с той, что принял капитан... И с той целью танист всегда известен и готов, чтобы, случись капитану внезапно скончаться, или быть убитым в бою, или уехать из страны, защищать и хранить ее от всех подобных сомнений и опасностей. Для каковой причины танист также имеет выделенную ему долю страны и определенные наделы и выплаты со всех жителей при лорде».

Эти самобытные установления действовали на всей территории Ирландии и, по всей видимости, применялись в каждом туате. В отношении большинства из них мы

располагаем достаточными генеалогическими и летописными данными, свидетельствующими о единстве политейи, скрытом под внешней раздробленностью страны. Беда пишет о том, что у шотландских пиктов (которых ирландцы называли круитни) бытовала очень странная система, согласно которой королевская власть передавалась по женской линии, и это подтверждается другими источниками информации. В исторических памятниках, относящихся к Ирландии, мы не находим никаких следов подобных установлений, даже у тех ирландских племен и королевств, которые считались происходящими от круитни, таких как Дал Арайде из Антрима, Уи Эхах из Дауна или Лойгис из Лейнстера. То, что корни ирландской королевской власти уходили в племенное общество, неоспоримо. Право также носило племенной характер — в том смысле, что ни один человек, за важным исключением представителей образованной прослойки, не имел правового статуса за пределами своего туата. Однако поскольку термин «трибализм» предполагает различия в языке и обычаях, он остается неподходящим и неадекватным описанием ирландского общества. Более того, ни один отдельно взятый туат не был изолированным островком; все они объединялись в различные союзы, подобно тому, как галльские племена при Цезаре сплачивались под эгидой эдуев, секванов или ремиев. Все короли либо подчинялись верховным королям, либо сами обладали верховной властью над королями низшего уровня. **[52]**

ГЛАВА III

КОРОЛИ И ВЕРХОВНЫЕ КОРОЛИ

На протяжении первых семи веков своей истории и, вероятно, нескольких столетий доисторической эпохи Ирландия не испытывала тяжести иноземного завоевания. Мечта Агриколы покорить остров силами одного легиона осталась неисполненной, а скандинавы, несмотря на все причиненные ими волнения, не сделали сколько-нибудь значительных территориальных приобретений. Города, основанные ими на ирландском побережье, привнесли в ирландскую жизнь новый существенный элемент, оказавший важное влияние на экономику и в конечном итоге на структуру общества, но они так и остались чужеродным телом. Имеются лишь один или два примера исчезновения небольшого королевства в результате их набегов. Ирландское государственное устройство осталось незыблемым. Конечно же, определенные изменения происходили, но они протекали незаметно из века в век и были скрыты от глаз как современников, так и следующих поколений благодаря осознанной архаизации со стороны образованного сословия. Ученые среднеирландской эпохи интерпретировали прошлое в свете современных им идеалов, но и сами эти идеалы по большей части возникали из прежних мифов. Вслед за упадком латинской учености, наступившим в IX веке, монастырские школы с еще большим рвением обратились к изучению светских дел и родной культуры, а их ученость приобрела интроспективный, педантический и крайне запутанный характер. Она напоминала изображение зверя в Книге из Келлса, поедающего свой хвост и превращенного в великолепный узор, имеющий лишь отдаленную связь со своим оригиналом. Ирландцы закоснели в консерватизме и не видели никаких оснований для изменения своего образа жизни или системы управления.

Эта система, на первый взгляд, свидетельствовала о чрезвычайной раздробленности, но в действительности она представляла собой связную **[53]** и последовательную схему, которая уходила своими корнями в самые истоки ирландской истории. Ни в одном из тех периодов, о которых мы располагаем достаточным объемом информации (а современные памятники предоставляют ее в относительном изобилии начиная уже с VII века), в многочисленном и на вид разрозненном скоплении племен мы не находим ни одного туата, который существовал бы в величественной изоляции.

Иерархия королей предстает в единообразном виде в *Crith Gablach, Uraicecht Becc* и других правоведческих трактатах, хотя иногда они расходятся в точном наименовании титулов, относившихся к высшим королям и верховным королям[13]. Слово *ri* (соответствующее галльскому *rix, rigos* и родственное латинскому *rex)* в сущности обозначало короля одного туата (*ri tuaithe).* Король нескольких туатов именовался *ri tuath,* но также *ruiri* «великий король». В некоторых памятниках союз трех или четырех туатов под началом такого высшего короля называется *mor-thuath,* «большой туат». Подобные «большие туаты» составляли территориальную основу большинства церковных диоцезов, созданных в XII веке, и это распределение отражает относительное понижение статуса, которое испытали к тому времени короли небольших туатов.

Впрочем, в древнеирландскую эпоху король туата, сколь бы незначительное положение он ни занимал в масштабе всей страны, был настоящим королем. Даже самые могущественные верховные короли по существу были правителями одного туата и не имели непосредственной власти за его пределами. В позднюю эпоху такое умножение монархий вызывало замешательство у патриотически настроенных ирландцев, воспитанных на рассказах о величии верховного королевства Ирландии с центром в Таре. Так, например, в начале XVII века Четыре Мастера в своем грандиозном своде *Анналы королевства Ирландии (Annola Rioghachta Eireann)* последовательно низводят королей небольших туатов до положения «лордов» или «вождей» *(tighearna* или *taoiseach:* в древнеирландском слово *toisech* обозначало главу аристократического рода (*cenel*) в роли предводителя военного отряда). Позднее в том же столетии ученый Родерик О'Флаэрти занял более взвешенную позицию и оправдывал **[54]** притязания этих правителей на королевское звание с помощью авторитетных прецедентов: Одиссея, царя Итаки; Нестора, царя Пилоса; и тридцати царей Ханаана, убитых Иисусом Навином. Он столь же твердо придерживался теории верховного королевства Ирландии, как и Четыре Мастера, и деятельно выступал в защиту ее реальности, противопоставляя королевскую власть у ирландцев туманному и расплывчатому понятию власти «Бретвальда» («повелителя бриттов»), которое якобы существовало во времена англосаксонской гептархии.

Очень древний правоведческий трактат, озаглавленный *Miadslechta*, утверждает, что у высшего короля (которого он именует *ri rig,* «король королей») должно быть семь подчиненных королей (конечно же, это вымысел и схематизация) и что он имеет право на выплату одного кумала от тех из них, кто не потрудился явиться в его дом на распивание пива, его оэнах или его *dal.* Точная разница между оэнахом и *dal* не вполне ясна, однако «дал», скорее всего, представлял собой собрание, занимавшееся по большей части политическими и правовыми делами. Другим типом собрания являлся айрехт *(airecht),* публичное собрание свободных людей, которое часто приобретало судебные функции. В более поздние времена с феодализацией гэльского общества оно сузило свое значение до собрания круга высшей знати, а особенно низших королей и вождей *(ur-rig),* на совет с их господином, так что елизаветинцы смешивали термины *airecht* и *ur-rig* (в новоирландском языке того времени принявшие форму *oireacht* и *oirriogh),* транслитерируя оба слова в виде *«urraght».*

Законы сходятся в определении третьего и наивысшего королевского ранга, который в разных источниках именуется *triath, rethe, ollam rig* («величайший из королей»), *ri ruirech* («король высших королей») или *ri coicid* («король пятины», то есть одной из провинций, на которые традиционно разделялась Ирландия). Обычно таких королей, как король Лейнстера, Мунстера или Коннахта, называют королями провинций.

---

[13] В данном случае с помощью словосочетания «высший король» мы переводим английский термин *over-king,* в сущности имеющий относительное значение и обозначающий любого короля, имеющего в подчинении других королей (соответственно, «низших королей», *sub-kings).* «Верховным королем» *(high-king)* мы называем короля Тары, который, согласно традиции, обладал властью над всей Ирландией. — *Примеч. пер.*

Однако следует помнить, что слово *coiced* («пятина») не несло в себе того уничижительного оттенка, который просматривается в значении английских слов «провинция» и «провинциальный». Для короля пятины все короли либо напрямую, либо при посредстве короля, занимавшего промежуточную ступень в иерархии, были подданными, если не данниками. Однако венчающее этот ряд звено, верховный король всей Ирландии, как отмечает Винчи, блистает своим отсутствием в юридических трактатах, хотя и достаточно часто фигурирует в поздних комментариях. Звание *ard-ri,* «верховный король», не отличается древностью и не обнаруживается **[55]** в правовых текстах. Оно не имеет точного значения и вовсе не обязательно подразумевает верховную власть над Ирландией: например, часто встречаются упоминания о верховных королях Ульстера, Коннахта или Лейнстера *(ard-ri Ulad, ard-ri Connacht, ard-ri Laigen),* а в поэзии этот титул мог прилагаться к любому высшему королю.

В трактате *Crith Gablach* мы находим довольно своеобразные наименования трех королевских рангов: *ri benn,* «король вершин (или рогов)», *ri buiden* «король отрядов» и *ri buinad cach cinn,* «верховный король каждого»:

«Сначала король вершин, почему он зовется так? Он король туата *(ri tuaithe),* который имеет семь степеней фениев с их подразделениями в клиентстве, ибо они — вершины власти, которые мы перечислили. Семь кумалов — его цена чести, по кумалу за каждую главную степень, которая под его властью...

Король отрядов, почему он зовется так? Потому что он вождь двух или трех отрядов, семь сотен в каждом отряде. Он король трех туатов или четырех. Восемь кумалов — цена его чести, так как он уводит множество заложников, двух, или трех, или четверых...

Верховный король каждого, почему он зовется так? Потому что каждый, кто не удерживается своим господином, принудительно переходит под его власть, ибо каждый, кто сильнее, помогает тому, кто слабее. Он — король высших королей *(ri ruirech*). Дважды семь кумалов — цена его чести, ибо короли и туаты под его властью и управлением...».

Отношения между королями заключались в личных связях, во многом сходных с социальной структурой туата. В сущности, короли исполняли роли клиентов *(ce1i)* по отношению к своему господину. Таким образом, довольно сложно говорить о политике или о государстве как таковом. Точно так же, как ирландское право, подобно самым примитивным системам, не проводило разграничения между гражданскими и уголовными делами, существовало самое незначительное отличие между общественной и личной сферой. Король входил в контакт с другими королями, и эти связи формально ратифицировались туатом, от лица которого он выступал. Он обязывался выплачивать определенную дань своему господину, присутствовать на его оэнахе и приводить войска своего туата на законное собрание войск, созываемое господином. Заложники (обычно члены его рода) служили порукой того, что он будет выполнять свои обязательства. Можно видеть, как верность народа сосредоточивалась на личности их короля. Если они традиционно являлись подчиненными вассальными **[56]** государствами, они могли считать естественным и непреложным порядком вещей то, что их король выплачивает дань королю Кашеля или Тары и поддерживает его в бою, однако едва ли они чувствовали личную связь с последним, особенно если между ним и их собственным правителем стоял промежуточный король. Если верховный сюзерен пытался утвердить над ними непосредственную власть или даже оказывать давление в вопросах династического наследования, он непременно наталкивался на враждебность. Таким образом, даже провинциальный патриотизм развивался чрезвычайно медленными темпами.

Как и в любой другой средневековой культуре, основной упор в ирландской культуре делался не на абстрактном, а на конкретном понятии. Каждая сделка осмыслялась в свете личных взаимоотношений. В феодальных церемониях инвеституры законность акта оммажа зависела от публичного исполнения символической пантомимы:

вложения рук вассала в руки господина, передачи комка земли, знамени или епископского посоха и кольца. Точно так же и в Ирландии сам акт посещения королевского дома становился формальным признанием сюзеренитета, а обмен дарами имел формальную природу, очень сходную с тем, что мы читаем в «Мире Одиссея» Шинли.

В действительности дары, которые господин передавал подчиненному королю как знак сюзеренитета, играли даже более важную роль, чем дань, выплачиваемая последним. Дань и взаимные дары подробно описываются в *Книге Прав,* сочинении, относительно поздняя датировка которого ныне установлена со всей определенностью: оно вряд ли было написано задолго до XII века. Оно рисует в значительной степени идеализированную картину взаимоотношений между ирландскими королями и верховным королем, однако рассказ о дарах, которые вручали верховный король и короли пятин своим подданным, нельзя считать полным вымыслом. В нашем распоряжении имеется более ранее описание (датируемое IX или X веком) взаимных обязательств короля Кашеля и его подчиненных королей, которое в общем согласуется с *Книгой Прав,* хотя содержит меньше подробностей[14]. В «Анабасисе» Ксенофонта мы находим еще одну параллель из персидской жизни. Мятежник Кир, заставив покориться местного правителя Тарса, награждает его дарами, которые мог дарить только царь (δωρα α νομιζεται παρα βασιλει τιμια*),* — коня с золотой уздечкой, золотую цепь, браслеты, золотой кинжал и персидскую одежду, — и **[57]** обещает защитить его страну от дальнейшего разграбления в обмен на тяжелое возмещение стоимости его похода против своего брата-царя. Эти дары напоминают коней, псов, доспехи, мечи, одежды и другие подарки, перечисленные в *Книге Прав* и названные там *tuarastal* («пожалование»). В ранних документах выплата, производимая королем Кашеля своим низшим королям, исчисляется в кумалах без какого-либо описания отдельных даров. Весьма примечательно, что эта выплата называется *rath*. Слово *rath* являлось юридическим термином и обозначало дар или скот, который господин передавал своему клиенту, устанавливая с ним договорные отношения. Как и в случае частных договоров, эти отношения обязательно скреплялись залогами и поручительствами. Заложники могли поплатиться жизнью в случае нарушения соглашения или возникновения мятежа. Любопытно отметить, что поэт Блатмак в VIII веке высказывал специфические взгляды на природу отношений между Христом и евреями в выражениях, свойственных скорее юридическим трактатам:

Tuidecht fri Chrfst, mac De bf,
do'i'b ba rind fri giallnai;
ressa na rfginse se:
ba senae iar n-aitite.
Cach feb tecomnacht in rf
do Iudib ara celsini,
batar mofni do mogaib;
ro-coillset a cobfolaid.

Противодействие Христу, сыну Бога живого,
было для них острием, (направленным) против подчинения;
(как гласят) повести этого королевского острова:
это было отвержение после признания.
Всякое добро, которое даровал король
иудеям после того, как они стали (его) клиентами,
было богатствами, (выделяемыми) рабам;
они же нарушили свои обязательства.

Последнее слово в приведенном отрывке используется также в заглавии древнеирландского трактата, посвященного взаимоотношениям короля Кашеля и низших

[14] См. ниже, с. 225—228.

королей Мунстера, хотя в данном случае к нему присоединяется другая приставка: *(frithfolaid,* «взаимные обязательства»). Хотя Блатмак на самом деле и не употребляет юридического термина *rath*, тем не менее он раскрывает для нас тот образ мышления, благодаря которому и по сей день теологическая концепция милости Божьей выражается в ирландском языке с помощью словосочетания *rath De.*

Столь свободная система племенных союзов почти не оставляла места правлению или прямому контролю со стороны высшего короля. Однако она обеспечивала определенную степень сплоченности на относительно обширном пространстве. По всей видимости, пятины изначально являлись **[58]** общепризнанными политическими единицами. Как писал Мак-Нейлл, их существование представляется самым ранним и лучше всего засвидетельствованным фактом ирландской истории. Конечно, племена иногда отказывались выплачивать дань, и многие «войны», занимающие столь много места в анналах, были всего лишь военными походами, которые предпринимались высшими королями, чтобы собрать ее силой (и, несомненно, чтобы изъять излишки в возмещение затраченных усилий). Некоторые племена, гордившиеся своими легендарными традициями доисторического величия, по-видимому, считали делом чести изъявить свою верность только после того, как король продемонстрирует свою способность лично собрать с них дань. Впрочем, в целом племена-данники обычно с большей охотой предлагали свою поддержку соперничающему высшему королю, чем требовали полной независимости. Некоторые из них, такие как Мускрайге в Мунстере и Шотайрт и Лойгис в Лейнстере, судя по всему, пользовались определенными преимуществами, вступая с правящей династией в отношения «самого любимого народа» в качестве особенно надежных вассалов. Часто утверждали, будто эти вассальные племена являлись потомками докельтского или во всяком случае догойдельского населения Ирландии, однако, так как между гипотетическими доисторическими кельтскими нашествиями и периодом полноценной исторической документации лежит многовековой временной разрыв, подобные теории в принципе недоказуемы.

Господствующее племя или правящая династия пятины обычно сами разделялись на несколько королевств. В древнеирландский период развитого династического правления короли, входившие в ту же династию, что и верховный король пятины, признавали его верховенство, принимая *rath* или *tuarastal,* но не платили дани. В *Книге Прав* подобные королевства называются *saer-thuatha* и противопоставляются королевствам, выплачивающим дань *(daer-thuatha).* В генеалогиях королевства, не состоящие под прямым управлением членов господствующей династии пятины, обычно именуются *fortuatha,* «внешние племена». Их сложно отличить от *aithech-thuatha,* «несвободных племен». Если само слово *aithech-thuatha* могло быть уничижительным обозначением королевств-данников, то его более точное определение, по-видимому, относится к группам населения, утратившим действительный политический статус и превратившимся в выплачивающие арендную плату сообщества без собственного короля. Слово *aithech* означает «арендатор», «простолюдин», «земледелец», а также «сосед». Однако не вполне четкое разграничение, проводимое между **[59]** «свободными» королевствами и королевствами-данниками, также отражает общественное устройство в политической сфере, так как в нем присутствует очевидная аналогия между этими двумя типами подчиненных королевств и «свободными» и «несвободными» клиентами во внутренней структуре самого туата. Подобно тому как дань обычно исчислялась в головах скота, «войны» сводились прежде всего к угону стад. Выражение *tain bo,* «похищение стад», является привычным заголовком в сагах. В данном случае мы опять наблюдаем расширение правового процесса описи принадлежащего должнику скота *(athgabail).* И точно так же, как знатные ирландцы посещали своих несвободных клиентов между Новым годом и масленицей, прерогативу высших королей составляло право объезжать вассальные туаты и развлекаться за счет низших королей.

Одним из парадоксов ирландской истории является то обстоятельство, что хотя разделение страны на пять пятин считалось возникшим в незапамятные времена и хотя слово «пятина» оставалось общепризнанным названием провинции, ни в одну эпоху не существовало ясности в вопросе, сколько же пятин существует на самом деле. Эта путаница зародилась в результате уничтожения на заре исторического периода пятины Ульстера (*coiced Ulad)* со священной столицей Эмайн Махой под Армой. Прежняя слава Ульстера представляла собой излюбленную тему ирландских саг вплоть до XII века. Экспансия династии Уи Нейллов из Тары разрушила древнюю пятину, и к концу VII века территория уладов (жителей Ульстера) ограничивалась областью к востоку от Банна, хотя все еще сохраняла статус пятины.

По всей вероятности, в первоначальный состав пяти пятин входили Улад (Ульстер), Лаген (Лейнстер), Муман (Мунстер), Коннахт и Миде. Последняя пятина, возможно, включала и Тару, хотя само Миде (это название означает попросту «середина») состояло из современных графств Уэстмит, Аонгфорд и части графства Оффали, в то время как современное графство Мит с прилегающими районами графства Лаут и северного Дублина в древнеирландский период было известно под названием Брега («высоты»). Происхождение географического названия Муман неизвестно, но Улад, Лаген и Коннахт являются названиями племен или народов. В грамматическом отношении слова *Ulaid* и *Laigin* представляют собой имена существительные множественного числа, как галльские эдуи, секваны или немецкие *Bayern, Sachsen, Schwaben* (Бавария, Саксония, Швабия). Название Коннахта является более поздним образованием: это — множественное число от собирательного имени, обозначающего потомков **[60]** Конна и первоначально относившегося к правящей династии и ее ответвлениям и только во вторичном смысле ко всей управляемой ими провинции. Сходным образом имена *Laigin* и *Ulaid* имеют как узкое, так и широкое значение: первое — племенное, а второе — политическое и географическое.

Когда Уи Нейллы утвердили свои притязания на звание верховного короля всей Ирландии (а к X веку эта концепция стала общепризнанной доктриной), возникла уверенность, что короля Тары больше нельзя причислять к числу правителей пятин. Чтобы обнаружить пятую «пятину», была создана теория, в соответствии с которой Мунстер, самая обширная провинция, содержал в себе две пятины. Сначала его разделяли на восточную и западную части, что до некоторой степени отражало реальную политическую и географическую поляризацию; однако в XII веке произошел действительный раздел провинции между королевством Томонда *(Tuadmuma,* «Северный Мунстер») под началом О'Брайенов и королевством Десмонда *(Desmuma,* «Южный Мунстер») во главе с династией Мак-Карти. Если Миде продолжали считать пятиной, возникало шестеричное деление страны, отраженное во многих ирландских текстах, а также в «Топографии Ирландии» Геральда Камбрийского и анонимной «Песни о Дермоте и ярле», которую мы цитировали в начале этой книги. По причине своего любительского интереса к ирландской древности Геральд совершил ошибку, посчитав, что древняя пятина Ульстер включает весь север Ирландии в качестве реальной политической единицы. Но такое положение создалось опять лишь тогда, когда в конце XIII века О'Нейллы приняли титул «королей Ульстера».

Еще одно разделение можно найти в *Книге Прав,* в которой речь идет о гептархии, состоящей из Айлеха (столицы Северных Уи Нейллов из Донегола, Дерри и Тирона), Айргиаллы (первоначально государства-сателлита Уи Нейллов с центром в Арме, Ферманаге и Монагане), Улада, Темры (Тары, то есть Южных Уи Нейллов), Лагена, Кашеля (Мунстера) и Коннахта. Судя по всему, это произведение было создано с целью подкрепить точку зрения, по которой не Тара, а Кашель обладал большим правом на звание столицы верховного короля Ирландии: оно отражает успехи Бриана Боромы и его потомков, королей О'Брайенов конца XI века. Отсюда независимый статус, приписанный Айргиалле и не находящий подтверждения в других источниках. Тем не менее оно

соответствует действительности своей эпохи в том смысле, что северная и южная ветви великой династии Уи Нейллов уже утратили всякое понятие общей цели. **[61]**

Тот факт, что, несмотря на все осложнения, термин «пятина» сохранился (даже сегодня слово *cuige* используется в ирландском языке для обозначения оставшихся четырех провинций), свидетельствует о силе древней традиции и показывает, что, хотя представления о верховной королевской власти не пришли из доисторической эпохи, страна вовсе не представляла собой калейдоскопически разрозненную мешанину взаимовраждебных племен. Как говорили Алвин и Бринли Рисы, «в пятине заключается целое». **[62]**

ГЛАВА IV

КОРОЛЕВСТВО ТАРЫ

Самые ранние достоверные исторические традиции Ирландии повествуют о борьбе между уладами и коннахтами. Правда, эти традиции содержатся в легендах и сагах, а не в исторических памятниках. Более того, саги записывались в VIII и IX веках людьми, знакомыми с новой монастырской ученостью, и продолжали рассказываться и украшаться каждым последующим поколением как из интереса к древности, так и ради развлечения. Писец, старательно переписавший в XII веке последнюю версию «Похищения быка из Куальнге» на 50 страниц *Лейнстерской Книги,* скептически отметил:

«Я же, который записал эту повесть или, вернее, вымысел, не беру на веру рассказанных тут историй. Ибо многое здесь наущение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам» [Похищение. С. 327].

Ученый IX века в предисловии к своему своду генеалогических трактатов также жалуется на «неразумное племя скоттов» (imprudens Scottorum gens) и их прискорбную привычку предпочитать вымысел правдивой истории, хотя несколько портит дело, принимаясь далее пересказывать всю мешанину псевдоисторических родословных и ученых подделок, возводящих знатные ирландские роды к сыновьям Миля и в конечном итоге к Адаму.

Памятуя обо всех этих обстоятельствах, тем не менее следует считать справедливым мнение Кеннета Джексона о том, что эти древнеирландские саги представляют собой окно в железный век. Сравнительные исследования в области эпической литературы показали, что легенды героической эпохи обычно содержат зерно исторической истины. Однако в тех случаях, когда мы не располагаем современной описываемым событиям документацией, которая могла бы служить путеводной нитью и **[63]** позволила бы нам определить степень поэтического искажения (например, в «Песни о Роланде» и «Песни о нибелунгах»), по материалам саг невозможно воссоздать подлинный ход истории. Саги отображают тот образ жизни, который по большей части устарел ко времени их создания. Север Ирландии предстает в них единым королевством, находящимся под владычеством воинской касты, уладов, давших свое имя Ульстеру. Их король правит из Эмайн Махи близ Армы. Уладские герои ведут сражения с колесниц, подобно воинам Гомера и санскритской Махабхараты. Они составляют варварскую аристократию, проводящую время в войнах и пирах, а их жены столь же пылки и страстны, как и они сами. Героический кодекс чести ставится превыше всего и вовсе не препятствует свирепой охоте за головами. Утонченная, даже изысканная атмосфера, сквозь которую проглядывают неизжитые черты варварских обычаев, контрастирует с другим крупным циклом ирландских саг, который наполнен волшебством и посвящен Финну и фениям, ведущим романтическую жизнь охотников и воинов в лесах Ирландии.

Коротко говоря, ирландский эпос, несмотря на то что излюбленной формой сказителей являлась проза, а не стихи, дает нам классическую картину героического века.

Еще большую значимость несут в себе близкие параллели, которые можно провести между некоторыми отрывками из этих средневековых повестей и ранними описаниями кельтов латенской эпохи, вышедшими из-под пера греческих и латинских писателей. Рассказ Посидония о жизни галлов до завоеваний Цезаря вряд ли был известен ирландским авторам VIII века, хотя их слова порой поразительным образом перекликаются с его наблюдениями. Сам Посидоний отмечал гомеровский характер галльских воинов, сражающихся на колесницах: колесницы уже вышли из моды в Галлии во времена походов Цезаря, однако Цезарь столкнулся с ними в Британии, а несколькими столетиями позже ту же картину пришлось наблюдать Септимию Северу в ходе экспедиции в Каледонию. Во времена самого Гомера точно так же, как и в раннехристианской Ирландии, боевые колесницы уже исчезли. В центре сюжета древнеирландских саг «Пир у Брикрена» *(Fled Bricrenn)* и «Повесть о кабане Мак Дато» *(Scela Muicce Maic DaTho)* — первая из которых явилась прототипом «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря», — находится тема, особенно привлекшая внимание Посидония: бой насмерть на пиру за право обладания «долей героя».

Эти бурные дни уже давно ушли в прошлое, когда саги записывались в монастырях христианской Ирландии. Разумеется, ирландские короли **[64]** этой эпохи не отличались особенным миролюбием, однако они утратили черты великих военных властителей. Крупные центры прежней поры, — Тара, Круахан, Аленн и Эмайн Маха, — первоначально выполнявшие функции святилищ или укреплений, опустели и заросли травой. Войны сводились к угону скота с целью вынудить непокорного вассала выплатить причитающуюся дань: в случаях, когда имели место настоящие сражения, они не могли продолжаться долгое время. Возможно, законы брегонов описывают чрезвычайно архаичное общество, но для него не характерна особая воинственность. Даже аристократы высшего ранга в сущности являются крестьянами: их достояние исчисляется в головах коров и овец, а также в количестве земли под плугом, а их престиж определяется размерами свиты и продовольственной платы, составляющей долг клиентов. Все свободные люди, будь то аристократы или простолюдины, имеют право и обязанность в определенных случаях участвовать в королевских военных походах, однако воинской касты как таковой не существует. Инициатива перешла в руки святых из новых монашеских родов. Возможно, жизнь казалась однообразной и серой даже королям, и это объясняет популярность саг.

Общая достоверность ульстерских традиций до некоторой степени подтверждается археологией, так как довольно скудные находки латенского периода в Ирландии сосредоточены именно на севере страны. В начале II века до н. э. имя уладов появляется на карте Ирландии, составленной Птолемеем Александрийским, хотя в искаженной орфографии рукописей оно выглядит как *Ouolontioi (Voluntii),* а название их столицы Эмайн Махи записано в древней кельтской форме *Isamnion.* Археологические данные, судя по всему, указывают на связь с Северной Британией, и хотя нам никогда не суждено будет узнать, правил ли в Эмайн король Конхобар, сын Несс, и был ли Кухулин человеком или полубогом, детское имя великого уладского героя Сетанта тождественно названию племени сетантиев, жившего на территории современного Ланкашира, которое также упоминается Птолемеем.

У нас нет достоверных свидетельств, опровергающих представления средневековых ирландцев о том, что Конхобар и его двор процветали во времена Иисуса Христа, однако подобные временные сопоставления являются делом рук ученых монахов: подлинной традиции саг неведомо понятие хронологии. Войны между уладами и коннахтами могли иметь место в любой период до V века. Наверняка нам известно только то, что ко времени зарождения документальной истории слава Эмайн была **[65]** в прошлом. Как уместно предположить, основание Армы, традиционно приписываемое св. Патрику и произошедшее в 444 или 457 году, говорит о том, что находившаяся неподалеку Эмайн Маха все еще существовала, и если позднейшие притязания Армы на

главенствующее положение среди ирландских церквей имеют под собой какое-либо основание, то Эмайн, вероятно, была самым могущественным королевством в Ирландии. Было выдвинуто предположение, что смерть Патрика в Сауле и туманные сообщения VII века о его могиле в Сауле или в Даунпатрике, отражают исторический факт и свидетельствуют о том, что после того, как Эмайн Маха была окончательно разрушена, улады удалились в графство Даун, а Даунпатрик стал их главным центром. Однако в интересах Армы, притязавшей на старшинство в ирландской Церкви, агиографы Муирьху и Тирехан, писавшие в VII веке, пожелали связать имя Патрика с представлениями о верховной власти Уи Нейллов над Ирландией и создали впечатляющую, но, вероятно, совершенно вымышленную легенду о противоборстве святого с Аоэгайре, сыном Ниалла, и его друидами в Таре. Сложный и до сих пор неразрешенный вопрос о том, длилась ли миссия Патрика с 432 по 461 либо же с 457 по 492 или 493 год, неразрывно связан с официальной историей династии Уи Нейллов и вытекающими из нее хронологическими натяжками.

Саги повествуют о войне между уладами и коннахтами, которую вели Айлиль и его неистовая супруга Медб из своей твердыни Круахана в современном графстве Роскоммон. Однако в конечном итоге в течение V века пятина Ульстера распалась под ударами Ниалла Девяти Заложников и его сыновей, и династия Уи Нейллов стала именоваться королями Тары. Семантическая двусмысленность, заложенная в наименовании «коннахты», которое первоначально относилось к племени или династии и обозначало потомков Конна Ста Битв, но позднее стало прилагаться к провинции к западу от реки Шеннон, не позволяет с полной уверенностью определить, где помещала первоначальная традиция врагов Ульстера — в Круахане или в Таре. Несмотря на свидетельства существования могущественных кельтских королев в Британии (например, Боудикки и Картимандуи), у нас есть все основания полагать, что в случае с королевой Медб мы имеем дело с евгемеризированной богиней, тождественной загадочной Медб Летдерг («Краснобокой») из Тары, о которой говорилось, что никто не может стать королем Тары, не женившись на ней. Точно так же, как Медб из Круахана разделила отряд галеойн (лейнстерский контингент в коннахтской армии во время войны с Ульстером) на несколько **[66]** частей и рассеяла их среди своего войска, чтобы они не завоевали благодаря своей доблести и Ульстер, и Коннахт, так и Медб Летдерг якобы отравила Лугайда Аайгсе, доисторического короля племени Аойгис, а после этого разделила Лойгис и Фотайрт на семь групп, рассеянных по всему Лейнстеру, чтобы ослабить их могущество.

Имя Медб означает «хмельная» или «опьяняющая», и вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что она была богиней королевства Тары, с которой должен был соединиться король после того, как она предлагала ему глоток пива или вина, который в ирландской традиции символизировал королевскую власть. Оборачиваясь враждебной стороной своей божественной природы, богиня предлагала королю смертельный напиток, и легенда мифологизирует политическое положение, в соответствии с которым представители племени Лойгис не имели права избираться королями Лейнстера. Согласно составителям генеалогий, Айлиль был лейнстерцем, хотя это вовсе не противоречит его связи с Круаханом, так как некоторые смутные традиции говорят о доисторическом владычестве лагенов над Коннахтом. Распутный характер Медб, изображаемый в «Похищении быка из Куальнге» и других сагах, объясняется ее истинной природой богини, вступавшей в брак со многими королями. В роли ее самого выдающегося любовника выступает изгнанник из Ульстера, присоединившийся к коннахтской армии Фергус, сын Ройга, который был королем Эмайн до того, как его сместил Конхобар. В XIX веке камень Аиа Фаль в Таре был известен местному гэлоязычному населению под названием «фаллос Фергуса» *(bod Fhearghusa).* Имя героя имеет примечательное значение «мужская сила» и вполне могло быть культовым обозначением ульстерского короля или его бога-покровителя. Имя Фергус носило несколько персонажей, фигурирующих в псевдоисторических списках королей Эмайн Махи, включая Фергуса, сына Аейте

(который, очевидно, является двойником Фергуса, сына Ройга), Фергуса Фоге, последнего короля Эмайн, и каждого из трех королей-соправителей, потерпевших поражение и погибших в битве при Кринне, когда Кормак, сын Арта, предположительно распространил власть Тары к северу от реки Войн. Троичные божества часто встречаются в ирландской мифологии, а их изображения в виде идолов обнаруживаются как в Ирландии, так и в Галлии. У Эмайн также была богиня-покровительница, Маха, также выступающая в тройственном облике и подобно многим кельтским божествам сочетающая в своем образе черты богини-матери и королевы-воительницы; с ней ассоциируются атрибуты хорошо известной бриттской **[67]** и галльской богини-лошади, Эпоны. В Уэльсе она была известна под именем Рианнон, «великая королева». Эпитет Фергуса «мак Ройг» означает «сын великой лошади», а такие «лошадиные» имена, как Эоху и Эохайд, пользовались большой популярностью у поздних исторических королей Ульстера.

Среди подобного изобилия постоянно меняющих обличье богов и богинь, искаженных в свете поздних политических амбиций легенд, евге-меризированных монахами в угоду христианским рассказчикам и слушателям мифов, историку почти невозможно найти истинный путь. И, конечно же, задача исследователя становится еще более трудной из-за того, что его средневековые предшественники придавали столь большое значение созданию связного повествования об ирландской предыстории, вращающегося вокруг незапамятного верховного королевства Тары и успехов Уи Нейллов. К счастью, мифологический материал столь богат и разнообразен, что ни один даже самый усердный монах-синхронизатор, ни самый изощренный подделыватель родословных не сумел бы внести полный порядок в этот хаос. Возникающие в итоге противоречия и анахронизмы предоставляют в наше распоряжение ценные ключи. Однако с их помощью нельзя проникнуть во все закоулки лабиринта. В отсутствие памятников той эпохи невозможно воссоздать политическую обстановку V века и уж тем более предшествующих столетий. Ниалл и его сыновья действительно были историческими лицами, хотя, возможно, составители генеалогий подчас приписывали им сыновей и внуков, которых они сами никогда бы не признали. Однако жил ли когда-нибудь на свете их великий прародитель Конн или он был, по классическому выражению, «всего лишь богом»? Правил ли когда-нибудь в Таре Кормак, сын Арта, и чем было отмечено его правление? Лишенные воображения римляне приписывали своим легендарным царям практические достижения, а греческие историки сумели сплести правдоподобную и приемлемую раннюю историю Рима с таким успехом, что она торжественно воспроизводится (с большими или меньшими изменениями) в большинстве современных учебников, несмотря на полное отсутствие документальных свидетельств существования этих царей. Однако только чрезвычайно самоуверенный историк в наши дни выведет на страницах своего произведения Конхоба-ра, Конна или Кормака в качестве исторических лиц. На самом деле в том, что мы слишком охотно склоняемся к предположению, будто все подобные доисторические персонажи были чисто мифологическими фигурами, я вижу опасную тенденцию. **[68]**

Впрочем, мы не можем обойти проблемы доисторического прошлого, которые ставят перед исследователем мифы и легенды, так как именно в этом прошлом следует искать объяснения вопросов, связанных с Тарой и ее королевством. Ныне очевидно, что Ниалла и его потомков на протяжении нескольких веков нельзя считать верховными королями всей Ирландии в подлинном смысле слова. Конечно, честолюбивые стремления этой династии нашли отражение в произведениях Адомнана и Муирху конца VII века. Однако, хотя они и являются важным свидетельством развития представлений о власти верховного короля, их не следует принимать в расчет из-за предвзятого настроя упомянутых авторов: немногие другие памятники той эпохи говорят об особом уважении, которым пользовались Уи Нейллы за пределами своей непосредственной сферы влияния, а законы не предусматривают должности верховного короля Ирландии.

Главный парадокс заключается в отождествлении верховной королевской власти с королевством Тары. Чем дальше в прошлое мы погружаемся, изучая документальную историю Ирландии, тем меньше мы находим свидетельств в пользу существования централизованной монархии. И все же к IX веку, когда мы сталкиваемся с первыми попытками сформулировать подобные представления, Тара уже давно пришла в упадок. Приблизительно в 800 году Энгус Кадди в стихотворном мартирологе радовался торжеству христианской церкви:

Ai-bath borg tromm Temra
le tairthim a flathe;
co llin corad sruthe
maraid Ard mor Machae...

Мощная крепость Тара исчезла
со смертью ее владык;
полная хоров мудрецов,
продолжает жить Ард Маха...

и далее:

«Гордость отважного Лоэгайре усмирена — велико препятствие; имя Патрика, славное, знаменитое, все возрастает.

Вера возросла и будет жить до Судного дня; виновные язычники исчезли, и их крепости необитаемы».

На всем протяжении ирландской истории величие Тары рассматривалось как дело прошлого — времен Конайре Мора, Конна Ста Битв, Кормака, сына Арта, Ниалла Девяти Заложников или его сына Лоэгайре. В середине VI века, на туманном рубеже эпох между миром саг и летописными записями, согласно легенде, Тара была проклята св. Руада-ном в правление Диармайта, сына Керрбела, того самого короля, которого **[69]** Адомнан называл «правителем всей Ирландии» (*totius Scotiae regnator).* Звание короля Тары сохранило свою значимость и в конечном итоге действительно стало означать «короля Ирландии», но у нас нет данных о том, что само это место когда-либо использовалось вновь, за исключением некоторых редких символических обстоятельств.

Эта картина отчасти подтверждается археологами. Впечатляющий комплекс земляных укреплений на гряде холмов Тары, очевидно, относится к кельтскому железному веку. Римские предметы II и III веков н. э. были найдены в «Доме собраний»; это место традиционно ассоциируется с Собором, якобы проведенным там Адомнаном в 695 году. Больше удивления вызвало открытие, что Тара была важным пунктом в древние доисторические времена. По крайней мере, в этом средневековые историки были правы. Раскопки на «Холме заложников» показали, что холм скрывает неолитическую погребальную галерею, активно использовавшуюся на протяжении Бронзового века. Среди вторичных захоронений была обнаружена могила мальчика с фаянсовыми бусами египетского происхождения, между тем как сама погребальная галерея датируется 2100 годом до н. э., то есть она на несколько столетий младше крупных мегалитических могильников Ньюгрейнджа и Ноута. Подобно им, она была украшена абстрактной резьбой. Превращение Тары из могильника в королевскую резиденцию имеет параллель в истории Ноута. Это место (о котором средневековые писатели знали, что оно было могильным курганом) начиная с VIII века избрала своим центром местная ветвь династии Уи Нейллов, королей северной Бреги. Два больших круглых замка, размещенных на одной линии с неолитическим курганом (один северней, а другой южнее на скале, занимающей важное стратегическое положение и господствующей над большой излучиной реки Войн) вполне могут представлять собой подлинные места жительства этой династии. Сходное концентрическое расположение земляных укреплений можно наблюдать в Таре применительно к «Холму заложников». Характер этих укреплений,

которые все еще по большей части не исследованы, позволяет предположить, что они были воздвигнуты скорее для ритуальных, чем для оборонительных целей. Названия, под которыми они сегодня известны, происходят из стихотворений среднеирландского периода — собрания топографических легенд «Старины мест» *(Dindshenchas),* которое составляло существенную часть репертуара каждого поэта. Поблизости от комплекса сооружений Тары, очевидно, находился менее примечательный замок Рат Мив. **[70]**

Некоторые намеки в ирландских сагах мифологического цикла позволяют предположить, что укрепления в Таре были предназначены для обороны против враждебных сил Иного мира. Древнейшим списком правителей Тары является текст VII века «Видение Конна» *(Baile Chuind).* В IX веке он был переработан в сагу «Видение призрака» *(Baile in Scail),* в которой бог Луг предсказывает Конну Ста Битв имена его потомков, которым суждено будет править Ирландией из Тары. В первых строках этой саги рассказывается, как Конн и его друиды обходили укрепления ранним утром, чтобы оберегать Тару от сверхъестественных захватчиков, и мы вспоминаем гейс, запрещавший королю встречать восход в Таре. В другой саге Финн, сын Кумала, вождь фениев и воплощение Луга, хотя и предстающий перед читателем в евгемеризированном облике предводителя военного отряда при Кормаке, сыне Арта, защищает Тару от арфиста Айлена, который является, чтобы сжечь ее своим огненным дыханием, в каждый канун Самайна.

В качестве завоевателя Тары в одной из наиболее известных версий основного ирландского мифа, рассказывающего о том, как божественный герой изгоняет прежнего бога Иного мира и присваивает его жилище, фигурирует Аут. В этом мифе королем Племен богини Дану в Таре является Нуаду Аргатлам («Серебряной Руки»). К Таре подходит Луг, но страж предупреждает его, что ни один человек, не владеющий каким-либо искусством или ремеслом, не допускается внутрь. Луг перечисляет свои умения, однако каждый раз слышит ответ, что в Таре уже имеется другой такой умелец. В конечном итоге Луг называет себя мастером всех ремесел *(Samildanach)* и одним прыжком переносится через многочисленные валы. Луг — это великий кельтский бог, которого Цезарь отождествлял с Меркурием и называл изобретателем всех искусств. Его особо почитали в Галлии, где его имя запечатлено в названиях городов Лиона, Лаона, Лейдена и многих других Лугудунумов. Нуаду — это бог Нуаду Нехт, который в качестве Нехтана, истока реки Войн и супруга ее богини-покровительницы, является кельтской параллелью древнего римского бога вод Нептуна. Он выступает в роли предка большинства ирландских династий и в IV веке почитался в образе бога рыбаков Ноденса в Британии. Ему посвящен храм в Лидии (Глостершир). В Уэльсе он известен под именем Нудд или Ллудд, точно так же, как Финн, сын Кумала (внук или правнук Нуаду, согласно составителям генеалогий), становится в Уэльсе Гвинном ап Нуддом. Он же являлся богом-покровителем Лондона, а его имя сохранилось в названии Лудгейт. Вероятнее **[71]** всего, он также является кельтским прототипом увечного Короля-Рыболова в сказании о Парцифале: хотя после того, как ему отрубили руку, для Нуаду была изготовлена другая рука из серебра, ему пришлось уступить свое место Лугу.

В этой связи можно отметить, что мотив окровавленного копья из сказания о Парцифале, по-видимому, восходит к ирландскому мифу об оружии га булга, ассоциируемом с Кухулином, который был сыном Луга, и Энгусом Болгом, богом-предком Фир Болг или эринов. Энгус Болг, подвергшись евгемеризации в качестве предка десси под именем Энгус Гайбуайбтех («Ядовитого Копья»), нападает на Кормака, сына Арта, в Таре, убивает его сына и управляющего *(rechtaire)* и ослепляет Кормака на один глаз. Затем Кормак вынужден покинуть Тару и жить в Ахалле на соседнем холме, «ибо не подобает королю с изъяном пребывать в Таре». Образ бесплодной земли из легенды о Парцифале отражает состояние страны, священный король которой утратил силу или достоинство. Вскоре после этого Кормак нашел свою смерть в Клеттехе на реке Войн в доме гостеприимца Спелана. Согласно поздней традиции, Кормак подавился костью

лосося вследствие проклятия друидов, так как он уверовал в истинность христианства. В соответствии со своей новой верой он не пожелал быть похороненым в Бруг-на-Бойне, ньюгрейнджском некрополе, как того требовал от королей Тары обычай.

Говоря об ирландской традиции, мы почти всегда сталкиваемся с проблемой аутентичности; не является исключением и следующий вопрос: на самом ли деле королей Тары в позднекельтский период хоронили на неолитическом кладбище, уже к тому времени насчитывавшем 3000 лет? Или же эти истории представляют собой всего лишь спекуляции средневековых ученых? В любом случае у нас нет никакого повода усомниться в необычайной устойчивости традиции, примерами которой могут служить Тара и Ноут. Это обстоятельство само по себе является сильным свидетельством в пользу точки зрения, согласно которой какая-то часть народов — строителей мегалитических построек и их верований сохранялась в Ирландии и при позднейшем наслоении кельтских племен. Место и традиция всегда имели огромное значение в глазах ирландцев, а на примере «Старины мест» мы видим, какую важную роль отводили им поэты.

В отличие от акрополя Кашеля в Мунстере, Тара, располагающаяся на низком гребне холмов в центре графства Мит, ни в коей мере не производит сильного впечатления. Беспечный посетитель может даже не заметить валы и насыпи. Однако если взобраться на гребень, перед зрителем **[72]** открывается поразительно широкая панорама. Тара (по-ирландски *Temair*) означает «место *с* видом», а Темайр Брег в Мите является лишь одним из нескольких ирландских мест, носящих сходные названия. С холма Тары можно увидеть горы или холмы во всех четырех провинциях — Ульстере, Лейнстере, Мунстере и Коннахте, — хотя отсюда не видно находящееся относительно недалеко море. Его господствующее положение привело бы в восхищение римских или этрусских авгуров, разделявших небо на четверти жезлом, которым когда-то владели хеттские цари. Король Тары поистине мог бы называться господином четырех четвертей. Возможно, именно в этом следует искать подлинное значение Тары. Названия, данные ныне различным местам раскопок в Таре, заимствованы из замечательного среднеирландского описания (вероятно, датируемого X веком), включенного в *Лейнстерскую Книгу,* однако в некоторые из них вкрались ошибки и неточности. Названия «Дом Кормака» и «Королевское Сидение» следует поменять местами. Средневековый ученый неправильно счел длинное сооружение к северу домом, назвав его «Женским Павильоном» или «большим Домом для тысяч Наемников», но он не называл его «Пиршественным Залом»: из ранних описаний ясно, что последний считался временным сооружением, возводимым специально по случаю крупного торжества в пределах королевской резиденции; мы знаем, что в XII веке ирландские короли обычно строили для подобных пиров «Пасхальный дом» (*Tech Casca).* Сходные временные сооружения, по-видимому, изображаются в таких сагах, как «Пир у Брик-рена», а Роджер Хоуденский рассказывает, как ирландские короли построили чудесный дворец из плетеных прутьев для Генриха II во время его посещения Дублина зимой 1171—1172 годов. В этом трактате, посвященном Таре и представляющем собой необычайно точное описание давным-давно заброшенного места, упоминается несколько ныне разрушенных мест (хотя некоторые из них можно различить на аэрофотоснимках). Во время написания текста Аиа Фаль находился на «Холме Заложников», хотя и в лежачем положении, так что автор, вкупе с другими ирландскими псевдоисториками, ошибочно посчитал его плитой (*lecc*), на которой король якобы стоял во время инаугурации. Ныне невозможно определить подлинную природу традиций, из которых автор трактата черпал названия различных памятников, однако его основным источником был, вероятнее всего, местный фольклор. Интересно отметить, что хотя этот автор и осознавал погребальный характер неолитических могильных курганов, сооружения на северо-западе (которые современные археологи считают **[73]** погребениями железного века) он принял за обычные круглые крепости. Таким образом, скорее всего, все эти памятники уже тогда заросли травой, а их первоначальное предназначение было невозможно установить. Средневековые ирландские ученые,

которым был известен обычай хоронить королей в знаменитых монастырях, утверждали, что ранних верховных королей Тары хоронили в Бруг-на-Бойне. Однако, несмотря на ошибочное понимание характера этого сооружения, автор трактата, должно быть, передавал подлинную традицию, когда связывал его с празднованием «Праздника Тары» *(Feis Temro)*[15].

Если учитывать, что долина реки Бойн являлась центром процветающей культуры с самого начала оседлой жизни в Ирландии, кажется вполне уместным предположение, что Тара даже в доисторические времена могла считаться главным центром страны. Если даже очистить средневековую традицию от наслоений и перетолкований, явившихся следствием позднейших политических успехов Уи Нейллов, очевидно, что значение королевской власти в Таре выходило за рамки обычного положения вещей. Иначе невозможно объяснить то упорство, с которым верховные короли из династии Уи Нейллов цеплялись за это звание даже тогда, когда они уже жили в области озера Лох-Эннелл в Уэстмите или в отдаленных северных областях Тир Конайлл и Кенел Эогайн.

Вряд ли монархия Тары объединяла доисторическую Ирландию в политическом плане. Эта королевская власть носила культовый и, вероятно, непостоянный характер. В ходе владычества королей Тары из династии Уи Нейллов в VI и VII веках нередки были периоды междуцарствия, и, таким образом, мы можем говорить о том, что положение короля Тары не соответствовало положению обычного племенного или династического короля, которого после смерти следовало немедленно заменить преемником; скорее, оно считалось почетным отличием, которого иногда мог достичь тот или иной правитель. Более того, хотя Уи Нейлы — иногда имея на то исторические основания, иногда нет — и заполнили перечни доисторических королей Тары туманными персонажами из собственных родословных, им пришлось признать, что верховная власть до правления Ниалла Девяти Заложников подчас доставалась представителям и других провинций. В искаженных доисторических традициях встречаются отчетливые свидетельства, говорящие о том, что в особых отношениях с королевством Тары состояли короли лагенов или Лейнстера. **[74]** Странным образом в объемном своде древнеирландских правоведческих трактатов Тара упоминается лишь один раз, да и в этом единственном случае сообщение расходится с официальной историей. В правоведческом трактате VIII века о пчелах говорится, что Конгал Кривой, король Ульстера из круитни, погибший в битве при Мойре в *637* году, был королем Тары до тех пор, пока (подобно Кормаку, сыну Арта) не лишился власти, потеряв глаз. Хотя в этом тексте не утверждается открыто, что король Тары был королем Ирландии, очевидно, он занимал чрезвычайно важное положение.

Власть всякого ирландского племенного короля носила сакральный характер, но власть короля Тары имела культовую или жреческую природу в особом смысле. Нельзя отрицать, что она могла иметь «общенациональное» значение. Согласно Цезарю, разъединенные в политическом отношении галлы проводили друидическое собрание близ Шартра на территории карнутов, которая считалась центром Галлии. Профессиональная сплоченность ирландских ученых людей и единообразие литературного языка подразумевает, что в доисторические времена в Ирландии существовало сходное друидическое единство. Правда, омбилическим центром страны был скорее Уснех, а не Тара, и именно к Уснеху средневековая традиция относит проведение друидического огненного обряда. Пятиугольный каменный столб в Уснехе, по преданию, отмечал точку схождения пяти провинций. Из этой теории вытекает разделение Мунстера на две пятины: по альтернативной традиции, Миде является центральной пятиной, которую выкроил из других четырех пятин Туатал Техтмар, дед Конна Ста Битв, когда он захватил Уснех. Уснех и Тара были культовыми центрами-близнецами, и автор одного среднеирландского

[15] См.ниже, с. 81.

источника уподобляет их расположение в Ирландии двум почкам животного. С ними были тесно связаны два других места: Тлахтга (Холм Уорд) и Тайльтиу (Телтаун), где король Тары проводил оэнах в праздник Лугназад (праздник Луга в начале августа). Сообщается, что Тайльтиу прежде принадлежала Ульстеру, Тара — Лейнстеру, Тлахтга — Мунстеру, а Уснех — Коннахту.

Эти легенды плохо согласуются в политическом и географическом смысле и, возможно, представляют собой всего лишь вымысел. Однако Алвин и Бринли Рисы в книге «Наследие кельтов» выдвинули любопытное предположение, что их следует интерпретировать не буквальным, а символическим образом. Исходя из параллелей, обнаруживаемых в санскритской литературе и других, еще более удаленных источниках, они **[75]** разработали теорию, согласно которой пять пятин отражают не столько политическое или этническое разделение, сколько космологическую схему. Теория имеет свои привлекательные стороны, коль скоро поиски пяти пятин в исторической действительности не увенчались успехом, между тем как термин «пятина» представляется прочно устоявшимся. В раннюю эпоху пятины, несомненно, были нечетко очерченными областями, над которыми, возможно, господствовали отдельные племена или союзы племен, но вряд ли подлинными политическими единицами. Согласно этой теории, они также являлись символическим отражением кастовых функций индоевропейского общества, которые выявил Дюмезиль в своих исследованиях индийской, персидской, римской и германской мифологии. Таким образом, Коннахт связывается с белым цветом и кастой брахманов или друидов, Ульстер — с красным цветом и воинским сословием, Лейнстер — с синим или зеленым цветом и с земледельцами, а Мунстер — с черным цветом и шудрами: рабами, женщинами, музыкантами, ведьмами и мертвецами. В центре находится пятый пункт, из которого можно обозревать все остальные и который представляет квинтэссенцию королевской власти, сочетающей и возвышающей функции всех каст. По мнению Рисов, Мунстер занимает место особого микрокосма, отдельного мира с собственным пятеричным делением. Этот тезис подкрепляется множеством любопытных подробностей, в несколько неразборчивой и беспорядочной манере почерпнутых из ирландской литературы и традиций. Не составит особого труда подвергнуть теорию Рисов обстоятельной критике и свести ее к абсурду, так как они осознанно не придавали значения псевдонаучному средневековому вымыслу и не подвергли свои источники строгому текстуальному анализу. Однако критиковать их теорию на исторических основаниях бесполезно, так как по сути своей она имеет аисторическую и мифологическую природу.

На примере двух королей: Конайре Мора и Кормака, сына Арта — можно составить наиболее отчетливое представление о функциях доисторического короля Тары. Конайре Мор, сын Этерскела, может с большим основанием считаться полностью мифологическим персонажем. Средневековые хронографы относили его правление приблизительно ко времени действия «Похищения быка из Куальнге» и рождения Христа, а когда это соотнесение вызывало у них затруднения хронологического характера вследствие противоречивых традиций, по-разному определяющих время жизни его сыновей, они разделили его на двух отдельных персонажей. В действительности Конайре Мор является вневременной фигурой: изначальным **[76]** справедливым королем, невольно нарушившим свои геисы и идущим к неизбежной гибели. Историки литературы отметили наполняющий сагу о Конайре «Разрушение дома Да Дерга» *(Togail Bruidne Da Derga)* дух греческой трагедии. Так как многие ученые видят в сюжетах «Эдипа» и «Агамемнона» продолжения греческой формы того же королевского мифа, это сходство не должно нас удивлять.

В начале «Разрушения дома Да Дерга» описывается признание Конайре и провозглашение его королем Тары, и эта часть особенно интересна для нас:

«Между тем умер король Этерскел. Собрались тогда ирландцы на праздник быка. По обычаю на нем убивали быка, и один из мужей наедался досыта его мясом и пил отвар,

а потом над его ложем произносили слово правды. Тот, кого случалось ему увидеть во сне, должен был стать королем. Помертвели бы губы его, лишь осмельсяон сказать неправду. (...) И привиделось тогда спящему, что движется по дороге в Тару обнаженный муж, вложив в пращу камень»[16].

Между тем юный Конайре, который был сыном покойного короля, но воспитывался втайне своей матерью Месс Буахалла, охотился на равнине Лиффи. Он гнался за странной стаей птиц до Ат Клиата (Дублин), а когда они полетели за море, он разделся, чтобы продолжить погоню. Тогда птицы превратились в вооруженных воинов и напали на Конайре, но их предводитель выступил вперед и защитил его. Он был королем птиц, который посетил Месс Буахалла в хижине, где ее скрывали пастухи, и той ночью зачал Конайре, до того как она вышла замуж за Этерскела. Он приказал Конайре идти в Тару, где его сделают королем, и наложил на него множество гейсов:

«Будут запреты лежать на правлении твоем, но благородна власть птиц. Вот каковы те запреты. Нельзя обходить тебе Брегу слева направо, а Тару — справа налево. Нельзя убивать тебе диких зверей Керны[17].**[77]** Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары. Нельзя тебе проводить ночь в таком доме, откуда наружу виднелся б огонь или свет был заметен оттуда. Три Красных не должны пред тобой идти к дому Красного. Не должен случиться грабеж при правлении твоем. Да не войдут в твое жилище после захода солнца одинокий мужчина или женщина. Не должно тебе решать спор двух рабов». [Предания. С. 105].

Конайре отправился в Тару обнаженным с пращой в руке. Три короля ожидали его на каждой из четырех дорог, ведущих в Тару, и его приняли как короля.

Начало саги, повествующее о матери Конайре Месс Буахалла, связано с сагой «Сватовство к Этайн» *(Tochmarc Etaine).* В саге рассказывается, как Эохайд Айрем, король Тары, женился на Этайн, женщине из Иного мира, воплотившейся в человеческом образе, возлюбленной бога Мидира из сида Бри Лейт (в Лонгфорде). Судя по тому, что мужи Ирландии не желали приходить на Праздник Тары, прежде чем Эохайд не обзаведется женой, Этайн является олицетворением богини власти. Мидир отнимает ее у Эохайда, но тот силой принуждает его вернуть ее. Мидир обманывает Эохайда, посылая вместо нее ее дочь, которая так похожа на мать, что замена прошла незамеченной, пока люди не обратили внимание на то, что она разливает напитки не в манере настоящей Этайн (как мы видели, это функция богини). Между тем у Эохайда уже родилась дочь от этого кровосмесительного союза, и ребенка бросили на произвол судьбы. Девочку спасли пастухи, тайно вырастившие ее в своей хижине, пока однажды ее красоту случайно не заметили слуги нового короля Этерскела, после чего она вышла за него замуж. По всей видимости, таков был приблизительный сюжет этой истории, которая в ходе переписывания превратилась в крайне туманную и запутанную повесть.

Мы обнаруживаем в ней несколько любопытных мифологических мотивов. Явная неосведомленность Конайре о своих правах на королевское звание и его тайное воспитание никак не объясняются, и очевидно, что миф о Рождении Героя, повествующий о кровосмесительном зачатии, подбрасывании, спасении и завершающем признании, был перенесен на его мать. Важное значение в этом контексте приобретают как тема союза

---

[16] Цит. по изданию: Предания и мифы средневековой Ирландии. Пер. С. В. Шкунаева. М, 1991. С. 104. Далее — [Предания].

[17] Керна была древним кладбищем. Согласно одной традиции, там были похоронены ранние короли Бреги из династии Уи Нейллов, Сил Аэдо Слане. Это название сохранилось до наших дней в форме Карнс (графство Мит), однако соблазнительно отождествить кладбище с неолитическими погребальными галереями в Форноксе примерно в четырех милях от Карнса. Вероятно, в окрестностях соседнего города Клоналви стоял Лиа Айльбе, считавшийся главным памятником Бреги, пока он не был уничтожен в 999 году верховным королем Маэлсехнайллом.

между чудесным человеком-птицей и матерью Конайре в пастушьей хижине, так и имя его матери — Месс Буахалла («воспитанница пастуха»). Это напоминает священный брак, в данном случае рассматриваемый не с точки зрения короля, но с точки зрения королевы в качестве матери **[78]** будущего короля. В Афинах V века весенний месяц Антестерион отмечался архаическим праздником. Разыгрывался священный брак (ιερος γαμος) между богом Дионисом и супругой базилевса, который давно уже был не подлинным царем, а одним из девяти ежегодно избираемых архонтов, носившим почетное звание для проведения религиозных ритуалов, составлявших прерогативу исчезнувшего царя. Обрядовое жилище, куда при скоплении народа отводили нареченную «царицу» (βασιλισσα), называлось «пастушьей хижиной» (βουκολειον). Некоторые склонны считать, что еврейский праздник Скиний уходит корнями в сходный обряд царской свадьбы, совершавшийся во временном шалаше из зеленых веток на осеннем празднике Нового года.

Ассоциация короля с воспитанником пастуха проступает также в замечательной повести «Песни дома Бухета» *(Esnada Tige Buchet*), в которой говорится о том, как Кормак, сын Арта, влюбляется в скромную Этне, которая собирает хворост и доит коров для своего обедневшего приемного отца Бухета. Имя Бухета, хотя и имеет скорее бриттскую, чем ирландскую форму, означает «пастух», и, подобно многим другим божествам, этот образ в соответствии с модой на евгемерическую трактовку был перетолкован в гостеприимца *(briugu)* короля Лейнстера. Бухета разорили сыновья короля, братья Этне, и ему пришлось перебраться в Келлс. Когда Кормак женится на Этне, она возвращает себе королевское звание. Сам Кормак живет в Келлсе, так как лейнстерская королева Медб, вдова его отца Арта, не позволяет ему войти в Тару. Однако теперь, женившись на Этне, которая в конечном счете является воплощением той же самой богини в более благотворном аспекте, он обосновывается в Таре и принимается возводить знаменитый Рат-на-Риг и Пиршественный Зал.

Фигура божественного пастуха знакома нам по индийскому сказанию о Кришне, она появляется во многих греческих мифах. В ирландском мифе гостеприимец *(briugu)* в своем доме *(bruiden,* слово, которое часто относится к сиду, волшебному холму) часто является очеловеченным богом Иного мира, председательствующим на вечном пиру. Во вредоносном аспекте, например, в облике Да Дерга («Красного бога»), в доме которого Конайре находит свою погибель, его пир приобретает зловещие черты, сближаясь с пиром мертвецов в Ином мире. Эти мифологические мотивы с трудом можно выявить в средневековых сказаниях, в которых общая атмосфера уподобляется привычному человеческому миру, а персонажи подвергаются историзации. С другой стороны, неспособность составителей саг приписать своим персонажам адекватные побуждения во многом **[79]** объясняет непоследовательную манеру повествования, которая не дает многим ирландским повестям достичь совершенства литературной формы. Как ни парадоксально, историк может использовать материал саг только в том случае, если он осознапт, что по большей части имеет дело с мифологией; в качестве мифов они проливают свет на глубинные представления о королевской власти в древней Ирландии.

Бычий пир в Таре упоминается также в одной из саг Ульстерского цикла, «Болезни Кухулина» *(Serglige Con Culainn),* по мотивам которой Иейтс создал пьесу «Единственная ревность Эмер». Скорее всего, этот отрывок представляет собой интерполяцию из саги о Конайре. Кухулин получает возможность дать избранному кандидату, своему приемному сыну Лугайду Реодергу, ряд наставлений (*tecosca*), сходных с наставлениями, которые приписывают Кормаку. В саге утверждается, что бык был белого цвета, а над спящим пели заклинания четыре друида.

«Разрушение дома Да Дерга», вероятно, было написано в IX веке, но более ранняя версия вступления Конайре на престол содержится в генеалогическом трактате «О потомстве Конайре Великого» *(De Shil Chonairi Mor).* Ибо Конайре был предком многих племен эринов в Мунстере и других областях — в особенности Мускрайге из Корка и

Типперэри, Корко Дуйбне с полуостровов Керри, Корко Байскинн из западной части графства Клэр и Дал Риады из Антрима, короли которых позднее правили в Шотландии. Имя Конайре прочно связывается с королевством Тары, и это — одно из немногих указаний на то, что королевская власть имела какое-то отношение к пятине Мунстера. В трактате о Месс Буахалла говорится: «Высока была она ростом и злобна на вид, да к тому же колдовством проникала в моря и сиды» [Предания. С. 128]. Она зачала ребенка от Этерскела (который в этом трактате считается ее отцом), когда пасла его стада, но держала имя отца своего сына в тайне. После смерти Этерскела люди Лейнстера и род Конна Ста Битв собрались в Таре, чтобы избрать нового короля:

«И была в Таре королевская колесница, которую влекли два коня одной масти, никогда прежде не знавшие упряжи. Вскачь пускались они перед недостойным стать королем, так что не мог он остановить их и обрушивались на него те кони. Королевский плащ лежал в той колеснице, что всякий раз был велик недостойному власти над Тарой. Два стоячих камня были там, что звались Блок и Блуйгне. Лишь перед назначенным человеком расступались они и пропускали между собой колесницу. В конце колесничной дороги был Фаль, и если должно было кому принять власть над Тарой, то **[80]** вскрикивал он, когда касалась его ось колесницы, так что слышали это все вокруг».

Месс Буахалла рассказывает Конайре о его происхождении и созывает войска Иного мира, чтобы они сопровождали его в Тару:

«Тогда отправился Конайре через Маг Брег к Таре, а мать его шла впереди войска. И увидели воины в Таре идущее к ним через Маг Брег войско во главе с Конайре и его матерью. Сбросила та с себя плащ и пояс да распустила черные волосы. Осталась она в широком черном одеянии, а впереди нее шли друиды, возглашая жестокие песни, щитоносец, певцы и трубачи в рог. Воистину великое это было воинство» [Предания. С. 128-129].

Люди в Таре приходят в ужас и покидают ее. Конайре поднимается на колесницу и надевает плащ, который приходится ему впору. Он направляет колесницу к камням, которые расступаются перед ним, и Лиа Фаль вскрикивает. «Шаль принял его», — кричит толпа. Конайре признацтся королем, и его спутники из Иного мира исчезают, наложив на короля запрет: никогда не встречать восход и закат солнца в Таре.

Эта история, датируемая VIII веком, очевидно, архаичнее повествования соответствующей саги. Испытание колесницей и лошадьми напоминает греческие мифы об Ипполите и Пелопе и о пожирающих людей лошадях Диомеда. Имена Блок и Блуйгне фигурируют в саге «Видение призрака» IX века. Их носят друиды, сопровождающие Конна Ста Битв при обходе им валов Тары. Макалистер истолковывает испытание камнями как обряд перерождения. В наши дни Лиа Фаль установлен посреди Королевской Крепости *(Rath na Rig),* но первоначально он стоял возле Холма Заложников на одной линии с так называемым Пиршественным Залом. Это особое сооружение: параллелограмм 750 футов в длину, который ошибочно отождествлялся с Пиршественным Залом, построенным Кормаком, сыном Арта. Скорее всего, это было ритуальное огороженное место, а вовсе не пиршественный зал. Сходные сооружения обнаруживаются в Англии (близ Стоунхенджа и в Дорчестере на Темзе), а также на континенте. Иногда отмечается связь с местами неолитических находок, а иногда — с кельтскими поселениями железного века. Археологи обозначили их латинским словом *cursus,* а ирландские легенды подтверждают пригодность этого термина. В этом тексте королевский плащ обозначается словом *cassal,* заимствованном из латинского, где оно имело форму *casula*; однако оно было полностью адаптировано ирландцами еще в VII веке. Более ученое заимствование проявляется в определении **[81]** Лиа Фаль — *ferp cluiche,* где *ferp* — это латинское слово *verpa:* по-видимому, оно употребляется только в одном этом тексте.

Какие бы сомнения мы ни питали относительно подлинности этих легенд, из данных ирландской традиции с полной очевидностью вытекает, что Тару окружала аура язычества и друидизма. Память о ней поддерживалась среди ирландцев, считавших ее

воплощением национального величия, однако Церковь испытывала к ней неприязнь. Это двусмысленное отношение отразил Муирьху в своем рассказе о противоборстве св. Патрика с Лоэгайре в Таре. Очевидно, повествование строится по образцу библейского состязания пророка Илии с пророками Ваала и торжества пророка Даниила при дворе Навуходоносора. Для усиления эффекта Муирьху исказил подлинные традиции бельтанского огненного обряда, проводившегося 1 мая, поместив празднование в Таре, а не в Успехе, и соотнеся его с христианской Пасхой, тем самым добившись впечатляющего агиографического символизма в сцене, когда Патрик разжигает свой пасхальный огонь в Слане. Позднейшие агиографы еще больше запутали традицию, отождествив этот обряд с Праздником Тары. В одном случае Муирьху называет Тару столицей ирландцев (*caput scotorum),* но всегда подчеркивает, что ее власть основывается на язычестве:

«Так случилось в том году, что в ту же ночь, когда святой Патрик праздновал Пасху, проводился обряд идолопоклонников, который язычники обычно праздновали с разнообразными заклинаниями и колдовскими затеями и иными идолопоклоннническими суевериями, когда собирались короли, управители, вожди, князья и все большие люди и когда друиды, певцы, прорицатели и мастера и умельцы всякого искусства и всякого мастерства *(magis, incantatoribus, auruspicibus et omnis artis omnisque doni*[18] *inuentoribus doctoribusque)* были призваны к Лоэгайре, как когда-то к царю Навуходоносору, в Тару, их Вавилон».

Муирьху доводит повесть о состязании Патрика с друидами до подобающей кульминации, описывая обращение Лоэгайре в христианство; однако Тирехан, который был почти что современником Муирьху, приводит более достоверную традицию, говорящую, что Аоэгайре отверг крещение: его отец Ниалл запретил ему переходить в христианство, ибо, когда он умрет, его нужно будет похоронить в стоячем положении и в **[82]** полном вооружении в валу Тары лицом к его наследственному врагу, сыну Дунлайнга, короля Лейнстера, похороненному в его крепости Муллагмаст.

Библейские реминисценции несколько иного характера привлекались для украшения рассказов о правлении Кормака, сына Арта. Как и подобает, образ предка победоносных Уи Нейллов рисуют яркими красками и даже приписывают ему переход в христианство перед смертью. Также ему приписывают возведение Пиршественного Зала, а тщательно продуманное описание этого сооружения в «Старине мест» явно восходит к изображению храма Соломона в Книге из Келлса. В другом тексте Кормак открыто уподобляется Соломону и Октавиану Августу. Кормак прославился справедливыми суждениями и авторством самого знаменитого королевского «Наставления», которое, возможно, следует сопоставить с Притчами Соломона.

Хронографы отводили Кормаку сорок с лишним лет правления в III веке н. э., однако вставка в *Анналах Улъстера* из какого-то источника VIII века относит его смерть к *366* году. Так как хронология правителей из династии Уи Нейллов V века почти наверняка подверглась осознанному удревнению, это сообщение, вероятно, соответствует более точной традиции. Большое количество легенд и мифов, окружающих имя Кормака, сына Арта, говорит о том, что его потомки — коннахты и Уи Нейллы — считали его основателем верховной королевской власти в Таре. Он является единственным персонажем среди их легендарных предков, которого позволительно считать историческим лицом. Возражение О'Рахилли, утверждавшего, что повесть о юности Кормака носит явный мифологический характер, не является веским доводом: распространенный во всем мире миф о Рождении Героя, конечно же, очень часто соединялся с именами совершенно исторических деятелей. Для правильной оценки баланса между церковью и государством в раннеирландском обществе симптоматичным

[18] Гибернизм: ирландское слово *dan* означает одновременно «дар» и «искусство, ремесло», в особенности «искусство поэзии».

выглядит то обстоятельство, что в Ирландии этот миф столь же часто входил в ткань повествования о святых, как и в саги о королях.

Миф о рождении Кормака гласит следующее. Его отец Арт, сын Конна, направляется на сражение при Маг Мукримме в Коннахте, в котором он и его союзник Эоган, предок королей Мунстера из династии Эоганахтов, встретят свою смерть от руки Лугайда Мак Кона, изгнанного представителя более древнего народа эринов. Арт проводит ночь в доме кузнеца по имени Олк Аха, зловещего персонажа, которого день за днем кормит молоком ста коров его дочь Ахтан. Этой ночью Ахтан отдает **[83]** питье своего отца Арту и его людям, а ее отец советует ей провести ночь с королем. (Отметим лишний раз мотив раздачи напитков и сходство с темой дочери пастуха: в другой версии саги дочь кузнеца носит имя Этайн. В древнейшем тексте говорится, что Олк Аха был также друидом, и мы вспоминаем, что молитва IX века «Броня св. Патрика» должна охранять от «заклинаний женщин, кузнецов и друидов».) Олк Аха предрекает Арту смерть, и тот оставляет у Ахтан для сына, которого она принесет, свой меч, золотое кольцо и церемониальное одеяние.

Когда Кормак появляется на свет, его похищает волчица, которая затем вскармливает его вместе со своими щенками. Охотник Лугна Фер Три находит мальчика и возвращает его матери, и она забирает его с собой на север к приемному отцу Арта Фиахре Кассану, сыну Коллы Да Криха из Айргиаллы. На пути через горы на них нападают волки, но их защищают дикие лошади. Фиахра сажает Кормака в сосуд для молока из тисового дерева и накрывает пурпурным платком, чтобы к нему не могли прикоснуться руки многочисленных приветствующих. (Это неубедительно: несомненно, первоначально сосуд скрывал Кормака от его врагов.) Закончив тридцатилетнее воспитание у Фиахры, Кормак, охраняемый волшебством своего деда, отправляется в Тару в день, отмеченный благоприятными знамениями, с отцовским мечом, кольцом и одеянием. Он встречает женщину, которая жалуется на приговор, вынесенный не в ее пользу королем Лугайдом Мак Коном. Ее овцы потравили поле вайды, принадлежащее королеве, и король забрал их в возмещение убытка. Кормак говорит, что Лугайд никогда прежде не выносил неправедного суждения, но теперь он неправ, так как вайда вырастет снова, и «урожай овец» (одна стрижка шерсти) будет подобающим возмещением за уничтоженный урожай. Согласно некоторым версиям, в тот момент, когда Лугайд вынес неправедный приговор, одна стена дома обрушилась, откуда произошло название любопытного сооружения «Кривой вал» *(Cloenfherta)* в Таре; кроме того, Кормак был еще ребенком на воспитании у Лутайда, когда он изрек свое не по годам зрелое суждение. Тогда Лугайд Мак Кон понял, что тридцать лет его правления подошли к концу и достаточно спокойно отрекся от королевского звания.

Как и все остальные ирландские саги о происхождении героев, эта повесть не замышлялась как прежде всего литературное произведение. Она имела особую, политико-дидактическую цель. Эоган, как и его союзник Арт, в ночь накануне битвы встретил Монху, дочь друида Трета мокку Крекки, которая также принесла ему сына, родившегося после смерти **[84]** отца. Это был Фиаху Муллетан, от которого ведут свой род короли Мунстера. «Потому преступление любому человеку из рода Эоганахтов убивать человека из Крекрайге» (племя, жившее среди народа Коркомруад в северном Клэре и на острове Берри в западном Корке). История о сподвижниках Кормака сходным образом служит для выявления и объяснения особых отношений между Уи Нейллами и Айргиаллой (хотя в этом аспекте она противоречит хронологии официальных родословных) и между коннахтами и Корко Фир Три, племенем Луигни в современных баронствах Лейни и Корран, графство Слайго. В поздних версиях (в которых, тем не менее, может быть представлен более близкий к оригиналу коннахтский извод) Ахтан по указанию Арта отводит ребенка Кормака на воспитание к Лугне Фер Три, однако теряет его по пути. Позже его находит в волчьем логове Грек, сын Арода, и Лутна вознаграждает его землей, которую потом населяли его потомки Грекрайге («Грегори» в баронстве Кулавин в

южном Слайго). Кажется правдоподобным предположение, что Крекрайге и Грекрайге являются различными ветвями одного народа: некоторые другие племена (например Киаррайге) также обитали и на территории Коннахта, и в Мунстере.

Таким образом, в мифологической форме сага отражает представления VIII века о разделе Ирландии на Половину Конна и Половину Муга, при котором коннахты — Уи Нейллы на севере и Эоганахты на юге — стали господствовать над эринами и другими народами. Впрочем, возникают некоторые сомнения по поводу того, что эта повесть изначально создавалась для прославления Кормака. Лугайд получает положительную оценку во всех рассказах о его ссоре с Эоганом и Артом, а в завершающей части истории он поступает по отношению к Кормаку очень благородно. Его прозвище Мак Кон — «сын пса» или «псов» (возможен и перевод «волк») — позволяет предположить, что именно он был первоначальным героем сказания. Оба имени, и Лугайд, и «мак Кон», являются прозвищами бога Аута. Под именем Мак Кона бог выступает в роли предка Конмайкне, разбросанных по Ирландии от востока до запада и давших свое название Коннемару (Конмайкне Мара — «морские сыновья пса»). Более того, Аугна Фер Три фигурирует в более узком локальном контексте в темном генеалогическом трактате о Луигни и Гайленга, спасая и воспитывая малоизвестного доисторического королевича Ниа Девяти Зерен (Ниа Ной Грайнне), имя которого странным образом напоминает имя Ниалла Девяти Заложников. Согласно составителю родословных Мак Фирбису, жившему в XVII веке, Кормак лишил племена Гаманрад **[85]** королевской власти над Коннахтом и передал ее некоему Ниа, сыну Лугны, который якобы был его сводным братом. Возможно, захватившие власть над провинцией коннахты заимствовали древние мифы о героях из традиций подчиненных племен. Однако Кормак явно наделяется гораздо более высоким статусом, чем племенной или местный властитель: упоминание пурпурного цвета платка, скрывавшего его убежище, говорит о том, что автор саги полностью осознавал параллелизм с легендой о Ромуле, в то время как тридцатилетний срок воспитания, возможно, должен был напоминать традиционный возраст Христа.

Главную историческую черту правления Кормака, которую можно извлечь из традиции, составляет его непрерывная война с Ульстером. Хотя падение Эмайн Махи и сопутствующее ему крушение ульстерского королевства произошло позже, весьма вероятно, что началом конца можно считать передачу Кормаком власти над Тарой коннахтской династии. По легенде, Кормак однажды был лишен королевской власти и изгнан улада-ми, а в саге VIII века о битве при Кринне рассказывается, как с помощью Тадга, сына Киана, он прогнал уладов с берегов реки Бойн и вернул себе престол. Конечно, историчность этих сведений вызывает серьезные сомнения. Возможно, перед нами просто еще одна родовая сага, объясняющая политическую ситуацию VIII века, когда Южные Уи Нейллы владели Брегой (королевство, включающее территории современного графства Мит, северную часть графства Дублин и южную часть графства Лаут) и управляли вассальными племенами Луигни, Гайленга и Кианнахтов, которые все возводили свой род к Тадгу, сыну Киана — еще одному аватару знакомого нам бога Аута. В саге особое место отводится Кианнахтам, названным по имени Киана, отца Тадга, которые занимали земли по обоим берегам нижнего течения реки Войн. Кормак обещал Тадгу столько земли, сколько его колесница объедет за один день, но подкупил колесничего, чтобы тот миновал саму Тару, в то время как Тадг лежал без памяти от полученных ран.

Составители генеалогий выводили род Тадга и его потомков из Эли в северном Мунстере, однако коль скоро мы обнаруживаем, что Луигни и Гайленга были тесно связаны с Коннахтом, выступая в роли коннахтских соседей и союзников, и находим Кианнахтов в графстве Лондондерри на территории Северных Уи Нейллов, у нас есть все основания согласиться с мнением Мак-Нейлла, что они представляли собой вассальные племена воинов, которых коннахты и Уи Нейллы привели с запада и посадили на завоеванных землях, подобно тому как Мак-Свини и другие кланы из **[86]** Шотландии и с

Островов получали в награду ирландские территории от гэльских лордов позднего Средневековья. С другой стороны, имеются свидетельства того, что улады, даже после того как они лишились своей древней столицы и утратили власть над центральным и западным Ульсте-ром, все еще владели южными землями до самой реки Войн в первой половине VI века. Таким образом, Уи Нейллы могли поселить здесь Кианнахтов спустя несколько столетий после предполагаемого правления Кормака, как почти наверняка произошло с северной ветвью этого племени, а их связи с Гайленга, Луигни и Сайтне в таком случае оказываются генеалогическим вымыслом.

Каким бы образом ни объяснялось присутствие Гайленга и Луигни в графствах Мэйо и Слайго, одноименные народы, которые населяли Брегу совместно с Сайтне и цепь племенных королевств которых на самом деле охватывала территорию от Гласневина до озера Лох-Рамора в Каване, производят впечатление поразительно гомогенного сообщества. Они были настолько тесно связаны между собой, что в поздний период, незадолго до норманнского вторжения, королем того или иного племени из этого союза мог становиться представитель другого союзного племени. Они резко отличаются от населения Миде, западной части владений Южных Уи Нейллов. В графствах Уэстмит, Лонгфорд и Оффали жили подчиненные племена — Делбна, Корко Ройде, Куиркне и другие — с темным, но во всяком случае различным происхождением. Они вполне могли вести свой род от жителей изолированных и не связанных между собой поселений, появившихся на территории, которая, возможно, даже в относительно недавний период доисторической эпохи считалась непригодной ни для земледельца, ни для скотовода из-за обилия болот, озер и лесных чащ. Однако долина реки Бойн являлась областью оседлой культуры со времен неолита, и вполне вероятно, что последующие завоевания наложились на историю этой части страны, так и не сумев поколебать фундаментального единства ее населения.

Вопрос об изначально населявших центральные графства племенах и отношении этой области к древним пятинам остается предметом домыслов и догадок. Ее подлинная история начинается с возвышением Уи Нейллов. Основание династических королевств потомками Ниалла Девяти Заложников ознаменовало новую ступень в политической организации: медленный переход от чисто племенного общества к местному ирландскому типу феодализма, закончившийся к XII веку. **[87]**

ГЛАВА V

НИАЛЛ ДЕВЯТИ ЗАЛОЖНИКОВ

В данный момент мы по необходимости вынуждены возвратиться в мир мифов и легенд. Если греки считали, что человек обретает счастье только в смерти, то средневековые ирланцы полагали, что человек заслуживает места в истории только в том случае, если долговечность его достижений подтверждается успехом его правнуков. Если бы О'Брайены не удержали королевской власти по крайней мере в Томонде, вряд ли бы Бриан Борома играл столь выдающуюся роль в исторических книгах.

Vixere fortes ante Agamemnona
multi; des omnes illacrimabiles
urgenitur ignotique longa
nocte, carent quia vate sacro...

Немало храбрых до Агамемнона
На свете жило, вечный, однако, мрак
Гнетет их всех, без слез, в забвеньи:

Вещего не дал им рок поэта[19].

Однако и сама хвала поэтов вряд ли была бы занесена на бумагу, если бы писцы не пользовались покровительством царственных потомков героя.

В случае Ниалла Девяти Заложников мы попадаем в затруднительное положение, так как перед нами возникает необходимость измерять его историческое величие по подлинным деяниям его потомства и характеру легенд, которыми они окружили его память. За исключением писаний св. Патрика, иных документальных памятников V века практически не существует, а для VI века мы располагаем крайне скудным числом таких источников. Анналы, повествующие о большей части этого периода, вряд ли создавались одновременно с описываемыми событиями: они являются продуктом необычайного расцвета монастырей, наступившего в середине **[88]** VI века, а записи, относящиеся к более раннему времени, вероятно, были дописаны гораздо позже, хотя компиляторы могли опираться на какие-то краткие отрывочные источники. Только в VII веке мы вступаем на залитую светом дорогу истории, а к тому времени господство Уи Нейллов уже прочно утвердилось.

И все-таки у нас нет особых поводов сомневаться в историчности самого Ниалла. Его потомки беспрестанно враждовали между собой по примеру большинства ирландских династий и не имели причин придумывать себе общих прародителей, так как по единодушному свидетельству верховное королевство Тары не являлось прерогативой какого-либо племени или рода до времени Ниалла. Тем не менее к концу V века оно уже почти превратилось в наследственное владение. Отказавшись от племенного обозначения «коннахты» и приняв династическое имя Уи Нейллы, сыновья и внуки Ниалла тем самым во всеуслышанье заявили о своем намерении монополизировать королевскую власть в Таре и лишить своих западных родичей причитающейся им доли наследства. Конечно же, мы можем подозревать, что в то время, когда всходила звезда Уи Нейллов, некоторые местные правители, обладавшие достаточным весом, чтобы избежать полного подчинения, постарались привить черенки своих родословных к стволу Ниалла. Такое явление засвидетельствовано в других областях Ирландии, и этого следует ожидать в любом обществе, придающем первостепенное значение чистоте родословной; однако оно подразумевает существование подвоя. Неверно было бы считать Уи Нейллов союзом племен. Значение их прихода к власти заключается именно в том факте, что он знаменует важный шаг в сторону от древнего племенного устройства. Уи Нейллы не были ни племенем, ни союзом племен, а династией, которая по определению даже в VI веке состояла из нескольких десятков людей, разбросанных на обширной территории Северной и Центральной Ирландии.

Возникновение династической формы правления в одно и то же время находит соответствия в других частях страны. По-видимому, в Мунстере сходный путь развития проделали Эоганахты, между тем как в Лейнстере из лагенов, первоначально представлявших собой господствующий союз племен, постепенно выделилось несколько династий, каждая из которых имела теоретические права на верховную власть в провинции. Глубинные хозяйственные и общественные корни этой перемены скрыты от наших глаз, но они определенно должны быть связанными с падением Римской Британии. Вряд ли это событие вызвало у ирландцев чувство **[89]** удовлетворения: в самой Ирландии наблюдалась сходная дезинтеграция. Героические времена кельтского железного века подошли к концу: ярче всего завершение эпохи проявилось, конечно, в Ульстере с разрушением Эмайн Махи, однако даже победоносные коннахты в конечном итоге покинули Круахан, а мощной крепости Алены суждено было стать немым символом верховной власти над Лейнстером. Героические века всегда мимолетны: можно недолго

[19] Цит. по изданию: Гораций. Собрание сочинений. Пер. Н. С. Гинцбурга. СПб., 1993. 4 кн., 9 ода.

преуспевать во времена смятения, но когда источник грабежа исчерпан, пользовавшиеся им тщеславные нахлебники, обречены на исчезновение.

На севере улады, вероятнее всего, представляли собой воинскую касту латенских кельтов из Британии, захватившую верховную власть над туземными племенами. Коннахты и лагены в свою очередь, возможно, были военными захватчиками сходного типа, но иного происхождения. В Мунстере картина более туманна, однако мы не находим мунстерских традиций, повествующих о героическом веке в подлинном смысле слова, а первобытное племенное устройство в провинции, по-видимому, не испытывало никаких потрясений вплоть до возвышения Эоганахтов в V веке. Не вполне ясно, были ли они действительно, как сами утверждали, группой населения, отличной по происхождению от вездесущих эринов: в огамичес-ких надписях из области Уотерфорда мы располагаем некоторыми косвенными указаниями на то, что они и их вассалы десси отличались сравнительно недавним галльским происхождением. Впрочем, вряд ли можно сомневаться в том, что своим успехом они были обязаны удачным набегам на Римскую Британию: и десси, и Уи Лиатайн (притязавшие на родство с Эоганахтами и граничившие с десси в восточном Корке) создали постоянные поселения в Южном Уэльсе и Корнуолле. Утверждалось, что мунстерские святые — Деклан из Ардмора, Киаран из Сайгира и Айльбе из Эмли — проповедовали Евангелие до прибытия св. Патрика. В отличие от Тары, окутанной языческой аурой, Кашель был твердыней христианства, возможно, с самого момента его провозглашения столицей Мунстера: Эоганахты заверяли, что он был «открыт» их предком Корком в IV веке благодаря ниспосланному свыше видению; само его название (*caisel*) является заимствованным латинским словом *castella,* обозначавшим укрепления, которые Феодосии воздвиг в Уэльсе и Западной Англии для защиты от ирландских набегов.

Мы уже отмечали гомеровский дух саг Ульстерского цикла, и точно так же, как «Илиада» не говорит о падении Трои, «Похищение быка из Куальнге» и сопутствующие саги обходят молчанием окончательное крушение **[90]** Эмайн Махи, которое предположительно состоялось после того, как сменилось много поколений со времени героических подвигов Кухулина. Впрочем, краткий очерк предполагаемого хода событий мы можем почерпнуть из генеалогических трактатов. Там говорится, что Эмайн была разрушена тремя братьями, носившими одинаковое имя Колла, родичами Муйредаха Тиреха, короля Тары, и, как и он, правнуками Кормака, сына Арта. Они убили своего дядю Фиаху Срайбтине, который по своей воле избрал гибель, когда друид предрек ему, что только таким образом он обеспечит наследие своим потомкам. После многих лет изгнания братья Коллы примиряются с сыном Фиаху Муйредахом и по его совету обращают свои силы и силы своих сыновей против общего врага в Ульстере. Проведя семь сражений и заручившись помощью мужей Коннахта, они убивают Фергуса Фоге, последнего короля Эмайн, и разрушают крепость. Улады удаляются по Гленн Риге (долине реки Ньюри) в графство Даун, а братья Коллы основывают королевство Айргиалла в срединной области древней пятины. Хотя победители и вели свой род от Конна Ста Битв, из-за убийства родича они навсегда утратили права на верховную власть над Ирландией. Когда сменилось еще два поколения, внук Муйредаха Тиреха Ниалл Девяти Заложников стал верховным королем в Таре, а три его сына — Коналл, Эоган и Энда — завершили завоевание Ульстера, основав королевства Северных Уи Нейллов в графстве Донегол. Средневековые ирландские историки отнесли дату падения Эмайн Махи к 327 году, хотя в XVII веке Четыре Мастера останавливаются на 331 годе, а О'Флаэрти счел правильной датой 332 год. Тем не менее еще в XI веке сохранялась иная традиция, относившая падение Эмайн Махи к 450 году.

О'Рахилли продемонстрировал искусственную природу приведенного выше генеалогического рассказа. Как отмечал уже Мак-Нейлл, прямая преемственность от отца к сыну, которую эта генеалогия ведет от Кормака, сына Арта, до его праправнука Ниалла, совершенно не соответствует ирландским законам о династическом наследовании, и,

таким образом, этот перечень доисторических королей выдает свою истинную сущность и оказывается всего лишь переделанной родословной. Кроме того, название Айргиалла попросту означает «дающие заложников». В историческую эпоху это образование представляло собой государство-сателлит Уи Нейллов, если позволительно будет применить современную терминологию. В конечном итоге оно перешло под верховное владычество династии Кенел Эогайн из Северных Уи Нейллов, которые на протяжении VII и **[91]** VIII веков постепенно расширяли свою территорию из Инишоуэна (*Inis Eogain* — «полуостров Эогана» на севере графства Донегол) и заняли земли Айргиаллы в графствах Лондондерри и Тирон. В поздней среднеирландской *Книге Прав* утверждается, что король Тары оказал Айргиалле честь, заковав их заложников в золотые оковы, и нам представляется очевидным, что история о трех братьях Коллах представляет собой генеалогическую позолоту, предназначенную для сокрытия их подчиненного положения. Их неправомочность притязать на власть в Таре (которая все еще сохраняла свое действие в XII веке, когда королевство Тары превратилось в приз сильнейшему, а Доннхад Уа Кербайлл, король Айргиаллы, иногда выступал в роли «делателя королей») говорит сама за себя. Если бы убийство дяди действительно влекло за собой лишение прав на королевскую власть, ирландские правители жили бы гораздо более мирной жизнью.

Трое братьев с одинаковым именем Колла представляют собой лишь двойников трех сыновей Ниалла (которые в качестве потомков Конна могли носить собирательное имя Конле). Именно Ниалл и его сыновья в V веке окончательно разгромили пятину Ульстера, а самое убедительное объяснение прозвища Ниалла возводит его к заложникам, полученным от девяти туатов, первоначально составлявших союз Айргиаллы. Однако предположение О'Рахилли о том, что Коналл, Эоган и Энда передали срединную область завоеванной пятины своим союзникам и вассалам, удовлетворившись отдаленной северо-западной частью, кажется маловероятным, особенно в свете дальнейшей агрессии Кенел Эогайн, обращенной на Айргиаллу. Наши свидетельства скорее указывают на то, что сыновья Ниалла совершили нападение на Ульстер из Коннахта через Слайго. Если улады владели севером только в качестве воинской элиты, полагающейся на своих коней и колесницы, они не могли позволить себе потерпеть поражение даже в отдаленной части своих владений. Генеалогии носят туманный и противоречивый характер, однако из них выясняется, что Айргиалла не представляла собой целостную этническую или династическую общность, а иногда они намекают на отчетливо плебейское происхождение входивших в нее племен. Если улады однажды утратили военный престиж, вассальные племена вполне могли сбросить их ярмо и отправить заложников к Ниаллу в обмен на предоставление им прав местного самоуправления. Тогда улады удалились на восток, где находились их основные силы; нам представляется многозначительным то обстоятельство, что согласно одному генеалогическому тексту улады перед отступлением **[92]** сами разрушили Эмайн Маху. Война менаду уладами и Айргиаллой не занимает выдающегося места в ранних анналах, хотя земляное укрепление, известное под названием Дейнс Каст, вероятнее всего, было построено, чтобы обозначить новую границу по Гленн Риге. Тем не менее улады на протяжении жизни многих поколений определенно оставались гораздо более могущественной силой, чем хотелось бы думать поздним историкам династии Уи Нейллов.

Как и следовало ожидать, о Ниалле Девяти Заложников рассказывался один из вариантов мифа о Рождении Героя. Он был младшим из братьев, сыном Эохайда Мугмедона и наложницы Кайренн. Мать родила его у колодца, в котором она каждый день набирала воду, и вынуждена была оставить его там из страха перед королевой Монгфинд. Однако ребенка спас и воспитал поэт Торна. Когда в свое время Торна представил его ко двору короля Тары, Ниалл освободил свою мать от тяжелой работы и нарядил в пурпур. Эохайд решил испытать своих сыновей, чтобы узнать, насколько они способны сменить его на престоле. По совету своего друида Ситхенна он послал их в кузницу, которую затем подожгли. Старший сын Брион спас от огня колесницу, которая

стояла в кузнице, Фиахра — чан с вином, Айлиль — все оружие, Фергус — вязанку хвороста, в котором была палочка тиса (символизировавшая его бесплодие); а вот Ниалл вынес на спине наковальню, клещи, мехи, молотки и все остальные кузнечные орудия.

Более интересная легенда о Ниалле Девяти Заложников дошла до нас во всех подробностях. Ее также рассказывали о Лугайде Лайгде, предке мунстерских эринов. В различных вариантах она постоянно встречается в ирландской истории и литературе. В европейском фольклоре она составляет, например, основу повести, рассказанную ткачихой из Бата[20]. Ниалл и его братья отправились на охоту и заблудились в лесу. Они сготовили дичь, но у них не было воды. Фергуса послали на ее поиски, и он нашел колодец, который охраняла безобразная старуха. Он в ужасе отшатнулся, когда за воду она потребовала поцелуй, и вернулся к братьям. Они по очереди отправляются к колодцу, но каждый из них возвращается столь же поспешно, как и Фергус. Впрочем, Фиахра наспех целует старуху, и потому его роду (в лице Нат И и Айлиля Молта) суждено будет лишь недолгое пребывание в Таре. Однако когда к колодцу подходит **[93]** Ниалл, он отважно заявляет, что согласен возлечь с омерзительной старухой; после этого она превращается в прекрасную девушку и открывает Ниаллу, что перед ним стоит Власть над Ирландией. Ниалл приносит братьям воды, но не позволяет им пить, пока они не пообещают отдать ему старшинство над собой.

Богиня в образе даятельницы напитков в других сагах королевского цикла оборачивается и зловещей стороной. Монгфинд, мать Бриона, Фи-ахры и Айлиля, была сестрой Кримтанна, сына Фидаха, короля Мунстера. Кримтанн выступает в повести о происхождении Эоганахтов в роли дяди и приемного отца Корка из Кашеля. Согласно некоторым спискам королей, он наследовал верховную власть от Эохайда Мугмедона, а Кормак, сын Куленнана, король и епископ Кашеля в начале X века, в своем толковнике сложных и редко употребляющихся ирландских слов (Sanais Cormaic, «Глоссарий Кормака») называет его «королем Ирландии и Альбы до Иктийского моря». Существовал ли Кримтанн на самом деле или нет, в его образе воплощается историческая память о мунстерских поселениях в Римской Британии, а от описаний, в которых говорится, что он правил и в Ирландии и в Британии, — всего один шаг до возвеличения Кримтанна в качестве верховного короля обоих стран. Как бы то ни было, в саге сказано, что когда Ниалл получил от братьев обещание признать его королем, Монгфинд волшбой и колдовством убедила мужей Ирландии избрать королем ее брата Кримтанна (так как она отчаялась передать королевскую власть напрямую Бриону, любимому сыну). Пока Кримтанн занимался объездом Альбы, Монгфинд разделила Ирландию между сыновьями, а когда он вернулся, на пиру, устроенном в честь его возвращения, дала ему яд. Однако для того, чтобы успокоить подозрения Кримтанна, она была вынуждена сама отпить отравленное питье и умерла в канун Самайна. Ее истинная мифологическая природа просвечивает сквозь завесу псевдоистории, и даже среднеирландский переписчик должен признать, что «причина, по которой время самайна зовется простым народом „Праздник Монгфинн", в том, что она, пока была во плоти, обладала [тайными] силами и была колдуньей, из-за чего в канун самайна женщины и чернь обращают к ней свои мольбы».

Кримтанн умер на пути в родной Мунстер у Слиаб Айдеда ин Риг, «Горы смерти короля» (Кратлоу в графстве Клэр, к северу от Лимерика), и в отмщение за вероломное отравление мужи Мунстера начали войну с Фиахрой и Айлилем. В ходе военных действий оба брата были убиты, а мунстерцы захватили южную часть наследственных владений Фиахры **[94]** в Коннахте: поэтому Клэр известен под названием Томонд, или «Северный Мунстер» *(Tuadmumu),* хотя по доисторическому разделению он относился к пятине Коннахта.

---

[20] Имеется в виду одна из повестей, составляющих «Кентерберийские рассказы» Чосера. — *Примеч. ред.*

Большинство саг о Ниалле и его семье дошло до нас в относительно поздней литературной обработке, однако замечательным образом в них сохранились (пусть и в искаженном виде) традиции ирландских завоеваний в Британии. Сегодня никто не будет высказывать оптимистические надежды на точную идентификацию этих ирландских вождей в римских заметках о скоттах и их набегах или вслед за Риджвеем и Мак-Нейллом усматривать упоминание Ниалла в панегирике Клавдиана, восхваляющем оборону Британии под началом Стилихона в 399 году:

> Totam cum Scottus Hivernen
> movit et infesto spumavit remige Tethys
>
> когда Скотт привел в движение всю Ирландию,
> и океан был взбит в пену его враждебными веслами,

ибо Ниалл, как мы увидим, скорее всего, принадлежал к следующему поколению после Стилихона, и ни он, ни Кримтанн, вероятно, не были правителями всей Ирландии. Однако имя матери Ниалла — Кайренн — звучит вполне убедительно и представляет собой обычное римское имя Карина, хотя средневековые ирландцы сместили время событий и превратили ее в «дочь короля всех саксов», то есть в саксонскую или английскую принцессу. В то время как непосредственные предки Ниалла кажутся туманными и легендарными фигурами, прозвище его отца наводит на размышления, ибо О'Рахилли истолковал «Мугмедон» как означающее «правитель рабов» — подходящее прозвание для удачливого предводителя военных набегов. Средневековые ирландские этимологи сделали довольно неудачное предположение, что это имя означает «влажную середину», потому что, говорит анналист XVII века Коннелл Магэган, «ему причиняло большие неудобства истечение живота».

Хотя сам Ниалл обязан своим прозвищем успехам в Ирландии, средневековые ирландские ученые хотят уверить нас в том, что он получил по заложнику от каждой из пяти провинций Ирландии и четырех заложников от Британии или, иначе, пятерых от Ирландии, одного от Альбы (Шотландии), одного от саксов, одного от бриттов и одного от франков, «ибо Ниалл ходил в Лету[21] и в Италию искать королевство». Несмотря на **[95]** выдающееся положение, которое он занимал в ирландской традиции, мы узнаём о его правлении очень мало конкретных сведений. Несомненно, дело обстоит таким образом потому, что его главные достижения приписывались вымышленным трем братьям Коллам и были отнесены на столетие раньше. Анналы конца V и начала VI века согласуются с другими источниками информации и демонстрируют, что основная деятельность его сыновей и потомков в центральных областях страны была подчинена задаче захватить равнину Миде у лагенов, а сага о смерти Ниалла приписывает его убийство лейнстерскому князю Эоху, сыну Энды Кеннселаха.

Очевидно, в этой саге механическим путем объединились две различные традиции. Одну из них мы только что упомянули, а согласно другой Ниалл умер в ходе набега на Римскую Британию. Отсутствие исторического кругозора приводит к тому, что составитель саги заставляет Ниалла отправиться на континент, чтобы встретить римского посланца на Луаре, так как римское завоевание Британии уже было забыто, а воспоминания о нападениях Ниалла на разрушающуюся империю теперь можно было понять только в смысле похода на Рим. В саге Ниалл без очевидной логической связи возвращается в Британию, чтобы посетить Эркка, сына Эоху Муйнремора, короля Альбы, при дворе которого он гибнет от руки своего старого врага Эоху, сына Энды Кеннселаха. Поэт X века Кинаэд уа Артакайн (*Cinaed ua hArtacain)* приписывает Ниаллу семь походов на Британию, в последнем из которых он был убит «над прибоем Иктийского моря» (*os*

[21] Слово Лета (Letha) часто означает просто континентальную Европу, а иногда в более строгом смысле относится лишь к Бретани (валл.Llydaw).

muing Mara Icht)[22] Эоху Лейнстерским «сообща с жестокими жадными саксами» (возможно, воспоминания о совместных саксонских и ирландских набегах, но вероятнее всего, типичный анахронизм). Тело Ниалла привозят на родину его воины, котроым пришлось по пути выдержать семь сражений, и погребают в Охане (Фоэн Хилл между Келлсом и Наваном в графстве Мит). Затем его саксонский, франкский и римский заложники получают свободу. В другом стихотворении Кинаэда, посвященном Бругу-на-Бойне, Ниалл упоминается в качестве одного из королей Тары, который не был похоронен в этом древнем некрополе, «семь раз побывав в Эльпе». Эльпа *(E1pa* или *Sliab nElpa,* «горы Эльпы») — это ирландское название Альп, однако в данном случае, возможно, они **[96]** перепутаны с Альбой. Альба первоначально обозначала Британию, античный Альбион, однако благодаря употреблению выражения «люди Альбы» *(Fir Alban)* применительно к ирландской колонии Дал Риаде, которая раскинулась в Аргайле и на Островах, название Альбы после IX века стало означать объединенное королевство пиктов и скоттов под началом династии Дал Риады. Таким образом, ранние упоминания Британии под именем Альбы были поняты в ошибочном смысле.

Согласно традиции, Альп достиг преемник Ниалла, унаследовавший от него верховную власть над Ирландией, — Нат И, сын Фиахры. В поздней среднеирландской саге о его смерти и похоронах *(Aided Nath I ocus a adnacol)* Нат И отправляется к Альпийским горам, где нападает на башню «короля Фракии» Форменуса, который удалился туда, чтобы вести жизнь отшельника. Форменус молит Бога, чтобы тот сократил срок правления Нат И и уготовил ему бесславную кончину, после чего Нат И погибает от удара молнии. Его сын Амалгайд принимает бразды правления и отвозит тело отца обратно в Ирландию, по пути сразившись в девяти битвах. Он умирает близ Тары на землях десси из Тары, но тело Нат И погребают в Круахане, где, по словам автора, красный столб из песчаника до сих пор отмечает место его упокоения. Основная часть этого текста посвящена Круахану и похороненным в нем королям: настоящая «сага» о смерти Нат И уместилась в несколько строк. Поэтому текст относится к топографическому жанру («Старине мест»), вместилищу наименее достоверных ирландских мифов и легенд, а сам рассказ о Нат И является типичной мешаниной этимологических выдумок и не к месту выставленной учености средневековых историков.

Высказывались предположения, что в образе Форменуса в искаженном виде воплотились воспоминания о легендарном предке Меровингов Фарамунде, который, по утверждению франкского хрониста Фредегара, вывел франков из Фригии. Возможно, на эту фигуру также наложился образ отшельника св. Пирмина; однако наши свидетельства слишком ненадежны, чтобы подтвердить предположения некоторых историков о том, что Нат И был вождем ирландских федератов, которых римляне привели в Галлию. На самом деле вся эта легенда представляется дублетом легенды о Ниалле. Мы не найдем в ранних ирландских источниках никаких подтверждений деяний Нат И: о них не упоминает и Тирехан, который являлся прямым потомком Амалгайда, сына Нат И. Тем не менее стоит отметить, что *Silva Vocluti,* «близ западного моря», единственный ирландский топоним, упоминающийся в «Исповеди» св. Патрика **[97]** (и, вероятно, место его пленения, несмотря на более известные предположения о Слемише в Антриме), следует локализовать в графстве Мэйо, баронстве Тироли, которое сохраняет название и размеры королевства, управлявшегося потомками Амальгайда; Тирехан справедливо отождествил его с Шохайллом (ныне Фойлл) на западном берегу залива Киллала.

Мы не собираемся вдаваться в подробности запутанных споров, разгоревшихся вокруг миссий Палладия и св. Патрика, однако трудности в датировке миссии св. Патрика неразрывно связаны с именем Ниалла. Общепризнано, что единственными аутентичными

---

[22] Иктийское море *(Muir nIcht*) — это Ла-Манш, ср.: *Ictis Insula* — гора св. Михаила (которую часто путали с *Vectis Insula,* островом Уайт) и, возможно, галльский *portus Itius* у Цезаря.

источниками по миссии св. Патрика являются два произведения, вышедшие из-под пера святого, — «Исповедь» и «Послание к Коротику», — и что Жития VII века, написанные Муирьху и Тиреханом, хотя и имеют первостепенную важность для истории притязаний Армы, проливают очень мало света на биографию св. Патрика. Сравнительно недавно ученые осознали, что записи анналов, относящиеся к событиям V века, едва ли представляют собой современные памятники, а на самом деле были составлены гораздо позже в русле официальной доктрины. Тем не менее содержащиеся в них сведения нельзя полностью игнорировать. Все они относят начало миссионерской деятельности св. Патрика к *432* году, однако значительно расходятся между собой в определении даты его смерти: в одних анналах это произошло примерно в 461—462 годах, а в других — тридцатью годами позже, в 492—493 годах. Зафиксирована и еще одна дата — 457 год.

Кажется очевидным, что упоминание 432 года основано на прибытии в Ирландию Палладия в 431 году. Проспер Аквитанский сообщает, что Палладий был послан Папой Целестином к ирландским христианам, чтобы стать их первым епископом. Ирландцы правильно внесли дату его миссии в свои анналы, но, очевидно, им была неизвестна какая-либо независимая традиция о поездке Палладия, и они приводили различные причины ее предполагаемой неудачи. Хронисты из Армы были вынуждены датировать миссию св. Патрика как можно ближе к миссии Палладия, чтобы не лишить своего святого статуса апостола Ирландии. Теория «двух Патриков», блестяще обоснованная О'Рахилли, в действительности была предвосхищена некоторыми средневековыми учеными: в одном отрывке из *Книги Армы* говорится, что Палладий иначе звался Патриком, в то время как в иных источниках мы находим туманные упоминания о «другом Патрике». Не присоединяясь к теории «двух Патриков» **[98]** (а именно, что Палладию-Патрику, ведшему активную миссионерскую деятельность с 431 по 461 год, наследовал Патрик Бритт, автор «Исповеди», который умер при жизни следующего поколения), мы можем предположить, что некоторые традиции VII века первоначально относились к Палладию и были перенесены — либо преднамеренно, либо в результате путаницы — на личность св. Патрика.

Профессор Карни высказал мнение, что особая дата, относящая смерть св. Патрика к 457 году, первоначально отмечала прибытие Патрика в Ирландию, и многое говорит в пользу этой точки зрения. Очевидно, нельзя надеяться, что мы когда-нибудь сможем установить точные временные рамки его миссии, однако разницу в тридцать лет невозможно обойти вниманием, в отличие от колебаний в пределах пары лет, обычных для ранних анналов. К несчастью, писания самого св. Патрика носят двусмысленный характер: он вообще не упоминает ирландских личных имен и приводит лишь одно географическое название, а его упоминания о Британии и Галлии почти столь же невнятны. Наши сведения о положении Британии в V веке настолько скудны, что попытка скорректировать ирландскую хронологию с помощью британской равносильна объяснению одного неизвестное через другое. Внутренние свидетельства произведений св. Патрика, скорее всего, говорят в пользу ранней датировки, особенно в свете исповедания, которое святой излагает в своих *Romanitas,* и отсутствия упоминаний о хаосе, который, по нашим предположениям, воцарился в конце V века. Однако все эти данные не имеют решающего значения: наша неосведомленность относительно истории Британии (или той ее области, с которой был знаком Патрик) в ту эпоху не позволяет нам считать позднюю хронологию бесспорной.

Хотя анналы, Жития Муирьху, Тирехана и другие памятники в *Книге Армы,* а также «Трехчастное Житие» *(Vita Tripartita)* IX века являются в лучшем случае вспомогательными материалами, историк не может не придавать значения тому факту, что все они сталкивают св. Патрика с людьми, записи о смерти которых относятся к концу V или началу VI века. Можно было бы не обращать внимания на хронологические данные этих поздних источников, если бы не их поразительное единодушие. Даже хотя записи в анналах, относящиеся к тому периоду, были составлены много позже описываемых

событий, из генеалогий в совокупности с твердо установленными записями дат смерти потомков этих людей в последующие столетия становится совершенно ясно, что датировки V века недалеки от истины. Традиции уладов, лагенов и Уи Нейллов согласуются с **[99]** мунстерскими и коннахтскими традициями, синхронизировавшими деятельность св. Патрика с временем жизни правителей конца V века. На самом деле Лоэгайре, сын Ниалла, верховный король, смерть которого дотируется в анналах 461 годом, является самым старшим лицом в этой группе.

Ирландская традиция, каким бы образом ни относиться к ее свидетельствам, датировала прибытие Патрика четвертым или пятым годом правления Лоэгайре. Поэтому позднейшие составители хронологических таблиц сделали Лоэгайре преемником Нат И и соответственно называли датой его вступления на престол 428—429 годы, хотя смерть самого Нат И упоминается в анналах под 445 годом. Карни показал, что в *Анналах Улъстера* содержится точное вычисление (основанное на сопоставлении дат смерти Пап и римских императоров), которое было призвано показать, что Лоэгайре умер через 7 лет, 7 месяцев и 7 дней после Праздника Тары, который, по их записям, он провел в 454 году. Хотя эти сведения носят совершенно искусственный, не имеющий отношения к действительности характер, они подтверждают наши представления о том, что Праздник Тары являлся праздником инаугурации верховного короля *(Анналы Ннисфаллена* относят это празднование к 456 году, а смерть Аоэгайре — к 463 году).

Очевидно, пытаясь спасти положение, некоторые анналы (такие как *Хроника Скоттов, Анналы Четырех Мастеров,* а также *Мировая хроника,* предпосланная *Анналам Инисфаллена)* фиксируют смерть Нат И в 428 году. Смерть Ниалла они помечают временем около 405 года. В *Анналах Улъстера* Ниалл не упоминается, но так как они начинаются с миссии Палладия в 431 году, их составитель очевидно принимал раннюю дату смерти Ниалла. О'Рахилли по основательным причинам вовсе исключает имя Нат И из перечня верховных королей Тары — он не упоминается в древнейшем источнике «Видение Конна» VII века[23] — и поэтому относит смерть Ниалла приблизительно к 427 году. Это решение оставляет неразъясненным очевидный анахронизм, связывающий Ниалла с его предполагаемым убийцей Эоху, сыном Энды, так как смерть его брата фиксируется под 483 или 485 годом, и с Эрком, сыном Эоху Муйнремора (ум. в 474 году согласно *Анналам Четырех Мастеров).* Кроме того, Дауи Галах, король Коннахта, сын Бриона, старшего брата Ниалла, по данным анналов был убит приблизительно в 502 году. **[100]**

В действительности, как отметил Карни, все известные личности, с именами которых связывают жизнь Ниалла, жили во второй половине V века. Традиционные материалы анналов и генеалогий прекрасно согласуются между собой, за исключением того, что касается даты смерти самого Ниалла. Мы можем согласиться с О'Рахилли, что Нат И никогда не был верховным королем в Таре, и, принимая тезис Карни, датирующего смерть Ниалла примерно 452 годом, приписать ему более долгий срок правления и не считать, что оно началось вслед за смертью Нат И около 445 года.

Внутренняя хронология династии Уи Нейллов также вынуждает нас отнести смерть Ниалла к середине V века. На эту датировку указывает безукоризненное свидетельство, представленное большим количеством фиксаций смертей его потомков в поздних анналах. Его внуки Лугайд и Ардгал умерли соответственно в 507 и 520 (или 523) году, а его правнуки Муйрхертах, сын Эрк, Туатал Маэлгарб и Диармайт, сын Кер-рбела, — в 536, 544 и 565 году, между тем как другой его правнук Ниннид, сын Дауи, сражался в битве при Кул Древне в 561 году. Данные анналов об их потомках, современные описываемым событиям, в свою очередь подтверждают эту хронологию. Для V века анналы не являются наилучшими свидетелями, и тем не менее даже они не относят смерть ни одного из сыновей Ниалла ко времени ранее 440 года (Мане) и фиксируют смерти

[23] См. Приложение I, с. 313—314.

Лоэгайре, Эогана и Коналла Кремтайнне в (или около) 462, 465 и 480 году. Более того, они предполагают, что его старший сын Кайрпре был жив в 485 году, когда он одержал победу в битве с лейнстерцами у Гранарда, а сообщение об очередной его победе над тем же врагом в 501 году появляется в дополнительной вставке в *Анналах Ульстера.* Другой его сын, Фиаху, фигурирует в анналах в качестве победителя лейнстерского септа Уи Файльги в битве, которая состоялась при Друйм Дерге в 516 году. Впрочем, не следует забывать, что имена Кайрпре, Фиаху, Мане и Лоэгайре продолжали употребляться в следующие века для обозначения королевств или династий, происходящих от этих сыновей Ниалла, подобно тому как имена Вениамин, Дан или Иуда используются в Библии, так что абсолютная уверенность в том, что касается значения последних трех сообщений анналов, невозможна.

Предположение, что Ниалл умер не ранее 450 года, очень хорошо согласуется с теорией, по которой именно в этом году произошло падение Эмайн Махи. Непосредственным следствием этого события явилось создание королевств-сателлитов Айргиаллы, а они едва ли могли бы дать **[101]** девять заложников королю, который давно уже скончался. Таким образом, мы видим, что официальная датировка смерти Ниалла возникла отчасти благодаря переносу хронологии миссии Палладия на деятельность св. Патрика, а отчасти из-за появления Нат И в списках королей между Ниаллом и Лоэгайре. Ирландские источники, какое бы незначительное отношение они ни имели к историческому св. Патрику, в большинстве своем и независимо друг от друга говорят в пользу того, что святой, поминаемый в традиции Армы, выполнял свою миссию в период между 450 и 492 годом. Также имеются серьезные причины сомневаться в том, что Нат И правил в Таре, хотя его сын Айлиль Молт в самом деле стал верховным королем. И если изъять эти искажения, то сведения анналов и генеалогий четко становятся на свои места.

Мак-Нейлл полагал, что св. Патрик остановил свой выбор на Арме в связи с воспоминаниями о древней славе Эмайн Махи. Этот выбор кажется еще более осмысленным, если мы согласимся с альтернативной ирландской традицией, гласящей, что Эмайн Маха существовала до середины V века. Муирьху сожалеет (и мы можем выразить ему наше сочувствие), что в его дни традиции, повествующие о жизненном пути св. Патрика, оказались запутанными и сбивчивыми. И все же независимые улады, управлявшие восточными окраинами своего бывшего королевства, продолжали чтить Арму, хотя епископская кафедра теперь находилась во владениях Айргиаллы и тем самым попадала под косвенное влияние их стародавних врагов Уи Нейллов. Более того, улады гордились тем, что тело св. Патрика упокоено на их землях в Сауле или Даунпатрике. На их территории было много монастырей, из которых ученостью и богатством выделялся Бангор, и, должно быть, их объединяло враждебное отношение к притязаниям Армы в VII веке. В действительности улады признали старшинство Армы задолго до того, как примирились с концепцией верховной власти Уи Нейллов. Доктор Бинчи выдвинул весьма правдоподобную гипотезу, согласно которой св. Патрик удалился из Армы в Даунпатрик вместе со своими побежденными покровителями, королями Ульстера; агиографов, приверженных теории о том, что Арма входила в состав Айргиаллы с момента своего основания, очевидно приводила в замешательство смерть святого в Сауле. Разрушение Эмайн Махи и падение Ульстерской пятины внесло смятение в епархиальную систему, установленную ранними миссионерами и находившуюся еще в зачаточном состоянии, и наши источники проявляют большую неуверенность по поводу непосредственного преемника св. Патрика в роли епископа Армы. **[102]**

Возвышение крупных монастырей в VI веке еще больше затемнило церковную картину и привело к тому, что историки Армы в VII веке были по большей части вынуждены брести ощупью впотьмах, опираясь на отрывочные документальные свидетельства, устные традиции и воспоминания, сохранившиеся в различных церквях, считавших св. Патрика своим основателем. Если сообщения о деятельности св. Патрика в Мите и особенно в северном Коннахте, собранные Тиреханом, еще могут быть отчасти

достоверными, то мнимые тесные связи святого с сыновьями Ниалла и его столкновение в Таре с Лоэгайре, несомненно, отражают лишь позднейшие попытки Армы заручиться поддержкой Уи Нейллов и отвратить их привязанность от таких центров, как Клонмакнойс (враждебность которого особо отмечает Тирехан) и обширной монастырской федерации, основанной их родичем Колумом Килле. Церковная квази-епархиальная область юрисдикции *(terminus),* приписываемая Арме в «Книге ангела» (*Liber Angueli)* VIII века, до некоторой степени расходится с политической географией того времени, отражая условия более ранней эпохи. Так, она включает королевство уладов (простирающееся до реки Бойн или, по крайней мере, до Друймне Брег к северу от нее) вкупе с королевством Айргиалла, но исключает владения Уи Нейллов и небольшое королевство Дал Риада в долинах Антрима, которые вслед за своими королями (давно уже поселившимися в Аргайле) признали колумбанов-скую юрисдикцию Ионы.

Из *Послания Коротику,* написанного св. Патриком, мы узнацм, что новые бриттские королевства, возникшие вследствие ухода римлян, не только были в состоянии отражать ирландские набеги, но иногда били врага его же оружием. В валлийской традиции Кунедде, который, возможно, был отцом Коротика, приписывают изгнание ирландских поселенцев из Северного Уэльса. Среднеирландская сага о смерти Аоэгайре упоминает прекращение ирландских грабительских походов. Согласно этой саге, Лоэгайре вторгся в Лейнстер, чтобы собрать дань борому, но потерпел поражение и был взят лагенами в плен. Его отпустили только после того, как он поклялся солнцем и луной, водой и воздухом, днем и ночью, морем и сушей, что он никогда больше не будет пытаться взимать эту дань. Подобные клятвы силами стихий типичны для ирландской литературы и, по-видимому, уходят корнями в далекое кельтское прошлое: когда дунайские кельты заключили договор с Александром Великим, он счел их, по словам Арриана, тщеславнейшими из людей, ибо когда их спросили, чего они боятся больше всего на свете, они ответили: «ничего, кроме того, что **[103]** небо упадет на их головы». Сходные клятвы появляются в хеттских договорах II тысячелетия до н. э. Так, Лоэгайре было предсказано, что он встретит свою гибель между Ирландией и Британией, и чтобы избежать этой участи, он никогда не совершал набегов по Ирландскому морю. Однако он нарушил клятву, данную лагенам, и вновь напал на них, вследствие чего таинственным образом был убит своими поручителями, солнцем и ветром, на равнине Маг Лифи между двумя холмами, называвшимися Эриу (Ирландия) и Альба (Британия).

Географическое распределение королевств Уи Нейллов и их экспансия в ходе VI и последующих веков дают нам все основания согласиться с Мак-Нейллом (тем самым расходясь с О'Рахилли) в том, что исходным пунктом их завоеваний была база в Коннахте. Такой базой едва ли мог быть какой-либо другой пункт, кроме Круахана, традиционной столицы пятины Коннахта. Круахан представляет собой не крепость, возведенную на холме, подобно Таре, Айлеху и Аленну, а скопление больших круглых замков, расположенных по военной моде того времени в виде большого лагеря на возвышенности, господствующей над широкими просторами равнины Маг Ай в графстве Роскоммон.

Мы не располагаем достоверными свидетельствами о завоевании Северо-Западного Ульстера Коналлом, Эоганом и Эндой, однако стоит обратить внимание на то обстоятельство, что Донегол был колонизирован Уи Нейллами полностью, так как нам ничего неизвестно о существовании в этой области королевств-данников: хотя Кенел Конайлл распался на несколько септов, каждый из которых составлял отдельное небольшое королевство, все местные правители были потомками Ниалла. Наоборот, Южные Уи Нейллы создали в срединных областях страны целую сеть своих династических королевств, а вклинивавшиеся между ними туземные племена пользовались определенным местным самоуправлением, выступая в роли данников. Таким образом, завоевание севера было, вероятно, первым значительным достижением сыновей Ниалла и очевидно велось из северного Слайго: Коналл был известен под именем Коналл Гулбан (от Бенн Гулбан, горы Бенбалбен). Именно в этой области мы находим

королевство Кайрпре, которое раскинулось через графство Лейтрим и срединные области до баронства Карбери в графстве Килдар. Королевство Мане образовывало параллельную полосу на западе, в то время как Фиаху отвоевал у лагенов западный Уэстмит и часть Оффали.

К западу от реки Шеннон братья Ниалла образовали собственные королевства, распределение которых сходным образом указывает на радиальную **[104]** экспансию из Круахана. На протяжении нескольких столетий наибольшим весом обладали Уи Фиахрах. Из их северной ветви, Северных Уи Фиахрах (*Ui Fiachrach in Tuaisceirt),* выделились два наиболее могущественных рода: Уи Фиахрах Муаде из устья реки Мой и Фир Хера из баронства Карра в графстве Мэйо. На южной границе Коннахта с Мунстером жили Уи Фиахрах Айдне, владения которых в XII веке представлял диоцез Килмакдуа; в более ранний период они владели значительно более обширной территорией, так как в VI и VII веках из их рода вышло несколько королей Коннахта, самым известным из которых был Гуайре Айдне, образец княжеской щедрости. Короли Коннахта выходили из всех септов Уи Фиахрах, пока в VIII веке не усилились Уи Бриуйн, удерживавшие срединную равнину Маг Ай, раскинувшуюся вокруг самого Круахана, и не монополизировали королевскую власть над Коннахтом. Вскоре Уи Бриуйн распались на несколько династических королевств, охвативших весь Коннахт, и одно из них, Уи Бриуйн Брефне, стало расширять свои владения к востоку от реки Шеннон, продвигаясь в труднодоступную и по большей части пустынную местность Аейтрима и Кавана. Королевство Брефне не упоминается в анналах до конца VIII века, однако ему будет суждено быстро набрать силу, а его правящей династии Уа Руайрк — сыграть важную роль в истории XI и XII веков. Во многих отношениях восточную и западную экспансию Уи Бриуйн можно сопоставить с ходом ранних завоеваний коннахтов и Уи Нейллов. В то время как династии, основанные Фиахрой и Брионом, процветали, потомки Айлиля, хотя и некоторое время удерживали свое небольшое королевство (запечатленное в названии баронства Тиреррилл, графство Слайго), так никогда и не добились верховной власти над провинцией и не стали пользоваться сколько-нибудь значительным влиянием. Подобно им, их родичи Уи Нейллы, происходящие от Энды, никогда не выходили за пределы своих земель вокруг Рафо и в конечном итоге влились в состав Тир Конайлл. Неспособность третьей ветви отстоять свою независимость перед лицом двух других соперничающих ветвей можно считать постоянно повторяющимся явлением в ирландской династической истории.

Сколь бы сомнительными ни казались утверждения о верховной власти Нат И, во всех письменных памятниках его сын Айлиль Молт признаётся королем Тары. В анналах упоминаются: Праздник Тары, который он провел в 467 или 470 году, его сражения с лагенами и его смерть в битве при Оха примерно в 482 году. Однако источники примечательным образом расходятся в том, что касается перечня его убийц: некоторые **[105]** утверждают, что он погиб от руки своих преемников и родичей из рода Уи Нейлов: Аугайда, сына Лоэгайре, и Муйрхертаха, сына Эрк, — в других говорится, что его убил король Дал Арайде или король Лейнстера или оба вместе. Очевидно, первоначальная запись в анналах содержала лишь сообщение о его смерти и название битвы, а последующие подробности были добавлены поздними глоссаторами, опиравшимися на противоречивые традиции. Тем не менее из сообщения в *Анналах Ульстера* со всей очевидностью вытекает, что битва при Оха являлась чрезвычайно значительным событием, так как приводятся хронологические вычисления, устанавливающие промежуток времени, отделяющий ее от смерти легендарного Конхобара, сына Несс, и смерти Кормака, сына Арта. Отныне верховное королевство Тары стало наследственным владением рода Ниалла: первоначальное единство коннахтов разрушилось, а потому их название сузило круг значений и стало обозначать королевства, находящиеся в западной части страны.

Ранние тексты называют Уи Бриуйн, У и Фиахрах и Уи Айлелло «тремя коннахтами», но вследствие упадка, постигшего Уи Айлелло, и утраты династией У и

Шиахрах королевской власти над провинцией, это выражение подвергалось частому перетолкованию. Значительную власть и независимость сохраняло западное королевство Уи Мане. Уи Мане распространили свое влияние на южную часть графства Роскоммон и юго-восточный Голуэй, но к XII веку их территория сузилась до размеров диоцеза Клонферта, хотя после англо-норманнского вторжения О'Келли из «И Мани» вновь сдвинули центр своих владений на север. Выдающееся положение Уи Мане признавалось составителями генеалогий, которые одарили Уи Мане вымышленной родословной, связывавшей их с Айргиаллой и тем самым (согласно официальной доктрине) признавали их коннахтами или потомками Конна Ста Битв. Позднее склонные к намеренной архаизации ученые совершенно неоправданно стали причислять их к «трем коннахтам» наряду с О'Коннорами из Уи Бриуйн Ай и О'Рурками из Уи Бриуйн Брефне, чьи бесплодные земли в Лейтриме и Каване получили название Гарбтриан Коннахт («дикая треть коннахтов»).

Тем временем из доисторической группы племен коннахтов появилась новая династия — Уи Нейллы. Они организовали свои захваты на севере и в срединных областях страны на территориальной и династической основе. Уи Нейлы отошли от чистого трибализма и сделали верховную власть в Таре (священнические функции которой вскоре изгладились **[106]** из памяти) символом универсального сюзеренитета, который поло-жил конец древнему разделению на провинции. По иронии судьбы, имен-но потомкам отодвинутых на второй план королей Коннахта суждено будет в XII веке ближе всего подойти к осуществлению мечты о трансформации верховной королевской власти в подлинную всеирландскую монархию. **[107]**

ГЛАВА VI

ДИАРМАЙТ, СЫН КЕРРБЕЛА, И УСИЛЕНИЕ ВЛАСТИ УИ НЕЙЛЛОВ

Двумя великими династиями Южных Уи Нейллов в срединных областях Ирландии были Сил Аэдо Слане («Семя Аэда из Слане»), короли Бреги на востоке, и Кланн Холмайн Мар («Дети Колмана Старшего») в Миде, центр власти которых находился в сердце современного графства Уэстмит. Первая из упомянутых династий играла более выдающуюся роль в VII веке, однако после смерти в 728 году Кинаэда, сына Иргалаха, все верховные короли из рода Южных Уи Нейллов выходят из Кланн Холмайн, за исключением краткого периода между 944 и 956 годом, когда король Ноута Конгалах Кногба вернул верховную королевскую власть роду из Бреги[24].

Владения Южных Уи Нейллов составляли высшие королевства Миде и Брега вместе с древними землями Тетбы в графстве Лонгфорд, разделенными между династиями Кайрпре и Мане. Королевство Уи Нейллов из рода Кенел Фиахах подпало под верховную юрисдикцию Миде, а королевства Ардгала и Аоэгайре считались частью Бреги. Сил Аэдо Слане владели областью Тары, но их правители жили в Райт Айртир (Ористаун), Лох Габоре (Лагор) и с начала IX века в Кногбе (Ноут). Кланн Холмайн выдвигал притязания на звание «королей Уснеха» *(rig Uisnig)*, поскольку священный омбилический холм находился на их территории, а в X и XI веках их короли из династии Уа Маэлсехлайнн проживали в Дун-на-Скиате близ озера Лох-Эннелл или на острове Кроиниш на самом озере.

Эта картина воссоздана по подробным указаниям, содержащимся в литературе и исторических записях IX и последующих веков, а также по материалам списков королей и генеалогий, составленных среднеирландскими **[108]** историками-компиляторами. Тем не менее кажется маловероятной возможность составить ясное представление о

[24] См. Приложение II, табл. 2 и 3.

возникновении государств Уи Нейллов в архаическую эпоху. Списки королей в особенности ярко отражают ложный образ стабильности и устойчивости династий на протяжении VI и VII веков по всей Ирландии. Судя по тем крупицам достоверной информации, которые мы можем почерпнуть из древнейших источников, образованию этих территориальных королевств предшествовало гораздо более изменчивое состояние. В различных частях страны существовали племенные союзы, между тем как в иных областях верховной власти (с весьма расплывчатыми полномочиями) над подобными племенами достигала та или иная господствующая династия, обращавшая их в данников. В VI и VII веках происходило усиление одних династий и упадок других, однако определить территориальные границы их владений очень сложно.

Старые племенные группы продолжали существовать, зачастую упорно цепляясь за бедные болотистые земли и горные склоны, а также в изолированных местностях, отрезанных от владений их ближайших родичей. Многие из них сохранились в виде полноценных племенных королевств, другие же оставили после себя лишь свои названия, запечатленные в местной топографии. В некоторых случаях та или иная ветвь господствующей династии захватывала королевскую власть над племенем и сохраняла свое древнее имя; так, например, короли Ноута из династии Уи Нейллов величались также королями Кианнахтов с VIII века, когда они завоевали земли этого племени южнее нижнего течения реки Бойн; однако к северу от этой реки удерживали свое королевское достоинство настоящие короли Кианнахтов, властвовавшие над значительно сократившимися владениями в Фир Ардда Кианнахта (баронство Феррард). В 828 году они даже успешно отразили попытку Куммаскаха, короля Ноута, навязать им в качестве короля своего сына Кинаэда. Кое-где, как, например, в северной части графства Мит — где очень сложно разграничить земли Уи Мокку Уайс Брег, Мугдорна Брег, Гайленга и ответвления Сил Аэдо Слане, известного под названием Фир Хул Брег, — судя по некоторым данным, существовали подлинно племенные сообщества, состоящие из групп родичей или этнических групп, а не строго территориальные единицы. Правда, иногда подчиненная сторона умудрялась вернуть себе былую независимость: когда династия Фир Хул Брег прервалась, их королевство было захвачено племенем Гайленга; Луигни также заново образовали свое королевство после того, как угас род их владык — Кенел **[109]** Ардгайл из династии Уи Нейллов; а когда Сил Аэдо Слане ослаб вследствие непрекращающейся вражды со стороны Кланн Холмайн, различные представители Гайленга и родственных племен Луигни и Сайтне выдвигали притязания на звание «короля Бреги» *(ri Breg),* а десси из Тары восстановили свое независимое королевство, исчезнувшее еще в VIII веке.

Родословные полны упоминаний о чрезвычайно туманных племенах и септах, которые никогда не упоминаются в анналах и чей статус остается неопределенным. Мы можем подозревать, что во множестве случаев они состояли не больше чем из нескольких родов, проживавших на ограниченной территории, сохранявших общее самосознание и страдавших от определенных ущемлений или же притязавших на определенные привилегии в силу отдаленного племенного происхождения; у них даже мог быть свой вождь или царек, выступавший в роли их представителя, но они не составляли территориальной единицы сами по себе. Королевство Ко-найлли Муиртемне в северной части графства Лаут входило в состав Ульстера, но приобрело этот статус только в конце VII века; были и другие ветви Конайлли в Арме и Ардов в Ульстере, которые никогда не фигурируют в качестве королевств в историческую эпоху.

Примечательно, что Сил Аэдо Слане и Кланн Холмайн вели свой род не напрямую от Ниалла Девяти Заложников, а от его правнука Диармайта, сына Керрбела. Анналы датируют правление Диармайта в качестве верховного короля приблизительно с 544 по 565 год. Второстепенные короли Кенел Ардгайл из династии Уи Нейллов считали зачинателем своего рода дядю Диармайта, но никогда не становились верховными королями. Наряду с Колманом Старшим (*Colman Mar)* и Аэдом Слане у Диармайта был

третий сын — Колман Младший *(Colman Becc),* потомки которого, называвшиеся Кайлле Фолламайн, правили областью, соответствующей баронствам Фор между Миде и Брегой.

Происхождение самого Диармайта довольно туманно и вызывает некоторые подозрения. Несмотря на его патроним (переданный Адомнаном в латинизированной форме как *filius Cerbulis),* генеалогическая традиция уверяет, что его отец звался Фергус по прозвищу «криворотый» *(Cerrbel).* Его дед Коналл, сын Ниалла, носил прозвище Кремтайнне (возможно, отражавшее его воспитание у Уи Хремтайнн из Айргиаллы), с помощью которого его отличали от его брата Коналла Гулбана, родоначальника Кенел Конайлл. Обычай давать одинаковые имена своим сыновьям сохранялся у плодовитой ирландской знати вплоть до XVI века. **[110]**

(Карта. Южные Уи Нейллы около 800 г. н.э.) [111]

Согласно анналам и официальным спискам королей, предшественниками Диармайта на престоле Тары были Аугайд, сын Аоэгайре (ок. 487— 507 гг.), Муйрхертах, сын Эрк из северных Кенел Эогайн (ок. 507—536 гг.) и Туатал Маэлгарб, внук Кайрпре, сына Ниалла (ок. 536—544 гг.). Современник Адомнана Тирехан сообщает, что св. Патрик встретился с Коналлом в Домнах Мор Патрик (то ли Донамор, то ли Донапатрик, оба места располагаются между Слане и Келлсом) и святой пообещал ему, что семя его братьев вовеки будет служить его семени. Суть рассказа заключается в том, что св. Патрик только что имел столкновение с Аоэгайре в Таре, а по пути он встретил враждебно настроенного Кайрпре, сына Ниалла, в Тайльтиу, «где проводится королевское собрание» *(ubi fit agon regale).* Кайрпре попытался убить св. Патрика, и тот проклял весь его род. Эта агиографическая заметка отражает традицию, согласно которой Кайрпре, как и Аоэгайре, был верховным королем: право проводить праздник Телтауна составляло прерогативу королей Тары. В действительности же мы обнаруживаем, что в древнейшем списке королей Тары, «Видении Конна», которое было написано во времена правления Финснехты Пиролюбивого (675—695 гг.) вслед за именем Аоэгайре стоит имя Кайрпре, хотя в этом списке отсутствуют многие короли, фигурирующие в средне -ирландских перечнях[25]. По-видимому, имя Кайрпре было преднамеренно изъято из позднейших списков, а агиографы торжественно узаконили упадок его династии. Как мы видели, сохранились три королевства Кайрпре: два — в срединных областях страны, граничившие с Брефне и Лейнстером и отделенные друг от друга владениями потомков Коналла, Колмана Старшего, Колмана Младшего и Ардгала, а третье — в полной изоляции на севере графства Слайго. Это северное королевство, если оно не управлялось из Коннахта, стало считаться частью владений Северных Уи Нейллов, так как в VIII веке расширившая сферу своего влияния коннахтская династия Уи Бриуйн Брефне полностью прервала его сообщение со срединными областями Ирландии.

Кайрпре играет выдающуюся роль в анналах на рубеже V и VI веков благодаря своей борьбе с лагенами в центре Ирландии. Его внук Туатал Маэлгарб сохранил свое место в списках королей и также упоминается под прозвищем Ойнгарб («единственно грубый») в «Видении Конна». После убийства Туатала в 544 году долговременную гегемонию над Южными Уи Нейллами захватили Диармайт, сын Керрбела, и его потомки. **[112]** Монахи из Клонмакнойса, пользовавшиеся покровительством Кланн Холмайн, создали сагу, изображавшую Туатала в довольно мрачном свете: Диармайт был объявлен вне закона и скрывался от верховного короля в болотах на реке Шеннон, когда он встретил св. Киарана и помог ему вбить в землю столбы, которые должны были стать основанием великого монастыря. Это событие запечатлел его потомок Шланн Синна на одной панели Креста Писаний, воздвигнутого в 901 году.

Мы уже высказывали предположение, что основанное Кайрпре королевство в срединной части Ирландии возникло в ходе экспансии, исходившей из отдаленной области первоначальных владений в Северо-Восточном Коннахте и Лонгфорде. В более

[25] См. Приложение I, с. 313—314.

позднее время королевство Кайрпре Мора с центром в Гранарде делило графство Тетбу с другим королевством, королевством Мане из рода Уи Нейллов на юге. Однако имеются указания на то, что королевство Мане первоначально простиралось за реку Инни (южную границу Тетбы) вниз по восточным берегам озера Аох-Ри и реки Шеннон в графство Оффали. По содержащейся в анналах традиции, потомок Мане, Аэд, сын Бреннана, король Тетбы (ум. в 589 г.), пожаловал Дурроу в Оффали Колуму Килле. К XI веку, когда большая часть Тетбы была захвачена Сонмайкне Рейн, сателлитами О'Рурков из Брефне, название Тетба, как и правящая династия Кенел Мане, переместилось в эту южную область на границе Уэстмита и Оффали. Начиная с раннего времени многие короли Тетбы и Мане погребались в Клонмакнойсе.

Через реку Шеннон от Миде лежали владения коннахтских Уи Мане. В раннюю эпоху они продвинулись далеко на север в Роскоммон и потому граничили с созвучным королевством Кенел Мане. В Клонмакнойсе хоронили королей и этой династии, и вполне возможно, что первоначально существовало лишь одно королевство Мане, охватывавшее оба берега среднего течения реки Шеннон. Таким образом, восточная часть королевства, вероятно, простиралась к югу от Тетбы и включала в себя земли таких зависимых племен, как Куиркне, Брегмуйне, Калрайге и Делбна Бетра. Сам Клонмакнойс находился на территории Делбна Бетра, а другая ветвь того же народа, Делбна Нуадат, размещалась к северу от Клонмакнойса между реками Сак и Шеннон и подчинялась коннахтским Уи Мане.

В 538 году Мане, брат Диармайта, сына Керрбела (совпадение имен чисто случайное), потерпел поражение и погиб в битве при Клайнлохе близ Горта в южном Голуэе. Согласно *Анналам Тигернаха,* составленным **[113]** в Клонмакнойсе, он был убит королем Уи Фиахрах Айдне, Гоибненном, сыном Коналла, так как претендовал на верховную власть над коннахтскими Уи Мане. В поздних перечнях королей Мане, сын Керрбела, зовется королем Успеха. В понимании составителей это означало, что он был королем Южных Уи Нейллов, но, вероятно, это не более чем анахронизм, тем более что в это время верховным королем Тары предположительно являлся Туатал Маэлгарб.

Тем не менее традиция о том, что Уи Нейллы претендовали на верховную власть над коннахтскими Уи Мане, вероятно, соответствует действительности. Их попытки провалились, и Уи Мане вошли в состав высшего королевства Коннахт и получили особые привилегии, сходные с теми преимуществами, которыми пользовалась под гегемонией Уи Нейллов Айргиалла. Как мы видели, они также приобрели родословную, устанавливающую их отдаленное родство с коннахтами и Уи Нейллами: в большинстве версий говорится, что они ведут род от Коллы Фо Хри, в одной — от вымышленного основателя Айргиаллы; однако другие авторитетные источники утверждают, что их предком является Домналл, брат Муйредаха Тиреха, деда Ниалла.

Что касается Кенел Мане мак Нейлл, то две древнейшие генеалогические рукописи (обе датируются XII веком) непримиримо расходятся во взглядах на родословную того Аэда, сына Бренанна, который пожаловал Дурроу Колуму Килле. Мы можем предположить, что восточные потомки Мане столь органично влились в структуру королевств Уи Нейллов, что их короли, по политическим соображениям, были приняты в круг господствующей династии. Когда дороги коннахтов и Уи Нейллов разошлись, это привело к полному размежеванию Уи Мане и Кенел Мане. То обстоятельство, что, согласно анналам, смерть настигла Мане, сына Ниалла, в 440 году, то есть гораздо раньше, чем любого из его предполагаемых братьев, также позволяет заподозрить, что он был искусственным образом включен в состав династии спустя некоторое время после того, как историки-компиляторы согласились между собой отодвинуть правление Ниалла назад на время жизни одного поколения или больше.

Некоторые утверждения в генеалогических трактатах указывают на то, что владения Лоэгайре одно время простирались от озера Верхний Лох-Эрн до горы Сливе Блум на границе Мунстера. Даже в позднюю эпоху септы, именовавшиеся Уи Аоэгайре,

все еще проживали к югу от озера Лох-Эннелл и в зависимом королевстве Уи Беккон на крайнем севере Миде, хотя само королевство Лоэгайре ограничивалось областью вокруг **[114]** Трима и Навана. На юго-западе Кенел Фиахах заняли земли в графстве Оффали. Их предок Фиаху, сын Ниалла, якобы отвоевал равнину Миде у лагенов. Его королевство охватывало территорию от Бирра до Успеха и было также известно под названием Фир Хелл.

Свидетельства, относящиеся к важнейшему периоду образования королевств Уи Нейллов, чрезвычайно запутанны и ненадежны. Дело не только в том, что ранние записи были утеряны или изъяты. Среднеирландские ученые, собиравшие сохранившиеся традиции, всегда были предрасположены считать современное им государственное устройство заданным раз и навсегда, древним и нерушимым. Однако, по их же данным, Сил Аэдо Слане и Кланн Холмайн не могли существовать до начала VII века. Сквозь завесу забвения и намеренную туманность источников мы можем различить общие очертания положения дел: скорее всего, недавно завоеванные срединные области были разделены между сыновьями Ниалла, но этот раздел был нарушен честолюбивыми замыслами Диармайта, род которого жил вокруг Слане и также притязал на происхождение от Ниалла. Легко проявлять излишний скепсис по отношению к ирландским родословным, но эта легкость несет в себе большую опасность: родословная Диармайта может быть совершенно подлинной. Его отец и дед не сумели достичь сколько-нибудь значительных успехов, а при ирландской системе наследования престола в рамках дербфине это означало, что сам Диармайт и его сыновья стояли на пути к политической смерти. Возможно, именно этим в первую очередь и объясняется та решительность и устремленность, с которой он преследовал свои цели.

Необходимо напомнить, что на протяжении столетия со времени смерти Ниалла его потомки должны были в обычном случае ощущать себя членами единой дербфине. Однако широчайший размах их завоеваний, которые все еще продолжались, особенно в северном направлении, сопровождался созданием королевств, лишенных какой-либо племенной или традиционной основы и объединяемых лишь личностью правителя. В отличие от наследственной родовой земли *(fintiu),* ирландские королевства обычно были неделимыми. Однако истощившиеся в результате героического века ресурсы королевской власти не могли сообщить необходимой прочности большому королевству под началом одного правителя. Оставление крупных фортов на холмах красноречиво свидетельствует о военном и экономическом упадке. Мунстер, Лейнстер и Коннахт разделились на династические королевства, происхождение которых возводили к разделу между сыновьями того или иного легендарного прародителя. **[115]**

В случае Уи Нейллов составители генеалогий цитировали «Завещание Ниалла»:

Mo flaith do Chonall; mo ordan do Crimthann; mo gaisced do Eogan; mo chricha do Chairpriu; mo maisse do Enno; mo daithe 7 mo elgnus do Fhiachaich; mo chruth do Loegaire; mo eich 7 mo charpait 7 mo baede do Maine.

«Моя власть Коналлу, моя честь (или наследование) Кримтанну (т. е. Коналлу Кремтайнне), моя доблесть (букв, «оружие») Эогану, мои границы Кайрпре, моя красота Энде, моя ловкость и моя воинственность Шиаху, мой образ и мое военное дело Лоэгайре, мои лошади и моя колесница и моя доброта Мане».

К VIII веку возникло классическое политическое устройство династии Уи Нейллов. Северных и Южных Уи Нейллов можно рассматривать как довольно сплоченные политические единицы, представители которых попеременно носили номинальное звание верховного короля Тары, символически связывавшее воедино эту династию (которая никогда не проявляла своего единства вполне отчетливо, кроме тех случаев, когда угроза исходила со стороны их потомственных врагов, уладов или лагенов). Король Кенел Эогайн, если он не являлся верховным королем Тары, правил Севером *(m PocЬIae)* и

титуловался королем могучей крепости Айлех. Он распространял свою власть на зависимое королевство Кенел Конайлл, а также на менее значительные королевства Уи Нейллов на севере и взимал дань с подчиненных племенных королевств. Сходным образом в срединных областях Ирландии король Миде являлся правителем Южных Уи Нейллов «от Шеннона до моря», хотя Брега сохраняла положение, несколько отличное от других подвластных областей. Сил Аэдо Слане все еще обладали достаточным могуществом и располагали верховной властью над всеми племенами Бреги и, по-видимому, также над королевствами Уи Нейллов из рода Ардгала и Лоэгайре: таким образом, в политической иерархии они занимали промежуточное положение.

Царствование Диармайта, сына Керрбела, получило в источниках на удивление неблагожелательную оценку, несмотря на всю славу и известность этого короля. Записи в анналах, относящиеся к его правлению, довольно редки, но все они составлены в весьма неприязненном тоне. Его сын Колман Старший был убит «в своей колеснице» неким Дибслойтом из **[116]** круитни в 555 или 558 году (датировки в анналах, относящиеся к VI веку, вообще отличаются крайней неопределенностью). В 558 или 560 году Диармайт провел Праздник Тары, который особо отмечается в *Анналах Тигернаха* как последний. Величайшая его неудача — поражение в битве при Кул Древне — произошла в 561 году, а в следующем году он потерпел поражение от Аэда, сына Бренанна, из Тетбы при Кул Уинсен. Он не принимал участия в великом сражении при Мойн Дайри Лотайр в 563 году, в результате которого Северные Уи Нейллы сокрушили власть круитни в областях страны к западу от Банна и продвинулись в графство Лондондерри. В 565 году Диармайта убил высший король Ульстера из племени круитни Аэд Черный, сын Суибне, а верховную власть в Таре унаследовали два победителя битвы при Кул Древне — Форггус и Домналл, сыновья Муйрхертаха, сына Эрк.

Согласно богатой литературной традиции, сложившейся вокруг образа Диармайта, он навлек на себя гнев многих могущественных святых, хотя, как мы видели, в монастыре Клонмакнойс его память была окружена почтением. Шестое столетие стало золотым веком ирландского монашества, а ярчайшей звездой в созвездии святых был Колумба (Колум Киле), основатель монастыря на острове Иона, который превратился в центр обширной сети колумбовских монастырей, охватившей северные области Ирландии и Британии. Колум Килле принадлежал к Кенел Конайлл, ответвлению династии Уи Нейллов. Он был зачинателем ирландской традиции странничества *(peregrinatio)* и первым святым чистейшей королевской крови. Легенда гласит, что он тайно переписал книгу, принадлежавшую св. Финниану; когда последний обратился к верховному королю, Диармайт вынес неправедное суждение: «Каждой корове ее теленок и каждой книге список с нее». Колум Килле был настолько разгневан, что побудил своих двоюродных братьев: Ниннида, сына Дауи, и Айнмере, сына Сетны, из Кенел Конайлл — заключить союз с Форггусом и Домналлом из Кенел Эогайн и Аэдом, сыном Эху Тирмхарны, королем Коннахта, и сойтись с Диармайтом в битве при Кул Древне. Сражение протекало в местности у подножия Бенбулбена чуть выше колумбовской церкви в Друмклиффе. Традиция, запечатленная в саге, проникла в сообщения анналов. В *Анналах Тигернаха* не упоминается инцидент с книгой, но говорится, что одной из причин битвы послужило убийство Курнана, сына коннахтского короля, совершенное Диармайтом, хотя Курнан находился под покровительством Колума Килле. В *Анналах Ульстера* говорится только, что сражение было выиграно «молитвами Колума Килле» *(per* **[117]** *orations Coluim Chille).* В обеих летописях утверждается, что войско Диармайта защищали своими чарами друиды, но их усилия оказались напрасными.

И в светской, и в агиографической литературе мы находим рассказ о том, как Диармайт убил другого коннахтского принца, Аэда Гуайре из Уи Мане, осквернив святилище св. Руадана из Лоррхи. Руадан собрал могущественных святых, «двенадцать апостолов Ирландии», среди которых был и Брендан из Бирра, чтобы поститься против

короля. Они пришли в Тару и торжественно прокляли ее, и с этих пор Тара опустела. Этот рассказ, конечно, в какой-то мере соответствует исторической действительности, поскольку он свидетельствует об официальном отказе от языческих представлений о сакральности королевской власти. Однако образ Диармайта высвечивается в традиции не только в мрачных тонах. В его уста вкладывается стихотворение «Горе тому, кто спорит с церковными священниками» *(Mairg thahcrus fri cleirchib cell*), в котором отражается нечто большее, чем антиклерикальные настроения средневекового писателя. Даже позднее Житие св. Лайсриана или Мо-Лайссе из Девениша на озере Лох-Эрн — типичное произведение «нереформированной» ирландской Церкви XII века — изображает этого святого борющимся с непатриотическим фанатизмом его собратьев и ручающимся за спасение души Диармайта, хотя он и не может воспрепятствовать исполнению пророчества о его смерти. В том же источнике говорится, что Колум Килле раскаялся в бойне при Кул Древне, которая явилась результатом его действий, и отправился в изгнание в Шотландию, исполняя епитимью, возложенную на него св. Мо-Лайссе.

Великий биограф и родич Колума Килле Адомнан, аббат Ионы с 679 по 704 год, дважды мимоходом упоминает битву при Кул Древне, сообщая, что она состоялась за два года до отъезда Колума Килле на Иону, но ничего не пишет ни о самой битве, ни о ее причинах. Тем не менее он говорит о Соборе, проведенном в Тайльтиу, на котором святой был подвергнут отлучению от Церкви за какие-то «ничтожные и очень простительные» проступки. Несколько более удивительно то обстоятельство, что Адомнан в неясных выражениях осуждает Аэда Черного, сына Суибне, убийцу Диармайта и расстригу: «Аид Черный, поистине кровавый человек и погубитель многих, который убил Диормития, сына Кербулия, поставленного Божьей властью правителя всей Ирландии» *(Aidus Niger. Valde sanguinarius homo et multorum fuerat trucidator. Qui et Diormeteim filium Cerbulis totius Scotiae regnatorem deo auctore ordinatum interfecerat).* **[118]** Адомнан ни словом не намекает на враждебные отношения между Колу-мом Килле и Диармайтом (если не истолковывать в этом духе проведение Собора в Тайльтиу на месте оэнаха верховного короля). В другом месте он пишет, что святой дружески предостерегал Аэда Слане, сына Диармайта, от убийства родича *(fingal):*

«Сын мой, ты должен проявлять осторожность, иначе вследствие убийства родича ты потеряешь право на владычество над королевством всей Ирландии, предначертанное тебе Богом *(tibi a deo totius Everniae regni praerogativam monarchiae praedestinatam).* Ибо если ты когда-нибудь совершишь такой грех, ты получишь не все королевство своего отца, но только часть его, в твоем племени *(aliqua perte in gente tua)* и лишь на короткое время ».

Эти слова святого исполнились в точном соответствии с его пророчеством. Ибо после того, как Аэд вероломно убил Суибне, сына Колмана, он владел частью королевства, которая была уступлена ему не долее, как говорят, чем на четыре года и три месяца»[26].

Любопытно, что Адомнан подчеркивает христианскую природу королевской власти: в очень похожих выражениях он называет Освальда, короля Нортумбрии, «богопоставленным императором всей Британии» *(titius Brittanniae imperator a deo ordinatus).* Однако в отличие от своего современника Муирьху относительно Тары он хранит благоразумное молчание. Адомнан и Муирьху предоставляют самые ранние недвусмысленные подтверждения притязаний Уи Нейллов на верховную королевскую власть над Ирландией.

Но ничто так не соответствует созданному традицией образу Диармайта, как его смерть. Сага о его гибели содержит типичный мотив тройной смерти. Подобно мифическому Конайре, сыну Этерскела, Диармайт погиб в доме таинственного гостеприимца. Это был Банбан из Райт Бек, «маленькой крепости», которая находилась

[26] Аэд Слане убил своего племянника Суибне, сына Колмана, в 600 году.

близ Рат Мора, главной королевской резиденции династии Дал Арайде из племени круитни в нескольких милях к востоку от современного города Антрим.

Прорицатель Бекк мак Де предсказал, что Аэд Черный, сын Суибне Арайде, станет убийцей Диармайта, и юного князя, воспитывавшегося тогда у верховного короля, изгнали из Ирландии. Святой же Руадан, проклиная Тару, предрек, что на Диармайта обрушится потолочная балка. Поэтому ее снесли и выбросили в море. Эти противоречивые предсказания **[119]** заставили Диармайта обратиться с вопросами об истинной причине своей гибели к своим друидам:

«К Диармайту привели его друидов, и он спросил у них, какая смерть его ждет. „Убийство, — сказал первый друид, — ив ночь твоей смерти на тебе будет рубаха, сделанная из одного семечка льна, и плащ из шерсти одной овцы". „Легко будет мне избежать этого," — сказал Диармайт. „Ты утонешь, — сказал второй друид, — и той ночью будешь пить пиво из одного зерна". „Ты сгоришь, — сказал третий друид, — и на твоем блюде будет мясо поросят, которых не рождала свинья". Диармайт сказал: „Все это невероятно".

Затем во время своего королевского объезда Диармайт объехал вкруг Ирландии в правую сторону, то есть из Тары в Лейнстер, затем в Мунстер, затем в Коннахт, и через Ульстер; так чтобы к концу года вовремя оказаться к самайну в Таре, чтобы исполнить свои обязанности на празднике самайна и встретить мужей Ирландии на Празднике Тары.

И вот однажды, когда Диармайт совершал этот объезд, он увидел, как в дом к нему входит некий воин, и спросил его: „Откуда ты?". Тот отвечал: „Не издалека. Пойдем со мной, проведи ночь у меня в гостях". „Хорошо, — сказал Диармайт, — скажи Мугайн". „Нет, — отвечала она, — пока я живу, я никогда не пойду по приглашению; и если ты пойдешь, это будет мне назло; ибо пойти по приглашению обернется злом для тебя"[27].

С Банбаном Диармайт пришел в Ратбег, и когда они стали рассаживаться в доме, к ним вошла прекрасная молодая женщина в удивительно красивом одеянии. „Откуда эта женщина?" — спросил Диармайт. Банбан ответил: „Она моя дочь, и, назло Мугайн, так как она не пошла со мной, эта девушка станет ночью твоей женой". „Я доволен", — сказал король.

Пока готовили еду, для них расстелили постель, и Банбан спросил: „Ну, девушка, принесла ли ты одежду для короля?" „Принесла," — ответила **[120]** она и протянула рубаху и плащ, которые король взял и надел. „Это хорошая рубаха," — сказали все. „Она достойна тебя, — сказал Банбан, — ибо сделана из одного семечка льна. Это странная девушка, и она посеяла одно льняное зернышко и потом собрала урожай и снова посадила зерна, и из зерен третьего урожая соткала эту рубаху". „Хороший плащ," — воскликнули все. „Воистину он хорош, — сказал Банбан, — сделан он из шерсти одной овцы".

Затем им принесли еду и питье, и Банбан сказал: „Хороша свинина, никогда не производившаяся на свет". „Как так?" — спросил Диармайт. „Свиньи были с приплодом; мои люди взяли ножи, так что их поросята были взяты из их чрева живыми, а затем их откормили". „Хорошее пиво!" — воскликнули все. „Воистину хорошо пиво, — сказал Банбан, — сваренное из единого зернышка. Однажды пошел я посмотреть пашню и убил

---

[27] Мугайн была женой Диармайта, а ее имя подразумевает связь с миром божеств. В саге «Рождение Аэда Слане» рассказывается о том, как ее бесплодие было исцелено благодаря благословению св. Финниана и как она произвела на свет сначала ягненка без единого пятнышка, затем серебряного лосося и наконец Аэда Слане: «доброе у него потомство в Бреге, доброе в отношении щедрости, славы, чести, смелости, взимания дани, одержании победы, честности, героических деяний, великолепия, обращения с Церковью, исполнения долга гостеприимства, сострадательности... Ибо „золотым прутом на блюде из светлой бронзы" — вот чем является семя Аэда Слане, пересекающее равнину Бреги, и всякое изобилие, всякий прекрасно устроенный дом сравнивают люди с домом Аэда Слане».

витютеня. В его зобу нашли мы одно зерно, а от какого злака, не известно. Но мы посадили его в борозду, и затем сжали. Затем принесенный им урожай мы посеяли вновь, и вот оно перед вами — в виде пива".

После этого Диармайт посмотрел вверх и сказал: „Нижняя часть дома новая, но верхняя его часть не нова". Банбан ответил: „Однажды поплыли мы в куррахах ловить рыбу и увидели перед собой балку дома, плывующую по морю. Из любопытства я построил дом с ней". Тогда Диармайт сказал: „Истинно было пророчество Бекка!" — и вскочил, чтобы выйти из дома. „Вот твоя дорога!" — сказал Аэд Черный на пороге и тут же ударил его копьем в грудь, так что пронзило оно его насквозь и сломало ему хребет. Затем Диармайт вернулся в дом. Снаружи улады окружили здание и подожгли его над головами находящихся внутри. Сам Диармайт залез в чан с пивом, и тогда потолочная балка упала на него, так что он умер».

Убийство Диармайта королем Ульстера не представляется случайным инцидентом в борьбе между Уи Нейллами и их старыми врагами, но возвышается до мифологического толкования. Автор саги, впадая в обычный анахронизм, изображает Диармайта осуществляющим право королевского объезда, которое приписывалось верховному королю поздними политическими теоретиками.

Наиболее известным кельтским королем, погибшим из-за пренебрежения противоречащими друг другу пророчествами, является Мак-Бет. Одно из первых литературных упоминаний тройной смерти обнаруживается в произведении Адомнана, но прилагается не к Диармайту (приверженность которого христианству он постоянно подчеркивает), а к его врагу Аэду Черному. Колум Килле предрекает: **[121]**

«„И Аэд, не по заслугам поставленный, вернется как собака на свою блевотину и вновь станет кровавым убийцей, и наконец, пронзенный копьем, упадет с дерева в воду и утонет. Он заслужил такой конец гораздо раньше, убив короля всей Ирландии..."

И Аэд Черный, священник только по названию, вернулся к прежним своим злодеяниям и, вероломно пронзенный копьем, упал с носа лодки в воду озера и погиб».

По-видимому, в данном случае речь идет о прорицании тройной смерти: от ранения, от падения с дерева и от потопления. Эти темы уводят нас в темные глубины сравнительной мифологии, заставляя вспомнить о персонажах, подобных Одину, пронзенному копьем и повешенному над источником Мимира.

В ирландской традиции тройная смерть обычно принимает форму ранения, потопления и сожжения *(guin, badud, loscad*). Смерть от раны при попытке бежать из горящего дома, конечно, вовсе не была необычным явлением во время династических усобиц в раннее Средневековье и не заключает в себе ничего сверхъестественного. Однако в ирландских сагах она сопровождается утоплением в котле или чане с похлебкой. И хотя огромный котел составлял неотъемлемую часть обычной обстановки королевского дома, мы не можем пройти мимо его мифологической значимости в кельтском мире. Самый замечательный кельтский котел — серебряный котел из Гундеструпа, найденный в Дании, но созданный, вероятно, на Дунае и датируемый II веком до н. э., — украшен поразительной сценой жертвоприношения, на которой маленькая человеческая фигурка погружается в чан. Пиво или вино символизировали собой власть и являлись обязательным атрибутом королевской инаугурации; не менее уместны они были, как мы видим, и при смерти короля.

Муйрхертах, сын Эрк, предпоследний предшественник Диармайта на престоле верховного короля, умер при очень сходных обстоятельствах. В записи под 534 годом в *Анналах Ульстера* читаем: «утопление Муйрхертаха, сына Эрк, в чане, полном вина, в крепости Клетех на Бойн» *(demersio Muirchertaig filii Erce in dolio pleno vino in arce Cletig supra Boinn).* Дом Клетех на реке Бойн, подлинное местоположение которого находилось, вероятно, в Ином мире, был также свидетелем смерти Кормака, сына Арта. Ниже приведен фрагмент саги «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» *(Aided Muichertaig Meic Erca)* в изложении Алвина и Бринли Рисов:

«Однажды король Ирландии Муйрхертах оказался во время охоты один на своем охотничьем холме, и тут появилась перед ним девушка **[122]** редкостной красоты, одетая в зеленый плащ. Король тотчас воспылал к ней такой любовью, что был готов отдать всю Ирландию, лишь бы она согласилась провести с ним хоть одну ночь. Девушка сказала ему, что она „любовь Муйрхертаха", и объявила, что сведуща в еще более тайных делах, а потом добавила, что давно уже знает его и ждет встречи с ним. „Я дам тебе все, что могу дать, о девушка", — сказал ей Муйрхертах, и она согласилась войти в его дом при условии, что он никогда не будет произносить ее имя, что мать его детей будет удалена с ее глаз и ни один клирик не войдет в дом, где будет она жить. Король принял эти условия и спросил только, как же ее имя, чтобы знать его и избегать его произносить. И хотя девушка отличалась несравненной красотой, имя ее звучало довольно странно и поразительным образом походило на имена уродливой Кайльб[28]: „Вздох, Свист, Буря, Резкий Ветер, Зимняя Ночь, Крик, Рыдание, Стон".

Чтобы угодить девушке, Муйрхертах прогнал из своего Клетехского дома королеву и детей ее и после этого созвал всех, кто занимался каким-либо ремеслом или искусством, вместе с их женами на большой пир. Св. Кайрнех[29] был так возмущен изгнанием королевы, что проклял это место и сам своими руками вырыл для короля могилу, сказав при этом: „Тот, кому приготовлена эта могила, конченый человек; поистине конец его царствованию и владычеству". Король же тем временем сел на свой трон, а девушка села по правую руку от него и, чувствуя, что от нее исходит „могущество богини", он спросил, откуда ее сила. Она ответила, что верит в Бога, что она из племени Адама и Евы, но при этом может совершать великие чудеса. Муйрхертах попросил ее совершить какое-нибудь чудо. Тогда девушка превратила воду из реки Бойн в вино, а из папоротника создала призрачную свинью, и эти волшебные еда и питье вдвое уменьшили силу короля и его людей. Затем создала она два полка призраков, равных по числу воинов и по силе, причем один полк состоял из голубых воинов, а другой — из безголовых. Сам Муйрхертах выбился из сил, сражаясь с ними, хоть и были это на самом деле одни лишь камни, папоротник да дерн. На седьмую ночь в канун среды после Самайна **[123]** поднялась буря. „Это стон зимней ночи", — сказал король. А девушка отвечала ему: „Это я — Резкий Ветер... Я — Зимняя Ночь... Я — Стон, я — Ветер, я — Зимняя ночь". Когда король вновь заговорил о буре, которая с каждой минутой становилась все сильнее, девушка спросила его: „Зачем называешь ты мое имя, о муж?" После этого она сказала, что теперь он обречен. „Это правда, девушка, ибо было предсказано, что моя смерть будет подобна смерти моего деда". А Муйрхертах сам сжег своего деда в его же доме. Видения огня и воды мешали теперь его зачарованному сну. Девушка меж тем „рассыпала повсюду огонь", а вокруг дома поставила полки призрачных воинов, которые будто бы нападали на дом. Королю она сказала, что якобы Туатал Майльгарб („круглоголовый"), сын Кормака Одноглазого, явился со всем своим войском отомстить Муйрхертаху и занять его трон. Муйрхертах спрятался в бочку с вином и утонул в ней, горящие бревна рухнули на него и сожгли всю верхнюю часть его тела»[30].

В этом фрагменте отчетливо проявляется элемент сверхъестественного, хотя девушка утверждает, что она убила Муйрхертаха, мстя за своих отца и брата и коренных жителей Тары *(senthuatha Temra).*

---

[28] Одинокая старуха, которую Конайре пустил в дом Да Дерга, тем самым нарушив один из своих гейсов.

[29] Основатель церкви Туйлен (Далейн к северу от Келлса, графство Мит). В саге также рассказывается о том, как св. Кайрнех примирил Муйрхертаха и потомков Тадга, сына Киана, то есть Делбна, Кианнахтов, Гайленга, Луигни и Сайтне.

[30] Цит. по изданию: Алвин и Бринли Рис. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. Перевод с английского Т. Михайловой. М., 1999. С. 388-389.

Вопрос об абсолютной историчности Муйрхертаха, сына Эрк, остается открытым. Подозрения вызывает его двойное имя. Имя «Мак Эрка» было довольно распространенным собственным именем в архаический период и не являлось ни патронимом, ни метронимом, хотя позднее стали утверждать, что Муйрхертах назывался «Мак Эрка» якобы потому, что его матерью была Эрк, дочь Лоарна, короля Дал Риады, и о сватовстве и женитьбе на ней Муйредаха, сына Эогана, была сложена романтическая легенда, сюжет которой достигал высшей точки в момент убийства Аоарна его внуком. В саге «Видение Конна» он именуется уменьшительным именем «Мак Эркени» *(Mac Erceni),* однако в анналах он всегда фигурирует под именем Муйрхертах, сын Эрк *(Macc Erccae).* Следует помнить о том, что эти ранние анналы приобрели свой настоящий вид не ранее VIII или IX века, во времена расцвета Кенел Эогайн. В VI веке этот род не играл столь выдающейся роли, и вполне возможно, что эта династия перенесла традиции, повествующие о раннем короле Тары Мак Эрке, на туманную фигуру своего предка Муйрхертаха, сына Муйредаха. **[124]**

Имя Мак Эрка в древности носили несколько коннахтских князей: предок септа Кенел Майк Эрке из племени Корке Охланн в северном Роскоммоне, о котором в «Трехчастном Житии» говорится, что они «сильнейшие и могущественнейшие из коннахтов, но они не правят подобно высшим королям» (позднее им приписали вымышленное происхождение от Бриона); предок Фир Хера, ответвления Уи Фиахрах, и его внучатый племянник, Мак Эрка, сын Айлиля Молта, который, по сообщению анналов, погиб в битве при Тортане в Мите, сражаясь с лейнстерцами в 543 или 548 году.

Анналы приписывают Муйрхертаху, сыну Эрк, за последующие годы целый перечень удачных сражений (в ирландской терминологии *caithreim),* который очень напоминает искусственную реконструкцию побед Уи Нейллов над представителями всех остальных провинций. В перечнях королей и анналах два его сына, Форггус и Домналл, изображаются верховными королями-соправителями, правившими в течение года после смерти Диармайта, сына Керрбела. В анналах сообщается о трех значительных сражениях, в которых они одержали победу: это — битва при Слайго в 543 или 547 году, в которой они совместно с Айнмере, сыном Сетны, и Ниннидом, сыном Дауи, из Кенел Конайлл убили Эогана Бела, короля Коннахта; битва при Кул Конайре в 550 году в Кере (баронство Карра, графство Слайго), в которой они убили сына и преемника Эогана Бела, Айлиля Инбанду; и битва при Кул Древне, о которой говорилось выше. Первая и последняя битва произошли в той стратегической области, которая будет составлять предмет споров между Коннахтом и Тир Конайлл вплоть до XVI века. Хотя в битве при Кул Древне король Коннахта выступал союзником северян, битвы при Слайго и Кул Конайре можно рассматривать в свете непрекращающейся вражды между Коннахтом и Севером. Впрочем, вполне возможно, что сообщение о сражении при Кул Конайре обязано своим возникновением неправильному истолкованию записи, отмечающей смерть Айлиля Инбанды от рук «сыновей Макк Эрка», то есть Фир Хера, а не Кенел Эогайн[31].

Как бы то ни было, Муйрхертах, сын Эрк, и Диармайт, сын Керрбела, были не единственными королями Тары, погибшими сверхъестественной смертью. Мы помним, что Аоэгайре был убит солнцем и ветром, а его сын Лугайд и его предшественник Нат И погибли от удара молнии. Если власть верховных королей Тары обладала сакральным происхождением, **[125]** вовсе не удивительно, что они погибали не от человеческих рук. В этом отношении ирландские саги королевского цикла любопытным образом дополняют легенды, рассказанные о ранних королях Упсалы в «Саге об Инглингах», первой книге «Круга земного» Снорри Стурлуссона. В соответствии с общим более жизнерадостным настроем ирландской мифологии на первый план выходит тема плодородия и королевской свадьбы, между тем как скандинавские повести вращаются вокруг смерти сакрального короля. Даже склонный к евгемеризациии Снорри прямо заявляет, что некоторые

[31] См. ниже, с. 277; Приложение II, табл. 18.

упсальские короли были принесены в жертву «ради мира и хорошего года». Возможно, благодаря более длительному влиянию христианства и его более глубокому проникновению в литературу, мы не найдем в Ирландии открытых упоминаний о подобных жертвоприношениях. Может быть, слишком прозаическим выглядело бы предположение о том, что более мягкий климат этой страны делал такие решительные меры не столь необходимыми.

Несмотря на это, в ирландских сагах, даже в их поздней, прошедшей литературную обработку форме, отчетливо звучит тема рока. В своем проницательном анализе саг о смерти Рисы обратили внимание на любопытный эротический элемент, обычно сопровождающий смерть героя. Очевидно присутствие этой черты и в скандинавских сагах. В редакции Снорри смерть короля часто связывается с неудачным браком, иногда невеста оказывается ведьмой. Миф о приносящей смерть богине, являющейся одновременно невестой короля, отчетливо различим в «Перечне Инглингов» *(Ynglingatal),* древней языческой поэме, на которой основывается прозаическое повествование Снорри и отрывки из которой он время от времени цитирует: здесь в эротических выражениях описывается даже встреча короля с Хель, богиней смерти. Еще более интересным кажется то обстоятельство, что один из доисторических упсальских королей, Шьельнир, погибает, утонув в чане меда, хотя нельзя сбрасывать со счетов и возможность литературного заимствования: в одной из глав «Саги об Инглингах» Снорри утверждает, что Данп и Дан, эпонимические короли Дании, были соответственно сыном и внуком Рига, «который был первым назван „конунгом" на датском языке»; Риг также фигурирует в эддической «Песни о Риге» как имя, которое принимает Хеймдалль, когда зачинает Трэля, Карла и Ярла (раба, простолюдина и господина), и теперь считается, что это имя является заимствованием из ирландского *ri, rig,* «король».

Диармайт, сын Керрбела, был последним сакральным королем Тары. Очевидно, у тех, кто называл его первым христианским верховным королем **[126]** Ирландии, были на то определенные причины. Два его сына носили специфически христианское имя Колман, происходящее от латинского Колумбан. Этот двойственный характер вкупе с тем обстоятельством, что Диармайт явился непосредственным родоначальником двух наиболее могущественных династий Южных Уи Нейллов, сделал его чрезвычайно подходящей фигурой для саг и легенд.

Находившиеся под их влиянием списки королей и анналы выказывают некоторое замешательство в вопросе о порядке престолонаследия после смерти Диармайта, приписывая эту честь множеству недолговечных правителей, иногда разделявших ее с тем или иным соперником. Нечто похожее на подлинное положение вещей отображено в «Видении Конна». Как мы уже говорили, этот перечень был составлен в период правления Финснехты Пиролюбивого, который в слегка завуалированной форме упоминается под кеннингом Снехта Фин «снего-вино», передающем смысл его имени (его прозвище *Fledach* означает «пирующий» или «щедрый»; он происходил из рода Сил Аэдо Слане и, подобно многим другим представителям этого рода, был убит соперниками из Фир Хул Брег в 697 году). Язык этого памятника носит поэтический и намеренно затемненный характер, а вслед за Финснехтой Пиролюбивым идут четыре неидентифицируемых имени. Однако он недвусмысленно показывает, что значительное время у Диармайта не было неспосредственного преемника. Трудность заключается в том, что Аид Оллайн (которого следует отождествлять с Аэдом Алланом или Уариднахом[32] из Кенел Эогайн, умершим в 612 году) здесь помещается *перед* Диармайтом, и этот порядок подтверждается схемой аллитерации, связывающей словосочетания в тексте[33].

---

[32] Альтернативное прозвище, по-видимому, было придумано впоследствие писателями, чтобы отличить его от позднего тезки.

[33] См. Приложение I, с. 313-314.

В поздних источниках утверждается, что сын Диармайта Аэд Слане делил верховную власть с Колманом Римидом из Кенел Эогайн, дедом по материнской линии нортумбрийского короля Альдфрида, которого ирландцы знали под именем Фланн Фина (от имени его матери Фин). Аэд Слане и его предполагаемый соправитель умерли в 604 году, однако рассказ Адомнана о пророчестве Колума Килле согласуется с отсутствием Аэда в «Видении Конна». Хотя историческая картина крайне расплывчата, анналы демонстрируют враждебное отношение остальных Уи Нейллов к возвышению Диармайта, сына Керрбела. Династии срединных **[127]** областей окончательно сформировались лишь ко времени совместного правления сыновей Аэда Слане — Диармайта и Блатмака (оба фигурируют в «Видении Конна»).

Диармайт и Блатмак также появляются в сагах королевского цикла, но по большей части действуют в качестве персонажей второго плана, отступая в тень на фоне таких живописных личностей, как щедрый король Коннахта Гуайре Айдне, отважный лейнстерский герой Маэл Одран и романтический принц из Ская Кано, сын Гартната. Их правление считают эпохой в ирландской истории, по большей части, несомненно, потому что оба они пали жертвой великого мора, положившего конец не только золотому веку святых, но и поколениям королей, достаточно могущественных, чтобы стать героями саг. Последующие годы стали свидетелями трудов по воссозданию и компиляции исторической традиции. Начиная с VIII века туман легенд начинает рассеиваться по мере того, как более изобильными становятся исторические памятники в узком смысле слова. **[128]**

ГЛАВА VII

КОРОЛИ УЛЬСТЕРА

Batar tri primcheinela I nHere .i. Feni 7 Ulaith 7 Gailni .i. Laigin.

«В Ирландии было три главных народа: фении, улады и гаилни, то есть, лагены».

Так начинается сага VIII века, дошедшая до нас в составе одного из правоведческих трактатов. Из контекста выясняется, что под фениями (при том, что это слово обычно использовалось в законах для обозначения «ирландцев») в данном случае понимаются предки коннахтов и Уи Нейллов. Само утверждение, относящееся к доисторической эпохе, не следует принимать за точное описание этнографической ситуации. Скорее оно отражает точку зрения правоведа, трудившегося под покровительством Уи Нейллов. Улады и лагены на самом деле были давними врагами верховных королей из этой династии, не желавшими расставаться с воспоминаниями о своем былом величии.

Улады, хотя к VIII веку они были оттеснены в область Антрима, Дауна и северного Лаута, представлявшую собой всего лишь окраину древней ульстерской пятины, оказались в удивительном положении, поскольку «Похищение быка из Куальнге» и связанный с ним цикл саг, повествующих о дворе короля Конхобара в Эмайн Махе и о подвигах Кухулина, приобрели в ирландской литературе статус национального эпоса. И если Гомер придерживается в отношении греков и троянцев поразительной беспристрастности, то ирландские составители саг отдают явное предпочтение уладским героям. По словам поздних комментаторов, это примечательное неравнодушие явилось следствием радушного приема, оказанного поэтам Ирландии ульстерским королем Фиахной, сыном Баэтана, во времена Собора в Друим Кете в 575 году, когда им якобы угрожал изгнанием верховный король Аэд, сын Айнмере; а один писатель XI века недоброжелательно говорит: «эти истории вовсе не происходили так, как они **[129]**

рассказываются, но сладкоязычные поэты выдумали лживые сказки, чтобы снискать расположение у грубого ульстерского народа».

В мире, столь высоко ценившем традицию, подобные воспоминания о былом величии являлись реальным политическим преимуществом. Еще в 1084 году король уладов Доннслебе, сын Эохайда, приехал на реку Войн и дал королевские дары (*tuarastal*), являвшиеся символом верховной власти, Доннхаду Уа Руайрку, королю Брефне. Очевидно, это действие следует рассматривать как попытку возродить древнюю ульстерскую пятину с помощью заключения союза, направленного против обоих тогдашних претендентов на королевство Тары: Домналла Мак Лохлайнна из рода Северных Уи Нейллов и Тойрдделбаха уа Бриана, короля Мунстера. Эта попытка была обречена на провал: Мак Лохлайнн нанес поражение Доннслебе, а вскоре после этого Уа Бриан разгромили Уа Руайрк в битве при Мойн Крунноке близ Аейшлипа. Однако она остается любопытным свидетельством притязаний на восстановление древних прав, так как королевство Брефне располагалось в области южных границ бывшей ульстерской пятины, а в одном из трактатов, включенных в *Книгу Прав* XII века, мы находим окрашенное в столь же ностальгические тона архаизирующее утверждение, что короли Уи Нейллов из Кенел Конайлл и Кенел Эогайн обязаны идти в военные походы с королем уладов и что тот дает туарастал королям Айргиаллы, Брефне и Конмайкне. Такая любовь к прошлому ввела в заблуждение Геральда Камбрийского, называвшего весь север Ирландии Ултонией *(Ultonia)*. Действительно, даже несмотря на то, что к XII веку короли из Кенел Эогайн были подлинными властителями севера, улады все еще боролись за сохранение независимости. До тех пор пока существовала их династия — в сколь бы плачевном состоянии она ни находилась, — Уи Нейллы не могли именоваться королями Ульстера.

Политическое устройство уладов отличалось своеобразием, так как королевская власть не принадлежала одной господствующей династии, а разделялась между династиями Дал Фиатах из восточной части графства Даун, Дал Арайде из графства Антрим и Уи Эхах Кобо из западной части графства Даун[34]. Необычным было и положение королевства Дал Риады, ирландская часть которых находилась в гленах Антрима, меж тем как его короли жили в своих аргайлширских колониях. Чуть меньше на общем фоне выделялось пограничное королевство Конайлли Муиртемне в Лауте. **[130]**

(Карта. Северная Ирландия около 800 г.н.э.) [131]

Мы видели, что согласно наиболее правдоподобной реконструкции истории V века падение Эмайн Махи состоялось примерно в 450 году; за ним последовало отступление уладов на восток через Гленн Риге, а перемещение границы было ознаменовано постройкой Дейнс-Каста. Похоже, поражение уладов не было полным и не считалось необратимым. Возможно, уже в VII веке они заняли южный Лаут, а их союзники круитни столь же прочно утвердились в графстве Лондондерри. Война между уладами и Айргиаллой в прежние века вовсе не составляла естественного положения дел, как можно было бы ожидать, судя по рассказам саг о завоевании Эмайн Махи тремя братьями Колла. Подлинными врагами были Уи Нейллы, а в частности северные ветви этой династии. Это подтверждает наши догадки о том, что Айргиалла представляла собой конгломерат племен-данников, покорившихся Уи Нейллам, но не обладавших достаточной силой для того, чтобы напасть на своих прежних господ.

Уладами в строгом смысле слова именовался народ, проживавший между заливом Дандрум и Белфастским озером. Их центр находился в Дун-да-Летгласссе (Даунпатрик), которое изначально было светским, а не религиозным местом, а правила ими династия Дал Фиатах. Младшая ветвь, Уи Эхах Арда, владела полуостровом Ардс, но, очевидно, пала жертвой викингов в IX веке. В этнологическом плане их причисляли к эринам. Дал Риада тоже относились к эринам, но не состояли с Дал Шиатах в близком родстве: уже к

[34] См. Приложение II, табл. 6 и 7.

V веку они переселились через узкий пролив в Шотландию, но на протяжении нескольких столетий удерживали свои ирландские владения.

Однако большую часть населения в том, что осталось от королевства уладов, составлял народ, известный под именем круитни. Их название представляет собой Q-кельтский извод названия «пританы» (Pritani, валл. *Prydyn),* обозначавшего пиктов Северной Британии. По-ирландски и пикты, и ирландские круитни носят одно и то же название, но латиноязычные авторы, такие как Адомнан, употребляют слово «пикты» только по отношению к первой группе. Поэтому не вполне правильно называть ульстерских круитни пиктами. Судя по порядку их королевского престолонаследия, они следовали ирландской системе дербфине в отличие от пиктов, передававших королевскую власть по материнской линии.

Круитни иногда овладевали верховной властью над королевством уладов: часто именно они несли на своих плечах основное бремя войны с Уи Нейллами и обрели такую самоуверенность, что утверждали, будто они, а не Дал Фиатах, являются «истинными уладами» (*fir-Ulaid*), а составители **[132]** генеалогий услужливо объясняли, что Дал Фиатах, будучи эринами, являются пришельцами из Мунстера. Впрочем, консервативные *Анналы Ульстера* раскрывают подлинное положение вещей, отказываясь наделять титулом «король уладов» *(ri Ulad)* высшего короля круитни и вместо этого используя такие описательные выражения, как «король пятины» *(ri in Choicid).* Термин «пятина» пользовался большой популярностью у уладов, вызывая горделивые воспоминания о прежнем величии их королевства. Однако сила традиции, даже сфальсифицированной, была столь велика, что составители генеалогий долгое время продолжали отстаивать учение, по которому круитни, несмотря на сложившееся словоупотребление, являются истинными уладами, уже после того, как те перестали выдвигать серьезные притязания на верховную власть над пятиной.

Династия Дал Арайде, представители которой пребывали в Райт-Море к востоку от нынешнего города Антрим в области, известной под названием Маг Лине, стала господствующей группой у круитни, хотя из рода Уи Эхах Кобо (в баронстве Иве, графство Даун) также вышло несколько королей уладов. Возможно, антримские круитни были отрезаны от своих сородичей, населявших Даун, вследствие действий Дал Фиатах, которые на протяжении VIII века продвигались на запад к озеру Лох-Ней и на север в южный Антрим. Расширившиеся границы Дал Фиатах отразились в размерах диоцеза Даун (который нельзя смешивать с одноименным графством).

Однако родственные связи, установленные составителями генеалогий между Уи Эхах Кобо и Дал Арайде, носят чрезвычайно искусственный характер, а среднеирландский перечень королей Дал Арайде дает ложную перспективу. В VI и VII веках круитни образовывали свободную конфедерацию небольших государств. Семь королей круитни пали в великой битве при Мойн Дайри Лотайр в 562 или 563 году, а по сведениям Адомнана еще один их король, Эохайд Лайб *(Echodius Laib)* бежал с поля боя на колеснице (может быть, последнее упоминание об этом архаическом способе ведения боя). Ни один из них не фигурирует ни в списках королей, ни в генеалогиях, хотя смерть Эогана, сына Эохайда, упоминается в анналах под 611 годом. Не сохранилась даже генеалогия Аэда Черного, сына Суибне Арайде, высшего короля уладов, который убил Диармайта, сына Керрбела. Анналы отмечают смерть некоего Дикуйла, «короля племени круитни» (*ri ceneoil Cruithe)* в сражении с Дал Риадой в 629 году: судя по генеалогиям, его дядя Келлах был королем Латарна из Ларны. **[133]**

Укрепление династической власти составляло основную черту ирландской политической истории в VIII веке, и именно в это время Дал Арайде становится единой династией, правящей остатками круитни к востоку от нижнего течения реки Банн. Соблюдая привычные устои ирландской политики, они разделились на враждебные группировки. Северная ветвь поселилась в Эйльне между реками Банн и Буш и посягала

на ирландские земли Дал Риады, но потерпела сокрушительное поражение от своих родичей с Маг Лине в 776 году и после IX века исчезла со страниц истории.

Одним из самых замечательных королей Ульстера был Баэтан, сын Кайрелла, из Дал Фиатах. За краткое время своего правления (с 572 по 581 г.) он попытался утвердить свою верховную власть над Дал Риадой в Шотландии и над островом Мэн. Его жизненный путь трудно проследить из-за усилий средневековых историков-компиляторов, но в ранних источниках сохранилось достаточно сведений, позволяющих нам оценить значение его царствования. Ульстерских составителей генеалогий можно с уверенностью упрекнуть в явной пристрастности, когда они именуют Баэтана королем Ирландии и Шотландии *(ri Erenn ocus Alban)* и цитируют поэму, в которой он изображается королем, принимающим в своей крепости близ Ноклейда в Антриме дань от Мунстера, Коннахта, Ская и Мэна. Подобные фантазии всего лишь отражают поздние представления о власти верховного короля. Однако даже составитель официального свода ирландских генеалогий признаут, что Баэтан наряду с Брианом Боромой являлся исключением из правила, по которому со времен св. Патрика все верховные короли Ирландии происходили из коннах-тов или Уи Нейллов. Впрочем, он делает оговорку: «...но другие не числят Баэтана в ряду верховных королей» *(sed alii Boetan apud magnos reges non numerant).*

Жители Ульстера издавна проявляли интерес к острову Мэн: одно имя на огамической надписи, обнаруженной на этом острове, можно отождествить с именем прародителя королей Конайлли Муиртемне, а в анналах зафиксированы два похода уладов — в 577 и 578 годах. В генеалогиях утверждается, что ирландцы были изгнаны с Мэна через два года после смерти Баэтана, и это событие, вероятно, следует связывать с победой Аэдана, сына Габрана, в 582 году, также упомянутой в анналах. Далее в генеалогиях говорится, будто Аэдан, сын Габрана, принес Баэтану присягу в Ринн Сеймне (остров Маги близ Ларна).

На основании этих свидетельств нам легче понять подлинную цель знаменитого Собора в Друим Кете, состоявшегося в 575 году. Согласно **[134]** традиционным рассказам, это было собрание всех королей Ирландии, проводившееся под председательством верховного короля Аэда, сына Айн-мере, из рода Северных Уи Нейллов, на котором также присутствовали Колум Килле и Аэдан, сын Габрана, король Дал Риады. Наряду с другими делами (например, предложением изгнать поэтов из Ирландии) был решен вопрос о взаимоотношениях Дал Риады и верховного короля. Стороны сошлись на том, что ирландская часть королевства подчиняется верховному королю и поставляет ему войска, но шотландское королевство получает независимость и принимает лишь обязательство служить верховному королю при необходимости своим флотом. У Адомнана мы находим удручающее своей лаконичностью упоминание о присутствии Колума Килле на совещании королей в Друим Кете в графстве Дерри, но он ничего не сообщает о целях этого совещания. Столь же бессодержательны и сообщения анналов.

В традиционном описании бросается в глаза несколько грубых недочетов: список королей, якобы присутствовавших в Друим Кете, полон ошибок и анахронизмов, и в нем, как ни странно, отсутствует имя Баэтана; кроме того, Аэд, сын Айнмере, даже по официальной доктрине, в 575 году еще не был верховным королем. В действительности анналы и списки королей демонстрируют полную неосведомленность относительно порядка наследования престола после смерти Диармайта, сына Керрбела. Согласно этим источникам, Аэд не мог стать верховным королем до смерти своего двоюродного брата Баэтана, сына Ниннида, в 586 году. И это лицо, и его предшественник Баэтан, сын Муйрхертаха, и Эохайд, сын Домналла из Кенел Эогайн, вряд ли на самом деле занимали престол Тары. В «Видении Конна» не упоминаются ни они, ни даже Аэд, сын Айнмере. Смерть Диармайта, сына Керрбела, по-видимому, не только ознаменовала упадок языческой сакральной королевской власти в Таре, но и положила начало периоду

замешательства и раздоров внутри рода Уи Нейллов, так как пути различных ветвей этой династии все больше расходились.

Так как в этот период верховные короли из рода Уи Нейллов определенно не располагали правом сюзеренитета над уладами и еще меньше над Дал Риадой и так как именно король Ульстера Баэтан, сын Кайрелла, был наиболее заинтересованным лицом в вопросе о выходе шотландской Дал Риады из-под ирландской юрисдикции, кажется очевидным, что княжеский съезд в Друим Кете на деле состоялся с целью заключения союза между Аэданом, сыном Габрана, и Аэдом, сыном Айнмере, против Баэтана. **[135]** Далее мы можем предположить, что этот союз был осуществлен благодаря усилиям Колума Килле, «поставившего» Аэдана королем Дал Риады и являвшегося двоюродным братом самого Аэда. Первый биограф Колума Килле Куммене Айльбе сообщает (этот отрывок был включен в позднее Житие святого Адомнаном), что святой серьезно предостерегал Аэдана не нарушать этот союз, и жалуется на безрассудность Домналла Пестрого, внука Аэдана, который вышел из договора в 637 году и тем самым навлек на Дал Риаду всевозможные бедствия.

Таким образом, попытки Баэтана возместить потери, понесенные ула-дами на севере из-за завоеваний Уи Нейллов, за счет укрепления ульстерского могущества за морем потерпели неудачу. Его преемниками стали два князя из династии Дал Арайде — Аэд Черный, сын Суибне (581—588 гг.) и Фиахна, сын Баэтана (588—626 гг.). Последний был убит своим тезкой Фиахной, сыном Деммана, который являлся племянником Баэтана, сына Кайрелла, и предком всех последующих королей Дал Фиатах и нашел свою гибель в сражении против Дал Риады, состоявшемся в 627 году. Два года спустя в сражении с ирландскими круитни погибли некоторые князья из Берникии, пребывавшие в изгнании в Дал Риаде.

Тесные отношения между Северной Британией и Ирландией в ту эпоху не сводились к церковной и художественной сфере. Колман Младший, сын Диармайта, сына Керрбела, и предок септа Кайлле Фолламайн, располагавшегося в срединных областях Ирландии, сопровождал Коналла, сына Комгалла, предшественника Аэдана, сына Габрана, в походе на Западные острова в 567 или 568 году, а Маэл Умай, сын так называемого верховного короля Баэтана, сына Муйрхертаха, в 603 году сражался бок о бок с Аэданом при Дегсастане и убил Энфрида, брата Этельфрида. Матерью Альдфрида, короля Нортумбрии (685~~704 гг.), была ирландка Фин, дочь верховного короля Колмана Римида из рода Северных Уи Нейлов; именно ему Адомнан посвятил сочинение «О святых местах» *(De locis sanctis)* и получил от него ирландских пленников, захваченных во время набега Эгфрида на Брегу в 684 году. Англосаксонское влияние в Бреге, по-видимому, подтверждается тенденцией к аллитерации на букву «К» в родословной династии северной Бреги с VII по IX век, а также появлением в ней имени Конайнг (первым носителем этого имени был король Бреги, умерший в 662 году), которое является заимствованием англосаксонского *cyning* «король». Согласно Беде, король Нортумбрии Эдвин (616— 632 гг.) завоевал остров Мэн, однако к концу VII века этот **[136]** остров был захвачен изгнанными бриттскими принцами, предпринимавшими набеги на ульстерское и лейнстерское побережья.

Вовсе не удивительно, что при сложившейся обстановке выдающуюся роль играли короли уладов. Они были более склонны к мореплаванию, чем большинство ирландцев, и позднее отваживались бросить вызов викингам в их родной стихии (в 913 и 1022 гг.). Название утерянной саги говорит о походе Шиахны, сына Баэтана, на Дун Гуайре в стране саксов *(Dun Guaire I Saxanaib),* иными словами, на крепость Бамборо в Англии, которую валлийский историк Ненний называет Дин Гвайрой *(Din Guayroi*); не вполне ясно, следует ли связывать с этой традицией сообщение, появляющееся в анналах под рубрикой 623 года: «Завоевание Рат Гуали Фиахной, сыном Баэтана» *(Expugnatio Ratho Guali la Fiachae mac Baetain).* В саге VIII века «Смерть Монгана» *(Compert Mongain)* говорится, что Шиахна двинулся на помощь Аэдану, сыну Габрана, а в его отсутствие жена Фиахны

зачала Монгана от бога моря Мананнана мак Лира, который, по верованиям ирландцев, жил на острове Мэн. Монган является героем целого цикла саг и легенд. Считалось даже, что в его лице воплотился Финн, сын Кумала. Монган был убит бриттами в Страт-клайде в 625 году. В одной среднеирландской саге мы находим утверждение, что Фиахна был королем в Ирландии и Альбе. Нельзя исключать и возможности того, что в «Видении Конна» он появляется под именем загадочного Феахно в качестве преемника Диармайта, сына Керрбела, на королевском престоле Тары[35].

Это предположение не настолько странно, как может показаться. Даже средневековые историки признавали, что до эпохи Ниалла Девяти Заложников представители всех ирландских провинций имели право царствовать в Таре, и если это звание носило прежде всего сакральный, а не политический характер, то данная традиция может до некоторой степени соответствовать истине. Во всяком случае, в одном архаическом ирландском тексте содержится недвусмысленное утверждение, что некоторое время этим званием обладал Конгал Кривой, внук Фиахны.

Конгал Кривой, король Дал Арайде, стал высшим королем уладов в 627 году. В следующем году он убил Суибне Заику из рода Кенел Эогайн, верховного короля из династии Уи Нейллов, а в 629 году (в котором король Дал Риады и его гости из Берникии погибли в битве с круитни Конгала) он потерпел поражение от нового верховного короля **[137]** Домналла, сына Аэда, сына Айнмере, при Дун Кейтирнн в Дерри. Впрочем, к 637 году Конгал убедил королей Дал Риады расторгнуть союз с Уи Нейллами. Вместе с Домналлом Пестрым, королем Дал Риады, он сошелся с Домналлом, сыном Аэда, в великом сражении при Маг Рот (Мойра, графство Даун). Конгал был убит, а Домналл Пестрый бежал обратно в Шотландию и был убит несколько лет спустя бриттами из Стратклайда, победная песнь которых о смерти «Дивнвала Вриха» *(Dyfnwal Vrych*) была включена в свод «Песнь Анейрина» *(Canu Aneirin).* В тот же день у берегов Кинтайра состоялось морское сражение между Дал Риадой и Кенел Эогайн, с одной стороны — и силами верховного короля из Кенел Конайлл — с другой: очевидно, Конгал сумел сыграть на враждебных отношениях, раздиравших Северных Уи Нейллов.

Битва при Маг Рот породила целый ряд саг, включая повесть о Безумном Суибне, вымышленном короле Дал Арайде, который якобы сошел с ума от ужаса, который он испытал в бою, и убежал в леса, где жил среди деревьев подобно птице или юродивому. В сагах говорится, что Конгал воспитывался в Таре Домналлом и затаил ненависть к нему, потому что пчела ужалила его в глаз, за что он получил прозвище «косой» или «кривой» *(claen* или *caech);* кроме того, он негодовал по поводу захвата ульстерских земель Северными Уи Нейллами и Айргиаллой, утверждая, будто Домналл обещал вернуть их уладам.

Однако в древнем правоведческом трактате мы находим более раннюю версию. В качестве прецедента здесь приводится соглашение, заключенное между фениями и уладами касательно увечий, причиненных пчелами, и гласящее, что ответственность за увечье несет владелец пчел:

Air is si cetnae breth inso ceta-rucad im chinta bech for Congail Chaech caechsite beich, bach ri Temro conid-tubart assa fhlaith.

«Ибо таково было первое суждение, вынесенное относительно нападения пчел на Конгала Кривого, которого ослепили пчелы; и был он королем Тары, пока это [событие] не лишило его власти».

Вспомним, что Кормак, сын Арта, был вынужден отречься от Тары после того, как ослеп, ибо увечный человек не должен быть королем. Это — единственное упоминание о

[35] См. Приложение I, с. 313—314.

Таре, содержащееся в правоведческих трактатах. Из текста вовсе не следует, что владение Тарой обеспечивает верховную власть над всей Ирландией, скорее он указывает на то, что оно наделяло владельца особым престижем. Кроме того, данный текст вступает **[138]** в открытое противоречие с общепринятой доктриной, согласно которой власть в Таре составляла монополию Уи Нейллов.

В этом тексте, архаический язык которого был непонятен даже ирландским средневековым ученым, запечатлена первоначальная, не подвергшаяся поздним искажениям, версия легенды. Если мы вспомним о том, что в начале VII века улады и круитни все еще властвовали в графстве Лондондерри и, возможно, все еще владели Лаутом вплоть до реки Войн; что они хранили память о тех временах, когда они господствовали над всей северной частью Ирландии; что они считали Уи Нейллов дерзкими выскочками; что они питали вполне обоснованные надежды на восстановление равновесия, стремясь вернуть под свою власть ранее подчиненное им королевство Дал Риады, — учитывая все это, вовсе не трудно представить, что они могли с некоторыми основаниями выдвигать притязания на Тару и что, если Уи Нейллы стали величаться верховными королями Ирландии, улады или их поздние панегиристы не хотели им ни в чем уступать. То, что средневековые историки были вынуждены обратиться к двум князьям по имени Баэтан из рода Уи Нейллов с целью заполнить неловкий пробел, образовавшийся в списке королей, позволяет предположить, что они пытались завуалировать подлинное положение дел, а в действительности титул короля Тары носил другой их тезка — Баэтан, сын Кайрелла, из Ульстера.

Битва при Маг Рот положила конец этим амбициозным притязаниям уладов и привела к тому, что Уи Нейллы стали господствующей силой на севере Ирландии. Когда в 642 году умер Домналл, сын Аэда, в сообщении о его смерти, появившемся в *Анналах Ульстера,* он именуется «королем Ирландии»: «смерть Домналла, сына Аэда, короля Ирландии, в конце января» (*Mors Domnail maic Aedho Regis Hiberniae in fine Ianuari).* В этих ранних анналах мы чрезвычайно редко находим упоминания о верховных королях, и Домналл первым получил от них этот титул. После него верховным королем анналы называют Лоингсеха, сына Энгуса, по случаю его смерти в 704 году, а затем это звание упоминается вновь лишь в середине IX века, когда Маэлсехнайлл, сын Маэл Руанайда, начал претворять мечты в действительность.

Два столетия, последовавшие за смертью Домналла, стали свидетелями возвышения не его собственного рода, а Кенел Эогайн. Эта ветвь династии Уи Нейллов воспользовалась преимуществами своего географического положения на севере. Со времен битвы при Мойн Дайри Лотайр, когда Кенел Эогайн впервые продвинулись из своего родного полуострова **[139]** Инишоуэн до Магиллиган-Пойнт в северном Дерри, они продолжали распространять свою власть в южном направлении, поначалу прогнав круитни к востоку от реки Банн, а затем захватив власть над Кианнахтами в центральной области Дерри и постепенно подчиняя своему влиянию племена Айргиаллы из Уи Макк Уайс. В результате они прочно утвердили свою власть в центральной части Северной Ирландии, которая впоследствии получила название Тир Эоган (Тирон). Кенел Конайлл, окопавшиеся в неприступной твердыне Донегола, оказались в изоляции и были отрезаны от сообщения со срединными областями страны. Единственным возможным направлением экспансии для них оставался лишь путь на родину предков, в Коннахт, и именно там в 704 году, потерпев поражение, погиб Лоингсех, сын Энгуса. Сын Аоингсеха Шлатбертах был последним верховным королем из рода Кенел Конайлл. Ему бросил вызов Аэд Аллан из рода Кенел Эогайн, который в конечном итоге победил его в 734 году в морском сражении неподалеку от устья реки Банн, хотя на помощь верховному королю пришли войска Дал Риады. Флатбертах был низложен и умер тридцать лет спустя в Арме. Правление Аэда Аллана (736—743 гг.) положило начало долгому периоду, в течение которого у руля верховной власти регулярно чередовались представители Кенел Эогайн из Айлеха и Кланн Холмайн из Миде.

Установление этой новой системы правления N и Нейллов затронуло и Айргиаллу. Девять племен союза: Уи Мак Кайртинн к югу от залива Лох-Фойл, Уи Фиахах Арда Срата и Уи Туиртри (все три племени известны под собирательным названием Уи Макк Уайс), Фир Храйбе и Фир Аи на западной стороне реки Банн, Айртир («восточные») из Армы, Уи Хремтайнн, обитавшие к западу от Ферманага и занимавшие часть территории Тирона и Монагана, Уи Мейт и Мугдорна в Монагане — все были вассалами верховного короля из рода Уи Нейллов. Отныне над ними безраздельно властвовал род Кенел Эогайн.

В поэме VIII века нашло отражение более раннее положение дел: «Установим места [на пиру], на котором председательствует господин Тайльтиу, изложим сравнение знатности с ним Айргиаллы...». В согласии с официальной доктриной Уи Нейллов поэт описывает места, предназначенные для королей Мунстера, Коннахта и Лейнстера в пиршественном зале (следует отметить, что в этом списке отсутствует Ульстер):

«После того как дети братьев Колла приняли служение в военных лагерях, они выстроили против королей Севера прекрасное войско с сотнями боевых возгласов. **[140]**

Уи Нейллы и Айргиалла равны по благородству рода, кроме потомков королей, много лет хранящих Правду.

Аэд Аллан, Аэд, сын Айнмере, которому мы храним верность, Аэд Слане из сида[36], скажем мы, самые благородные.

Потомки Коналла Хремтайнне — прекрасное потомство — потомки Колмана Младшего, потомки Колмана Старшего, сына Диармайта.

Пять семей, если только не пристанет к ним прискорбное поношение, имеют право на развлечение, имеют право вставать перед ними.

Они имеют право требовать со всякого, кто подчиняется им, они имеют право свидетельствовать, ибо они высочайшие из свидетелей...

От короля Уи Нейллов причитается прочное утверждение прав силой и властью, когда к нему обращаются (с жалобой) на всякое зло.

От него причитаются суждения в пользу Правды и умиротворение жалобщиков, зерно и молоко и лесные плоды и лосось.

От Айргиаллы по условиям их клиентства причитается военная служба сроком три раза по две недели раз в каждые три года...

Военная служба не лежит на них в славное процветающее весеннее время. И осенью, когда собирают урожай.

Треть всей добычи для них, что завоевана их оружием, где бы ни настигла их тяжелая рана или беда».

В стихотворении упоминаются пять королей из рода Уи Нейллов. Это — Аэд Аллан или Аэд Уариднах (ум. в 612 г.) из Кенел Эогайн, Аэд, сын Айнмере, (ум. в 598 г.) из Кенел Конайлл, Аэд Слане (ум. в 604 г.) из Бреги, Колман Младший (ум. в 587 г.) из Кайлле Шолламайн и Колман Старший (ум. в 555 или 558 г.) из Миде. Иными словами, в тексте представлено политическое положение, сложившееся после того, как потомки Диармайта, сына Керрбела, захватили власть над срединными областями Ирландии, но до того, как прочно установилось правило наследования верховного королевского престола, предусматривающее чередование на нем членов родов Кенел Эогайн и Кланн Холмайн. Особенный интерес вызывает появление в списке имени Колмана Младшего: ни один представитель его рода никогда не достигал верховной власти в Таре, а после смерти Фолламана, короля Миде, по имени которого они получили свое название Кайлле Фолламайн, в 776 году они полностью ушли в тень Кланн Холмайн. **[141]**

В последней части поэмы перечисляются поручители всех сторон, и короли, и святые. Айргиаллу представляют четыре короля:

---

[36] Сид или расположенный в Ином мире Бруг-на-Бойне — доисторический некрополь на реке Бойн.

«Братство поклялось повсюду об утверждении их прав со стороны короля Уи Нейллов.

Их поручителями являются досточтимые мужи, поклявшиеся крепкой клятвой, Бекк, сын Куану, Дам Айркит, Эоган из Лох Кала.

И король Рат Коммайр, он не отказывается ни от каких состязаний, Маэл Брессайл, сын Маэл Дуйна, могучий внук Ала».

Бекк, сын Куану, король Уи Макк Уайс, погиб в битве при Дун Логе в 598 году, в котором он участвовал на стороне Аэда, сына Айнмере. Кайрпре Дам Айркит (ум. в 514 г.) был предком Уи Хремтайнн. Эоган, сын Ниаллана, был предком септа Уи Ниаллайн, входившего в состав Айртир, а его резиденция находилась в Лохгалле к северо-востоку от Армы. Маэл Брессайл, сын Маэл Дуйна, умер в 665 году и был королем Мутдорна. Со слов Адомнана мы знаем, что в архаическую эпоху Муг-дорна были очень могущественны. У них были ответвления в Мите, а Рат Коммайр, возможно, находился близ Клонарда на юге этого графства. Сходную экспансию Айргиаллы в южном направлении подразумевает и данная поэма: «Айргиалла от Буайгне до Лох Фебайл — короли племени Эоху Доймлена, герои со щитами». Так как этот отрывок дословно повторяется в стихотворении, приписываемом Маэл Мура Отне (ум. в 887 г.), он вполне может оказаться поздней вставкой, но тем не менее несомненно отражает очень раннюю традицию, сложившуюся до того, как Кенел Эогайн поглотили земли Уи Мак Кайртинн по Лох Фойлу, а Буайгне — это река Толка близ Дунбойна в Мите. Вероятно, десси из Тары («десси Темро, вассальные племена Тары») первоначально причислялись к Айргиалле. На самом деле три племени союза — два южных ответвления Уи Макк Уайс и Мугдорна Брег — вошли в состав королевств Миде и Брега под началом Уи Нейллов, точно так же как северные Уи Макк Уайс с раннего времени стали считаться вассальными королевствами Кенел Эогайн. Мугдорна Майген в Монагане оказались отрезанными от своих сородичей Мугдорна Брег только в IX веке вследствие возвышения Фир Росс в качестве независимого вассального королевства в Айргиалле. Фир Росс занимали земли от Монагана до центрального Лаута в области Арди, но генеалогии связывают их с Айртир из Армы, хотя мы и не найдем упоминания об этом в древнейшем срезе генеалогических сводов.

К IX веку сама Айргиалла как политическая единица практически ограничивалась территориями нынешних графств Ферманаг, Арма, Монаган **[142]** и части Лаута, а королевство Уи Туйртри в восточном Тироне постепенно поглощалось высшим королевством Кенел Эогайн со столицей в Айлехе. До битвы при Лет Каме в 827 году Айргиалла представляла собой свободный союз равных государств. За исключением, возможно, Мазла Шотардайга, сына Маэл Дуба, из Уи Хремтайнн, которого по случаю его смерти в 697 году анналы именуют «королем Айргиаллы» *(rex na nAirgialla),* по-видимому, не существовало короля Айргиаллы, занимающего промежуточную ступень между королями отдельных составляющих ее племен и верховным королем из рода Уи Нейллов. Когда в VIII веке притязания Армы на главенствующее положение в ирландской Церкви получили всеобщее признание, Айргиалла обрела нежелательное в глазах уладов преимущество. Участились стычки между различными династиями Айргиаллы за контроль над аббатством и иными церковными учреждениями. Улады всегда признавали главенство Армы, а их королевство входило в сферу ее непосредственной юрисдикции. Естественно, они беспокоились, как бы зависимость Айргиаллы от Уи Нейллов не повлекла за собой подчинения Армы. Подобные опасения, возможно, объясняют смерть Аэда Айрдда, короля Дал Арайде, и его союзника (скорее всего, в борьбе с Уи Хремтайнн) Конхобара Махи, короля Айртир, в битве при Телах Гаррайск в Шернмаге (Фарни, графство Монаган) в 698 году.

В 735 году верховный король Аэд Аллан нанес тяжелое поражение уладам в битве при Фохайрте близ Дундалка. В сражении были убиты высший король Ульстера Аэд Рон и Конхад, сын Куану, король Уи Эхах Кобо. Туманные отчеты о битве в поздних

источниках возлагают частичную ответственность за возникновение конфликта на Уи Сегайн. Это был небольшой септ в составе Айргиаллы, контролировавший аббатство Ланн Лейре (Дунлир, графство Лаут) и позднее поставлявший наследственных священников Арме. Подобно Фир Росс, на территории которых располагалось Ланн Лейре, они входили в союз с Айртир. Из рода У и Сегайн вышел Ку Бреттан, сын Конгусса, который умер в 740 году и которого некоторые памятники называют королем Фир Росс (возможно, анахронизм). Он был отцом Блатмака, автора поэмы о Страстях Господних, которую мы упоминали в предыдущих главах, и Донн-бо, который был убит Фиахной, сыном Аэда Рона, в битве при Эмайн Махе в 759 году. *Анналы Тшернаха* возлагают вину за возникновение конфликта на священника Айрехтаха из Армы, питавшего неприязнь к аббату Фер-да-Криху. К тому времени Айртир разделились на три главных септа: Уи Ниаллайн (которые позднее получили в наследственное владение должность эконома **[143]** или управляющего Армы), У и Брессайл и Уи Эхдах. Аббат Келе Петайр из рода Уи Брессайл умер в 758 году; Фер-да-Крих, сын предыдущего аббата Суибне, происходил из Уи Ниаллайн и управлял аббатством до своей смерти в 768 году. Священник Айрехтах принадлежал к роду Уи Брессайл и в конечном итоге захватил пост аббата на один год (794 г.).

Битва при Фохайрте определила политические очертания графства Лаут на долгий период, закончившийся лиш в конце XI века. Свидетельства генеалогических трактатов говорят о том, что Дал Фиатах напрямую правили здесь в VII веке; королевство Конайлли Муиртемне появляется на страницах исторических памятников только в 688 году, но и тогда — лишь в качестве участника междоусобной вражды между Сил Аэдо Слане из Бреги. В том году Уаркрайде уа Оссени из Конайлли был убит в битве при Имлех Пих, в результате которой Кианнахта Брег также утратили свой независимый статус к югу от реки Бойн. В одном позднем, но достаточно надежном источнике мы также находим утверждение, что когда верховный король Аэд Аллан был убит Домналлом Миди близ Келлса в 743 году, то из его союзников погибли не только короли Айртира, Уи Хремтайнн и Уи Макк Уайс, но и Фаллах, король Конайлли. Несмотря на видимость непрерывности, которую производят списки королей, вслед за победой Аэда Аллана при Фохайрте на престоле королей Ульстера, скорее всего, наступил период междуцарствия. Фиахна, сын Аэда Рона, за время своего долгого правления (750—789 гг.) восстановил могущество Дал Фиатах, и, вероятно, именно тогда Лаут по молчаливому соглашению был разделен на буферные зоны между уладами и Уи Нейллами. На юге Фир Ар да Кианнахта были данниками Сил Аэдо Слане; Конайлли Муиртемне оставались в Ульстере, хотя *Книга Прав* относит их к числу «свободных племен», а составители генеалогий расходятся во взглядах на их этническое происхождение; между ними вклинились владения Фир Росс. Однако вся эта область сохраняла свое церковное единство в пределах парухии Армы, и управляющий *(maer)* св. Патрика, собиравший доходы Армы от Слиаб Фуайт до реки Бойн, часто упоминается в анналах.

Меж тем Дал Фиатах распространили свое влияние на север до берегов озера Лох-Ней, тем самым отрезав круитни из Дал Арайде от круитни Уи Эхах Кобо. Фиахна, сын Аэда Рона, даровал покровительство Бангору: св. Комгалл и первые аббаты этого монастыря происходили из круитни, но позднее в череде аббатов появляются имена уладов из Дал Фиатах. Мы узнацм, что Аэд, сын Эохокана (898—919 гг.), окончательно **[144]** перенес королевскую милость с Даунпатрика на Бангор, но монастырь так и не завязал тесных связей с правящей династией. С другой стороны, Даунпатрик служит примером монастыря, который был основан из политических побуждений и с самого начала служил целям возвышения определенной династии.

Сама продолжительность правления Фиахны вызвала определенные затруднения. Род его прадеда монополизировал королевскую власть с 674 года, и его четвероюродный брат Томмалтах, сын Катала, глава побочной ветви династии с резиденцией в южной части графства Даун, таким образом мог оказаться исключенным из королевской фине в

случае, если Фиахне наследовал бы его сын Эохайд. Когда в 789 году так и произошло, Томмалтах взялся за оружие, но был убит. Впрочем, он принял некоторые меры для обеспечения благополучия своего потомства, и Дал Фиатах признали его отпрысков королями Половины Катала *(Leth Cathail),* названной так по имени отца Томмалтаха и охватывавшей значительно большую территорию, чем современное баронство Лекейл. По меньшей мере три его потомка в конце IX века разделяли титул «со-короля Ульстера» *(leth-ri Ulaid)* с представителями основной ветви рода. Из Половины Катала вышел, по-видимому, и Ку Улад Уа Флайтри, король Ульстера с 1065 года, низложенный в 1071 году. Этот пример подлинного действия ирландского закона о королевском престолонаследии показывает, что правом на престол обладали члены не дербфине (группы, включающей в свой состав родных и двоюродных братьев), а фине в самом широком смысле (формально «индфине», группа, в которую входили четвероюродные братья): иными словами, потенциальным наследником *(rigdomma)* являлся каждый человек, прапрадед которого был королем.

К IX веку главная династия Дал Фиатах переместила свой центр в Дунейт (Дун Эхдах, вероятно, названный по имени Эохайда, сына Фиахны). На этом месте недавно были проведены раскопки, обнаружившие укрепление, окруженное тройным валом, снаружи которого располагались жилые постройки. Этот «город» *(baile)* был разрушен в 1010 году, когда крепость предал огню Флатбертах Уа Нейлл. Более древней королевской резиденцией являлся форт на холме Дун-да-Летгласс в Даунпатрике. Мы не находим особых упоминаний о монастыре на этом месте до VIII века, и, возможно, оно было осознанно превращено в монастырь Фиахной или его отцом Аэдом Роном. Было бы опасно позволять соперникам из рода правителей Половины Катала захватить полный контроль над этим местом и тем самым приобрести дополнительный престиж. Соответственно, **[145]** мы обнаруживаем в анналах под 800 годом сообщение о смерти Лоингсе-ха, сына Шиахны, на посту аббата. Он не давал обета безбрачия: его род и род его брата Кайрелла (короля уладов с 810 по 819 год) играли важную роль в жизни церковного «города», и по крайней мере двое потомков Кайрелла упоминаются в качестве мирских аббатов *(airchinnig)* в 989 и 1083 годах. Подобные взаимосвязи между светскими и церковными властями составляли совершенно обычную черту периода укрепления династического могущества и монастырского благосостояния, а вытекающие из такого положения вещей злоупотребления предшествовали викингским набегам, на которые часто возлагают всю вину за упадок ирландской Церкви. Однако религиозные чувства не терялись даже в королевской среде: племянник Лоингсеха Диармайт, внук Аэда Рона, стал вождем аскетического движения калди и основал монастырь Дисерт Диармата (Каслдермот, графство Килдар), очевидно, на землях, много столетий тому назад дарованных монастырю Бангор королем из рода Уи Байррхе.

Независимость уладов перед лицом возрастающей власти Уи Нейллов прекрасно проявляется в описании одного случая, имевшего место в конце правления Шиахны. В 784 году состоялась его встреча с верховным королем Доннхадом Миди в Инис-на-Риг у побережья Бреги. Ульстерский король прибыл морем, но не сошел на берег, на землю Доннхада, меж тем как для верховного короля ступить на борт лодки Фиахны было все равно что войти в его дом, иными словами, формально признать свое подчиненное положение. Эту ситуацию комментирует стихотворение, записанное на полях анналов:

Ossi brigh
in dal occ Innsi na Righ:
Donnchadh ni dichet for muit,
Fiachnae ni tuidchet hi tir.

И вот окончание
встречи на Острове Королей:

Доннхад не может выйти в море,
Фиахна не в состоянии высадиться.

Тревога по поводу непрестанных покушений Кенел Эогайн на Айрги-аллу и церковь Армы объясняет участие в 827 году Муйредаха, сына Эохайда, короля уладов, в битве при Лет Каме, в которой были убиты многие короли Айргиаллы. Победу одержал Ниалл, сын Аэда, король Кенел Эогайн, позднее ставший верховным королем Ирландии. Он вступил в сражение, чтобы защитить аббата Эогана Майнистреха, который управлял также аббатствами Клонард и Монастербойс, и отразить попытки Куммаскаха, сына Катала, короля Уи Хремтайнн, отстоять притязания **[146]** его соперника — епископа Артри, сына Конхобара. Чины епископа и аббата в Арме теперь часто разделялись, так как звание аббата, являвшегося подлинным «наследником св. Патрика» *(comarba Patraic*), часто носил представитель светской правящей династии. Возможно, Артри был сыном тогдашнего верховного короля Конхобара, сына Доннхада из рода Южных Уи Нейллов: в любом случае последний напал на аббата Эогана три года спустя, угнав его скот и захватив его свиту.

Сражение при Лет Каме решило участь Айргиаллы. Кенел Эогайн уже приобрел значительное влияние в Айртире, оказывая поддержку их кандидатам на пост аббата и противодействуя ставленникам У и Хремтайнн. Отныне аббатство и другие церковные должности попали в безраздельное пользование различных семейств Айртира: Уи Ниаллайны закрепили за собой наследственный пост эконома, а с 996 года Кланн Синайг из рода Уи Эхдах — св. Бернард в «Житии св. Малахии» осуждает этот «развратный и дурной род» *(generatio mala et adultera*) — прочно завладел должностью аббата. Подобные выгоды возместили королям Айртира утрату реальной политической власти. После 827 года в анналах регулярно упоминаются короли всей Айргиаллы, хотя преимущественным правом на это звание не обладала ни одна из династий, управлявших племенами, которые входили в состав этого образования. Это высшее королевское звание не означало повышения статуса, так как король Айргиаллы отныне являлся прямым вассалом Кенел Эогайн.

Короли Кенел Эогайн, хотя и именовались королями Айлеха, с этих пор перенесли центр своего династического могущества в Тирон: они проходили церемонию инаугурации в Тулах Оке близ Дунганнона и упокаивались в королевской гробнице (*mausoleum regum)* в Арме. На протяжении следующих столетий династия Уи Надслуайг из рода Уи Хремтайнн переместилась на юг из Клогера и Клонса в Фарни в южном Монагане, подчинив и превратив в своих вассалов племена Уи Мейт, Мугдорна и Фир Росс. В XI и XII веках их возглавлял могущественный род Уа Кербайлл (О'Кэрролл), который вновь двинулся на юг к реке Войн, поглотив сначала ульстерское королевство Конайлли Муир-темне, а затем подчиненное Уи Нейллам королевство Фир Арда Киан-нахта. Тем самым они вознаградили себя за неудачи предшествующих веков, а многие представители Уа Кербайлл становились королями всей Айргиаллы.

Между тем Уи Туиртри, земли которых вошли в состав королевства Айлеха, двинулись на восток через реку Банн. Это переселение началось **[147]** еще в 776 году и в отношении Дал Арайде они пытались сохранить какую-то степень независимости скорее в качестве союзников, чем захватчиков. Тем не менее они, вероятно, способствовали (и уж во всяком случае извлекли из этого немалую выгоду) упадку Эйльне, ответвления Дал Арайде, владения которых они захватили в X веке. Их правящий род Уа Флайнн (О'Флинн, О'Линн) удерживал территорию к западу от реки Банн (баронство Лохиншолин в графстве Лондондерри), хотя и в качестве королевства-данника Кенел Эогайн, но их собственная резиденция размещалась на кранногах на озерах Лох-Ней и Лох-Бег. Их связи с самой Айргиаллой прервались со смертью Маэл Крайбе, сына Дуйбсинаха, последнего короля всей Айргиаллы из рода Уи Макк Уайс, погибшего в битве при Дублине в 919 году.

Могущество Дал Арайде было существенно ослаблено экспансией Уи Туиртри, и после 972 года ни один их представитель уже не становился высшим королем уладов. Даже на вершине своей славы они были не в состоянии помешать представителям собственно уладов часто занимать престол Ульстера — мы не находим упоминаний ни об одном короле Дал Фиатах, который не становился бы королем Ульстера, хотя сообщения о Брессале, сыне Аэда Рона, (ум. в 750 г.) представляются несколько сомнительными. Дал Фиатах распространили сферу своего влияния на южные земли Дал Арайде, а к XII веку Уи Туиртри продвинулись настолько, что Уа Флайнн именовались «королями Дал Арайде и Дал Риады», хотя законные короли из рода Уа Лойнгсиг все еще управляли Маг Лине из Лисналинхи.

Книга прав, составленная в XII веке, отражает неуверенность составителя в отношении статуса Уи Туиртри. Они рассматриваются одновременно как вассальное королевство Кенел Эогайн и, в соответствии с генеалогической и исторической традициями, как часть Айргиаллы. Это оказало воздействие на планы, представленные на Соборе в Рат-Брес-сайл в 1111 года, где обсуждалось введение епархиальной юрисдикции. Предусмотренный в планах Собора диоцез Коннора охватывал всех западных Уи Туиртри в совокупности с Фир Ли и Фир Храйбе в графстве Лондондерри, хотя Фир Ли на самом деле вместе со своими правителями переселились к востоку от реки Банн, а их земли были захвачены данником Кенел Эогайн, королем Уа Катайнов (О'Кейн), который сделался королем Кианнахтов из Гленн Геймин. Признание истинного положения дел произошло на Соборе в Келлсе в 1152 году, когда был создан диоцез Райт-Лурайг, и на соборе Бри, сына Тадга, в **[148]** 1158 году, когда Райт-Аурайг был включен в состав нового диоцеза Дерри. Диоцез Коннора теперь ограничивался традиционными землями Дал Арайде и Дал Риады. Диоцез Дерри охватывает владения Кенел Эогайн, так же как диоцез Рафо — Кенел Конайлл, но не учитывает их продвижения в графство Тирон, так как Арме дозволили сохранить в прежнем виде северные пределы ее епархии VIII века. Диоцез Клогера соответствует королевству Уи Хремтайнн и его зависимым областям, но опять-таки не принимает во внимание проникновение Кенел Ферадайг, септа Кенел Эогайн, к границам Ферманага, имевшее место в XII веке. Впоследствии Доннхад Уа Кербайлл, король Айргиаллы, убедил св. Малахию, брат которого Христиан был епископом Клогера, перенести кафедру в Лаут, где находился центр его могущества. Только в XIII веке, когда англо-норманнское завоевание превратило графство Лаут в «английский Ориель», эта область вернулась под эгиду примасского диоцеза Армы.

Господство Кенел Эогайн стало представлять серьезную угрозу для уладов после 827 года. Хотя в 851 году Матудан, сын Муйредаха, наконец признал верховным королем Маэлсехнайлла, сына Маэл Руанай-да, и хотя улады впоследствии появляются на крупных военных сборах, созывавшихся верховным королем (как, например, в 919 году, когда Аэд, сын Эохокана, пал в битве при Айлендбридже, сражаясь в войске Ниалла Глундуба) — они решительно сопротивлялись, не желая подвергнуться участи Айргиаллы. Они признавали власть верховного короля Ирландии, будь он даже из Кенел Эогайн, но не подчинялись ему, пока он оставался всего лишь королем Севера.

В 1004 году у Краэб Тулхи, места королевской инаугурации, состоялось большое сражение. Были убиты Эохайд, сын Ардгала, король уладов, Доннхад уа Лойнгсиг, король Дал Арайде, и многие другие знатные люди. От полного краха уладов спасла лишь смерть, настигшая в том же бою победителя, Аэда уа Нейлла. Погибло так много членов дербфине Дал Фиатах, что в последующие годы в престолонаследии этой династии царила полная неразбериха: за один лишь 1007 год от рук соперников пало не менее четырех королей, а на протяжении жизни трех поколений королевскую власть оспаривали семейства Уа Матгамна (родословная которого не сохранилась) и Мак Дуйннхлебе. О бессилии Дал Арайде красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что они не смогли извлечь из этого хаоса никаких выгод.

В XI веке среди ирландских королевских септов начали распространяться фамильные прозвища. По-видимому, причиной их появления служило **[149]** желание отделить представителей рода, имеющих право на наследование королевского титула *(rigdamnae)* от более отдаленных родственников. Так, в Ульстере не только сыновья и внуки Эохайда, сына Ардгала, но и дальнейшие потомки приняли имя Мак Эохада или Уа Эохада (Мак-Кой, Хой *(MacCaugney, Haughey, Hoey).* Распад древнеирландской правовой системы привел к усилению неуверенности относительно точного определения юридических терминов, относящихся к различным ветвям фине, даже среди юристов. Крупные династии, такие как Кенел Эогайн, произвели на свет столь много различных септов, что лишь чрезвычайно искушенный человек мог проследить их родственные связи, так что они приняли такие имена, как Уа Нейлл (О'Нейлл), Мак Лохлайнн (Мак-Лафлин), Уа Катайн (О'Кейн), Уа Гайрмледайг (ОТормли). Фамилия Уа Нейлл восходит к имени верховного короля Ниалла Глундуба, правившего в X веке, и причинила множество неудобств современным историкам, так как она тождественна названию их септа, общему для всех потомков Ниалла Девяти Заложников. Конечно, после того как сменилось несколько поколений, даже фамилии перестали служить своему первоначальному предназначению. Так, например, когда после 1137 году королевская власть над Дал Фиатах закрепилась в руках потомков Доннслебе Мак Эохада (убитого в 1091 году), наследники *(rigdamnae)* отделились от остального рода, приняв название Мак Дуйннхлебе (Донлеви).

Улады не вступили в союз с Брианом Боромой, бросившим вызов Уи Нейллам, но к концу XI века они осознали преимущества положения, при котором верховная королевская власть переместилась в далекий Мунстер, и попросили помощи у Муйрхертаха Уа Бриайна. Попытка Муйрхертаха помочь уладам и распространить свою власть на Северную Ирландию потерпела сокрушительный провал в битве при Маг Кобо в 1103 году; после этого уладам пришлось заключить мир с Мак Лохлайннами из Кенел Эогайн. Домналл Мак Лохлайнн следовал принципу «разделяй и властвуй», составлявшему отличительную черту политики претендентов на верховную власть в XII веке, и в 1113 году, низложив Доннхада, сына Доннслебе, разделил Дал Фиатах между неким анонимным представителем семейства Уа Матгамна и братьями Доннхада. Он не потревожил спокойствия королей Дал Арайде и Уи Эхах Кобо, но предпринял беспрецедентный шаг, утвердив свой непосредственный сюзеренитет над двумя этими королевствами и тем самым лишив Дал Фиатах положения сюзеренов Ульстера. Впрочем, улады сумели вернуть себе прежнее положение в 1129 году при Конхобаре, сыне Домналла. **[150]**

В 1148 году Муйрхертах Мак Лохлайнн продолжил политический курс своего деда, разделив Ульстер меж четырьмя «господами» (*tigernai*), а не королями. Успех Муйрхертаха настолько встревожил его могущественного вассала Доннхада Уа Кербайлла, короля Айргиаллы, что он был вынужден восстановить в королевском звании Ку Улада Мак Дуйннхлебе. В 1165 году Уа Кербайлл еще раз выступил в роли миротворца, примирив Муйрхертаха (теперь являвшегося верховным королем Ирландии) и Эохайда, сына и преемника Ку Улада. В награду он получил область Бенна Байррхе — горы Морн, которые получили свое нынешнее название после переселения туда племени Мугдорна из земель Уа Кербайллов в Монагане. Впоследствии, в 1166 году, Муйрхертах вероломно ослепил Эохайда Мак Дуйннхлебе, и это злодеяние привело его к гибели, так как Уа Кербайллы отказались повиноваться Муйрхертаху и изъявили свою покорность Руайдри Уа Конхобару, королю Коннахта.

Даже после вторжения де Курси и под властью ярлов Ульстера де Бургов Мак Дуйннхлебе сохраняли звание *rex Hibernicorum Ulidiae.* Эта династия сложила оружие около 1280 года и затем поступила на службу к роду Уа Домнайлл из Тир Конайлл, происходившему от королей из рода Уи Нейллов, но разделявшему враждебность уладов к господствующим О'Нейллам из Тир Эоган. Обычно известные под прозвищем Мак-ан-

Ултайг (МакНалти, «сын ульстерца»), они приняли профессию врачевателей. Сходным образом семейство Уа Клейриг (О'Клери), когда-то бывшее королями Уи Шиахрах Айдне в южном Коннахте, нашли убежище у Уа Домнайлл и стали знаменитыми историками и составителями генеалогий. Очевидно, переход в ученое сословие являлся приемлемой компенсацией за утраченное королевское звание.

Поэтому только в конце XIII века О'Нейллы смогли называть себя королями Ульстера. И только в 1364 году консервативные *Анналы Ульстера* назвали Аэда Мора Уа Нейлла «королем уладов» *(ri Uladh).* К тому времени младшая ветвь династии — Кланн Аэда Буйде или О'Нейллы из Кландебоя, — укрепилась на развалинах англо-норманнского ярлства Ульстер. Ниалл Уа Нейлл придал своим притязаниям законность в глазах образованного слоя общества, проведя большой праздник для поэтов Ирландии на месте Эмайн Махи в 1381 году. Восстановление названия Ульстер, вновь ставшего обозначать всю северную часть Ирландии, оказалось возможным только после исчезновения королевства уладов. **[151]**

ГЛАВА VIII

КОРОЛИ ЛЕЙНСТЕРА

Провинция Лейнстер *(Coiced Laigen*) представляла собой область с четко очерченными естественными границами, центр которой располагался в бассейнах рек Лиффи, Барроу и Слейни. От срединных областей ее отделяли обширные болота графства Оффали и лесная полоса к северу от Лиффи, а от Мунстера — возвышенность Осрайге, поднимавшаяся к западу от Барроу. Восточное побережье не играло существенной роли, пока викинги не основали свои поселения в Дублине, Уиклоу, Арклоу и Уэксфорде. Восточный склон гор Уиклоу оставался в руках Фортуата Лаген — вассальных племен Лейнстера, которые согласно традиции не принадлежали к народу лагенов. Центр политической власти на протяжении многих веков располагался на севере провинции, в равнинах Килдара по реке Лиффи, а символом королевской власти являлась сильная крепость Аленн.

В истории Лейнстера неоднократно повторялась одна и та же ситуация: династии, утрачивавшие власть над этими равнинами, отступали на восток через горы и лишались всякого политического значения; за Уи Гаррхон и Уи Энехглайсс в VI веке и Уи Майл в VIII последовали после англо-норманнского вторжения их преемники — О'Тулы и О'Бирны из Уи Дунлайнге.

Однако северные правители, хотя они и являлись королями пятины, вынуждены были мириться с определенной независимостью, которой пользовались Уи Хеннселайг на юге. Разграничительная линия проходила по водоразделу *(gabair)* рек Лиффи и Слейни и отразилась в очертании границ, отделявших друг от друга диоцезы Дублин, Глендалу и Кил-дар на севере (Лагин Туатгабайр) и Лейлин и Фернс на юге (Лагин Десгабайр). Племя Лойгис традиционно зависело от северных династий, но вошло в состав диоцеза Лейлин, вероятно, вследствие господства Уи Хеннселайг в XII веке. **[152]**

Это географическое разделение Лейнстера проявлялось столь отчетливо, что король пятины иногда назывался «королем двух лагенов» (*ri Diabul-Laigen).* Тем не менее правящие дома двух этих областей были тесно связаны между собой и, по-видимому, оба начали свое возвышение и экспансию из центральной области Барроу. Легенда об их происхождении начинается сагой о разрушении Динн Риг, большой крепости близ Лейлинбриджа, якобы совершенном их отдаленным предком Лабрайдом Лоингсехом. Ранние традиции связывали имя Уи Хеннселайг с Райт Биле (Ратвилли на севере графства Карлоу). Потерпев поражение в борьбе с Уи Дунлайнге за северные равнины в течение VII века, наиболее предприимчивые ветви династии отправились на юго-восток через горы Блакстэр в графство Уэксфорд и, опираясь на Фернс, монастырь св. Мэдока, добились

господства над южной частью провинции. Отсюда они выйдут в XI веке, когда Уи Дунлайнге будут ослаблены веками унизительных поражений от Уи Нейллов и дублинских викингов, а также внутренними усобицами, и в конечном итоге падут жертвой честолюбивых Осрайге, короли которых задолго до того стряхнули гегемонию Кашеля и стремились стать господами Лейнстера.

Однако если замечательное географическое единство Лейнстера наделило его некоторой степенью политической стабильности, то его компактность скорее напоминала компактность хорошо укрепленного убежища. Подобно уладам, лагены появляются на страницах летописей чаще в роли обороняющихся, а не нападающих, и, как и улады, они сохранили воспоминания, правда, очень туманные и плохо задокументированные, о более обширной сфере владычества.

В этническом отношении лагены также обладали гораздо большим единством, чем обитатели остальных четырех пятин. Единственными чуждыми народами (forthuatha), игравшими какую-то роль в политической жизни провинции, были племена Фотайрт и Лойгис. Первые были разбросаны по всему Лейнстеру, а их младшие ветви проживали даже за пределами пятины. Фотайрт оставили свое имя в названиях баронств Форт в юго-восточной части графства Уэксфорд и восточной части графства Карлоу (королевства Фотайрт Мара и Фотайрт Феа). Очевидно, в качестве подчиненного населения, а не племенного королевства они также обитали в окрестностях церкви Килдара, основательница которой св. Бригита была самым выдающимся представителем этого народа. Следует обратить внимание на тот любопытный факт, что обычно они располагаются по соседству с той или иной группой Уи Байррхе, которые по **[153]** происхождению были лагенами, потомками Катайра Мара, и которые, очевидно, в VI и VII веках играли гораздо более важную роль, чем изображается в поздних анналах.

Другим народом, не связанным с лагенами узами родства, были Лойгис, чье имя было запечатлено (хотя и не совсем точно) в названии графства Лейиш (бывшее графство Королевы). Они занимали более важное положение, чем Фотайрт. Выступая в качестве главных защитников Лейнстера от нападений из Мунстера, Лойгис пользовались тем же статусом самого доверенного вассала, которым Уи Нейллы наделили Гайленга и Кианнахтов. Впрочем, не все из знаменитых семи ветвей Лойгис обитали в этой пограничной области: один септ жил среди Уи Энехглайсс близ Арклоу, а баронство Шелбурн в юго-западном Уэксфорде, возможно, было названо по имени септа Сил Брайн из Лойгис. К северу от него располагалось баронство Бантри, родина еще одного фортуата, Беннтрайге, который обнаруживается в Мунстере и других частях Ирландии, но не играет существенной роли в исторических памятниках Лейнстера. Устье реки Барроу, как ни странно, приобрело значение только после основания викингами города Уотерфорда, хотя один из величайших святых Лейнстера Моллинг основал поблизости свой монастырь Сент-Муллинс. Лагены, как и большинство кельтов, были по преимуществу сухопутным народом.

Несмотря на это, легенда об их происхождении гласит, что они переправились из Галлии морем под руководством Лабрайда Лоингсеха. Они возводили свое название к слову, обозначавшему копье, и если эта этимология не подходит для имени «лагены», то оно вполне может служить объяснением их древнего названия «галеойн» *(Gaileoin),* которое происходит от того же корня, что и слово «гесаты» или «копейщики», вторгшиеся в Италию в III веке до н. э. Средневековые историки-компиляторы, составившие *Мировую Хронику,* датировали разрушение крепости Динн Риг, ознаменовавшее основание союза лагенов, приблизительно 300 годом до н. э., однако мы не можем быть уверены в том, основаны ли эти подсчеты на подлинной традиции, являются ли они лишь слабо обоснованной догадкой или же они носят совершенно искусственный характер, так как основание Эмайн Махи и Ульстерского королевства, а также зарождение пиктского королевства в Шотландии датируются той же эпохой, и это выглядит осознанной

попыткой синхронизировать период их возникновения с созданием «царства греков» Александром и его преемниками в схеме мировой истории Евсевия. **[154]**

(Карта. Лейнстер около 900 г.н.э.) [155]

Ранние традиции, подтвержденные данными топонимики, указывают на то, что лагены составляли особую группу кельтских переселенцев, которые на волне первых успехов распространились через северный Мунстер и южную часть срединных областей на территориях до реки Шеннон и даже за нее в Коннахте и Клэре. Тождественными или тесно связанными с племенами лагенов и галеойн были домнанны или Фир Домнанн, давшие свое имя Инбер Домнанн (Малахайд, графство Дублин) и Иррус Домнанн, обширной заболоченной местности в северо-западной части Мэйо. В раннюю эпоху они составляли также часть населения Коннахта, но позднее были низведены до подчиненного положения и впоследствие окончательно исчезли с исторической сцены. Вряд ли их можно рассматривать в отрыве от британских думниониев из Девона и Юго-Западной Шотландии.

В древних родословных лейнстерских правителей, по-видимому, содержится много подлинных имен, но если всерьез подойти к их хронологии, то следует отнести время жизни Лабрайда Лоингсеха к гораздо более раннему периоду, чем считали хронисты, — не позднее VI века до н. э. Вполне вероятно, что эта родословная возникла в результате искусственного сведения различных племенных традиций, которое могло иметь место в том случае, если три разных народа — лагены, галеойн и домнанны — смешались в составе одного крупного союза и объединили свои генеалогии.

Название племени галеойн с чрезвычайным почтением упоминается в «Похищении быка из Куальнге». Медб с особой ревностью и настороженностью относится к контингенту, который они поставили в ее войско, и когда Айлиль (будучи лейнстерцем, хотя и являясь королем Коннахта) не дает согласия на их уничтожение, она распределяет их по другим отрядам войска, иначе они могли бы чрезвычайно усилиться. О'Рахилли отождествляет с этими галеойн исторические племена Гайленга в Мэйо и Мите, но основания для такого отождествления представляются слишком зыбкими.

Оставим эти шаткие рассуждения и обратимся к началу исторического периода. В эту эпоху лагены определенно занимают оборонительную позицию. Анналы V и начала VI века, хотя их и нельзя считать составленными в то время, повествуют о череде сражений, случившихся между 475 и 516 годом, в ходе которых успех клонился то в одну, то в другую сторону, пока наконец Уи Нейллы, а в особенности династии Кайрпре и Шиаху, не отбили у лагенов равнину Миде. Граница между владениями Уи Нейллов и Лейнстером, которой суждено будет сохраняться неизменной **[156]** на протяжении нескольких последующих веков, проходила по болотам Оффали и Килдара.

Борьба с Мунстером нашла туманное отражение в сагах, но не была запечатлена в исторических памятниках. Притязания Дал Кайрпри Арад, обитавших на границе Аимерика и Типперэри, на лагенское происхождение, хотя в отношении их аутентичности существуют определенные сомнения, могут указывать на былые размеры владений лагенов; предполагалось также, что от лагенов ведут свое происхождение Эли из северного Мунстера. В итоге Аойгис должны были оборонять лейнстерские пределы у Слив Блум, в то время как Осрайге (никогда полностью не подчинявшиеся Мунстеру) приобрели фактический статус буферного государства между двумя провинциями, из которого они позднее извлекли немалую выгоду.

Однако даже после того, как Уи Нейллы прочно установили свою гегемонию в центральных областях Ирландии, а Эоганахты — в Мунстере (позднее две эти силы столкнутся между собой в решительном сражении у пограничного монастыря Бирр), немногочисленные и труднопроходимые линии сообщения, ведущие из Северного Лейнстера через болота Оффали к реке Шеннон и озеру Аох-Дерг, оставались под контролем ряда монастырей, некоторые из которых были лагенскими по своим традициям и симпатиям. Самым заметным монастырем в этом ряду был, возможно, монастырь

Терригласс в Ормонде, основанный в VI веке лейн-стерским принцем Колумом, сыном Кримтанна, чей преемник Аэд, сын Кримтанна, в XII веке внес немаловажный вклад в создание *Лейнстерской Книги.*

Ранние памятники лейнстерской истории скудны и немногочисленны. Анналы, повествующие о современных им событиях, начали записываться в Ирландии только с середины VI века, однако лишь в VIII веке в них появляется сколько-нибудь подробное описание лейнстерских дел. До этого времени мы узнанм по большей части о борьбе лейнстерцев с Уи Нейллами, и то из северных источников. Уже упоминавшееся связное повествование о битвах, после которых Уи Нейллы захватили власть над срединными областями, вероятно, отражает подлинную традицию, позднее записанную в форме хроники.

Однако в Кейнстере мы обнаруживаем чрезвычайно любопытный круг памятников, проливающих свет на архаические представления о королевской власти, хвалебную поэзию бардов и устную передачу генеалогических сведений в стихотворной форме. В поздних рукописях сохранились **[157]** стихотворения, восхваляющие леинстерских правителей и написанные архаическим стилем, который иногда производит сильное впечатление своим своеобразием. Примером могут служить следующие строки, посвященные доисторическому королю Месс Делманну, который, согласно поздней доктрине, возвел крепость Дун Айлинне:

Mal adrulaid iatha marb,
mac soir Sethae;
selaig srathu Fomaire
for doine domnaib.
Di ochtur Alinne
oirt tirunu talman;
trebunn tren ruathmar
Mess Delman Domnann.

Князь вошел в страны мертвых,
сын благородной Сетны,
разгромил долины фоморов
под мирами людей.
С высот Аленн
разбил сильных земли,
вождь сильный, [владеющий] великим народом
Месс Делманн Думнонский[37].

Фоморы — зловещие персонажи ирландской мифологии, часто отождествлявшиеся с чужеземными заморскими грабителями, — возможно, обитатели шотландских брохов, промышлявшие пиратством. Не ясно, является ли это стихотворение элегией на смерть короля Лейнстера, который изображается торжествующим над царствами мертвых, как когда-то он торжествовал над царствами живых, или же в нем запечатлены воспоминания о заморском походе Месс Делманна, ибо народное воображение охотно наделяло заморские земли чертами Иного мира. И наоборот, валлийская мифология часто рассматривает в виде Иного мира Ирландию, а в ранневаллийской поэме о набеге Артура на Каэр Сидди проявляются сходные представления. В любом случае, в других стихотворениях этого круга содержатся ясные отсылки к набегам лейнстерцев на Британию, Шотландию и Оркнейские острова, и даже к битвам с римскими легионами. Слово «трибун» в этом стихотворении является очевидным заимствованием из латыни (вопреки мнению тех ученых, которые видят в нем исконно ирландское слово), но вопрос

[37] * Перевод В. П. Калыгина; Калыгин В. П. Поэма Mal adrulaid iatha marb... в контексте древнейшей ирландской поэзии // Атлантика, II, 1996, С. 92. — *Примеч. ред.*

о том, отражают ли эти подробности действительные контакты с римским миром, остается спорным, поскольку их источником вполне могла оказаться распространившаяся позднее латинская ученость. Впрочем, не следует забывать и о том, что полуостров Ллейн в Уэльсе носит имя лагенов и что ирландцы, по сообщениям **[158]** источников, были изгнаны из Северного Уэльса Кунеддой в V веке. Однако если ведущая роль в этих набегах справедливо приписывается названным в стихотворениях князьям, то хронология *Мировой Хроники* и уж тем более подразумеваемая в родословных ни в коей мере не соответствует действительности.

Большинство ученых сходятся во мнении, что эти стихотворения относятся к ранней эпохе, но относительно их точной датировки общего согласия не существует. Стихотворения, написанные в подобном стиле, определенно продолжали создаваться или, по крайней мере, заново редактироваться еще в VII веке, ибо в главном произведении, содержащем родословную королей Лейнстера и приписываемом перу Аадкенна мак Бархедо, поэта, жившего предположительно в V веке, множество строк посвящено возведению их рода от Яфета через Ноя к Адаму, а также 72-м народам мира, произошедшим от Ноя согласно воззрениям Исидора Севильского и других авторитетов.

Куно Майер считал, что большинство этих стихотворений было написано в VII веке, однако О'Рахилли относил по крайней мере некоторые из них к гораздо более позднему времени. С другой стороны, Карни полагает, что определенные образцы действительно можно датировать V веком, а Майлз Диллон предпочитает VII столетие. Диллон перевел несколько стихотворений, приписываемых легендарному королю Финду Филиду, в которых тот восхваляет своего предка Моэна или Аабрайда Лоингсеха:

> Moen oen a ba noed
> nib a noos ardrig;
> ort rigu rout an
> hua Luircc Labraid...
>
> Моэн, единственный, с детства —
> это не было деянием великого короля —
> убивал королей, благородный бросок,
> Лабрайд, внук Лорка.

Эти ирландские панегирики проявляют замечательное сходство с ранними поэмами, сохранившимися в надписях династии Гуптов; и, по моему мнению, в этом случае, как и в некоторых других, в Индии и в Ирландии сохранилось общее древнее наследие. Можно возразить, что восхваление короля его придворным поэтом всегда должно выражаться в более ли менее одинаковом ключе. Однако схожесть социального положения, разработанная техника стихосложения, намеренная затемненность языка, характеризующие как индийских кави, так и ирландских филидов, вряд ли случайны. Мы знаем, что у кельтов в Галлии были барды, выполнявшие те же обязанности, что и барды ирландские, и я полагаю, **[159]** что Посидоний, когда он наблюдал, как они, стоя на собраниях, произносят нараспев хвалы своим покровителям, был очевидцем древнего индоевропейского обычая[38].

Очевидно, эти стихотворения заслуживают гораздо большего внимания, чем им уделяли с той поры, когда они были опубликованы и переведены Куно Майером. А между тем вне зависимости от того, когда они были созданы, историки могут почерпнуть в них любопытные сведения. Они являются независимым источником, противоречащим официальной картине престолонаследия в Лейнстере, очерченной генеалогическими трактатами, в которых они содержатся. Затемненность языка, на котором они написаны,

---

[38] Dillon, Early Irish Literature, pp.173f.

предотвратила появление искажающих исправлений, а их традиционный престиж обеспечил их сохранение. Согласно официальной доктрине, Уи Дунлайнге установили почти абсолютную монополию на королевскую власть уже в VI веке, однако если мы посмотрим на таблицу 9 в Приложении II, то увидим, что такое положение было достигнуто с помощью простого приема, заключавшегося в переписывании родословной Уи Дунлайнге в форме списка правителей, в результате которого возникла видимость наследования престола от отца к сыну, совершенно не соответствующего ирландскому праву. Эта схема была взята на вооружение поздними интерполяторами, однако древнейшие тексты анналов, хотя в них редко упоминается Лейнстер, выявляют всю искусственность такого подхода, а сообщения, разбросанные в ирландской литературе, особенно в агиографических произведениях, содержат окаменелые следы ранней традиции, ускользнувшие от взглядов редакторов генеалогических текстов.

Например, в Житиях св. Комгалла Бангорского и св. Финтана (Мун-ну) Клоненагского мы находим упоминания о Кормаке, сыне Диармайта, из рода Уи Байррхе, в которых он именуется королем Уи Хеннселайг (анахронистическое наименование «короля Южного Лейнстера»), и о его старшем современнике Колуме или Колмане, сыне Кормака, из рода Уи Хеннселайг, «короле Северного Лейнстера». Не подвергшиеся переписыванию анналы показывают, что Крундмаэл (ум. в 656 г.), внук этого Колмана, был королем Лейнстера. Это говорит о том, что королем Лейнстера являлся, вероятно, и его отец Ронан, умерший в 624 году, а вовсе не его тезка Ронан, сын Колмана, из Уи Дунлайнге, как уверяют нас составители списков королей. Из сообщений анналов выясняется также, что в **[160]** этот период Уи Хеннселайг еще не утратили надежды подчинить своему влиянию срединные равнины Северного Лейнстера[39].

Сходным образом в этих архаических стихотворениях содержится перечень королей доисторического периода (вероятно, конца IV — начала V века), который совершенно не совпадает с данными среднеирланд-ских текстов. Вот этот перечень:

Катайр Мар
Фиаху ба х-Айккид
Брессал Белах (известен только по данным родословных)
Муйредах Мо-Снитех
Моэнах
Мак Кайртинн
Над Буйдб.

Из этого списка имена Муйредах Мо-Снитех и Моэнах принадлежат представителям рода Уи Байррхе, а имя Над Буйдб — Уи Дего, меж тем как Мак Кайртинн мог относиться к Уи Энехглайсс. Все эти септы, хотя они и связаны с господствующими родами Уи Дунлайнге севера и Уи Хеннселайг юга, никогда не попадали в поздние списки королей[40].

Имя Мак Кайртинн особенно интересно, так как, хотя это лицо не упоминается ни в одном генеалогическом тексте, его, вероятно, следует отождествить с человеком, память о котором увековечена в огамической надписи из баронства Далик двумя или тремя милями южнее Слейна и реки Войн. Надпись гласит: MACI CAIRATINI AVI INEQAGLAS «[камень] Мак Кайртинна, внука Энехгласса». Обращает на себя внимание и загадочное сообщение в *Анналах Инисфаллена* о смерти в 447 году некоего Мак Кайртинна, сына Койлуба, погибшего в битве между лагенами и мунстерцами при Маг Фемин. В данном случае мунстерский хронист, по-видимому, перепутал географическое название Фемен в Бреге (область, в которой была найдена огамическая надпись) с более известной

[39] См. Приложение II, табл. 10.
[40] См. Приложение II, табл. 8.

одноименной равниной вокруг Кашеля в Типперэри и потому счел, что в битве участвовали люди из его провинции. Однако в ранних анналах сообщения о Мунстере отличаются еще большей отрывочностью, чем о Лейнстере, в то время как и огам, и анналы достаточно хорошо вписываются в традиции, повествующие о борьбе Уи Нейллов и лагенов **[161]** за срединные области, а также согласуются с другим свидетельством, согласно которому Уи Энехглайсс в V и VI веках еще не были оттеснены в район побережья Уиклоу и не перестали играть важную роль в политической жизни провинции.

Из сообщений анналов явствует, что по меньшей мере два короля Уи Гаррхон, которых составители поздних генеалогий предпочитали относить к группе «подчиненных племен Лейнстера» *(forthuatha Laigen),* в конце V века сражались против Уи Нейллов в качестве королей всего Лейнстера. Речь идет о Финдхаде, сыне Гаррхона (ум. в 485 г.), и его сыне Фроэхе (ум. в 495 г.). Этот септ также позднее отошел к побережью, а редакторы анналов безнадежно перепутали заметки об их действиях. В «Трехчастном Житии» IX века, опирающемся на более ранние записи, св. Патрик посещает короля Уи Гаррхон в Райт-Инбире близ Арклоу, однако при более тщательном изучении текста становится очевидным, что по первоначальной версии святой встретил короля в Наасе в Килдаре, ибо посещение Арклоу заставило бы сделать св. Патрика совершенно ненужный крюк и не находит никакого достойного объяснения.

Традиция сочинения архаизирующих стихотворений сохранялась в Лейнстере долгое время. Одним из наиболее любопытных ирландских королевских памятников является «Завещание Катайра Мара» *(Timna Cathair Mar),* написанное семисложным аллитерирующим стихом, но вряд ли созданное ранее VIII века. Оно обладает гораздо большими литературными достоинствами, чем краткое завещание Ниалла Девяти Заложников, которое мы цитировали в главе V. Образцом для него определенно послужило благословение Иакова, которое он дал своим сыновьям, прародителям двенадцати колен Израиля (Быт., xlix). Подобный выбор формы проистекает не из одного лишь полета литературной фантазии или ученой аллюзии, но из очень большого сходства племенного устройства древнеирландской и ветхозаветной культуры.

«Завещание» ставит перед читателем множество вопросов. Катайр обращается к десяти сыновьям, но среди них нет предков Уи Гаррхон и Уи Майл, хотя оба этих септа обладали королевской властью над Аейн-стером. Келлах Куаланн из рода Уи Майл умер в звании короля провинции еще в 715 году, так что даже к концу VIII века его род вполне мог питать надежды на восстановление своего величия. Несомненно, именно отсутствие родственных связей с Катайром Маром заставляло составителей генеалогий и других ученых мужей считать короля Уи Гаррхон правителем подчиненных племен Лейнстера. С другой стороны, Уи Байррхе **[162]** и Уи Энехглайсс были в числе получивших благословение, хотя они в не столь отдаленное время также были соперниками Уи Дунлайнге и Уи Хеннселайг.

Удивительнее всего то, что текст начинается с развернутого благословения Рус Файльгеху, предку Уи Файльги, которому недвусмысленно обещается власть его отца *(ordan, ordination):*

Мой сан и мое владычество,
моя красота и моя слава,
мое благородство и моя прочность,
мои завещанные от предков владения,
моя сила и моя защита
избранному мной герою Русу,
моему благородному Файльге красного клинка,
моему герою, крепкому, как дуб,
моему колесничному бойцу, победоносному в битве,
моему льву за смелость,
моему упорному блистательному господину.

Да будет он главой и королем провинции,
радушный Рус Файльгех!
Да будет он защитником дербфине!
Да будет он торжеством славы...
Ибо он владеет даром щедрости,
да не таит он богатства,
он, наделяющий всех добрыми дарами[41],
цвет кланов галеойн...
Победоносный в битве на границе,
он смело завоюет равнину Тары.
Да не станет он изменником родству!..[42]
Катайр, светоч Ирландии,
его благородный достославный отец
избрал его из его братьев...

Катайр оставляет свое оружие Дайре Барраху, предполагаемому предку Уи Байррхе, в то время как его благословение Брессалу Энехглассу **[163]** показывает, что во времена сочинения текста Уи Энехглайсс уже расселились на побережье:

Мое море с его богатым урожаем моему сладкоголосому Брессалу,
да будет каждый бесстрашный воин из твоего многочисленного потомства
рулевым доверху загруженной лодки!..
Твои множество псов и коней
и обильно орошаемая земля,
красота женщинам из твоего рода...
Ради любви к тебе твоего отца
он отослал тебя от себя к морю.

Впрочем, Фергус Луасган объявляется недостойным порождать принцев или королей. Благословение, возвещающее мир и благополучие, даруется Айлилю Кетеху, предку малозначительного рода Уи Хетиг, оставивших след в названии баронства Икити в северном Килдаре. Сходные благословения дарованы Кримтанну, от которого произошли династия Уи Хримтайнн Айн, св. Колум из Терригласса и другие святые:

Да пребудет величие в твоих больших домах,
ученость в речениях судей,
собрания женщин в драгоценных украшениях.
За исключением лишь того, что ты не будешь королем провинции,
ничто не умалит твоей славы,
мой геройский Кримтанн.

Эоху Тиммине, предок Уи Бунде из Лейлина в Карлоу, проклят подобно Рувиму за осквернение отцовского ложа:

Никто из его детей, равных по сану,
не станет королем, богатым стадами,
на празднествах.

Катайр сам совершил кровосмешение со своей дочерью Этне и не оставляет ни земли, ни какого-либо иного наследства отпрыску этого союза Энгусу Нику. Кетах является перворожденным и восхваляется за свою доблесть и благородство, тем не менее: **[164]**

---

[41] Ratha — см. выше, с. 58.
[42] Braithirse, буквально «братство», часто «союз».

Тара не будет заполнена,
заселена его доблестными отпрысками.
Сила и завет его детей
не объединяет земли в одно целое...
Его сын пребудет в нужде
среди племен и родов
без обиталища и вотчины[43],
до самой гибели от огня,
в котором погибнет каждая сотня.

В действительности Крих на Кетах вокруг Каслджордана в графстве Оффали вскоре было поглощено Уи Нейллами в ходе завоевания срединных областей Ирландии.

И последним, согласно среднеирландскому прозаическому тексту, связывающему между собой стихотворные отрывки завещания, приходит предок великих лейнстерских династий Уи Дунлайнге и Уи Хеннселайг:

«Фиаху Байкед пришел к отцу, и он был младшим из его детей, и просил у отца земли. И Катайр сказал: „У меня ничего нет для тебя, и я дам тебе мое благословение, так как у тебя нет земли. И воспитывайся у своих, пока не войдешь в силу". И тогда Фиаху заплакал перед отцом. Тогда Катайр сказал Фиаху: „Сделай так, мой сын, — сказал он, — и прими мое благословение. Живи по месяцу у каждого из братьев и живи семь лет у Рус Файльге, который первым получил мое благословение". Причина, по которой Катайр дал Фиаху такое наставление, заключалась в том, что благодаря его благословению Фиаху мог достичь королевства. Фиаху сделал все, о чем просил его Катайр. И затем Катайр сказал Фиаху:

„Благороден младший сын,
Фиаху, человек во многих сотнях,
счастливый отпрыск пылкой Бербы![44]
Его братья будут служить ему.
Он захватит славный Аленн.
Он удержит знаменитый Карман[45].**[165]**
Он будет править древним Алмайном[46].
Он усилит Наас величием.
Ладру рулевой с богатым грузом (?)[47].
Прекрасный лосось над Айргетросом,
он захватит Майстиу королей".

После этого перечисления главных королевских резиденций Лейнстера и Осрайге (что подразумевается упоминанием Айргетроса), благословение проводит Фиаху торжественным объездом по всей Ирландии через Мунстер и Коннахт в Айлех, Эмайн Маху и Тару:

Успех в речениях и суждениях,

---

[43] *Cin adhbaidh na atharrdha* — возможно, следует переводить «без обиталища в своей вотчине».

[44] Реки Барроу.

[45] Место проведения оэнаха Кармана, собрания Лейнстера. Место не локализовано, но скорее всего находилось в долине реки Лиффи.

[46] Холм Аллена в северном Килдаре, легендарное обиталище Финна, сына Кумала, и место пребывания фениев.

[47] Возможно, «рулевой Ладру», отсылка к Ард Ладранн, королевской резиденции Уи Хеннселайг близ Гори, графство Уэксфорд.

королевство Лабрайда Лоингсеха
будет твоим, отважный Фиаху!

Прозвище Фиаху «ба х-Айккид» объясняется как означающее «Фиаху, который был арендатором или землевладельцем». По аналогии с эпитетами других королей, таких как Финд Филид «поэт или провидец», ранний король Лейнстера, и Кронд ба Друи «Кронд, который был друидом», предка улъстерских круитни, вкупе с тем обстоятельством, что в этом же стихотворении Катайр Мар объявляет Айлилю Кетеху:

Я Катайр победоносный,
я твой друид и твой отец,

соблазнительно истолковать прозвище ба х-Айккид в смысле «который был провидцем», хотя такое слово (имя деятеля от глагола *ad-ci* «видеть») более нигде не засвидетельствовано. Впрочем, возможно, следует принять традиционную этимологию, которая определенно подкрепляет теорию Алвина и Бринли Рисов о том, что в ирландской космологической системе Лейнстер воплощал сельскохозяйственную «функцию» и с ним соотносилась земледельческая каста.

Архаические лейнстерские стихотворения с точностью указывают на то, что лагены имели право становиться королями Тары. Даже среднеирландские **[166]** историки не могли отрицать, что Катайр Мар и другие доисторические лейнстерские короли бывали облечены верховной властью до времен Ниалла Девяти Заложников. А традиции, повествующие о борьбе между Уи Нейллами и лагенами за обладание Брегой и Миде, объясняют, как мы видели, местонахождение огамической надписи из Ду-лика, начертанной в память о Мак Кайртинне из рода Уи Энехглайсс. Мо-Снитех из рода Уи Байррхе в одном генеалогическом трактате даже именуется «королем Ирландии». Неспособность королей отстоять интересы лагенов в срединных областях Ирландии, должно быть, немало способствовала упадку, постигшему Уи Байррхе, Уи Гаррхон и Уи Энехглайсс, но самые существенные материальные потери понесли, конечно, Уи Шайльги, утратившие свои владения в Оффали и Уэстмите.

Брандуб, сын Эху, из рода Уи Хеннселайг приостановил экспансию Уи Нейллов, нанеся поражение верховному королю Аэду, сыну Айнмере, в сражении при Дун Болт в 598 году. Возможно, ему даже удалось восстановить власть Лейнстера над частью утраченной территории. В стихотворениях, содержащихся в *Лейнстерской Книге,* говорится о его «семи ударах по Бреге», и нам кажется немаловажным то обстоятельство, что некоторые его прямые потомки, Фир Тулах Миде, позднее правили небольшим королевством, признававшим сюзеренитет Кланн Холмайн из Южных Уи Нейллов.

В Житии св. Колмана из Аинна в Уэстмите, которое было написано в XII веке и содержит много сведений относительно местных династий этой области, говорится о Дун-на-Кайррге (замок в приходе Каррика, баронство Фартулла, графство Уэстмит):

«Этот Каррайг всегда был резиденцией королей Фир Тулах до времени дочери сына Конхобара, то есть жены Конхобара Уа Маэлсехлайнна[48], когда тот, король Миде, и та, его королева, отняли его у Кукайлле, сына Дублайде, короля Фир Тулах, и его обесчестили, лишив его своего короля и отдав королеве Миде. Она была первой из королев Миде, что взяла его; все королевы после нее владели им, и он был в их особом частном владении, свободный от короля Фир Тулах».

Несмотря на это нарушение прав королей Фир Тулах, далее в Житии упоминаются определенные их привилегии:

«Король Миде не вправе требовать от Фир Тулах военный отряд для сопровождения во время его поездки, но только одного юношу для ухода **[167]** за

[48] Короля Миде в 1030—1073 годах.

лошадьми, когда он пребывает в Кро-Инисе[49], вместо отряда для сопровождения; и они не обязаны присоединять отряд в день сражения, разве что с королем, и чужаками и наемниками».

В свете того, как генеалогии подгонялись под требования меняющейся политической обстановки, весьма типичным представляется тот факт, что некоторые авторитетные источники считают династию Уа Дублайге, правившую Шир Тулах Миде, ветвью их сюзеренов, Уа Маэлсехлайнн, в то время как другие возводят их происхождение к полностью вымышленному эпонимическому лицу, Фер Тулаху, сыну Ниалла Девяти Заложников.

Еще одной династией, происходившей от Брандуба, сына Эху, был род Уи Фелмеда из Тулах Уа Фелмада (Туллоу, графство Карлоу). Эта ветвь Уи Хеннселайг, которая приобрела господство над всем Лейнстером в XI и XII веках под началом Диармайта, сына Маэл-на-м-Бо, и его правнука Диармайта Мак Мурхада, была побочной, но ее представители испытывали сильное желание возвеличить память Брандуба и оставить в назидание потомкам мысль о том, что в свое время Уи Хеннселайг гораздо более успешно, чем все остальные лейнстерские принцы, сопротивлялись посягательствам Уи Нейллов.

Именно на таком политическом фоне было составлено амбициозное литературное произведение, известное под названием «Борома» или «Дань Лейнстера» *(Boruma Laigen).* В нем излагаются причины притязаний Уи Нейллов на взимание дани с Лейнстера, а затем следует повествование о столетиях противоборства, вызванного этими притязаниями. Хотя автор полностью признает доктрину происхождения и верховной власти Уи Нейллов над всей Ирландией, вымышленную средневековыми историками, он тем не менее является патриотом Лейнстера. Повесть, составляющая ядро этого произведения — «Битва при Дун Болт», — является настоящей сагой королевского цикла и на самом деле дошла до нас в виде отдельного сочинения, однако большая часть «Боромы» отличается чрезвычайной разнородностью: автор без стеснения использует псевдоисторические трактаты, легенды о фениях Финна, сына Кумала, топографические сказания диндхенхас, и в значительной степени агиографические источники.

В самом деле, нельзя обойти вниманием тот факт, что в лейнстерской традиции святые действуют подобно гомеровским богам, всеми силами **[168]** пытаясь обеспечить успех тем людям, которым они оказывают свое благоволение. Так, в саге «Битва при Алмайне», в которой рассказывается о том, как верховный король Фергал, сын Маэл Дуйна, потерпел поражение и был убит Аэдом, королем Лейнстера, пытаясь собрать борому в 722 году, Колум Килле не в состоянии помочь Уи Нейллам, так как над лейнстер-ским войском появляется Бригита, наводящая ужас на вражескую армию. Главным протагонистом самого трактата «Борома» является святой Мол-линг, и множество стихотворных отрывков, перемежающих прозаическое повествование, посвящено восхвалению его церкви Сент-Муллинс. Однако к XII веку верховенство перешло к ветви рода Уи Хеннселайг, расселившейся в Фернсе, и Житие основателя этого монастыря, святого Мэдока, естественно, выставляет его в роли главного действующего лица, помогающего Брандубу.

В сокращенном изложении в саге «Борома» говорится о том, как Эоху, король Лейнстера в I веке н. э., покорился верховному королю Тары Туаталу Техтмару (предку Уи Нейллов и коннахтов) и получил в жены его дочь Фитир. Затем он решил, что сделал неправильный выбор, и, сказав Туаталу, что Фитир умерла, женился на ее сестре Дарфине. Две принцессы умерли от стыда после того, как увидели друг друга (этот сюжет, вероятно, заимствован из классического мифа о Прокне и Филомеле). Их отец, верховный король, и их приемные отцы, короли Коннахта и Ульстера, убили Эоху, разграбили

[49] Кранног, резиденция королей из рода Уа Маэлсехлайнн на озере Лох-Эннелл близ Муллингара.

Лейнстер и увели войска только после того, как наложили на провинцию бессрочную виру — борому: «трижды пять тысяч коров, трижды пять тысяч свиней, трижды пять тысяч плащей, трижды пять тысяч серебряных цепочек, трижды пять тысяч баранов, трижды пять тысяч котлов из меди, огромный медный котел, в который входили двенадцать свиней и двенадцать быков в покоях Тары, тридцать белых красноухих коров с телятами того же цвета да с бронзовыми путами и бронзовыми привязями» [Предания. С. 174].

Борома взималась регулярно до времен Кайрпре Лифехаря, сына Кормака, сына Арта, когда Брессал Белах, король Лейнстера, заручился поддержкой легендарного Финна, сына Кумала, вождя военных отрядов фениев. Финн привел лагенов к победе и убил трех сыновей Кайрпре. После этого борома не взималась до тех пор, пока она не была возобновлена во искупление убийства тридцати принцесс, с каждой из которых было сто служанок, совершенного в Таре Дунлайнгом, сыном Энды Ниа. Однако многие верховные короли могли взимать борому лишь силой; Лоэгайре, сын Ниалла, погиб после того, как нарушил свое обещание не **[169]** взимать борому, а в трактате перечисляется 35 битв, в которых лагены оказывали успешное сопротивление попыткам собрать дань.

Когда Аэд, сын Айнмере, стал верховным королем, его сын Куммасках попросил у отца дозволения совершить «княжеский объезд» Ирландии, пользуясь гостеприимством всех ирландских королей и правом проводить ночь с их королевами. В свете важной взаимосвязи между узами брака и королевской инаугурацией подобное требование было равнозначно провозглашению его непосредственного сюзеренитета над их королевствами. Когда он прибыл в Лейнстер, Брандуб обманом убил его. Аэд, движимый местью, пошел в поход на Лейнстер. После безуспешной попытки епископа Аэдана из Глендалу заключить между враждующими сторонами перемирие, Брандуб придумал новую уловку: лагены притворно согласились поставить войску верховного короля припасы и проникли в его лагерь, скрываясь в корзинах с едой. В итоге войско Уи Нейллов потерпело сокрушительное поражение в битве при Дун Болт, в которой погиб и верховный король.

Отступая от основной сюжетной линии, сага рассказывает о том, как лагены захватили Диармайта, сына ульстерского короля Аэда Рона, и его юных спутников и отпустили их после того, как его отец заключил с ними мир. Этот союз якобы был предречен в незапамятные времена Конхобаром, сыном Несс, и был скреплен подобающим обрядом: лагены и улады пили из одной чаши, наполненной смесью из крови, молока и вина. Диармайт решает оставить мирскую жизнь и становится отшельником, живущим на земле, подаренной ему Брандубом в Дисерт Диармата (Каслдермот, графство Килдар).

Этот эпизод является явным анахронизмом, но он перекликается с обстановкой, сложившейся на момент написания самой саги. В высшей степени невероятно, чтобы король уладов сопровождал верховного короля из рода Уи Нейллов в каком-либо военном походе в VI веке. Диармайт — историческое лицо и был скорее внуком, чем сыном Аэда Рона, короля уладов; он был вождем движения калди и умер в 825 году в пустыни, которую он основал в 811 году. Дисерт Диармата считалась дочерней пустынью Бангора, который владел обширными землями в Лейнстере, якобы дарованными монастырю королем Уи Байррхе, который был учеником св. Комгалла. Можно вспомнить о том, что св. Колумбан пришел из Лейнстера, чтобы присоединиться к общине св. Комгалла в Бангоре, откуда он отплыл на континент в 590 году. Настоящий союз между уладами и лагенами на самом деле существовал в XI веке на **[170]** протяжении правлений Ниалла, сына Эохайда, и Диармайта, сына Маэл-на-м-Бо, что придает правдоподобности сообщению о Диармайте в *Лей-стерской Книге,* в котором говорится, что он добился верности уладов и был «верховным королем с противодействием». Этот союз доказал свою эффективность в 1094 году, когда Домналл Мак Лохлайнн, претендент на звание верховного короля из рода Кенел Эогайн, так и не сумел довести до конца разгром своего соперника Муйрхертаха Уа Бриайна, короля Мунстера и Половины Муга, из-за решительного отказа ульстерского контингента вторгнуться в Лейнстер.

Несмотря на поражение в битве при Дун Болг Уи Нейллы, согласно трактату «Борома», не раз выдвигали прежние притязания и часто взимали дань до времен Финснехты Пиролюбивого, который даровал Моллингу освобождение от боромы до понедельника *(Luan).* Когда король узнал от своего негодующего родича св. Адомнана, что Моллинг имел в виду Судный День, который, по верованиям ирландцев, придется на понедельник, было уже слишком поздно. Он напрасно излил свой гнев на Моллинга и, вследствие проклятия святого, пал от рук своих двоюродных братьев в 695 году.

На этом трактат «Борома» заканчивается, но продолжение истории можно найти в среднеирландской саге «Битва при Алмайне», в которой рассказывается, как мы уже знаем, о гибели верховного короля Фергала, сына Маэл Дуйна, в 722 году. Это — последнее историческое событие, отраженное в сагах. Около 730 года началось усиление главных местных династий, а также составление первых крупных генеалогических сводов, анналов и светских и церковных правовых кодексов. Героический век ушел в прошлое и в королевских сагах, и в житиях святых вместе с укреплением могущества династий и повышением благосостояния монастырей. Даты правлений теперь выглядят более приемлемыми на взгляд историка, однако сами короли перестают подходить на роль главных действующих лиц героических сказаний. Конечно, поздние короли, такие как Муйрхертах Кожаный Плащ, Келлахан Кашиль, Кормак, сын Куленнана, и Бриан Борома, становились героями литературных произведений, но сами сочинения, в которых они фигурируют, уже являются не подлинными сагами, а скорее пропагандистскими сочинениями или историческими романами, до некоторой степени опирающимися на анналы и другие исторические памятники, по сообщениям которых можно удостовериться в их правдивости.

Недавно было высказано предположение, что сообщения о лейнстерских делах начинают регулярно появляться в анналах примерно с 775 года, **[171]** вероятно, благодаря деятельности какого-то монаха из Клонарда — монастыря, который находился на земле Бреги, во владениях Южных Уи Нейллов, но обладал давними связями с Лейнстером, уходящими своими корнями во времена его основания св. Финнианом в VI веке, когда его земли еще могли принадлежать лагенам. Сухое и немногословное повествование ранних анналов прерывается в 738 году долгим и обстоятельным рассказом на латыни, выказывающим претензии автора на риторический и даже поэтический стиль, о битве при Ухбаде или при Ат Сенайг, которая состоялась во вторник 19 августа 738 года у Баллишеннона к западу от Килкуллена (графство Килдар), в средоточии политической власти, центре северного Лейнстера.

В сражении, о котором идет речь, верховный король Аэд Аллан отомстил за смерть своего отца Фергала, погибшего в битве при Алмайне, имевшей место за 16 лет до этого:

«Затем внукам Конна была дарована великая победа, когда они необычайным образом обращают своих соперников лагенов в бегство, попирают, поражают, повергают, изничтожают, так что доведенное до истребления вражеское войско было почти полностью уничтожено, в живых остались лишь немногие вестники поражения, и, как говорят, в этом сражении погибло столько, сколько не пало ни в одном набеге и не погибло ни в одном жестоком столкновении за известные людям прошедшие столетия». *(Tune nepotes Cuind inmensa victoria ditati sunt cum Lagenos suos emulos insolito more in fugam mittunt, calcant, sternunt, subvertunt, consumunt, ita ut usque ad intemicionem universus hostilis pene deleretur exercitus, paucis nuntiis remanentibus, et in tali bello tantos cecidisse ferunt quantos per transacta retro secula in uno subcucuisse impetu et feroci ruisse conflictu non comperimus.)*

Хронист сообщает, что Аэд Аллан и Аэд, сын Колгу, сражались врукопашную: Аэд Аллан был ранен, но одержал победу, а королю Лейнстера «отрубили голову боевым мечом» *(militari mucrone capite truncatus est*). Вместе с ним пали Бран, сын Мурхада, два короля Фотайрт, Фергус, сын Моэнаха, и Дуб-да-крих мак ауи Келлайг, неидентифицированный сын Триана, Фиангалах уа Маэле Айткен из рода Уи Бриуйн

Хуаланн, Коналл уа Айтехда (вероятно, внук Айтехда, основателя одного из септов Уи Хеннселайг), четверо сыновей Фланна ауе Конгайле (вероятно, из рода Уи Файльги) и Эладах ауе Маэл Уидир, который скорее был членом Сил Маэлуидир (от названия которого берет свое имя баронство Шелмальере в графстве Уэксфорд), а не предком родственных Сил Эладайг (баронство Шиллела, графство Уиклоу). **[172]**

Это сообщение по нескольким причинам достойно особого внимания. Во-первых, из-за его необычайной развернутости изложения, которая вызывает ложное ожидание, что анналы могут перерасти в подробную хронику. Во-вторых, эта развернутость и стремление к литературной обработке говорят о том, что оно может восходить к утраченной саге; возможно, наш гипотетический клонардский хронист, писавший спустя пару десятилетий после описываемого события, опирался на какое-то традиционное сказание. Если рассказ на самом деле ретроспективен, хронист проявил в освещении дела подлинную историческую проницательность, ибо поражение при Ат Сенайг действительно ознаменовало собой наступление новой эпохи как для Лейнстера, так и для верховной власти Уи Нейллов. Аэд Аллан, заложивший основы господства рода Кенел Эогайн на севере Ирландии, продолжил череду своих успехов, одержав вслед за победой над уладами в битве при Фохайрте в 735 году новую крупную победу над вторым важнейшим стародавним врагом своей династии. При этом следует отметить, что все верховные короли из рода Уи Нейллов, проявлявшие наибольшую враждебность к лагенам — Аэд, сын Айнмере, Шергал, сын Маэл Дуйна, Аэд Аллан и позднее Аэд Посвященный, — происходили из Северных Уи Нейллов, а не из династий срединных областей Ирландии, чего можно было бы ожидать, памятуя о географической близости последних с Лейнстером. Истина заключается в том, что начиная с VI века борьба между Уи Нейллами и лагенами перестала быть войной, направленной на захват новых земель. Уи Нейллы достигли последних пределов своей экспансии в срединных областях страны и, очевидно, больше не испытывали желания завоевывать новые владения (или не имели для этого ресурсов). Их интерес к Лейнстеру отныне проистекал из стремления утвердить свой сюзеренитет: возможно, как уже предполагалось, звание королей Тары обуславливало по меньшей мере номинальное господство над лагенами. Чтобы придать своему званию больше реального веса, верховные короли, приходившие с дальнего севера, несомненно, считали своей обязанностью вести войну с Лейнстером энергичнее своих южных соперников.

Из первоначальной формы сообщения, о котором идет речь, лучше всего сохранившейся в *Анналах Ульстера,* также со всей очевидностью вытекает, что Аэд, сын Колгу, был королем всего Лейнстера. В списках правителей его имя не упоминается, а единым королем провинции называется король Бран Бекк, сын Мурхада, из рода Уи Дунлайнге. *Анналы Тигернаха,* следующие этой доктрине, выходят из создавшегося положения, **[173]** называя Аэда и Брана королями-соправителями. Таким образом, Аэд был последним королем провинции из рода Уи Хеннселайг до возрождения их могущества в XI веке. Его отец Колгу упоминается в анналах под 722 годом и именуется королем Ард Ладранн[50].

Живые топографические традиции, сохранившиеся даже в поздних списках «Битвы при Дун Болт», показывают, что на протяжении правления Брандуба, сына Эху, Уи Хеннселайг пытались продвинуться к северу из своей родной области вокруг Райт-Биле в Карлоу по западному подножию гор Уиклоу в район Балтингласса, откуда они рассчитывали захватить господство над долиной реки Лиффи. Их планам не суждено было сбыться, так как они не сумели сломить силы владевших этой территорией Уи Дунлайнге, успешно оттеснивших Уи Файльги к северо-западу, а Уи Гаррхон, Уи Энехглайсс, Уи Майл и Уи Бриуйн Хуаланн — к востоку. Уи Хеннселайг, не теряя из виду власти над провинцией и по-прежнему стремясь расширить свои земельные владения,

[50] См. Приложение II, табл. 9 и 10.

обратили взоры на юг. Не считая династии Ард Ладранн, правившей землями близ Гори, и Уи Фелмеда, живших в своей родной области в центральном Лейнстере, за руководство Уи Хеннселайг боролись и другие ветви династии, такие, как Сил Маэлуидир и еще одна ветвь, захватившая земли родственного, но пребывавшего в упадке септа Уи Дрона на юго-западе графства Карлоу и принявшая имя побежденных.

В начале IX века давление викингов, исходившее из устья реки Барроу, оказало существенное влияние на борьбу за власть между септами южного Лейнстера. В 809 году между Уи Хеннселайг произошла междоусобица, в которой был убит король Уи Дрона. В 817 году глава Сил Маэлуидир Катал, сын Дунлайнга, называется в анналах королем Уи Хеннселайг, когда вкупе с монашеской общиной *(familiaa)* Тех Мунну (Тамон) он нанес поражение общине Фернса, убив 400 ее членов. В сообщении о его смерти, случившейся через два года, в добавление к королевскому званию он именуется настоятелем Фернса *(secnap Fernann).* Словом *secnap* (от латинского *secundus abbas)* обозначался служитель монастыря, пользовавшийся правом наследовать пост аббата, что очень напоминает институт танистри *(tanaise rig)* в светской структуре власти. Войны между монастырями, превратившимися в могущественных землевладельцев, стали самой обычной чертой ирландской церковной жизни в столетие, предшествовавшее приходу викингов, а короли начали проявлять живой интерес **[174]** к монастырским богатствам гораздо раньше. Связи между местными правителями и состоятельными монастырями даже окрепли благодаря воздействию скандинавской угрозы, когда монастырям понадобился сильный защитник, и, очевидно, короли, в свою очередь, извлекали из этого союза определенные выгоды. Кайрпре, сын Катала, король Уи Хеннселайг, вновь воспользовался услугами вооруженных сил Тамона в 828 году, когда он нанес поражение викингам. Однако во второй половине IX века на передний план выходит до той поры ничем себя не проявивший септ Уи Хеннселайг. В 866 году Тадг, сын Диармайта, был убит своими родными братьями и своим народом. Его брата и преемника в звании короля Уи Хеннселайг Кайрпре постигла сходная участь в 876 году. Тем не менее сын, внук и правнук Кайрпре в последующем столетии были королями Уи Хеннселайг, хотя только в XI веке их потомки, принявшие фамильное имя Мак Мурхада (Мак-Мурроу), монополизировали королевскую власть и вернули Уи Хеннселайг верховную власть над провинцией. Впрочем, нужно заметить, что в первой части их родословной не хватает по меньшей мере трех поколений.

С 738 по 1042 год королевская власть над всем Лейнстером находилась в руках Уи Дунлайнге из долины реки Лиффи. В отличие от раздробленных и разрываемых на части разными ветвями династии Уи Хеннселайг, Уи Дунлайнге представляют собой замечательную картину династического единства. Согласно источникам, не менее четырех сыновей Мурхада, сына Брана, последовательно наследовали королевство Лейнстер: Дунхад, Фаэлан, Бран Бекк и Муйредах. Как мы видели, относительно правления Брана Бекка существуют серьезные сомнения, так как он пал вместе с Аэдом, сыном Колгу, в 738 году. Первая запись в анналах под 738 годом сообщает о его неожиданной смерти в юном возрасте (хотя он убил своего старшего брата Дунхада в битве при Аленне десятью годами ранее). Последняя запись того же года рассказывает о походе короля Мунстера Катала, сына Фингуне, на Лейнстер, в ходе которого он взял заложников у Фаэлана или, согласно *Анналам Тигернаха,* у Брана. С другой стороны, мы не можем быть уверены в том, что записи 738 года составлены в должной хронологической последовательности, хотя в общем и целом летописцы старались придерживаться этого правила.

От трех из четверых братьев ведут свое происхождение выделившиеся из рода Уи Дунлайнге династии Уи Дунхада, Уи Фаэлайн и Уи Муйредайг, представители которых, несмотря на частые братоубийства, на протяжении **[175]** трех столетий чередовались на королевском троне Лейнстера[51]. С тех пор как Мак-Нейлл впервые привлек внимание к

[51] См. Приложение II, табл. 9.

этому любопытному явлению, оно стало считаться классическим образцом системы ирландского престолонаследия. Хотя, конечно же, оно иллюстрирует некоторые возможности ирландской династической системы, спорным остается вопрос о том, можно ли извлекать из него какие-либо выводы в строгом правовом смысле, так как три эти ветви вскоре превратились в особые территориальные королевства. Центром королевства Уи Муйредайг был Майстиу (Муллагмаст) в южном Килдаре, который являлся родиной Уи Дунлайнге. В случае если его короли не становились королями всей провинции, они часто именовались «королями западного Лифе» *(rig Iarthair Liphi:* «Лифе» назвалась долина, а не сама река, которая носила название Руйртех). Уи Фаэлайн, обосновавшиеся севернее, в Наасе, владели восточной частью долины *(Airther Liffi).* С течением времени Уи Дунхада продвинулись к северо-востоку, к предместьям нынешнего Дублина, район которого Дольфинс Барн считается искажением названия «Данфис Кайрн» *(Carn Ua nDunchada),* а их королевская резиденция находилась в Лиамайне (Касллайонс на границе Дублина и Килдара). Поздние средневековые роды Уа Туатайл (О'Тулы) и Уа Брайн (О'Бирны) были названы соответственно по именам Туатала, короля Лейнстера из рода Уи Муйредайг (ум. 958 г.), и Брана, сына Маэлморда, из рода Уи Фаэлайн, который наследовал своему отцу после битвы при Клонтарфе и был ослеплен Ситриком Шелковой Бородой в 1018 году. Позднее короли из рода Уи Дунхада приняли фамильное имя Мак Гилла Мо-Холмок — они благоразумно перешли на сторону норманнов после битвы при Дублине (1170 г.) и получили более простое, пусть и менее благозвучное прозвище Фиц-Дермоты.

В конце VII века Тирехан рассказал о том, как верховный король Лоэгайре отказался принять крещение от св. Патрика, чтобы быть погребенным по-язычески с полным вооружением в валу Тары лицом к своему наследственному врагу сыну Дунлайнга, который сходным образом был похоронен в Майстиу в долине Лиффи, и вполне вероятно, что традиция, согласно которой Иллан и Айлиль, сыновья Дунлайнга, были королями Лейнстера, соответствует действительности. В противном случае роль, которая приписывается первым представителям рода Уи Дунлайнге в списках королей, оказывается полностью вымышленной. Истинные основы **[176]** благосостояния династии заложил в VI веке Фаэлан, сын Колмана. Немногочисленность упоминаний о королях Лейнстера в анналах VI века означает, что нам не суждено определить подлинный порядок престолонаследия. Однако в 626 году Уи Нейллы осадили Крундмаэла Болг Луату, принца из рода Уи Хеннселайг в его крепости, а в 628 году новый верховный король Домналл, сын Аэда, сына Айнмере, разграбил весь Лейнстер. Под тем же годом в *Анналах Ульстера* появляется сообщение о том, что Фаэлан, сын Колмана, король Лейнстера, убил Крундмаэла, но, по всей видимости, летописец наделил его королевским титулом заранее, так как в 633 году сообщается о смерти Кримтанна, сына Аэда, короля Лейнстера, в битве при Ат Гоан в Западном Лифи. Кримтанн принадлежал к роду Уи Майл, и *Анналы Инисфаллена* добавляют, что он был убит Фаэланом, сыном Колмана, и Файльбе Фланном, королем Мунстера. В одном мунстерском трактате утверждается, что Файльбе Фланн выплачивал борому Уи Нейллам за лагенов, однако это утверждение можно не принимать в расчет, так как оно, скорее всего, должно было служить пропагандистским целям мунстерских королей, пытавшихся обосновать свое право править всей Половиной Муга, включая Лейнстер, Смерть Фаэлана не упоминается в *Анналах Ульстера,* а в других анналах приводится дата 666 год, очевидно, вычисленная на основании поздних королевских перечней. Должно быть, он умер значительно раньше, так как Крундмаэл Эрбуйлк из рода Уи Хеннселайг был королем Лейнстера на момент своей смерти в 656 году.

Агиография Глендалу сводит Фаэлана со святым Коэмгеном (Кевином), который якобы взял на воспитание юного принца, когда того изгнала мачеха. Эта легенда возникла в результате тесных связей между поздними королями Уи Дунлайнге и монастырем. Сам св. Кевин, как и св. Конлаэд из Килдара и многие другие лейнстерские святые, происходил из рода Уи Гаррхон.

Еще большую роль при оценке размеров власти Фаэлана играет тот факт, что его брат Аэд Черный был аббатом и епископом Килдара. Другой его брат Аэд Белый стал родоначальником септа Уи Майле Кайх из Нааса, а его сын Энгус также был епископом Килдара. Килдар располагался в королевстве Уи Файльги, однако сообщение о смерти Аэда Черного в 638 году содержит первое упоминание об этом монастыре в анналах кроме записей, относящихся к самой святой Бригите и ее собрату-епископу св. Конлаэду в начале VI века. В генеалогиях Аэд Черный именуется «королевским епископом Килдара и всего Лейнстера» **[177]** *(rig-epscop Cille Dara 7 Lagen uile*). Примерно в это же время или немногим позже Когитос написал свое Житие св. Бригиты, которое является первым примером ирландской агиографии. Когитос выдвигает в отношении своей церкви, «епископской и девственной кафедры» *(cathedra episcopalism et puellaris),* непомерные притязания, говоря, что ее парухия простирается от моря до моря и что она служит вместилищем королевских сокровищ и столь великолепна, что привлекает как праздного зеваку, так и благочестивого паломника. Позднее Килдар признал верховенство Армы в обмен на признание превосходства св. Бригиты в ее родной провинции. В генеалогиях цитируется хвалебное стихотворение об Аэде Черном, в котором, как нам кажется, первоначально был заложен сатирический смысл, если истолковать первые его слова как обращение члена килдарской общины к собрату-монаху, обманувшемуся в своих надеждах на наследование престола из-за его узурпации:

О брат,
если ты следуешь вере,
какое право ты имеешь состязаться с Аэдом,
если только ты не объелся белены?

Разве твои рога для питья дикого быка?
Разве твое пиво пиво Куаланна?
Разве Куррах Лиффи на твоей земле?
Разве ты потомок пятидесяти верховных королей?
Разве Килдар твоя церковь?
И разве ты товарищ Христу?

Упоминание о «рогах дикого быка» *(cuirn buaball)* и «пиве Куаланна» (*coirn Chualann*) указывает на символы королевской власти у лагенов. Знаки более привычного типа редко встречаются в Ирландии, где королевское достоинство выражалось в избегании определенных гейсов и осуществлении определенных прав *(buada),* а также во владении древними крепостями на холмах и местами королевской инаугурации. Судя по стихотворению, написанному в XI веке поэтом Куаном уа Лотхайном, пиво Куаланна составляло одну из привилегий королей Лейнстера, а Майер цитирует еще один текст: «тот не король над славной Ирландией, если он не пьет пиво Куаланна» (*Ni ba ri ar an-Erinn mani tora coirm Cualann*). Рога для питья, согласно *Книге Прав,* также составляют важную часть **[178]** туарастала, даруемого королем Лейнстера вассальным королям, а в трактате о бардическом стихосложении сохранилось четверостишие из хвалебного стихотворения в честь Домналла, сына Мурхада, короля Лейнстера (1072-1075 гг.):

Cuirn Chualann
cia 'sin choiciud nos-congbann?
Do Domnall
dailter in buiden buaball.

Рога Куаланна —
кто в пятине поддерживает их?
Для Домналла
распределяется войско из бычьих рогов.

Даже в XVII веке один септ рода Кавенахов, притязавший на звание наследников королей Уи Хеннселайг и Лейнстера XII века из рода Мак Мурхада и проживавший в Гаррихилле в графстве Карлоу, «удалившись в эту местность ради безопасности, так как она была крепка и окружена очень большими лесами и болотами», сохранял забытый знак своего королевского происхождения. «Этот Дом Гаррхойл в свидетельство того, что они являются старейшими из Кавенахов и происходят от рода королей Лейнстера, хранили высокое кресло и сосуд или чашу для питья, называемую Корн-кам-мор».

Несколькими милями северо-западнее Килдара на краю Алленского болота стоит крепость Райт-Имгайн (Ратанган), резиденция королей Уи Файльги, которой посящено небольшое любопытное стихотворение, написанное вольным стихом и сохранившееся также в генеалогиях:

Ind rath no Comair in dairfheda
ba Bruigdi, ba Cathail,
ba Aeda, ba hAilella,
ba Conaing, ba Cuileni,
ocus ba Maele-Duin.
Ind rath d'ëis cach rig iar n-uair
ocus int shluaig foait i n-uir.

Крепость перед дубовым лесом,
была она Бруигде, была Катала,
была Аэда, была Айлиля,
была Конайнга, была Куйлене
и была Маэл Дуйна.
Крепость остается после каждого короля,
и войска спят в земле.

Бруигде, судя по сообщениям анналов, умер в 579 году, Аэд Рон, сын Катала, был убит Кланн Холмайн в Уэстмите в 604 году, Куйлене был убит соперниками из своего рода в 652 году.

Как мы видели, «Завещание Катайра Мара» дает основания полагать, что Уи Файльги занимали господствующее положение в Северном Лейн-стере в ранний период и, несомненно, несли тяжкое бремя пограничной **[179]** войны с Уи Нейллами, в ходе которой утратили многие свои владения. Имеющиеся у нас данные позволяют предположить, что возвышение Уи Дунлайнге было связано с честолюбивыми замыслами Кланн Холмайн из Миде, которым больше всех приходилось опасаться Уи Файльги. Согласно *Анналам Тигернаха,* Коналл, сын Суибне, из Кланн Холмайн выступал в союзе с Фаэланом, сыном Колмана, и Файльбе Фланном в битве при Ат Гоане в 633 году, а в 643 году в *Анналах Улъстера* появляется запись о смерти Уасал, сестры Коналла, сына Суибне, в то время как, по данным других анналов, она была женой Фаэлана. Важное значение может иметь и то обстоятельство, что, согласно анналам, Аэд Рон из рода Уи Файльги был убит представителями Кланн Холмайн в тот же день, когда Коналл, сын Суибне, убил своего двоюродного деда, верховного короля Аэда Слане из Бреги, отомстив за убийство своего отца, случившееся несколькими годами ранее. По нашему предположению, Уи Дунлайнге получили со стороны Кланн Холмайн сильную поддержку в борьбе за верховенство в Лейнстере как дружественная династия, способная уравновесить ситуацию на границе и тем самым позволить Кланн Холмайн приступить к вендетте над Сил Аэдо Слане. Очевидно, что и Кланн Холмайн, и Уи Дунлайнге одновременно достигли своей задачи монополизировать королевскую власть в своих пятинах во второй трети VIII века. Фаэлан также был женат на Сарнат, дочери Эоху из Фотайрт, племени, связи которого со святой Бригитой могли принести королю существенную пользу при захвате контроля над церковью Килдара.

Значение Килдара в качестве неотъемлемой прерогативы короля Лейнстера, возможно, уходит корнями в языческую эпоху. Хотя мы проявили бы излишний скепсис, если бы стали оспаривать существование настоящей христианской святой по имени Бригита (о которой тем не менее практически не известно никаких исторических сведений: Когитос определенно располагал очень скудным количеством конкретных биографических данных), уже давно было высказано мнение, что легенда, культ и даже церковь св. Бригиты вобрали в себя характерные черты, принадлежавшие культу языческой богини. Ее день, отмечаемый 1 февраля, совпадает с праздником Имболк, одним из поворотных моментов кельтского года, а в XII веке Геральд Камбрийский оставил свидетельство о существовании в Килдаре негасимого вестального огня, поддерживаемого монахинями. Почти за три столетия до этого Кормак, сын Куленнана, король и епископ Кашеля, совершенно открыто писал о том, что богиня Бригита, дочь Дагды, почиталась поэтами, что у нее были две сестры, носившие то **[180]** же имя, которые были богинями врачевания и кузнечного дела, и что имя Бригиты означало у ирландцев просто «богиню».

Ее имя восходит к очень распространенному кельтскому корню **Ьrigh* — «высокий, возвышенный», засвидетельствованному во многих географических названиях и названиях племен. Хорошо известные бригантин из Северной Британии, вероятно, были названы по имени этой богини, так как посвящения «богине Бригантин» (DEA BRIGANTIA; в одном случае отождествляется с VICTORIA) часто обнаруживаются на их территории. Птолемей упоминает племя бригантиев на побережье Уэксфорда, которых О'Рахилли считал предками Уи Байррхе. Последние, несмотря на официальную доктрину, приписывающую им происхождение от Дайре Барраха, сына Катайра Мара, очевидно по грамматической форме своего имени названы по женскому предку *BARREKO — имя почти с тем же основным значением, что и у *BRIGANTO, меж тем как мужскую параллель к этому имени *BARREX или *BARREKIOS можно увидеть в другой надписи римско-британских бригантов в Карлайле, обращенной к богу, отождествляемому с Марсом, — MARTI BARRECI. Мы уже отмечали тесные взаимосвязи между Уи Байррхе и Фотайрт в Лейнстере и, кроме того, можем обратить внимание на то, что в состав мунстерских десси (которых составители генеалогий связывали с Фотайрт) входило племя Уи Бригте — потомки Бригиты. Святая Бригита, как мы видели, исполняет функции защитницы лагенов, устрашая их врагов точно так же, как это делают богини войны Маха, Бадб и Морриган в героических сказаниях.

Доктор Бинчи недавно выдвинул интересное предположение, что валлийское слово *brenin* «король» (ранее *breenhin;* корнское *brentyn*), которое заменило собой древнее *rhi*, происходит от формы **Brigantinos,* означающее «супруг **Briganti*?». Если это так, то в культе святой Бригиты, который носил в Лейнстере особый патриотический характер и потому пользовался особым почетом, мы можем видеть христианизацию языческих представлений о местной богине королевской власти. То обстоятельство, что Килдар находился во владениях Уи Файльги, до некоторой степени объясняет выдающуюся роль, которую им приписывают архаические источники, а также раскрывает причину той настойчивости, с которой Уи Дунлайнге стремились захватить контроль над этой церковью, видя в ней символ власти над всей провинцией.

В известном стихотворении о крепости Аленн и ранних королях Лейнстера до Брана, сына Коналла (ум. в 693 г.), изданном и переведенном **[181]** Куно Майером под заглавием «Слава Бригите», отражены представления династии Уи Дунлайнге о порядке престолонаследия, а эфемерная жизнь королей противопоставляется вечному правлению святой-покровительницы Лейнстера. Возможно, оно было написано Ортанахом уа Койлламом из Курраха, который умер в звании епископа Килдара около 840 года и являлся типичным представителем новой школы историков-компиляторов, процветавшей в секуляризированной атмосфере позднего ирландского монашества.

«Восседай, царя в спокойствии, победоносная Бригита, на берегу Лиф-фи, до края морского отлива! Ты госпожа войск, покровительствующая детям Катайра Великого.

Промысел Божий о деве Эрин в любое время невозможно поведать: хотя блестящая Аиффи сегодня твоя, ей владели в свою очередь другие.

Когда с ее берегов я смотрю на светлый Курраг... жребий, выпавший на долю каждого короля, вызывает ужас при каждом крушении...

О Бригита, чьи земли я обозреваю, по которым ходил каждый в свой черед, твоя слава затмила славу короля — ты стоишь превыше их всех.

Ты вечно правишь с королем, не считая земли, на которой находится твое кладбище. Внучка Бресала, сына Дана, восседай, царя в спокойствии, победоносная Бригита!»

На то, что Уи Дунлайнге получили возможность укрепить свою власть в Лейнстере благодаря Кланн Холмайн, указывает и тот факт, что первый верховный король из этой династии, Домналл Миди, никогда не нападал на них. Все время его двадцатилетноего правления до самой его смерти и погребения в Дурроу в *763* году отмечено необычайным спокойствием и миролюбием, а сам Домналл показал себя христианином не только по имени, так как дважды на краткий срок удалялся в монастырь. Его преемник на престоле верховного короля Ниалл Фроссах из рода Кенел Эогайн обладал таким же нравом. В 770 году он отрекся от власти по религиозным мотивам и умер на острове Иона восемь лет спустя. Чтобы объяснить различие между его характером и воинственным духом его старшего брата Аэда Аллана, понадобилось создать целую легенду. Люди говорили, что при рождении Ниалла на укрепления лагенов пролился ливень из меда, а над его родным домом в Фахане в Инишоуэне — ливень серебра и ливень пшеницы. Поэтому его звали Ниалл Фроссах «дождливый».

Относительное спокойствие и благоденствие, наступившие в эпоху правления этих двух королей, явились итогом временного умиротворения **[182]** честолюбия Уи Нейллов и равновесия, установившегося между их гегемонией в Половине Конна и владычеством Эоганахтов в Половине Муга. Однако влияние, которым пользовались У и Нейллы в Лейнстере, входившем в Половину Муга, обуславливало некоторый перевес северян. В 770 году династическая борьба в Лейнстере возобновилась. На юге Этерскел, сын Аэда, сына Колгу, захватил королевскую власть над Уи Хеннселайг у Кеннселаха, сына Брана, из рода Сил Майлуидир, а на севере Келлах, сын Дунхада, высший король Лейнстера, убил Кинаэда, сына Фланна, из Уи Шайльги и Катнио, сына Бекка, из Фотайрт. Сразу же вслед за этими событиями новый верховный король Доннхад, сын Домналла Миди, провозгласил свой сюзеренитет над Лейнстером. Потерпев сперва поражение под Каслдермотом, он семь дней простоял лагерем в древней крепости Аленн и предал страну огню и мечу. В том же году и позднее, в 781 году, происходили не столь значительные сражения между Уи Нейллами из Бреги и восточнолейнстерскими династиями Уи Тейг и Уи Гаррхон на границах Дублина и Лейшлипа.

Вовсе неудивительно, что в 775 и 776 годах Доннхад вступал в столкновения с Мунстером. Согласно северным анналам, он одержал победу, но самая любопытная подробность заключается в том, что во втором случае в сражении участвовали силы монастыря Дурроу. В 775 году верховный король завязал вооруженную борьбу с монашеской общиной Клонарда. Впрочем, тем временем, как часто случается в истории Церкви, в лице аскетических общин, известных под названием Кели Де (Калди) появилось целительное противоядие против все более преобладающей секуляризации.

Ирландское светское право рассматривало всех держателей монастырских земель вне зависимости то того, подчинялись ли они религиозному уставу, как «монахов» (*manaig*) и приравнивало отношения между «монахом» *(manach)* и его аббатом к связи между клиентом *(cë1e)* и господином. Возможно, бросая скрытый упрек таким взглядам, реформаторы именовали себя «клиентами (вассалами) Бога» *(Celi Dë).* Крупнейшей их обителью была обитель святого Маэлруайна в Таллахте близ Дублина, а первоначальную

область их влияния можно грубо изобразить в виде треугольника, основание которого составляет линия от Дублина до реки Шеннон у озера Лох-Дерг, один катет спускается по долине реки Барроу, а другой пересекает восточный Мунстер. Хотя калди понесли огромные потери от викингских набегов, особенно от действий норвежских поселенцев в Дублине, их евангелическое благочестие наложило долговечный **[183]** отпечаток на ирландскую литературу и искусство. Их религиозным прозаическим и стихотворным сочинениям соответствовал ряд высоких крестов, воплощавших проповеди в камне и изображавших важнейшие сцены из Ветхого и Нового Заветов. Ранние кресты в Лейнстере, воздвигнутые в Олд-Килкуллине близ Аленна, в Муне, Каслдермоте и Сент-Муллинсе, являются первыми образцами больших фигурных крестов, ставших отличительной чертой ирландской скульптуры в IX—X веках. Эти произведения были созданы под влиянием каролингского искусства, и именно из каролингского мира калди, вероятно, заимствовали представления о собственно христианской королевской власти, которые они распространяли в нравоучительных поэмах и некоторое время пытались провести в жизнь.

В соответствии с естественными географическими условиями области, которая явилась их родиной и в которой они достигли наибольшего могущества, общины калди сначала утвердились на политической сцене, выступая в роли посредников между Уи Нейллами и лагенами. В 780 году верховный король Доннхад вновь напал на Лейнстер и при Килкоке (графство Килдар) обратил в бегство Руайдри, сына Фаэлана, и Лайдк-нена, короля Уи Хеннселайг. После этого он предал мечу и огню их земли, не пощадив и церквей. Однако позднее в том же году, по сообщению *Анналов Ульстера,* состоялось «собрание синодов внуков Ниалла и лагенов в городе Таре, на котором присутствовало много отшельников и писцов во главе с Дублитгером» *(congrecio senodorum nepotum Neill Laginentiumque in oppido Temro ubi fuerunt ancoritae et scribe multi quibus dux erat Dublitter).* Дублиттер, друг и единомышленник св. Маэлруайна, был аббатом новой обители калди Финглас к северу от Дублина, а наименования «отшельники» и «писцы» (в новозаветном смысле человека, сведущего в божественном законе) были излюблены реформаторами.

Очевидно, был заключен мир, ибо в следующий раз Доннхад повел войска на Лейнстер только в 794 году — по приглашению лейнстерско-го короля Брана Ардхенна, сына Муйредаха, чтобы помочь лагенам против мунстерцев. Бран был женат на Этне, дочери Доннхада, и наследовал своему двоюродному брату Руайдри в 785 году. В битве на Куррахе близ Килдара в 782 году Руайдри взял Брана в плен, а союзник Брана Мугрон, сын Фланна, король Уи Файльги, был убит. Женитьба Брана на дочери верховного короля, скорее всего, вызвала общее возмущение, так как в 795 году он вместе с женой, остановившись в Келл Куйле Думай (близ Страдбалли, графство Лейиш), принял смерть от огня. Это преступление **[184]** подготовил Финснехта Четырехглазый *(Cethardercc)* из рода Уи Доннхада, который по праву стал королем провинции.

В ходе правления Финснехты подчиненное положение Лейнстера проявилось со всей очевидностью. В 797 году верховным королем стал Аэд, сын Ниалла, король Айлеха. В списках королей он известен под прозвищем «Посвященный» *(Oirdnide),* и, вероятно, он был первым королем Тары, возведенным на престол по церковному обряду. Первое сообщение о христианском посвящении ирландского короля в действительности относится к событиям, происходившим за пределами острова, когда святой Колум Килле рукоположил Аэдана, сына Габрана, в короли Дал Риады в VI веке. Биограф святого Адомнан называет «богопосвященны-ми» также верховного короля Диармайта, сына Керрбела, и Освальда Нортумбрийского, однако туманность этого сообщения говорит о том, что Адомнан больше заботился о распространении идеалов христианской королевской власти, чем о предельной точности. В течение VIII века представление о том, что королю требуется церковное посвящение, определенно стало приобретать все большее распространение. В *Англосаксонской хронике* привычная формула вступления на престол *feng to rice* («взял

королевство») иногда заменяется выражением *to cyninge gehalgod* («был посвящен в короли»). Этот обряд получил особый толчок после низложения последнего меровингского короля в Галлии и последующего помазания Каролинга Пиппина, произведенного святым Бонифацием в 751 году. Эту церемонию в 754 году повторил в Сен-Дени сам Папа Римский. Посвящение помазанием, основанное на ветхозаветных образцах, сообщало необходимую харизму выскочкам, которые не могли, подобно Меровингам, похвалиться происхождением от племенных богов. Карл Великий провел помазание двух своих сыновей в Риме в 781 году точно так же, как сам он был помазан при жизни своего родителя. Новая мода стала быстро распространяться. В 787 году Оффа, король Мерсии, провел церемонию помазания над своим сыном Эгфридом, а в 795 году Эдвульф был посвящен в короли Нортумбрии в соборе св. Петра в Йорке. Еще в 786 году папские легаты в Англии упоминают в своем отчете Папе Адриану о «посвящении королей... выбранных священниками и старейшинами», и уточняют, что помазание имеют право принять только дети, рожденные в законном браке; кроме того, они осуждают как святотатство злоумышление на жизнь «помазанника Божьего». А в 793 году *Анналы Ульстера* сообщают о посвящении Артри в короли Мунстера *(ordination Artroigh maic Cathail in regnum Mumen).* Впрочем, следует отметить, что **[185]** ни в одном ирландском источнике мы не найдем явственного упоминания о помазании.

В 804 году в Дун Куайре, к северу от Энфилда на лейнстерской границе состоялось собрание старейшин Уи Нейллов *(congrecio senatorum nepotum Neill*). Бинчи предположил, что именно по этому случаю был «посвящен» Аэд, ибо на собрании председательствовал Кондмах, аббат Армы, и, согласно поздним источникам, именно на этом собрании верховный король освободил монастыри от обязанности выставлять отряды для его войска. Это опять-таки был животрепещущий вопрос. За 60 лет до этого св. Бонифаций, находясь в миссионерской поездке в Германии, писал Этельбальду, королю Мерсии, о недопустимости налагать на церковные земли «тройную повинность» *(trimoda necessitas*): выставления воинов, постройки мостов и укреплений, — и к концу VIII века статьи, оговаривающие освобождение Церкви от светских тягот, стали обычным атрибутом англосаксонских хартий.

Место проведения собрания не предвещало Лейнстеру ничего хорошего, так как Дун Куайр был обычным сборным пунктом войск Уи Нейллов перед нападением на провинцию. И на самом деле в том же году Аэд дважды за один месяц опустошал Лейнстер. Он не удовлетворился заверениями в покорности, которые он получил от Шинснехты, так как в следующем году он вернулся, сместил Финснехту и разделил Лейнстер между Муйредахом, сыном Руайдри, из рода Уи Фаэлайн и Муйредахом, сыном Брана, из Уи Муйредайг. До того он произвел подобный раздел в Миде между Конхобаром и Айлилем, сыновьями прежнего верховного короля Доннхада. Это беспрецедентное по своей решительности утверждение власти верховного короля ознаменовало зарождение нового способа политического воздействия, к которому часто прибегали в последующие века. Естественно, этот прием вызывал резкое неприятие, и в обоих случаях его применения успех Аэда оказался недолговечным. В Миде Конхобар вскоре убил своего брата и объединил королевство под своей властью; позднее он в свою очередь сделался верховным королем, восстановив права Кланн Холмайн на наследование престола после смерти Аэда в 819 году. Муйргес, сын Томмалтаха, король Коннахта, занятый расширением владений Уи Бриуйн за счет Киаррайге и других подчиненных племен в центральном Коннахте, враждебно относился к честолюбивым замыслам Аэда. В отрывке из хвалебного стихотворения, приведенном в анналах по случаю смерти Муиргиуса в 815 году, говорится, что он «помог сыну Келлаха из Курраха из Барроу на юге». Хронист открыто **[186]** заявляет, что в 806 году Финснехта «принял свое королевство» *(regnum suum accepit),* однако *Лейнстерская Книга* добавляет, что он вернул королевскую власть, нанеся поражение двум сыновьям Руайдри; несомненно, имеются в виду Муйредах и его брат Диармайт, предок поздних королей из рода Уи Фаэлайн.

Ранее, в 803 году Финснехта стал виновником смерти Энгуса, сына Мугрона, короля Уи Файльги, а в год возвращения Финснехты на престол преемник Энгуса был убит в своей крепости Ратанган, что вряд ли можно считать простым совпадением, учитывая нрав Финснехты и его стремление удержать в своих руках контроль над Килдаром. Именно в Килдаре в 808 году Финснехта скончался после мучительной болезни; его сестра Муренн умерла в звании аббатисы Килдара в 831 году, и по крайней мере два его брата, племянник и внучатый племянник занимали пост аббата в IX веке, а его правнук Муйредах объединил титулы короля Лейнстера и принцепса Килдара *(princeps Cille Dara),* согласно записи о его смерти в 885 году. Латинским словом рппсерх, по-видимому, соответствующим ирландскому званию *airchinnech* («эренаг»), обозначался аббат в функции землевладельца, и очень часто называемые так лица были светскими аббатами.

В 808 или 809 году Аэд Посвященный вновь напал на Лейнстер: он потерпел поражение на берегах Лиффи по сведениям *Анналов Инисфаллена* (возможно, именно по этой причине остальные анналы ни словом не упоминают об этом предприятии). После смерти Финснехты в Лейнстере началась междоусобная борьба: в 809 году раздор выспыхнул среди самих Уи Хеннселайг, а в 814 году Уи Хеннселайг потерпели поражение от сыновей Брана — вероятно, Келлаха и Муйредаха. Келлах стал королем только в 829 году, и королем Лейнстера в этом году, по-видимому, являлся другой Муйредах, сын Руайдри, из рода Уи Фаэлайн: смерть его брата Броена, *satrapa Lagenarum,* зафиксирована в 814 году. Муйредах, сын Брана, когда-то сделанный королем-соправителем Лейнстера Аэдом Посвященным, умер в 818 году и именуется «сокоролем Лейнстера» *(1eth-ri Laigin).* Очевидно, Конхобар, в том же году побежденный Келлахом, сыном Фогартаха, вассальным королем южной Бреги, был сыном правящего короля Муйредаха, сына Руайдри. Впрочем, возможно, записи в анналах, относящиеся к 818 году, расположены в неправильном порядке: между сообщениями о смерти «сокороля» Муйредаха, сына Брана, и о поражении Конхобара, сына Муйредаха, содержатся две записи, сообщающие об еще одном походе верховного короля на Дун **[187]** Куайр и о второй попытке разделить провинцию — на сей раз между двумя «внуками Брана». Мы можем только догадываться, о ком идет речь: Туатал и Дунлайнг, становившиеся королями во второй половине столетия, были еще слишком молоды. Вслед за этим мы узнацм, что чести эренага Келл Мор Энайр (Килмора близ Армы) нанесли урон лагены, убившие его заместителя. Вряд ли это может свидетельствовать о настоящем набеге лагенов на север до самой Армы, но, несомненно, в отмщение именно за это преступление верховный король разграбил Лейнстер в 819 году, опустошив Куаланн до Глендалу. Это было его последним деянием, занесенным в анналы, до его смерти в Ат да Ферта в Маг Конайлле на границе Ульстера.

Аэд Посвященный стремился выступать в роли защитника и рыцаря Церкви, особенно если такая благочестивость совпадала с его политическими замыслами. В 809 году он нанес поражение уладам и разграбил страну от реки Банн до озера Стенгфорд-Аох в отмщение за надругательство над ракой св. Патрика, когда Дунху, принцепс Тулах Лисса (Туллилиск, баронство Иве, графство Даун) был убит перед ней в доме аббата, предположительно вследствие вражды между Дал Фиатах и Уи Эхах Кобо. Тем не менее жизненный путь самого короля не отличался белоснежной чистотой, и сам он дважды терпел от духовенства унизительные оскорбления своего достоинства. В 811 году община Таллахта объявила бойкот великому собранию верховного короля, Оэнах Тайльтиу, который оказался настолько действенным, что «туда не прибыло ни одной лошади и ни одной колесницы». Таким образом монахи выразили свое возмущение нарушением их «терманна» *(termann)* — области, пользовавшейся привилегиями церковного убежища. Возможно, во время безуспешного похода 809 года Аэд уступил и выделил богатое возмещение, которое было принято (хотя письменные памятники Таллахта IX века показывают, что калди очень щепетильно относились к вопросу о принятии даров от согрешивших светских лиц). Из документов Таллахта выясняется также, что между

колумбовским содружеством церквей, и особенно Ионой (Мун в Килдэре был колумбовской церковью), и калди существовали дружественные связи, но Аэд поссорился и с ними, когда в 817 году был убит Маэл Дуйн, сын Кенн Фаэлада, «принцепс» Рафо. До некоторой степени это событие может объясняться смертью Колмана, брата Аэда, убитого Кенел Конайлл двумя годами ранее. В любом случае представители общины Колума Килле явились в Тару и торжественно прокляли верховного короля. Кроме того, в 818 году Куану, аббат Лаута, **[188]** забрал мощи основателя этого монастыря святого Мохты и бежал в Мунстер, спасаясь от Аэда.

Каковы бы ни были недостатки Аэда Посвященного в качестве христианского монарха и верховного короля Ирландии (а заметка о его смерти на полях ирландской рукописи того времени, ныне хранящейся в Карлсруэ, свидетельствует о том, что по крайней мере некоторые рассматривали его как короля Гибернии, *rex Hiberniae),* он сумел продемонстрировать подлинное господство своей династии над Лейнстером. Когда его сын Ниалл Калле стал верховным королем, он в 835 году пошел в поход на Лейнстер и «назначил» Брана, сына Фаэлана, королем лагенов. Именно в Лейнстере в 841 году состоялось главное столкновение между ним и его грозным соперником Федлимидом, сыном Кримтанна, королем Кашеля.

Престиж Уи Дунлайнге еще больше понизился в 841 году вследствие основания постоянного поселения норвежцев в Дублине, которое время от времени усиливалось настолько, что подчиняло своему влиянию обширную территорию и угрожало соседним небольшим королевствам. На юге набеги норвежцев вверх по течению реки Барроу и впадающим в нее речкам натолкнулись на сопротивление со стороны новой силы. С 847 года до своей смерти в 888 году Кербалл, сын Дунлайнга, король Осрайге, искусно стравливал друг с другом соперничающие отряды викингов и принимал некоторые из них к себе на службу. Его дочери вышли замуж за норвежцев, и на протяжении периода относительного ослабления, которое постигло дублинское королевство после 873 года, Кербалл, по всей видимости, действовал в роли его покровителя и защитника. Под именем Кьярвал Ираконунг («Кьярвал король ирландцев») он значится в родословных множества ведущих исландских родов.

Поход Маэлсехнайлла, сына Маэл Руанайда, в 858 году, благодаря которому он стал первым верховным королем, получившим заложников от Мунстера, был также направлен против притязаний Кербалла в Лейнстере. Хотя в конечном итоге король Осрайге подчинился верховному королю и никогда не получил официального признания своей власти в Лейнстере, он помешал роду Уи Дунлайнге, сколь бы впечатляющим ни выглядело его могущество по сведениям списков королей, захватить полный контроль над провинцией. Вся натянутость и искусственный характер согласованных свидетельств списков королей относительно того, что представители династии Уи Дунлайнге по очереди наследовали друг от друга власть над Лейнстером, выходит на поверхность, если предпринять попытку определить точный порядок и продолжительность их правлений. В *Анналах* **[189]** *Улъстера* некоторые из них удостаиваются лишь титула вассальных королей. Так, Туатал, сын Маэл Бригте, вероломно убитый своими братьями в 854 году, и Руарк, сын Брана, в записи о его смерти, случившейся в 862 году, названы просто королями Уи Дунлайнге, а Муйрекан, сын Диармайта, убитый норвежцами в 863 году, был всего лишь королем Нааса и Айртер Лифи.

Возможно, составители генеалогий при жизни Кербалла получили указание придумать для Осрайге лейнстерскую родословную; однако они установили связь между двумя династиями в столь отдаленные доисторические времена, что образованные люди вряд ли воспринимали ее всерьез. Сын Кербалла Диармайт, ставший королем Осрайге в 894 году, по-видимому, спустя несколько лет был провозглашен королем Лейнстера и председательствовал на Оэнах Кармайн (в *Анналах Четырех Мастеров* под 894 годом содержится неправильная запись, сообщающая о том, что Диармайт провел Оэнах

Тайльтиу), однако его замыслы были расстроены союзом Кербалла, сына Муйрекана, короля Уи Фаэлайн, с верховным королем Фланном Синной.

На протяжении всего X века короли Осрайге пытались оспаривать королевскую власть над Лейнстером, а в 1036 году Доннхад Мак Гилла Патрик наконец сместил Уи Дунлайнге и был признан королем провинции. На самом же деле он всего лишь расчистил путь для возвращения Уи Хеннселайг. За 30 лет до своей смерти в битве с Конхобаром Уа Маэлсехлайнном, королем Миде, в 1072 году Диармайт, сын Маэл-на-м-Бо, прочно установил господство этой династии и преподал своим потомкам опасный урок, доказав, что верховная королевская власть над всей Ирландией вполне достижима для короля Лейнстера.

Кербалл, сын Муйрекана, был последним королем из рода Уи Дунлайнге, пользовавшимся определенной известностью до правления своего правнучатого племянника Маэлморда, сына Мурхада, который падет, сражаясь вместе с Сигурдом, ярлом Оркнейским, против Бриана Боромы в битве при Клонтарфе. В *Лейнстерской Книге* мы находим несколько стихотворений в его честь, и среди них произведение, переведенное Майером под заглавием «Песнь меча Кэрролла». Предположительно, они были написаны его придворным поэтом Далланом мак Море и прославляют подвиги, многие из которых не находят удовлетворительного подтверждения в анналах. Однако образ Кербалла был окрашен в мрачные тона сочинителями, придумавшими трагическую повесть о Гормлайт, дочери Фланна Синны. Эта принцесса якобы была просватана за Кормака, сына **[190]** Куленнана, короля и епископа Кашеля, который из побуждений благочестия принял обет безбрачия; выйдя замуж за Кербалла, сына Муйрекана, она была вынуждена терпеть его непристойное злорадство и жестокие оскорбления после поражения и смерти Кормака; после смерти самого Кербалла в 909 году ей выпало недолгое счастье быть женой Ниалла Глундуба, героического верховного короля, павшего в битве при Айленд-бридже против дублинских норвежцев в 919 году. Патетический рассказ Коналла Магэгана в *Анналах Клонмакнойса* о том, что «после всех этих царственных союзов она просила милостыню от двери к двери, покинутая всеми своими друзьями и союзниками, и была рада помощи своих подданных», по-видимому, обязан своим возникновением скорее «множеству жалостливых и искусных песенок», сочиненных про нее поэтами поздних эпох, чем достоверным историческим свидетельствам. На самом деле во всей этой повести чувствуется сильная примесь непреходящего ирландского мифа о богине, являющейся одновременно в образе невесты королей и ужасной старухи. В анналах упоминается смерть Гормлайт в 947 году, но ничего не говорится о ее замужествах.

Верность, которую Кербалл хранил Фланну Синие, сыграла решающую роль в тот момент, когда верховному королю бросил вызов Мунстер. Битва при Белах Мугне в 908 году, в которой погиб Кормак, сын Куленнана, состоялась близ Лейлинбриджа в стратегическом проходе, ведущем в эту провинцию с юго-востока. Теперь уже всем было ясно, что в споре между Тарой и Кашелем окончательным победителем окажется тот, кто будет держать в своих руках Лейнстер. **[191]**

ГЛАВА IX

КАШЕЛЬ

Переходя к Мунстеру, мы оказываемся в несколько иной атмосфере. Во многих отношениях Мунстер является миром в себе. Алвин и Бринли Рис обратили внимание на его потусторонний характер, его тесную связь с образами женщин, колдуний, музыкантов и мертвецов, что позволило исследователям в функциональном отношении соотнести эту провинцию с кастой шудр. Хотя эти взгляды могут показаться натянутыми, в мунстер-

ской традиции существует определенная устойчивость, которая придает ей некоторое мифологическое, если не историческое, правдоподобие.

Таким образом, Мунстер, будучи аутсайдером и занимая место Иного мира в космологической системе, является зеркальным образом Ирландии. Мунстер также разделен на пять пятин, хотя озвучивающий эту доктрину текст относится к поздней эпохе и определяет границы территориальных образований в соответствии с границами епархий XII века: Киллало и Килфенора представляют Северный Мунстер или Томонд *(Tuadmumu);* Кашель, Оссори, Уотерфорд и Лисмор — Восточный Мунстер или Ормонд *(Aurmumu);* Аимерик и Эмли — Центральный Мунстер (*Medon Muman),* Корк, Клойн и Росс — Южный Мунстер или Десмонд *(Desmumu);* и, наконец, Ардферт или Керри — Западный Мунстер *(Iarmumu).*

Более распространенным было разделение Мунстера на две части, которые часто воспринимались как отдельные пятины. Подобное разделение — между Томондом, королевством О'Брайенов, и Десмондом, королевством Мак-Карти, — отражало политическую действительность XII столетия. В более раннюю эпоху самостоятельную политическую единицу составлял Иармуму, управляемый королем Лох-Лейнских Эоганахтов из Килларни, хотя король Кашеля теоретически являлся королем всего Мунстера. **[192]**

Часто можно встретить утверждение, будто Ульстер всегда обладал особым характером. Это верно, но то же самое можно сказать обо всех ирландских пятинах. С точки зрения современного националиста, худшей славой пользуется Лейнстер: именно лейнстерцы сопротивлялись Бриану Бороме и сражались на стороне норвежцев при Клонтарфе, и именно король Лейнстера привел норманнов в Ирландию. Мунстер, а особенно Западный Мунстер, также выделяется особыми чертами. Даже в доисторическую эпоху Западный Мунстер подвергался влияниям, отличным от тех, которые испытывала остальная Ирландия, и по мифологической традиции именно здесь располагается Дом Донна (*Tech Duinn),* бога-прародителя, к которому после смерти отправляются ирландцы.

Матери-богини играют в мунстерских мифах выдающуюся роль, а их имена запечатлены в географических названиях пятины. Можно вспомнить Айне из Нокани в Лимерике, резиденции Эоганахтов из Айне; Айбелл из Крайг Аиата в Томонде, которая в XVIII веке появляется в роли председательницы на «Полночном Суде» Брайана Мерримена; Ану, мать богов, сосцами которой назывались горы Папе на границе Керри. Горы Белых Женщин *(Sliab na mban Finn)* — Сливнамон к юго-востоку от Кашеля — известные в ранней литературной традиции под названием Сид за равниной Фемен *(Sid ol Femun),* были обителью Бодба, короля Племен богини Дану. Это еще один зеркальный образ: когда Племена богини Дану захватили Ирландию, они правили страной из Тары, центра королевской власти и в мифологической, и в псевдоисторической традиции, однако, потерпев поражение от Сыновей Миля, они переселились в жилища Иного мира, в горы, холмы и озера, и их король оказался в Мунстере.

Иногда женщины из Иного мира изображаются в человеческом облике и считаются женами королей. Таковы Айменд, дочь Энгуса Волга из Корко Лойгде, прародительница Эоганахтов и жена Корка из Кашеля, и Мор Муман, дочь исторического короля Западного Мунстера Аэда Бен-нана и супруга последующих королей Кашеля. Как показал О'Рахилли, их имена и функции свидетельствуют о том, что все они ведут свое происхождение от образа богини солнца.

Еще большей древностью и первобытностью веет от образа Старухи из Берри *(Caillech Berri),* которая до сих пор фигурирует в фольклоре и с именем которой связывают многие мегалитические памятники. Ее звали Дигде (варианты — Диге и Дуйнех), и, как говорят, «она проходила семь времен юности, так что каждый ее супруг умирал от нее в преклонных **[193] (Карта. Мунстер около 900 г.н.э.) [194]**годах, а ее внуки и правнуки стали племенами и народами» (*comtar tuatha ocus chenela a hui ocus a*

hiarmui). В генеалогической традиции она считается приемной матерью Корка Дуйбне, предка Корко Дуйбне с полуостровов графства Керри и зачатого в кровосмешении сына Кайрпре Муска, от которого ведут свой род разбросанные по обширной территории племена Мускрайге. Камни с огамическими надписями, в изобилии обнаруживаемые в Керри, позволяют утверждать, что Корко Дуйбне на самом деле считали своим предком женщину по имени Довиния. В стихотворении «Плач Старухи из Берри», которое многим ценителям представляется лучшим образцом древнеирландской литературы, искусно используются два ландшафта, составляющих основной стержень образности этого произведения: ландшафт одинокого острова Берри на юго-востоке и процветающая долина Фемен вокруг Кашеля на территории Мускрайге:

Как море в отлив, мелею;
меня изжелтила старость;
что погибающей — горе,
то пожирающей — сладость.

Мне имя — Буи из Берри;
прискорбны мои потери,
убоги мои лохмотья,
стара я душой и плотью. (...)

Взгляните на эти руки,
корявые, словно сучья:
нехудо они умели
ласкать героев могучих. (...)

Я слышу, море бушует,
холодная буря дует;
ни знатного, ни бродягу
сегодня к себе не жду я.

За волнами всплески весел,
плывут они мимо, мимо...
Шумят камыши Атх-Альма
сурово и нелюдимо. (...)**[195]**

Блаженна скала морская:
прилив ее приласкает,
отлив, обнажив, покинет —
и снова прилив прихлынет.

Лишь мне не дождаться, сирой,
большой воды — после малой;
что прежде приливом было
отливом навеки стало[52].

Ронана, о котором идет речь в стихотворении, вероятно, следует отождествить с Ронаном Мором, упомянутым в генеалогиях Мускрайге Трей-тирне, ветви брегонских Мускрайге к западу от Кашеля, который, скорее всего, жил в начале VIII века. По имени Старухи из Берри получил прозвище его правнук Донн Диге.

В соответствии со схемой разделения Ирландии на две приблизительно равные половины часть страны, располагавшаяся к северу от линии Дублин — Голуэйский залив, составляла Половину Конна *(Leth Cuinn).* Юг Ирландии образовывал Половину Муга *(Leth*

[52] Цит. по изданию: Поэзия Ирландии. Пер. Г. Кружкова. С. 39—40.

Moga), названную по имени Муга Нуадата, предка Эоганахтов. Имя Мут Нуадат означает «раб Нуаду», а сам бог Нуаду считался прародителем многих ирландских племен. Сложные имена, состоящие из элемента «Муг» и имени божества, часто встречаются в доисторической части южноирландских родословных, и в мунстерских, и в лейнстерских, но исчезают в христианскую эпоху. Впрочем, то же понятие стали выражать имена, в состав которых входят компоненты Mael «с тонзурой, почитатель», *Сё1е* «клиент, вассал» и *Gilla* «служитель», распространенные среди святых (ср. арабские имена, начинающиеся на Абд-).

Согласно воззрениям средневековых историков, во II веке н. э. произошел раздел Ирландии между Конном Ста Битв, предком коннахтов и Уи Нейллов, и Мугом Нуадатом (также известным под именем Эоган). В еще более отдаленную эпоху сходное разделение якобы произвели между собой Эремон и Эбер, сыновья Миля. По-видимому, эта теория возникла в VII или VIII веке для объяснения существующего распределения политических сфер влияния Тары и Кашеля. Мы видели, что она не соответствовала действительности в случае Лейнстера, который все **[196]** больше подпадал под влияние Тары и оказался под верховной властью Мунстера только при Бриане Бороме.

Впрочем, обозначения «Половина Конна» и «Половина Муга» можно истолковать и иначе: а именно, «половина вождя» и «половина раба», что, как говорит Мак-Нейлл, «по меньшей мере вызывает определенные предположения по поводу политического положения в древности». Сходную этимологию можно вывести из туманных традиций о королеве или богине Мугайн. Это имя часто появляется в составе географических названий и, как кажется, иногда смешивается с названием провинции Мунстер *(Mumu,* дат. п. *Muman).* В легенде о рождении Аэда Слане Мугайн выступает в роли второй жены верховного короля Диармайта, сына Керрбела, которая терпит унижения от Этне, главной жены Диармайта и матери его сыновей, но исцеляется от бесплодия с помощью святого Шинниана из Маг Биле и рождает ягненка без единого пятнышка, серебряного лосося и, наконец, Аэда Слане[53]. Согласно традиции, она была дочерью Конхрада, сына Дауи, из рода Уи Дуах в Осрайге. У другой Мугайн, дочери Фиахны Финда, короля Иармуму, было двенадцать сыновей: шестеро из них стали епископами и шестеро королями. Своего самого известного сына Куммене Фоту (Куммене Длинного), аббата Клонферта (592—662 гг.), она родила в кровосмесительной связи со своим отцом — очевидный случай королевского мифа, перенесенного на почву агиографии. Мугайн — это вышедшая из употребления форма женского рода от слова *mug* «раб», подобно тому как *rigan* или *rigain* «королева» — форма женского рода от слова *ri* «король».

Выражаясь более прозаическим языком, можно с уверенностью говорить о том, что Мунстер был по большей части отрезан от остальной Ирландии и образовывал отчетливо распознаваемую единицу во все периоды ирландской истории, хотя буферная зона Осрайге всегда пользовалась несколько двусмысленным статусом, а традиция, какова бы ни была ее историческая ценность, утверждает, что большая часть Томонда в графстве Клэр первоначально принадлежала Коннахту и была приобретена Мунстером лишь незадолго до начала исторической эпохи (и на самом деле, в административном отношении Томонд вновь был связан с Коннахтом в XVI и XVII веках).

Пробраться в Мунстер было нелегко. Войско, идущее с севера, должно было двигаться через Лейнстер и далее мимо Белах Габрайн в южной **[197]** части владений Осрайге, где проход охраняет доисторическая крепость на холме Фристон-Хилл. К северу преграду образовывали горы Слиаб Бладма (Сливблум), которую продолжали болота Оффали, по которым проходила граница мунстерских Эйле с лейнстерскими Уи Файльги и королевством Уи Нейллов из рода Кенел Фиахах с их подчиненным королевством Делбна Бетра. «Королевская дорога», известная как Шлите Дала, по-видимому, не очень-то подходила для военных целей. Монастырь Бирр стоял сразу же за мунстерской

[53] См. выше, с. 120.

границей в теснине, через которую провести войска было очень затруднительно (учитывая неразвитую систему снабжения того времени). Широкий путь в Мунстер открывала река Шеннон, но он не использовался для военных целей, пока викинги не открыли ирландским королям глаза на возможности простейшей морской стратегии. Учитывая продолжительность времени, которая потребовалась Уи Нейллам для укрепления своих позиций, вовсе не удивительно, что основные столкновения между ними и Кашелем (оставляя в стороне вымышленную псевдоисториками борьбу их предков) до VIII века были редкостью.

Насколько позволяют утверждать наши ограниченные свидетельства, можно считать, что Мунстер и Лейнстер в VII веке составляли культурную область Половины Муга. Южная Ирландия приняла новое римское исчисление Пасхи на Соборах в Маг Лене (пограничная равнина вокруг Дурроу) и Маг Айльбе (в Карлоу) около 632 года. Отсутствие сведений о юге в ранних анналах, вероятно, связано с самими пасхальными разногласиями, так как у нас есть много оснований полагать, что ирландские анналы возникли из пасхальных таблиц. Родиной первых анналов стала Иона, а Бангор стал возможным вторичным центром компиляции. Обе церкви были глубоко преданы «кельтской» пасхе. Из писем святого Колумбана, преподававшего в Бангорском монастыре (хотя он и был родом из Лейнстера), выясняется, что упорное нежелание северных церквей принимать римское исчисление Пасхи в немалой степени проистекало из гордости своими успехами в математике. Если южное духовенство не проявляло столь живого интереса к этой трудной науке, оно тем более охотно приняло римское установление и, с другой стороны, вряд ли взяло на себя труд по ведению анналов.

Тем не менее мы располагаем убедительными свидетельствами высокого уровня латинской учености в Мунстере VI и VII веков, в особенности в связи с церквами Аисмора и Клонтфертмуллоу. Трактат «О двенадцати проклятиях мира», в котором содержится пользовавшаяся большим **[198]** влиянием глава о справедливости королей, происходит именно из этой школы, которая также создавала произведения по библейской экзегезе и латинской грамматике. Даже древнеирландские генеалогические поэмы в отношении доисторических разделов опираются на труды Исидора Севильского, а археологические раскопки показали, что южное побережье поддерживало связи со средиземноморскими торговцами до VII века.

Конечно же, изоляция Мунстера была очень относительной. Странствующий ученый, монах или ремесленник мог с легкостью преодолеть пустоши, в которых погибла бы армия. В действительности северные границы провинции стали цветущим садом для монастырей: Клонмакнойс, Дурроу, Галлен, Рахан, Аиналли, Бирр, Роскри, Терригласс, Лоррха, Сейр-киеран и Клонфертмуллоу. Роскри, расположенный на Шлиге Дала, одной из пяти королевских дорог Ирландии, которые, по легенде, разошлись из Тары при рождении Кормака, сына Арта, столь прославился своим гостеприимством к путешественникам, что пуритане калди VIII и IX веков создали реформированную обитель в более аскетической местности Лох Кре в нескольких милях от большой дороги.

Любопытную черту церковной жизни составляет количество обителей, основанных святыми родом из Западного Мунстера в VI и VII веках по всему центру Ирландии, часто за пределами самого Мунстера — таких, как Клонферт на землях Уи Мане в Коннахте. Племена юго-западного побережья — Корко Лойгде, Корко Дуйбне, Киаррайге из северного Керри и поглощенные ими Алтрайге, вкупе с Корко Байскинд из западного Клэра — возможно, образовывали единый приморский союз племен. Хотя их родословные и не сводились к одной общей линии, иногда короли одного племени могли управлять другим, что предполагает тесный союз между племенами. Если это так, то они вполне могли контролировать устье реки Шеннон и тем самым держать в руках доступ к срединным областям Ирландии и Коннахту, который предоставляет эта река. Мо-Хуту из Рахана происходил из Киаррайге Луахра, святой Брендан из Клонферта и Ардферта — из Алтрайге, святой Киаран из Сайгира (Сейркиерана) — из Корко Лойгде, Финан Кам из

Киннитти — из Корко Дуйбне, Лайхтине из Ахад Ура в Осрайге — из Мускрайге, живших в Белах Фебрата в холмах между Лимериком и Корком, Мо-Луа из Клонфертмуллоу — из Корко Оха, племени из западного Лимерика, позднее подпавшего под власть Уи Фидгенти, а святой Брендан из Бирра происходил из загадочного подчиненного племени Корко Аулоймм. Эти святые выступают в качестве церковных поручителей прав племен **[199]** Западного Мунстера в любопытном трактате, к которому мы еще вернемся[54].

Возведение подобной монастырской империи не могло не вызвать определенных трений. Святой Карртах (иначе Мо-Хуту) был изгнан из Рахана (во владениях Уи Нейллов) в 636 году, «в дни пасхи» *(in diebus paschae),* и отправился на юг в земли мунстерских десси, где основал Лисмор. Клонмакнойс, по-видимому, был чем-то вроде важнейшего торгового центра для континентальной торговли до тех пор, пока викингский город Лимерик не преградил устье реки Шеннон. Расположенный в вассальном королевстве Делбна Бетра, чьи земли были бедны и болотисты, он тем не менее господствовал над самым легким путем в срединные области и в Лейнстер через эскеры[55], а также на запад в Коннахт. Хотя монастырю покровительствовали Уи Нейллы и короли Коннахта, он упорно сохранял плебейский характер, соблюдая традицию своего основателя св. Киарана «сына плотника», и с 638 года набирал аббатов из подчиненных племен со всей Ирландии, за примечательным исключением Мунстера. Враждебность Мунстера к Клонмакнойсу достигнет своего пика в IX веке — в правление Федлимида, сына Кримтанна.

Распространенные традиции, связывающие Мунстер с Северной Ирландией, засвидетельствованы архаическими генеалогическими стихотворениями VII века, возводящими происхождение некоторых мунстерских народов к ульстерским героям: особенно к отпрыскам легендарного любовного романа между Фергусом, сыном Ройга, и королевой Коннахта Медб. Естественно, эти «традиции» мало что могут предложить историкам — как говорит О'Рахилли, Фергус оказался подарком для составителей родословных, — однако они показывают, что в столь раннюю эпоху не только существовали общие наметки ульстерского цикла, но он был хорошо известен и популярен в Мунстере. Сходные свидетельства обнаруживаются в архаическом и крайне туманном правоведческом трактате, посвященном привилегиям поэтов и входящем в состав текстов, известных под названием *Bretha Nemed,* которые, как считается, происходят из Мунстера, но выказывают близкое знакомство с такими персонажами ульстерского цикла, как поэт Айтирне. Рассматривая традиции Тары, мы уже видели, что архетипический верховный король Конайре, сын Этерскела, считался предком мунстерских эринов, и в особенности Мускрайге, Корко Байскинд и Корко Дуйбне. **[200]**

Ранние источники по истории Мунстера скудны. До X века, когда *Анналы Инисфаллена* стали повествовать о местных событиях, наши знания зависят от тех крупиц информации о Мунстере, которые считали достойными сохранения северные летописцы. Конечно, существуют пространные генеалогические трактаты, но их сложно использовать в отсутствие хронологической основы, обычно извлекаемой из сообщений о смерти того или иного лица, содержащихся в анналах. Характерно также и то обстоятельство, что составители генеалогий приводят гораздо больше подробностей относительно менее значительных септов и вассальных племен, чем о великой династии Эоганахтов и ее ответвлениях. Рукопись XV века *Laud. Misc. 610,* которая частями воспроизводит утерянную Каптельскую Псалтырь, якобы составленную королем-епископом Кормаком, сыном Ку-леннана, содержит очень интересный материал в форме легенд о происхождении племен, датируемых VIII и IX веками. В других позднесредне-вековых рукописях сохранились, хотя и в искаженном виде, трактаты о взаимных обязательствах короля Кашеля и его вассальных племен *(Frithfholaid rig Caisil fria thuathaib)* —

[54] См. ниже, с. 246—247.

[55] Эскер — длинный узкий кряж ледникового происхождения. — *Примеч. пер.*

предшественники появившейся позднее *Книги Прав.* До нас дошли также генеалогические стихотворения, часть которых приписывается филиду Луккрету мокку Херай (Луккрету из Киаррайге), жившему в VII веке.

Бинчи настаивал на мунстерском происхождении некоторых древне-ирландских правоведческих трактатов, обладающих общими характерными чертами. *Bretha Nemed* (буквально «Суждения о священных или привилегированных (классах)») образуют крупнейшее собрание юридических текстов после свода *Сенхус Мор, с* учением которого по отдельным вопросам они порой существенно расходятся. Они уделяют много внимания привилегиям и характеристикам поэтов и других представителей ученого сословия и, по выражению Бинчи, очевидно происходят из недр поэтико-юридической школы. В согласии с их происхождением язык трактатов характеризуется вычурностью и намеренной туманностью. Таким образом, возможно, они отражают условия более архаического общества, в котором функции брегона еще не вполне отделились от функций филида. Впрочем, Бинчи считает, что в отношении датировки они не намного расходятся с другими правоведческими трактатами: они были определенно составлены в христианском окружении.

Наряду с пространным трактатом о правах и обязанностях поэтов в состав *Bretha Nemed* входят такие тексты, как *Bгetha Etgid* (так называемая «Книга Айкилла»), *Coic Conara Fugill* («Пять путей суждения»), **[201]** разбирающий процедуру, которую следует соблюдать в законных тяжбах, и «Завещание Моранна» *(Audacht Moraind*), которое мы уже цитировали в качестве древнейшего ирландского «княжеского зерцала»[56]. Этой же школе принадлежат некоторые сборники афоризмов, а также важный трактат о статусах *Uraiccecht Bec* («Маленький Учебник»), который интересно сопоставить с северным текстом, посвященным тому же предмету, *Crith Gablach.*

Uraiccecht Bec подчеркивает права тех людей, чей социальный и правовой статус, как у филидов, зависел от их искусства, а не от рождения и благосостояния: «человек лучше, чем его рождение» (*is ferr fer a chiniud).* «Есть два типа немед на земле, свободный немед *(soer-nemed)* и несвободный немед (*doer-nemed*). Свободные немед, которые существуют, суть люди церкви, правители, филиды, фении. Несвободные немед суть люди всякого искусства и ремесла. Причина, почему люди всякого искусства и ремесла (называются) несвободные немед, в том, что они служат свободным немед, но все же всякий является свободным, который получает свои права своим искусством»[57]. Слово *doer* в этом контексте, как и в слове *doer-cele* («несвободный клиент»), не означает буквально «несвободный»: оно используется в относительном смысле, в противопоставлении *soer* «знатный». Привилегия приобретается благодаря искусству. Цена чести (dire), равная цене чести низшего слоя знати *(aire deso),* предоставляется «умелому строителю дубовых домов» и «прилежному строителю кораблей и лодок и обтянутых шкурами лодок и судов, который умеет делать все эти суда», а также строителю мельниц и умельцу резьбы по тису. «Чье искусство одно, у того и *dire* одно. Чье искусство разнообразно, того и *dire* разнообразно. Оно увеличивает привилегию». Низший статус, соответствующий статусу преуспевающего свободного общинника (*boaire*), дается «строителю колесниц, и плотнику домов, и красильщику тканей, и резчику, и делателю щитов», и еще более низкий, но все равно свободный статус «гончарам, и делателям оков, и чесальщикам шерсти, и рыбакам». Класс «несвободных немед» включает всех «ремесленников, и кузнецов, и медников, и лудильщиков, и врачевателей, и правоведов, и друидов».

«Арфист, то есть одно ремесло музыки, то есть обладает правом, пока он сопровождает знатных. Право первого боайре ему... Люди пения и **[202]** музыки, кроме

---

[56] См. выше, с. 35—37.

[57] Цит. по изданию: Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов. М., 1989. С. 48.

того, странствующие музыканты, и колесничие, и рулевые, и служители на пирах и в свите, и актеры, и жонглеры, и шуты и, кроме того, меньшие ремесла, в зависимости от чести тех, кто держит их, выплачивается за них дире. В ином случае у них нет своих привилегий».

В *Uraiccecht Bec* говорится: «величайший из королей король Мунстера» *(ollam uas rigaib ri Muman).* Симптоматично использование термина *ollam:* кое-где в древнеирландском его значение сузилось до смысла высшего уровня в ученом классе. В другом раннем трактате *Miadslechta* верховный король также зовется *ollam,* и в качестве примера этого словоупотребления цитируется строчка из архаического стихотворения, относящаяся к королю Коннахта: «тот не оллам, кто не возвеличивает пятину Айлиля, сына Мата» или «которого не возвеличивает пятина...» (*ni hollam nad coiced nAilello mac Mata mora).* Хотя Бинчи не причислял *Miadslechta к* трактатам *Bretha Nemed,* он далее прилагает слово, обозначающее второй ранг в иерархии поэтов, *anruth,* к высшему королю, занимающему промежуточную ступень в иерархии правителей: «Высокий *anruth,* он связывает, но не связан (то есть берет заложников, но не дает их), как, например, король эринов». Это утверждение согласуется с положением, которое, судя по мунстерским трактатам, занимали некоторые короли, номинально подчинявшиеся королю Кашеля, и может относиться к королю Корко Лойгде. *Uraiccecht Bec,* рассказав о короле Мунстера, говорит, что главный ученый крупного монастыря, «такого, как Эмли или Корк (Корках Мар Муман)», обладает такой же ценой чести, как и король.

В позднем прологе к «Пяти путям суждения» говорится, что этот трактат был написан во времена Катала, сына Фингуне, короля Мунстера (ум. в 742 г.). Гораздо более туманный правоведческий текст, дошедший до наших дней в виде фрагментов, *Cain Fuithirbe,* по словам поздних комментаторов, был написан во времена Фингуне, отца Катала (678—695 гг.). Автором его был поэт Амарген, сын Амалгада, сына Маэл Руана, из десси, которого мунстерцы отправили изучать фенехас *(fenechas)* и который вернулся с двенадцатью книгами, которые он затем переложил на стихи. Закон был обнародован на собрании, созванном неким королем Кормаком в Маг Фуйтирбе на границе графств Корк и Керри, который просил, чтобы название его королевства было вынесено в заглавие трактата. Хотя это может быть лишь легендой, трактат начинается стихотворным призывом, известным под названием *Ordbendacht Amirgin do rigaib Muman:* приветствием поэта, обращенным к королям Мунстера по **[203]** старшинству[58]. Из фрагментов этого стихотворения были извлечены следующие королевские имена: сам Фингуне упоминается несколько раз, за ним следует «сын Маэл Дуйна», то есть Конгал, король Иармуму (ум. в 690 г.); Доненнах, король Уи Фидгенти (ум. 683 г.); Кумскрад, король Фир Маге Фене; Слебене, король Корко Дуйбне; Дунлайнг, король Уи Эхах[59]; и короли Корко Лойгде и Северных десси *(Deis Tuaiscirt),* чьи имена не сохранились. Поэтому в своем настоящем виде этот текст проявляет отчетливую связь с Западным Мунстером.

Эоганахты, правившие Мунстером до середины X века, разделялись на несколько септов, рассеянных по всей территории этой провинции. Кашельские Эоганахты, хотя и жили вокруг скалы Кашеля, резиденции короля провинции, не имели преимущественного права на занятие престола. В географическом отношении они были изолированной, самой восточной группой династии. Их ближайшими кровными родственниками были Эоганахты из Айртир Хлиах и Глендамайнские Эоганахты. Первые занимали западные границы Типперэри и контролировали важную церковь Эмли, покровитель которой Айльбе принадлежал к числу так называемых «до-патрикианских» святых. Более могущественные Глендамайнские Эоганахты располагались юго-западнее в районе

[58] Сравни употребление этого же слова *ordbendacht* «благословение по рангу» в саге о нахождении Кашеля, см. ниже, с. 217.

[59] См. Приложение II, табл. 14.

верхнего течения Блэкуотера близ Фермой; Глендамайн, от которого они получили свое прозвание, — это современная деревня Гланворт. Эоганахты из Айне Клиах, жившие в Кнокани (Кнок Айне) в графстве Аимерик, были близкими соседями Эоганахтов из Айртир Хлиах, обитавших в Голден Вейл, области, которая превратилась в настоящее убежище для полуисчезнувших племен. Несмотря на несколько изолированное положение, большим могуществом в Десмонде обладали Ратлендские Эоганахты из долины Аи: их правящий септ Уи Эхах Муман сам разделялся на роды Уи Аоэгайри, обитавший на западе, и Кенел Аэда, живший на территории нынешнего баронства Кинали между Корком и Кинсейлом; соседнее баронство Кинелмики получило свое название по имени еще одного септа Кенел Бекке. На крайнем западе в Килларни, управляя областью Иармуму (или Иарлухайре, область к западу от Слиаб Ауахра, гористой преграды между современными графствами Корк, Керри и Аимерик), жили Лох-Лейнские Эоганахты. **[204]**

Несмотря на теорию, согласно которой название Эоганахты обозначает происхождение от Эогана Мара, сына Айлиля Голое Ухо, или на самом деле от его деда Муга Нуадата, в действительности оно ограничивалось септами, происходящими от Коналла Корка, который якобы «нашел» Кашель в V веке. Впрочем, две влиятельные мунстерские династии — Уи Фидгенти и Уи Лиатайн — причисляли себя к Эоганахтам, хотя и не происходили от Корка. В одном генеалогическом трактате говорится, что Мане Мунхайн и Дайре Кербба, двоюродные братья Коналла Корка, были близнецами: в чреве матери они лежали спиной друг к другу, а между ними был майский жук, родившийся от семени друида Муг Ройта, «так что ни один из них не мог прийти на помощь другому». Уи Фидгенти в западном Лимерике и Уи Лиатайн в восточном Корке были отрезаны друг от друга враждебным, не принадлежавшим к корню Эоганахтов племенем Фир Маге Фене из Фермой, возводившим свой род к зловещему друиду, ученику Симона Волхва. Уи Аиатайн дается старшинство в трактатах о взаимных обязательствах *(Frithfholaid),* в которых говорится, что рат *(rath),* который им дает король Кашеля, — самый большой. Согласно одной из версий, Брессал, сын Аэда Тассаха, внук Эху Лиатана, был королем Мунстера (хотя это не подтверждается ни одним другим источником), и по его решению весь Десмонд отходил под опеку короля Ратленда в те времена, когда в Кашеле случалось междуцарствие. Уи Фидгенти произвели лишь одного довольно сомнительного претендента на королевский престол Кашеля — Олхобара, сына Фланна, аббата Инис Катайг (Скаттери Айленд), который умер в 796 году; он именуется королем только в *Анналах Улъстера*[60]. Предполагалось, что и Уи Фидгенти и Уи Лиатайн на самом деле принадлежали к народу Дайрине, как Корко Лойгде, и лишь позднее были включены в родословную Эоганахтов. В трактате об изгнании десси оба этих рода объединяются в одно целое и наряду с Ратлендскими Эоганахтами и Лох-Лейнскими Эоганахтами включаются в число «Трех Эоганахтов Мунстера».

Стандартный перечень «семи Эоганахтов» в генеалогических текстах выглядит так: Кашельские Эоганахты, Эоганахты из Айне, Лох-Лейнские Эоганахты, Ратлендские Эоганахты, Глендамайнские Эоганахты, Аранские Эоганахты и Эоганахты из Рос Аргайт. Это перечисление должно относиться к достаточно ранней эпохе, так как Аранские Эоганахты (или Эоганахты из Нинусса), жившие на островах Аран и соседней части **[205]** Баррена, а также Эоганахты из Рос Аргайт, вероятно, переселившиеся из северной части Осрайге в Ормонд, впоследствии исчезли с исторической сцены. В некоторых версиях перечня к названным выше добавляются Эоганахты из Айртир Хлиах, которые достигли статуса отдельной династии позже остальных своих сородичей. Айлиль, сын Катбада, которого якобы окрестил св. Патрик в Охтар Куйлленде в Уи Хуанах (Куллен на границе Аимерика и Типперэри), именуется в «Трехчастном Житии» королем Эоганахтов из

[60] См. Приложение II, табл. 16.

Айртир Хлиах. Это явный анахронизм, ибо он был племянником Коналла Корка и предком династии Уи Хатбад Куйлле, которая лишь позднее была вытеснена Эоганахтами из Айртир Хлиах, в V веке еще не существовавшими. Эоганахты из Айртир Хлиах дали Кашелю двух королей: это — Фергус Раздор, умерший в 583 году, и Кенн Фаэлад, внук Мугтигерна, аббата Эмли (этот пост занимали также его дядя Рехтарба и его сын Эоган), который умер в 872 году. Родословная Кенн Фаэлада в дошедшем до нас виде явно сфальсифицирована — в действительности родословная его династии прерывается уже в VIII веке[61]. Несомненно, они были поглощены своими соседями и родичами Эоганахтами из Айне подобно тому, как сами поглотили Уи Хатбад Хуйлле. В данный момент из-за отсутствия ранних летописных свидетельств чрезвычайно сложно проследить историю заселения области Голден Вейл (восточный Лимерик и западный Типперэри) различными племенами и династиями, которые последовательно управляли ей и продолжали населять ее после утраты власти. «Малые десси», Корко Оха и Арада Клиах в разные эпохи боролись против вторжений Уи Фидгенти и Эоганахтов в пределы этого богатого края, который никогда не становился центром реальной политической власти, но всегда оставался своеобразным призом победителю.

Генеалогические стихотворения, приписываемые Ауккрету мокку Хе-рай, образуют общий цикл, начиная со стихов *Cu-cen-mathair maith clann,* содержание которых составляет родословная Катала Ку-кен-матайра («Катала пса без матери») из Глендамайнских Эоганахтов, который управлял Мунстером с 662 года до смерти от чумы в 665 или 666 году. Это всего лишь изложенный в стихотворной форме список его предков вплоть до Адама, доисторическая часть которого целиком и полностью заимствована из лейнстерских стихотворений, приписываемых Ладкенну мак Бар-хедо. За ними следуют сходные стихи, посвященные Аэду Беннану из **[206]** Лох-Лейнских Эоганахтов, который умер в 619 или 621 году и которого некоторые считали королем всего Мунстера. Расхождение между датами его жизни и временем Катала Ку-кен-матайра можно объяснить тем, что ни один последующий король Иармуму до самого момента написания этих стихотворений не достигал столь высокого положения. Следующим упомянутым в наших источниках королем является Дунгал из Ратленда, сын Кайрпре Кларенеха: запутанное состояние его родословной позволяет сказать о нем только то, что он, вероятно, жил в VII веке. Фаэлгус, сын Над Фройха, который в этих стихотворениях представляет Кашельских Эоганахтов, жил на два поколения позже Ку-кен-матайра. Амалгайд, сын Энды, представляет род Эоганахтов из Айне: так как его сын Куан, умерший в 641 году, по общему мнению, был королем Мунстера, в то время как притязания на этот титул его отца оспариваются, сложно понять выбор Амалгайда поэтом. Уи Фидгенти посвящены два стихотворения: одно — Энгусу, сыну Нехтана, из Уи Хонайлл Габра, который умер в 636 году, и другое — Эоганану, сыну Крундмаэла, который был королем Уи Хайрпри и умер в 667 году[62].

Возможно, Ауккрет первоначально написал стихотворную генеалогию Катала Ку-кен-матайра и затем дополнил ее стихами, связывающими с его генеалогией родословные Аох-Лейнских Эоганахтов и Уи Фидгенти. Если мы примем подобную точку зрения, то мы можем также предположить, что части о Ратлендских Эоганахтах и Эоганахтах из Айне также являются подлинными. Однако тогда придется признать, что стихотворение, повествующее о родословной ничем не примечательного Фаэлгуса, было неловким добавлением, сделанным в IX или X веке, когда его потомки составляли ведущий септ Кашельских Эоганахтов. Карни на лингвистических основаниях отказывает в аутентичности всему этому собранию, составленному, по его мнению, в позднейшую эпоху в подражание лейнстерским стихотворениям, и считает, что Луккрет мокку Херай, автор архаической поэмы о происхождении Киаррайге от Фергуса, сына Ройга, жил в

[61] См. Приложение II, табл. 13.

[62] См. Приложение II, табл. 12—16.

конце VI или начале VII века. В таком случае для нас эти стихи важны только лишь тем, что они характеризуют взгляды историка IX века на относительное могущество разных ответвлений династии Эоганахтов. Одно стихотворение, написанное в сходной манере, появляется также в родословной Брана Финда, сына Маэл Охтрайга, короля десси, который был убит в 671 году, а еще одно четверостишие о том же короле **[207]** обнаруживается в средневековых трактатах о метрике в качестве примера архаического стиха.

Субстраты мунстерского населения поражают своим многообразием. В этой провинции традиции древних племенных групп, низведенных до статуса подчиненных племен *(aithech-thuatha)* и тем самым лишенных всяких политических прав, передавались в наиболее сохранном состоянии, так как очевидная раздробленность власти Эоганахтов позволяла племенам, которые в обычном ирландском окружении были бы всего лишь королевствами-данниками с местной автономией (*doer-thuatha*), пользоваться многими привилегиями и сохранять некоторый престиж. Три или четыре пограничных королевства владели обширными землями и были связаны с правящим домом небольшим объемом обязательств: Эли на севере, Осрайге на востоке и десси на юго-востоке. По легенде, «малые десси» *(Deis Becc),* ветвь последних, отвоевали Томонд у Коннахта в V веке, а к X веку их правящая династия Дал Кайс сумела почти безболезненно выхватить королевство Мунстер из ослабевшей хватки Эоганахтов: свой успех они подкрепили очевидно ложными выкладками, которые должны были доказать, что они происходят вовсе не от десси, но имеют общие корни с Эоганахтами, с которыми они в стародавние времена якобы пользовались равными правами на королевскую власть и поочередно управляли Мунстером.

Практический образец этой ложной теории, по-видимому, был заимствован из подлинной политической ситуации, сложившейся в Таре, где Кланн Холмайн чередовались с Кенел Эогайн на престоле верховного королевства; с VIII века сходное чередование (известное под техническим названием *selaigecht*) очевидно существовало в королевстве «малых десси» между Северными и Южными десси. Однако подобную теорию можно было также почерпнуть и в мунстерских генеалогических трактатах, утверждавших, будто в смутные доисторические времена Эоганахты (в те дни прозывавшиеся Дейргтине) делили королевскую власть с народом эринов по названию Дайрине, которых в историческую эпоху представляли Корке Лойгде, и «когда Дейргтине владели королевством, должности брегона *(brethemnus)* и танасе риг принадлежали Дайрине». Согласно туманным традициям, Осрайге когда-то управлялись королями из Корко Лойгде. Даже в XII веке им удалось создать свое небольшое королевство в диоцезе Росс, а в позднее Средневековье их владыки О'Дрисколлы играли важную роль, занимаясь морской торговлей, рыбной **[208]** ловлей и пиратством. Святой Киаран Сайгирский, покровитель Осрайге, происходил из Корко Аойгде; из «допатрикианских» святых он и святой Деклан Ардморский, покровитель десси, по-видимому, имеют наибольшие права на этот эпитет. Авторы Житий говорят, что св. Киаран родился на Клир Айленде у юго-западного побережья Корка, где впервые в Ирландии увидели крест.

Хотя традиция безнадежно запутана, по-видимому, мы можем предположить, что Корко Лойгде утратили власть над Осрайге в VI или начале VII века. Впрочем, источники Эоганахтов утверждают, что Осрайге был передан Мунстеру Лейнстером в качестве эрика за убийство Фергуса Раздора, короля Мунстера, в 583 году. Эти утверждения выглядят очень подозрительно и чрезвычайно похожи на очередную пропагандистскую доктрину, возникшую в ту эпоху, когда Осрайге настаивали на своих связях с Лейнстером в XI (или даже в IX) веке. Достаточно ясно, что Эли перешел в руки Мунстера в V веке от лагенов, когда те испытывали серьезнейшее давление со стороны Уи Нейллов. Некоторые из народов различного происхождения, известных как Арада Клиах и проживавших в северо-западном Типперэри, также имели лагенские родословные.

В пространной саге «Изгнание десси» рассказывается, что, будучи изгнаны из Тары и бродя по Лейнстеру, они наконец обрели пристанище в графстве Уотерфорд и южном Типперэри, дарованное им Энгусом, сыном Над Фройха, с условием выгнать с обещанных земель Осрайге и защищать мунстерские рубежи. Вряд ли эта сага имеет под собой прочное историческое основание. Мунстерские десси *(Deisi Muman),* название которых попросту означает «вассальные народы Мунстера», занимали единую территорию, идущую от юго-востока до северо-запада этой провинции, образовывая некое подобие союза с «малыми десси» восточного Аимерика и Клэра. Вероятнее всего, они составляли коренное население Мунстера и в действительности не имели связей с десси из Тары *(Deis Temro)* или «вассальными народами Тары». Схема расселения Мускрайге представляет собой сходную диагональную ленту, пересекающую Мунстер в обратном направлении от Нена в северном Типперэри (Мускрайге Тире) до долины верхнего течения Аи в западном Корке (Мускрайге Миттине) и прерываемую горизонтальными планками, образуемыми различными династиями Эоганахтов, которые властвовали над Мускрайге, вместе с тем предоставляя им особые права и привилегии. Всего было шесть или семь королевств Мускрайге, и, хотя они были отдалены друг от друга, по-видимому, у них был король всех племен Мускрайге, представлявший **[209]** их как единое целое пред лицом короля Кашеля. Более того, сами они в различных своих владениях выступали в роли верховных господ многочисленных подчиненных племен. «Малые десси» из графства Лимерик оказались под сильным давлением Уи Фидгенти с запада, а после того как в этом графстве поселились викинги, их ответвление Северные десси утратило свои земли южнее Шеннона и сохранило в своих руках лишь восточный Клэр, откуда в недалеком будущем под именем «Дал Кайс» им суждено будет выйти в ореоле победителей датчан, Уи Фидгенти и Эоганахтов. Это произойдет при Матгамайне, сыне Кеннетига, и его брате Бриане Бороме.

Учитывая природу имеющихся у нас свидетельств, представляется бессмысленным рассуждать о происхождении Эоганахтов. Название династии предполагает ее происхождение от божественного или человеческого персонажа, связанного со священным деревом тисом, и вызывает в памяти параллель с галльским «народом тиса», эбуронами, сокороль которых *(rex dimidiae partis Eburonum* «царь другой половины эбуронов») Катуволк отравился ягодами тиса, потерпев поражение от Цезаря. В легенде, рассказывающей об окончательном прекращении уговора о поочередном престолонаследии Эоганахтов и Дайрине, говорится о суждении, вынесенном Айлилем Голое Ухо, когда его сын спорил со своим молочным братом Лугайдом Мак Коном (представителем эринов, которого мы уже встречали ранее в саге о Кормаке, сыне Арта)[63] о том, кому из них принадлежит чудесный музыкант Шер Фи, сидящий в зарослях тиса. Фер Фи (изначально Фер И «человек тиса») был сыном Эогабула («тисовой ветви»); Эогабул был убит, а его дочь Айне похищена Айлилем Голое Ухо из сида Кнок Айне; Фер Фи стал яблоком раздора, с помощью которого Иной мир отомстил обидчикам. Другое ирландское название тиса *(ibur)* появляется в наименовании главной церкви Эоганахтов в Эмли (Имлех Ибайр, «болото тиса»). Сказочное Житие святого Фланнана из Киллало, написанное для Домналла Мора Уа Бриайна около 1162 года, рассказывает, как отец святого Тойррделбах (предок септа Уи Тойррделбайг из рода Дал Кайс и О'Брайенов) срубил старое тисовое дерево в Эмли, тем самым предвосхитив будущее низвержение власти Эоганахтов в Мунстере и победу Дал Кайс. Галльский бог войны Сегомон также фигурирует в ранних родословных этого рода, доисторический прародитель которого носит имя Ниа Сегемайн (Сегомон) «воитель Сегомона». Однако вовсе **[210]** не требуется постулировать новое нашествие кельтов из Галлии, чтобы объяснить происхождение династии, которая, как показывают все доступные нам источники, пришла к власти в V веке и вряд ли возникла как таковая задолго до этого времени. Эоганахты, несомненно,

[63] См.выше, с. 83.

произошли от кельтского населения, уже давно расселившегося на мунстерской почве. Впрочем, существует и вероятность иноземных влияний в том смысле, что они обязаны своим возвышением успешным набегам на римскую Британию и, возможно, раннему принятию христианства.

Мифологические традиции династии, по-видимому, вращаются вокруг Кнок Айне и области к югу в графстве Лимерик. С другой стороны, Мак-Нейлл обратил внимание на то, что некоторые имена, представленные в их доисторических родословных, засвидетельствованы в огамиче-ских надписях из страны десси в Уотерфорде. Ниа Сегомон обозначен как NETASEGAMONAS, Фер Корб упоминается в надписи в память некоего Катбарра: CATABAR MOCO VIRICORB, Лугайд Лайгае, возможно, появляется как LUGUDECCAS, Муг Корбб, вероятно, как MACORB, а Мейльге (который сам не включен в родословную, но был доисторическим королем Ирландии, якобы убитым Муг Корббом) как MELAGIA.

Огамические надписи раскрывают тесное взаимодействие между римской Британией и Ирландией. Огамический алфавит основан на латинском, хотя и приобрел вид черточек и точек. Самые густые скопления ирландских надписей наблюдаются во владениях Корко Дуйбне на полуостровах графства Керри и на землях десси в Уотерфорде. Они перебрались также и за море в Уэльс, Корнуолл и западную Англию, где иногда сопровождаются надписями, имеющими то же значение на бриттском языке или народной латыни. В Средние века еще сохранялась память об ирландских поселениях, образовавшихся в IV веке в этих частях Британии. Валлийские короли и святые Брихейниога (Брекнок) утверждали, что ведут свой род от ирландцев, и хотя короли Диведа в Юго-Западном Уэльсе постарались изъять чужеземный элемент из своей официальной родословной, в древнеирландской саге «Изгнание десси» содержится, по всей видимости, более близкая к истине генеалогия Тьюдуса ап Рейна (Теудос мап Регин), короля Диведа начала VIII века. Хотя десси и проживали в Лейнстере, в саге говорится, что один из их князей — Эохайд Аллмуир, сын Артхорпа, — переправился вместе со своими детьми через море в земли демедов (Дивед — в римскую эпоху территория племени деметов). Переписчик добавляет странное замечание, что «от них и род Кримтанна там». Судя по всему, это замечание относится к легендарным **[211]** завоеваниям, которые предпринял в Британии Кримтанн, сын Фидаха, король Мунстера или даже Ирландии, согласно генеалогиям, двоюродный брат Коналла Корка и брат Монгфинд, мачехи Ниалла Нойгиаллаха. Около 900 года Кромак, сын Куленнана, вставил в свой глоссарий древ-неирландских слов и имен (*Sanais Cormaic*) следующую запись:

«Муг Эйме *(Mug Eime)* — кличка первой комнатной собачки в Ирландии. Кайрпре Муск, сын Конайре[64], привез ее с востока, из Британии. Ибо в те времена, когда велика была власть ирландцев над британцами, они разделили Альбу меж собою на области, и каждый из них знал жилье своего друга, и ирландцы жили на восточном берегу моря не хуже, чем в Скотий (Ирландии), и их дома и королевские замки строились там. Потому и зовется *(inde dicitur)* Динн Традуи, то есть Дун Тредуе, то есть замок с тремя рвами Кримтанна Мара, сына Фидаха, короля Ирландии и Альбы и [земель] до Иктийского моря, и потому *(et inde*) Гласимпере-на-н-Гайдел (Гластонбери ирландцев), церковь у самого Иктийского моря. В той части находится Динд Мап Летайн *(Dind Map Lethain*) в землях корнийских бриттов, то есть Дун Майк Летайн *(Dŭn Maic Lethain),* ибо *mac* («сын») то же самое, что *map* по-бриттски. Так разделилось каждое их племя, так как было равное их число на востоке, и они владели этой властью долгое время после пришествия Патрика».

Таким образом, Уи Лиатайн (так как Летайн — архаическая форма имени Лиатайн) имели свои поселения в Корнуолле. В Ирландии они были ближайшими соседями десси, а одна огамическая надпись на территории Уотерфорда, позднее занятой десси, составлена в память CALUNOVICA MAQI MUCOI LITENI.

---

[64] Предок Мускрайге.

Традиции, запечатленные в сагах о Коналле Корке и нахождении Кашеля, демонстрируют несколько достойных внимания особенностей. Нет ни мифов, ни легенд о скале Кашеля, относящихся к языческой эпохе: по легенде, это место (несмотря на заметное положение, которое оно занимало в мунстерском ландшафте) было случайно обнаружено или чудесным образом открыто, а в самой повести, даже в самых ее архаических версиях, присутствует явный христианский оттенок. Даже название Кашеля (*caisel*) является заимствованным латинским словом *castellum,* и, хотя это слово приобрело в ирландском языке общее значение «каменный замок», мы вправе предположить, что впервые оно было использовано для **[212]** обозначения замка, построенного на скале Кашеля победоносными скоттами, которые своими глазами видели римские *castella* или вспомогательные крепости, подобные той, что была воздвигнута в Кардиффе для отражения их набегов на побережье Британии. Вместе с остальной добычей они принесли с собой начатки христианства, а также латинский алфавит. Несомненно, они привозили из Британии рабов-христиан, подобных тем, кто, по легенде, воспитал святого Айльбе Эмлийского.

В своде мунстерских генеалогий VIII века содержится уснащенная фольклорными мотивами версия повести о Коналле Корке. Раннеирландские героические саги обычно предпочитают в качестве посредников между этим и Иным миром персонажей более высокого уровня, таких как друиды, но в данном случае мы находим упоминания о ведьмах и гадании по руке, и это отличие может служить показательным примером самобытной природы мунстерской традиции:

«Ведьма Федельм, дочь Мойтайре из Корко Оха, была приемной матерью Коналла Корка, сына Луигтеха. В ночь, когда родился Корк, ведьма ночевала в доме короля Луигтеха. Его матерью была Болке Бен-бретнах из бриттов. Она была женщиной, слагавшей стихи поношения. К королю она обратилась с нерушимым требованием, чтобы он провел с ней ночь. В итоге был зачат Коналл, сын Луигтеха. Имя его приемной матери, однако, было Лайр Дерг[65]. Поэтому говорят „Корк, сын Лайр", и потому так зовутся Уи Майк Лайре[66].

Ведьма разоряла короля в Фемене, где находится Фертай Хонайлл („могильники Коналла"). Когда его мать разрешилась от бремени Корком, она отдала сына под защиту ведьмы Федельм, и потому именно она вырастила его.

Следующей ночью должен был собраться шабаш ведьм. Она спрятала мальчика за очагом под землей. В дом пришли ведьмы. Одна из них сказала: „Я не разрушаю ничего, кроме того, что под котлом". Огонь ударил в дитя и сжег ему ухо. Поэтому Корк, сын Луигтеха, был красным (*corc*). На следующий день некий предсказатель рассмотрел руку Корка, который был со своей приемной матерью. Он сказал ему: „Ты должен освобождать пленников, где бы ты их ни увидел и когда бы ты ни мог это сделать. Если ты это сделаешь, твой род прославится и будет носить твое имя. Твое первенство (*ordan*) состоит в том, что ты будешь так поступать"».**[213]**

Двоюродный брат Коналла Корка, бездетный Кримтанн, сын Фидаха, в этой саге представленный в роли короля Ирландии, усыновил мальчика. Позднее, когда жена Кримтанна оклеветала Коналла, он попытался убить его. Перед нами любопытный ранний европейский вариант интернационального фольклорного сюжета о Протее и Беллерофонте в форме, которую позднее использует Саксон Грамматик в истории о Гамлете. Кримтанн послал Коналла к королю пиктов в Шотландию с тайным огамическим посланием, вырезанным на его щите, которое мог понять один лишь пиктский король. Однако когда Коналл спал на пиктском берегу, на него натолкнулся один ученый, которого он когда-то спас из плена в Лейнстере, и, прочитав гибельное послание, изменил

---

[65] «Красная Кобыла» — видимо, прозвище Федельм.

[66] Общее название для восточных Эоганахтов.

надпись так, что Коналл был принят с почетом и женился на дочери короля. После смерти Кримтанна он вернулся в Ирландию «во времена Ниалла, сына Эху», который в этой саге не именуется королем Ирландии, что говорит о многом. Коналл благодаря своему богатству выкупил заложников в Таре, которых Ниалл обрек на смерть за убийство его сына. Он поселил заложников в Мунстере, где они стали предками Грегрейге, Корко Даула и Мендрайге: «король Кашеля обладает правом на три коровы от них со всем необходимым и кормом и полными правами над ними в отношении прерогатив верховной власти... Когда Корк пришел в Фемен, королевская власть Ирландии снизошла на него».

Литературная версия саги, составленная в X веке, заканчивается рассказом о нахождении Кашеля. Когда Коналл прибыл в Маг Фемин с тридцатью воинами, из-за сильной снежной бури он сбился с дороги:

«В тот день свинопас Аэда, короля Мускрайге, пас своих свиней. Той ночью он сказал Аэду: „Я видел чудо сегодня, в тех горах на севере. Я увидел тисовый куст на камне и узрел небольшую часовню перед ним и каменную плиту (*lecc*) рядом с ней. Были там ангелы, восходящие с плиты и спускающиеся на нее".

„Поистине, — сказал друид Аэда, — будет там жилье короля Мунстера вовеки, и тот, кто первым разожжет костер под тем тисом, от того пойдут короли Мунстера".

„Пойдем и разожжем его", — сказал Аэд.

„Подождем до завтра", — сказал друид».

Однако к скале случайно приходит Коналл Корк и разжигает костер для жены и сыновей. Наутро приезжает Аэд, приветствует его и дает Коналлу в заложники своего родного сына. Сага завершается такой этиологической моралью: **[214]**

«Заложник из Мускрайге был первым заложником, которого взял король Мунстера, и после этого они были освобождены и есть у них королева в Кашеле. Более того, свинопас, который был найден в Кашеле, была дарована свобода ему и его детям королем Кашеля, то есть без дани и без взыскания со стороны короля или управителя (*rechtaire*). И именно он поднимает крик королевства для короля Кашеля и получает от короля благословение и сразу получает одеяние короля».

В этой саге мы находим чрезвычайно любопытную амальгаму языческих и христианских элементов: священный тис, тотем династии, каменную плиту, на которой совершается обряд инаугурации, священного свинопаса, возводящего короля на престол, и библейский сюжет об Иакове в Вефиле (литургический текст, читавшийся при освящении церкви)[67]. Рисы показали, что в кельтской традиции свинья является животным, принадлежащим Иному миру: выпасом свиней занимались рабы, и законы запрещали князьям владеть свиными стадами. Созвучно мунстерской атмосфере и то обстоятельство, что здесь свинопас исполняет роль, которую в других частях страны играет филид. Интересной параллелью может служить королевство Дивед в Южном Уэльсе, так как в Мабиноги Придери, сын Пуйлла, господина Диведа, является свинопасом своего приемного отца Пендарана Диведа, а в Триадах он входит в число Трех Могучих Свинопасов острова Британии. Нельзя не вспомнить в этой связи об изобилии «рабских» имен среди первопредков, фигурирующих в мунстерской мифологии, — Муг Нуадат, Муг Нейт, Муг Лама, Муг Роит, Мугайн. Все эти языческие черты вскоре полностью ушли в тень из-за христианского характера, которым было проникнуто королевство Кашеля, особенно после того как в VIII веке короли Мунстера признали старшинство Армы.

Повесть о нахождении Кашеля сохранилась в виде самостоятельного трактата в двух версиях, которые были объединены в рукописном тексте. Первая часть датируется VIII веком и заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью, насколько позволяют неясности языка:

---

[67] Быт. 28. Иакову привиделся сон о лестнице с ангелами, восходящими и спускающимися по ней. — *Примеч. ред.*

«Корк, сын Лугайда, был в Катайр Этайн Тайрб и Темайр Эмин, которые находятся рядом, когда Кашель открылся Дуирдриу, свинопасу короля Эйле, и Куирирану, свинопасу короля Мускрайге. Они первые нашли Кашель, и леса Кашеля были желты в то время, и там было много корма. **[215]**

Свинопасы пустили своих свиней кормиться. Сон напал на них, и их свиньи спали три дня и три ночи. Так свинопасы увидели Корка, сына Лугайда, и слышали благословение, которое дал ему ангел. Им была показана череда королей Мунстера во всем ее величии, и срок каждого правления и их благоденствие и их мир. Достоинство королевской власти *(ordain in flatha)* — вот благословение, которое дал ангел.

„Благословение всемогущего Господа, который сотворил весь мир одним Своим Словом из его желтого основания.

Могущественное благословение благоденствия на юге всем вам, королям Кашеля: благословение правления, благословение скота, благословение победы, благословение в бою, благословение богатства, благословение для равнины, благословение для леса, совершенное благословение, благословение вина, прочное благословение, благородное благословение, крепкое благословение.

Благословение неба благословение облаков,
благословение земли благословение плодов,
благословение моря благословение рыбы,
благословение солнца благословение сана,
благословение луны благословение чина,
благословение пива благословение пищи,
благословение света благословение росы,
благословение мудрости благословение храбрости,
благословение ... (?) благословение плуга...

Благословение жизни — это непреложное благословение Господа всемогущего, пока ты хранишь Истину с разделениями милости, сильный Князь, который правит без начала без конца, который превыше вечного рассказа. Благословение всем вам, короли Кашеля".

Свинопас рассказал об этом своему королю, то есть Коналлу, сыну Нента Кона[68], так чтобы он мог получить место, в котором он видел видение. И пришел туда Коналл Корк, сын Лугайда. Он купил его у него. Так Уи Дуирдренн[69] имеют право на семь кумалов от короля Кашеля.

Вот короли Кашеля *(Hii sunt reges Caisil):* Корк, Над Фройх, Энгус, Эху, Федлимид, Дуйбгилках, Кайрпре, Федлимид, сын Тигернаха, Файльбе **[216]** Фланн, Фингуне, Катал, Куан, Маэнах, Ку-кен-матайр, Колку, Фингуне, Айлиль, Этерскел, Кормак, Катал — двадцать два короля[70]. Артри, Федлимид, Олхобар, Айлгенан, Маал Гуале, Кенн Фаэлад, Дунхад, Дуб Лахтна.

Таковы речения *(dicta)* Куирирана свинопаса во сне о благословении королей Кашеля, которое он услышал во сне: ...

[Далее следует короткая, но непонятная реторика.]

Ответил король и сказал: „Да утвердится Истина, да усилится Сила". *(Respondit rex et dixit: rob fir firthar, rob brig brigther.)*

Отвечал народ: „Аминь".»

Вполне возможно, это подлинные формулы, сопровождавшие обряд посвящения королей Кашеля. Благословение, написанное семисложным стихом, проникнуто языческим духом, с упором на плодородии и обращением к стихиям и Истине Правителя.

---

[68] Королю Эйле Дейскрит.

[69] Род потомков Дуирдриу.

[70] Названы лишь двадцать.

Но сочинил его христианин, как явствует из употребления самого слова *bendacht* «благословение», а также из выражений *ord-bendacht* «благословение сана» и *grad-bendacht* «благословение чина», составленных из латинских слов *benedictio, ordo* и *gradus.* Перечень королей первоначально завершался именем Катала, сына Фингуне (721—742 гг.), а остальные имена были добавлены писцом, трудившимся в конце IX века.

Второй текст, датируемый X веком, отличается более развернутым повествованием и отмечен влиянием патрикианской агиографии. В этой версии свинопас видит «клирика в белых одеждах с двумя поющими хорами над ним, символизирующими пришествие Патрика». Ангел принял на себя функции богини власти, разливая напиток «для каждого праведного князя, кто станет королем Кашеля». Корк разжигает на этом месте огонь, вбивает столбы для дома и готовит пир. Он посылает Куирирана позвать короля Мускрайге, и тот просит, «чтобы его преемник всегда первым призывался к королю Кашеля, и это было даровано ему; и он не знал, что Дуирдриу уже ушел, чтобы рассказать о случившемся». Дуирдриу говорит своему господину Коналлу, королю Эйле, о видении и пророчестве. Коналл недоволен, так как Кашель находится в его владениях, и отправляется на скалу, где находит Корка. Он принял пиво от Корка, и Дуирдриу поведал о своем видении.

«Затем король Эйле сказал: „Пусть Корк даст тебе награду за твой рассказ и за дарование ему благословения, которое произнес ангел". И Дуирдриу **[217]** дал ему благословение в Райт-на-н-Ирланн у поляны Кашеля, и он тут же был провозглашен королем. И Корк дал семь кумалов Дуирдриу: меч с рукояткой из слоновой кости, кумал брошей, кумал щитов, кумал ремней, кумал плащей, кумал лошадей и кумал одежды, и семь полос серебра на каждый кумал.

Долг Уи Дуирдренн произносить это благословение каждый год над каждым королем, кто наследует Кашель, и они свободны от всех остальных обязанностей по отношению к королю Мунстера в обмен на это; и король, над которым он произнесет это [благословение], не умрет насильственной смертью, если только будет соблюдать свои указания *(buada),* то есть будет следовать Истине и Милости[71].

Один король, над которым не было произнесено [благословение], Кормак уа Маэнайг, был убит во исполнение пророчества св. Патрика, который сказал, что лишь один король умрет насильственной смертью в Кашеле, из-за острия посоха Патрика, который вонзился в ногу Энгуса, сына Над Фройха, при его крещении в Кашеле».

Эти и другие подробности относительно крещения людей Мунстера, проведенного св. Патриком, были добавлены к истории из «Трехчастного Жития». По легенде, Корк поселился в Кашеле за 60 лет до крещения Энгуса. Кроме того, здесь устанавливаются размеры налога («крупицы крещения Мунстера Патриком»), который следовало выплачивать каждые три года в Арму: несомненно, это установление соответствует «Закону Патрика» *(Cain Phatraic),* объявленному в Мунстере Федлимидом, сыном Кримтанна, в 823 году и, возможно, еще ранее Каталом, сыном Фингуне, в 734 году. Упомянутый выше Кормак уа Маэнайг, король Кашеля, был убит в 713 году в битве при Карн Ферадайг (Каэрнарри в графстве Лимерик) народом Северных десси.

В VII веке Тирехан сообщает, что св. Патрик крестил Энгуса и его сыновей «на скале Котрига» *(super petram Cothrigi*)[72] в Кашеле. В «Трех-частном Житии» мы находим долгое и обстоятельное повествование об этом событии. Когда однажды утром после прибытия св. Патрика Энгус проснулся, он обнаружил, что все идолы Кашеля лежат лицом вниз. За этим следует один из наиболее известных эпизодов в патрикианской агиографии: крестя короля, св. Патрик случайно пронзил заостренным **[218]** концом своего посоха его ногу, но Энгус не пожаловался, полагая, что таковы условия обряда.

---

[71] Следует отметить, как языческие представления были приспособлены к языку Псалмов.

[72] Котриге *(Cothrige)* — раннеирландская форма имени Патрик.

Тогда св. Патрик пообещал ему, что ни один из его преемников не умрет насильственной смертью. Кроме того, «никто не является королем Кашеля, пока наследник св. Патрика не посвятит его и не даст ему сана *(grada)*... И двадцать семь королей правили под посохом в Кашеле до времени Гусиной Головы из семени Айлиля и Энгуса». Энгус был предком Кашельских Эоганахтов, Эоганахтов из Айртир Хлиах и Глендамайнских Эоганахтов, а его брат Айлиль стал родоначальником Эоганахтов из Айне. Фингуне Гусиная Голова (Сепп *nCëcan)* был королем Кашеля с 896 года до своего отречения в 901 году. В 902 году он был убит представителями Кенел Конайлл из Кашеля, боковой ветви своей династии Кашельских Эоганахтов. Если не принимать во внимание спорные моменты в перечне королей Мунстера (а следует признать, что списки королей Кашеля очень противоречивы), то мы обнаружим, что Фингуне Гусиная Голова был двадцать седьмым королем после Энгуса; и единственный король, не происходивший ни от Энгуса, ни от Айлиля — Олхобар, сын Кинаэда (847—851 гг.), — признается всеми источниками[73].

Выражение «правили под посохом» неясно. В XVII веке Колган перевел его как «принявшие монашеский постриг» *(in monachos tonsi),* но, хотя несколько королей Кашеля имели духовное звание, это ни в коем случае не было правилом. Как мы видели, упоминание о «посвящении» Артри, сына Катала, в короли Мунстера в 793 году, упомянутое в анналах, отражает усиливающуюся тенденцию той эпохи к церковному посвящению королей, а не специфическую черту для Кашеля. Впрочем, вряд ли можно сомневаться в том, что короли Кашеля рассматривали свое служение как христианское по сути своей: в число их обязанностей, перечисленных в среднеирландском трактате о гейсах королей Ирландии, входит пение Страстей Господних в Великий пост в церкви Кашеля.

«Трехчастное Житие», вероятно, было написано во время правления Фингуне Гусиной Головы. В замечании, добавленном писцом позднее, между 927 и 939 годом, когда епископом и аббатом Армы был Иосиф, мы находим перечисление двадцати четырех должностных лиц, клириков и ремесленников, которые составляли дом Патрика: «и это число, какое по праву должно быть в доме[74] Иосифа; и это число, которое по праву должно быть вокруг стола короля Кашеля начиная со времен Федлимида, **[219]** сына Кримтанна, то есть короля двух Пятин Мунстера [820—847 гг.]». То же самое число появляется в гораздо более поздней заметке в генеалогических трактатах, датируемых временем возрождения власти Эоганахтов в правление Кормака Мак Карртайга, создателя Часовни Кормака:

«Так следует избирать королей Мунстера: двадцать четыре лучших главных советника в двух Пятинах Мунстера должны избирать его, как избирается германский император *(an tImper Almanach),* и его следует привести к Камню Котрайге (*lecc Cotraidi)* и к великой церкви Кормака *(tempoll mar Cotraidi*) и там провозгласить королем, и привести к Лис-на-н-Урланн и провозгласить также там».

МакКарти обладали непосредственными связями с Германией через обители ирландцев-бенедиктинцев (*Schottenkloster*); особенно тесные отношения наладились с монастырем св. Иакова в Регенсбурге, который стал материнским домом бенедиктинского монастыря Кашеля, для которого между 1127 и 1134 годом была построена Часовня Кормака: она была освящена в 1134 году. Димиций (Диармайт), аббат монастыря св. Иакова с 1121 по 1133 год, послал небольшую группу монахов, в которую, вероятно, входил его преемник Христиан Мак Карртайг, родственник Кормака, чтобы способствовать королю в этом предприятии, и когда Христиан стал аббатом в Регенсбурге, он основал дочерний дом св. Иакова в Вюрцбурге — городе, который имел давние связи с ирландскими церковниками и учеными со времен своего основателя св. Килиана, принявшего здесь мученическую смерть в 689 году, Вюрцбург, в свою очередь,

---

[73] См. Приложение II, табл. 11 и 12.

[74] Oentaid, буквально «единство».

установил приорат в Росс Карбери в Корко Лойгде, возможно, до 1148 года. Часовня Кормака являет собой первый и наиболее претенциозный образец романского стиля в Ирландии, и долгое время считалось, что в ней видны черты сходства с архитектурой Рейнланда, а также с архитектурой монастыря св. Иакова в Регенсбурге; впрочем, в последнее время было выдвинуто предположение, что ее непосредственным прототипом послужил собор в Кентербери, прелаты которого выказывали живой интерес к преобразованию ирландской церкви.

Собор, активно инициировавший это преобразование, был первым кашельским Собором, созванным в 1101 году под председательством Муйр-хертаха Уа Бриайна, короля Мунстера и верховного короля Ирландии «с протестом». По этому случаю Муйрхертах торжественно отдал Церкви место, на котором стоит Кашель, и на Соборе в Райт-Брессайле 10 лет спустя, когда для ирландской Церкви была впервые определена постоянная **[220]** епархиальная структура, Кашель был избран второй кафедрой митрополита, следующей по старшинству за кафедрой Армы. Когда Муйрхертах дарил скалу церкви, им двигали не только побуждения благочестия, но и соображения практического свойства, так как тем самым он рассчитывал лишить своих соперников Эоганахтов всякого политического престижа, вытекавшего из владения древней столицей. Грандиозные постройки, предпринятые Кормаком Мак Карртайгом, представляли собой попытку выжать максимум из создавшегося положения. Однако присутствие круглой башни X века на скале Кашеля говорит о существовании ранней церкви еще в те времена, когда Кашель был центром светской власти.

Привлекательным выглядит предположение о том, что *Книга Прав* была написана для зачитывания на Кашельском Соборе, когда Муйрхертах Уа Бриайн находился на вершине своей власти. Автор очень удачно использует христианский характер Кашеля в сопоставлении с языческой природой Тары:

«Княжеское достоинство Тары было уничтожено постом Патрика и его спутников против Лоэгайре, сына Ниалла, и постом Руадана из Лотры, сына Энгуса, со святыми Ирландии против Диармайта, сына Керрбела, и четырех родов Тары. И те святые пообещали, что не будет дома в Таре ни от Лоэгайре, ни из рода Ниалла, пока не будет из рода Айлиля Голое Ухо».

Король Кашеля по праву и по обычаю должен быть верховным королем всей Ирландии. «Наследник Кашеля есть мирской владыка всех, как наследник *(comarba)* Патрика». *Книга Прав* не подразумевает лишения законных прав на верховную королевскую власть остальных королей пятин, но когда король Кашеля не является королем Ирландии, «он по праву господствует над половиной Ирландии, а именно от Дома Донна на западе Ирландии до Ат Клиата в Лейнстере»[75]. Краткое изложение саги о нахождении Кашеля составляет вступление к *Книге Прав,* однако в данном случае свинопасам является ангел, который отождествляется с Виктором, ангелом-хранителем св. Патрика. Он предрекает пришествие истинной веры и объявляет, «что достоинство и старшинство Ирландии всегда будет в этом месте. Поэтому оно стало святилищем Патрика и главным городом короля Ирландии. И долг и служба людей Ирландии всегда причитаются королю этого места, а именно королю Кашеля по благословению Патрика, сына Кальпурния». Сама *Книга Прав* завершается благословением, **[221]** которое св. Патрик дает людям Ирландии и которое представляет собой лишь слегка измененную версию написанного семисложным стихом благословения королям Кашеля из текста саги о нахождении Кашеля. Теперь ненадолго вернемся к повести о Коналле Корке, составленной в VIII веке, в которой мы не найдем ни слова о «нахождении» Кашеля. После того как Корк принял королевскую власть над Мунстером или же, на деле, над

[75] То есть от Дерси Айленда до Дублина.

Ирландией, его жена Айменд, дочь Энгуса Болта из Дайрине или Корко Лойгде[76], «увидела в Кашеле сон; то есть приснилось ей, будто она птица и сидит в гнезде и высиживает птенцов. Трое из них улетели в Южный Мунстер, а еще один в срединный Мунстер. После них вылетел птенец, который поселился к западу от них. Пятый остался в гнезде. Она рассказала свой сон друиду. Он сказал ей: „Это будет твой род. Пять будет число твоих сыновей. Шестой, а именно Кайрпре из Луахайра, который поселится к западу от них, будет сыном женщины из пиктов. В гнезде останется Над Фройх. Трое на юге — это Мак Касс, Мак Брокк [и Макк Иайр], а тот, что посередине Мунстера, — Дайг"».

В других генеалогических трактатах мы находим иные версии. Айменд приснилось, будто она родила щенков или волчат. Одного она искупала в вине (Над Фройх), другого в пиве (Мак Касс), третьего в свежем молоке (Мак Брокк), а четвертого в воде (Мак Иайр). Пятый сам пришел к ее ложу; она искупала его в крови, и он стал грызть ее грудь.

Политическая мораль очевидна, хотя вторая версия отражает несколько более позднее положение. Уи Майк Брокк и Уи Майк Иайр рано утратили сколько-нибудь существенное значение, и их статус символизируется непритязательными жидкостями, в которых искупались их предки; потомки Дайга впали в такое ничтожество, что поздний составитель генеалогий позабыл про них. Восточные Эоганахты возводили свой род к Над Фройху; Ратлендские Эоганахты в Десмонде находились несколько «на отшибе», но имели свою долю в «пиве владычества». Однако Аох-Аейнские Эоганахты, короли Иармуму или Иарлуахайра к западу от Слиаб Луахры, гористого хребта между графствами Корк, Лимерик и Керри, вызывали враждебное чувство у кашельских историков, не желавших признавать ни одного представителя этого рода королем Мунстера. Пребывание Коналла Корка в Шотландии (вероятнее всего, анахронистические воспоминания о подлинных подвигах в Римской Британии) объясняло **[222]** наименование Кайрпре Ауахра «пиктиком» (Кайрпре Круитнехан) в противопоставление его сводным братьям, мать которых происходила из древнего племени мунстерских эринов. Позднее, после IX века, когда шотландские пикты подверглись гэлизации, Коналл Корк оказался удобным и приличным предком для так называемых Эоганахтов из Маг Гейргинна (Мернса), Лемнайгов из Аеннокса и позднее для Стюартов. Все они якобы происходили от сыновей, которых он или Кайрпре оставили после себя в Шотландии.

В нашем трактате рассказывается о том, как Кайрпре приехал в Кашель с тридцатью всадниками. Купив лошадей на севере, он распряг их на земле Корка в соответствии с законной процедурой выдвижения притязаний на собственность. Однако, когда он убил управителя своего отца, Корк проклял его и изгнал в Западный Мунстер, хотя автор трактата вынужден признать, что в итоге он был похоронен в Фемене близ Кашеля. Затем Корк отдал звание управителя (*rechtairecht*) Иармуму Мане, сыну Кайрпре. Позднее эту должность унаследовал Дауи Иарлате, но он не платил Кашелю положенных выплат. Между ним и его двоюродным братом Энгусом, сыном Над Фройха, разгорелась война, и в конце концов Дауи стал королем всего Мунстера *(rethe Muman uile*), хотя это не подтверждается поздними списками королей.

Об Энгусе, сыне Над Фройха, мы узнацм, что он отдал острова Аран (всегда входившие в состав Мунстера в Средние века) святому Энде, однако в трактате нет ни слова о крещении, которое он якобы принял от св. Патрика. В образе Энгуса сохраняются многие языческие черты. Он проиграл тридцать сражений, пока не получил помощи от друида Бойнды; после этого он выиграл тридцать битв. Он не обращал лица на юг, а спал лицом на север и был похоронен (подобно Лоэгайре, сыну Ниалла, в Таре и его врагу, сыну Дунлайнга, в Муллагмасте) в вертикальном положении лицом на север «под ложем

[76] Энгус Болг был божественным предком народов эринов, которые первоначально назывались также Фир Болг.

королей в Кашеле». Это утверждение не только отражает очевидную враждебность между Мунстером и Половиной Конна, но и напоминает о любопытной мунстерской инверсии ценностей. Согласно ирландскому обычаю, северная часть дома всегда являлась почетной стороной, так что король обычно сидел лицом на юг. Рисы отмечали сходные установления в Исландии, в римской традиции (Нума при своей инаугурации смотрел на юг) и в *Аналектах* Конфуция.

О битвах Дауи Иарлате с Уайтни из области озера Лох-Дерг (которые, по-видимому, тождественны племени из Южного Коннахта, которое появляется у Птолемея под именем *Auteinoi)* речь идет в чрезвычайно **[223]** туманном отрывке, изобилующем фольклорными мотивами, а также техническими правовыми выражениями. В другом правоведческом отрывке трактата говорится о соглашении между Эохайдом, сыном Энгуса, сына Над Фройха, и его братьями. Оно получило название «куинделк» *(cuindelc),* и по его условиям сонаследники собственности удерживали доли как единое целое, при этом все наследство доставалось наследнику, пережившему остальных. Эохайд заключил такой куинделк с восьмерыми братьями и пережил их всех, унаследовав таким образом все имущество. Его брат Федлимид заключил сходное соглашение, но лишь с тремя братьями, и также унаследовал все имущество, пережив их. Так объяснялся тот факт, что родовое имение Кашельских Эоганахтов, происходивших от Федлимида, было значительно меньше, чем владения Эоганахтов из Айртир Хлиах и Глендамайнских Эоганахтов, ведших свой род от Эохайда. Сама эта история иллюстрирует этиологические методы, культивировавшиеся в генеалогических школах.

Следовало также придумать какие-то причины для объяснения недопущения Ратлендских Эоганахтов или Уи Эхах Муман к власти в самом Кашеле. Это объяснение определенно основывается на тонкостях ирландского права: по легенде, Корк поставил своего внука Эху управлять «конфискованными племенами» *(totha dilsiu)* после того, как его отец Мак Касс лишился своего наследия. Затем Корк забрал земли Эху (предположительно, те, что он должен был бы наследовать в области Кашеля) в возмещение за то, что он устроил его воспитание.

«Поэтому есть у нас выражение: „Любой потомок Эху, хоть он и может быть королем всего Мунстера, не пойдет в Кашель". Это же справедливо и в отношении Федлимида, сына Тигернаха. Он был королем Мунстера. Он не пошел в Кашель, но им был вырыт Бодумбир. Кумман, жена Кайрпре, после того как она пришла к Федлимиду после смерти Кайрпре, сочинила четверостишие:

Amra n-adamrae la nech
iadad Caisil frim da hech;
amra n-adamrae leou
iadad Caisil frim eochu.

Диво дивное для всех,
что закрылся Кашель пред моими двумя лошадьми;
диво дивное для них,
что закрылся Кашель пред моими лошадьми».

В других версиях это четверостишие приписывается Гоббану, «колесничему Федлимида, короля всего Мунстера». Крепость Бодумбир, очевидно, располагалась близ Каира в нескольких милях южнее Кашеля. Выражение **[224]** «вырыть» постоянно используется для обозначения сооружения земляных укреплений, точно так же как выражение «вбить (столбы)» относится к постройке дома. Окруженный тремя валами замок Гарранес в Южном Корке связывали с Ратлендской династией: по данным археологических раскопок, он датируется приблизительно 500 годом (то есть он был построен при жизни второго или третьего поколения, сменившихся после смерти Федлимида) и сохранил свидетельства торговых связей со Средиземноморьем. Большая крепость Карн

Тигернах, расположенная на полпути между Гарранесом и Кашелем и построенная, подобно многим другим ирландским крепостям, вокруг гораздо более древнего могильного каирна, возможно, носит имя отца Федлимида, хотя, вероятно, на несколько столетий его старше.

Легенда о происхождении Корка и его потомков завершается словами о том, что Кенел Ангсе (септ, неизвестный по другим источникам; впрочем, возможно, наш текст испорчен) не ходили в Кашель до «последнего времени», так как они не желали отдавать ничего из своей доли за брут риг *(brug rig* «земля короля»). Брут Риг фигурирует в качестве географического названия (Брури в графстве Лимерик), но в данном случае используется в функции имени нарицательного, обозначая ту часть земли, которую каждый туат отводил во владение верховного короля пятины. Мы знаем, что подобный обычай существовал в крупных владениях Ирландии XVI века, а упоминания о нем в столь раннем тексте показывают, что принцип верховного владычества уже достаточно устоялся, чтобы вторгнуться в автономию туата в таком чувствительном вопросе, как держание земли. Впрочем, Кашель принадлежит Кенел Эгнуссо майк Над Фройх («Роду Энгуса, сына Над Фройха»), так как Над Фройх был единственным из сыновей Корка, кто отдал бруг риг Кашелю.

Потому Корк сказал:

Bid cathir Nad Fraich,
Bid Nad Fraich tir chaich;
Int I bessa hai Cassel
Is he are-labrathar Mumain n-uili
(.i. bad Mumu huile ina gellsine).

Будет это город Над Фройха;
земля каждого будет Над Фройха;
он, кому принадлежит Кашель,
говорит за весь Мунстер.
(Глосса: «то есть весь Мунстер будет его вассалом».)

Тексты о взаимных обязательствах короля Кашеля и его вассальных королей дошли до нас в искаженном виде и все еще ожидают тщательного редактирования, но они проливают свет на природу государственного **[225]** устройства Мунстера в IX или X веке. В них говорится, что король Кашеля платил династическим и племенным королям жалованье (*rath* или *indarrad)* каждые 7 лет. Количество выплат исчислялось в кумалах — единицах стоимости, равных цене рабыни, — без какого-либо упоминания об изысканных дарах, перечисленных в *Книге Прав.*

Первыми упоминаются Уи Лиатайн. Они не дают заложников от себя, пока не собраны все остальные заложники Мунстера. Их король получает рат в тридцать кумалов, а их вассальный король Уи Майк Калле (баронство Имокилли, графство Корк) двадцать. Король десси получает пятьдесят кумалов, «ибо именно десси первыми установили королевство Кашеля». Король Фир Маге Фене получает двадцать кумалов и посылает в Кашель друида (как и подобает, ибо это племя считало своим предком друида); а также лучший человек племени должен сидеть в совете верховного короля (*i sanais la rig Caisil:* слово *sanais* «тайна» также появляется в заглавии глоссария Кормака, сына Куленнана, *Sanais Cormaic).* Король Дайрине или Корко Лойгде получает сорок кумалов, так как Дайрине владели королевством поочередно с Эоганахтами до времени Аугайда Мак Кона.

Король Ратленда не получал никаких выплат, но обменивался с королем Кашеля заложниками. Такое же положение занимали короли Уи Фидгенти, Иарлуахайр (Лох-Лейнские Эоганахты) и, по одной из версий, Томонда. Они не были даже обязаны ходить в военные походы с королем Кашеля, если только речь не шла о защите чести Мунстера от посягательств Половины Конна или лагенов. Более того, они утверждали, что их

короли имеют право на семь кумалов (то есть обычную сумму эрика) от короля Кашеля за свою военную службу, если вернутся домой живыми; если же они погибнут на войне, эта сумма выплачивается их преемникам; а если живым не вернется сам король Кашеля, заплатить должен его преемник. Каждый из них правит туатами в своей области во время междуцарствия. Если они принимают дары в качестве рата от короля Кашеля, они должны выплачивать ему определенные проценты, но по желанию они могут вернуть сами дары: иными словами, связывающие их узы верности подобны временному договору между «свободным» клиентом и его господином.

Король Мускрайге имел право на одну корову из каждой добычи, доставшейся королю Кашеля, и посылал трех мужей на совет короля, а его королева посылала трех женщин прислуживать королеве Кашеля. Сам он имеет право сидеть рядом с королем Кашеля, если не присутствуют **[226]** короли Уи Фидгенти, Иарлуахайра или Ратленда; их он приветствует, поднимая колено (знак уважения или почтения между равными). Мускрайге притязали на треть от любой плавщины, выброшенной на берег во всей Ирландии, «кроме части короля Тары», что довольно странно, так как ни одно из исторических королевств Мускрайге не имело выхода к морю. Каждый мужчина из рода Кайрпре Муска, способный сочинять стихи, имеет право на ранг оллама, а оллам (главный поэт) короля Кашеля всегда должен происходить из племени Мускрайге. Сходным образом брегон короля Кашеля должен быть из десси.

Другие подчиненные племена посылали королю служащих и ремесленников в соответствии со своими названиями или с легендами о происхождении: врачевателей от Дал Мугайде, арфистов от Корко Оха, бронзовых дел мастеров от Кердрайге, управителей молочным хозяйством (*rechtairi for blicht)* от Бойндриге, колесничих и всадников от Арада Клиах, героев от Уайтни, Орбрайге и Корко Атрах (последнее племя было подчиненным племенем, жившим рядом с самим Кашелем), шутов[77] и привратников от Коркомруад.

Некоторым королям полагались дополнительные выплаты «защитных» денег (*cumtach*) — очевидно, это сумма, которую выплачивал король Кашеля, если не приходил к ним на помощь в случае нужды. Сообщается, что она не выплачивалась Осрайге, так как короли произошли из их племени, и лагенам, так как Файльбе Фланн заплатил за них дань борому Уи Нейллам. Король Эйле получал рат в семь кумалов и кумтах в двадцать частей, как и король Арада. Треть последней суммы шла самому королю, а остальное разделялось поровну между людьми и церквами его королевства. Впрочем, в другом месте трактата говорится, что треть кумтаха Эйле шла Уи Дуирдренн, предок которых первым «нашел» Кашель. Король Кашеля назначал управителя, который собирал выплаты и дани с Ормонда (*rechtaire tobaig),* но от них освобождались Уи Майк Аайре (потомки Коналла Корка), десси и Мускрайге.

Видно с первого взгляда, что обязанности вассальных королей ограничены множеством исключений. Цель этих трактатов (которые, несомненно, по-своему носят столь же искусственный характер, как и поздняя *Книга Прав)* состоит скорее в выделении привилегий и прав племенных королей, **[227]** чем в подчеркивании власти их господина. В тексте не приводится никаких подробностей относительно дани, предположительно выплачиваемой племенами-данниками. Подлинная сфера владычества короля Кашеля ограничивается Ормондом: остальные высшие короли на юге и на западе признают его власть только на определенных условиях. Даже верность Мускрайге, не принадлежащих к роду Эоганахтов, столь же обусловлена особыми привилегиями, которыми они пользуются, сколь и могуществом верховного короля провинции. Особенно стоит отметить то обстоятельство, что в тексте без каких-либо оговорок говорится о возможных периодах междуцарствия.

---

[77] Слова *druth* «шут» и *drui* «друид» часто путаются в рукописях; возможно, в данном случае предпочтение следует отдать последнему варианту, так как название племени Коркомруад (первоначально Корко Мо-друад) означает «семя моего друида».

Считается, что в Темные Века Мунстер был самой мирной областью в Западной Европе. По существу, это — бездоказательное утверждение, основанное на молчании источников: из-за отсутствия ранних анналов остались незафиксированными ни мелкие междоусобицы, ни более значительные войны на юге Ирландии. Тем не менее составители мунстер-ских генеалогий и авторы династических пропагандистских сочинений подчеркивают миролюбивую природу кашельской королевской власти. Эти представления яснее всего выражены в легенде о происхождении Эоганахтов *(De bunad imthechta Eoganachta),* входящей в состав генеалогического свода *Laud.*

Очевидно, сочинитель был знаком с основным содержанием повести о сыновьях Миля, которая позднее получила развернутое изложение в «Книге Захватов Ирландии». По этой легенде, предки гойделов после долгих странствий по Египту и Скифии в конце концов добрались до Испании, откуда Эремон и Эбер, два сына Миля, привели их в Ирландию и стали соответственно предками династий Половины Конна и Половины Муга. Однако в своих целях автор придает повествованию особый поворот.

Корабли с сыновьями Эогана Тайдлеха (Блестящего), также известного под именами Муг Нуадат и Эоган Фитекках, после долгого плавания прибывают к Инбер Колптай в устье реки Войн. Мореплаватели заключают договор с мужами Ирландии, на которых произвело такое впечатление их богатство, что они согласились за соответствующую плату *(seta)* воспитывать сына Эогана Тайдлеха. Из текста нельзя понять, кто именно носит имя Эоган Тайдлех — отец или сын; говорится лишь, что мальчик «стал любимцем Ирландии». Он получил во владение три замка: один — близ Киннитти в Лейише, другой — на землях Киаррайге Луахра, и **[228]** третий — в землях Делбна, подчиненных Уи Нейллам. В каждом из них было подземелье *(fithecc),* и в каждом из них был прорицатель *(faith).*

«Однажды Эоган спросил одного из прорицателей: „Что случится с нами?" Прорицатель сказал: „Великий голод грядет для людей Ирландии". — „Когда он наступит?" — „Он наступит через три года; продай золото и серебро за пищу в тот год, и ты сможешь содержать четырех людей за пищу на троих". И после этого он спрашивал каждый год по очереди всех прорицателей. „Голод все еще близится: продай свою бронзу и свое железо за пищу, и ты сможешь содержать троих людей за пищу на двоих", — сказал второй прорицатель. Третий прорицатель сказал: „Продай свою одежду за пищу, и ты сможешь содержать двоих за пищу на одного"».

Когда наступил голод, люди Ирландии пришли к Эогану, прося о помощи, так как они воспитали его, иначе они нападут на замок. Эоган попросил перемирия на три дня, после которого они слишком ослабли от голода и не имели сил напасть. Затем он привел всех благородных мужей в свой замок и кормил простолюдинов *(daescurluag)* три года запасами со складов, спрятанных в подземельях трех замков. После этого они сделали сына Эогана Тайдлеха королем. От него происходят Эоганахты вследствие благословения, которое люди Ирландии дали ему за то, что он спас их от голодной смерти.

У династии Дал Куинн («племя Конна») происхождение иное. Спустя некоторое время на север Ирландии в местечко Трахт Делоссат прибыл «второй Миль Эспане». Некоторые говорят, что его люди числом 150 мужчин были теми, кто прежде остался в землях амазонок; по словам других, они оставались в Бригантин в Испании. Они вторглись в страну и захватили земли мечом. «Вот как они сперва захватили власть, и так будет всегда: силой они взяли владычество». Они поочередно разделяли королевскую власть на севере с коренными королями круитни до времен Конна Ста Битв, который одержал победы в ста сражениях. Однако круитни восстали против его внука Кормака, сына Арта, и Фиаху Арайде, предок Дал Арайде, изгнал Кормака из Тары. Тот отправился в изгнание в Мунстер, попросил помощи у Фиаху Муллетана и покорился Фиаху в Рафайнде (Кнокграффон в Южном Типперэри; очевидно, родина Эоганахтов до обретения Кашеля). Южная Половина Ирландии поднялась во главе с Фиаху Муллетаном и нанесла

поражение Фиаху Арайде в битве при Фохайрд Муиртемне. Кормак вернул себе королевство. Взамен Кормак отдал Фиаху Муллетану земли, которыми теперь владеют **[229]** Кианнахты, и Фиаху завещал их Коннле, сыну Тадга. Некоторые говорят, что Коннла получил эти владения после битвы при Кринне.

Таким образом, легенде о происхождении Уи Нейллов и битве при Кринне был придан умелый поворот, отдающий всю славу Фиаху Мулле-тану, сыну Эогана Мара. Кианнахты предстают в роли вассалов Мунстера, а не Кормака, сына Арта. Весьма вероятно, что эта повесть была составлена, если не сочинена, Кормаком, сыном Куленнана, когда Эоганахты предприняли последнюю попытку бросить вызов верховной власти Уи Нейллов. Конечно, в доисторический период врагами Дал Куинн на севере были улады, но наш автор принимает доктрину VIII века, подставившую на место уладов круитни или Дал Арайде.

Кроме того, прибытие «второго Миля Эспане» датируется эпохой Айлиля, Энгуса и Фиакка, трех сыновей Буана, сына Аоэгайре Бирнда, предка Осрайге. «Они первыми вбили столбы в Таре», то есть первыми обосновались на этом месте. Иными словами, даже Тара первоначально являлась уделом мунстерского королевства Осрайге. Это утверждение, возможно, возникло в виде протеста против успешного утверждения Маэлсехнайллом, сыном Маэл Руанайда, своей власти над Осрайге в 859 году. Имена Айлиля, Энгуса и Фиакка не фигурируют в сохранившихся родословных Осрайге (которые связывают Лоэгайре Бирнда с Дал Куинн), однако некие Энгус Осрайге, сын Имхада, и Фиакк, сын Имхада, называются доисторическими предками ульстерских Дал Фиатах.

Следует отдать должное ловкости составителя, сделавшего Эогана Тайдлеха первым «Милем Эспане». Его приключения описываются по образу и подобию истории Иосифа Египетского: эта параллель становится еще очевиднее, если привлечь к рассмотрению рассказ об Иосифе в сред-неирландском стихотворном изложении этого библейского сюжета в псалтыре *Saltair na Rann,* в котором обнаруживаются поразительные дословные схождения. Права Эоганахтов на власть опираются на богатство и благосостояние и последующую благодарность со стороны подчиненных племен — в отличие от Уи Нейллов, которые не знали иного права, кроме права меча. Эта картина согласуется с картиной, представленной в текстах взаимных обязательств *(Frithfholaid).* Этот трактат предусматривает постоянное разделение между Половиной Конна и Половиной Муга. Прибытие «второго Миля Эспане» ознаменовало наступление последней эпохи, «о которой было сказано так: власть будет принадлежать семени Конна и Мунстеру вовеки». **[230]**

ГЛАВА X

ПОЛОВИНА КОННА И ПОЛОВИНА МУГА

Мунстерцы считали короля Кашеля верховным правителем и почти не принимали во внимание верховного короля всей Ирландии до тех пор, пока игнорировать честолюбивые замыслы Уи Нейллов не стало невозможно. На протяжении VIII века Уи Нейллы беспрепятственно владели северной частью страны, и мунстерцы разработали учение о двух равных сферах влияния: Половине Конна и Половине Муга. Традиции Дал Куинн и Эоганахтов подверглись определенному выравниванию: гойделы пришли в Ирландию под началом Эремона и Эбера, двух сыновей Миля, от которых пошли северные и южные династии; время жизни Муга Нуадата совместили с эпохой Конна Ста Битв; Мут и Конн разделили между собой Ирландию по хребту Эскер Риада, который идет от Клонарда до Клонмакнойса; Айлиль Голое Ухо женился на Садб, дочери Конна; и Эоган Мар, и Арт, сын Конна, были убиты Лугайдом Мак Коном из племени эринов в битве при Маг Мукриме в Коннахте, и у обоих после их смерти родились сыновья, Фиаху

Муллетан и Кормак, сын Арта; таким образом, Коналл Корк жил в одно время с Ниаллом Девяти Заложников.

Равновесие не могло удерживаться долгое время. Преимущество, которым пользовалась Половина Конна даже в искусственной схеме ирландской предыстории, проявилось в том, что происхождение от Эремона стали приписывать лагенам и осрайге. Со временем в число потомков Миля стали включать и другие династии: ульстерские круитни получили в прародители Ира, сына Миля, а род Корко Лойгде стали возводить к Лугайду, сыну Ита, двоюродному брату Миля. В отрывке, первоначально представлявшем собой введение к своду генеалогий всех правителей Ирландии, составленному, вероятно, Кормаком, сыном Куленнана, Эбер идет первым, за ним следуют Эремон, Ир и Аугайд, сын Ита: таким образом, предки мунстерцев начинают и замыкают этот ряд. Впрочем, в некоторых **[231]** рукописях первым упоминается Эремон, в соответствии с доктриной, получившей официальный статус вскоре после смерти Кормака, по которой Эремон взял себе северную половину страны вместе с верховной властью.

Три короля Кашеля предпринимали серьезные попытки противостоять возрастающему влиянию Уи Нейллов: Катал, сын Фингуне (723—742 гг.), Федлимид, сын Кримтанна (820—841 гг.), и Кормак, сын Куленнана (902—908 гг.). Если Катал стремился всего лишь ограничить сферу влияния Уи Нейллов пределами их родной Половины Конна, то политическая обстановка вынудила Федлимида взять на вооружение понятие верховной королевской власти, изобретенное Уи Нейллами. Однако в конечном итоге перенести верховную власть над всей Ирландией в Мун-стер удалось не королю из рода Эоганахтов, а Бриану Бороме, сыну Кеннетига из рода Дал Кайс.

На всем протяжении противостояния Уи Нейллы владели инициативой как в географическом, так и в политическом отношении и в деле династической пропаганды. Слабость Эоганахтов отражается в беспорядочном состоянии, в котором находятся их письменные источники. Не многие списки королей согласуются друг с другом, а различные анналы, большинство которых было написано за пределами Мунстера, упоминают таких королей Кашеля, которых нельзя найти ни в списках, ни в синхронистических таблицах. Подчас очень сложно установить родословные отдельных королей, а генеалогия Кашельских Эоганахтов, септа, из которого вышло большинство королей Мунстера, поражает своей путаницей. Коротко говоря, Эоганахтам не удалось разработать «общепризнанную ложь», которая могла бы придать их притязаниям моральную опору, необходимую в глазах образованной публики.

Королевская власть в Кашеле в действительности представляла собой очень непрочное установление, действовавшее по правилам, свойственным архаической и племенной эпохе жизни ирландского общества. Генеалогия Кашельских Эоганахтов проявляет исключительное отсутствие династического единства. Эоганахты были разбросаны по всему Мунстеру, так что им было обеспечено господство над провинцией. Впрочем, хотя некоторым их династическим группам чаще, чем другим, сопутствовала удача в борьбе за престол короля пятины, любой влиятельный род мог принять участие в этом соревновании и надеяться на успех.

В VIII веке из рода Уи Нейллов выделились две династии, обладавшие явной гегемонией над севером и срединными областями страны. Сходные процессы наблюдаются и в других провинциях. Однако в Мунстере **[232]** не происходило ни подобного развития династического принципа, ни сопутствующего сплочения земель. Широкое географическое распространение Эоганахтов находит визуальную параллель в генеалогических таблицах[78]. Чужаки никогда полностью не лишались права стать королями провинции — в X веке Флатбертах, сын Инманена, происходивший из Мускрайге и потому вовсе не являвшийся членом рода Эоганахтов, правил с 914 по крайней мере по 922 год. Можно считать, что это указывает на окончательный упадок

[78] См. Приложение II, табл. 11—16.

Эоганахтов до возвышения Дал Кайс в 964 году, но поразительное отсутствие какого бы то ни было удивления по поводу захвата в том году Кашеля Матгамайном, сыном Кеннетига, говорит о том, что он не столько узурпировал престол, сколько возродил пришедшую в упадок королевскую власть.

Характерным в этом отношении кажется то обстоятельство, что трактаты *Frithfholaid* рассматривают возможность междуцарствия в Кашеле с некоторым спокойствием. Противоречивые данные списков королей показывают, что подобные периоды междуцарствия были вполне обычным явлением. Сходное положение имело место и в других провинциях, даже в королевстве Уи Нейллов в Таре, но сам факт того, что они ретушируются официальными источниками, указывает на иное отношение к делу, в соответствии с которым теория непрерывного престолонаследия приобретала ореол неприкосновенности. Кроме того, путаница в генеалогиях вовсе не обязательно означает, что мы располагаем меньшим количеством правдивой информации относительно Эоганахтов (за исключением очевидной и прискорбной утраты, обусловленной отсутствием анналов): четкая картина, изображаемая родословными других королевских родов, также часто скрывает под собой гораздо более изменчивую действительность.

Некоторое время казалось, будто в Мунстере вот-вот установится определенный династический порядок. С начала VII и до середины VIII века королевский престол Кашеля вращался в компактном треугольнике династических групп, господствовавших над центральной частью провинции: Эоганахтов из Айне, Кашельских Эоганахтов и Глендамайнских Эоганахтов, обитавших соответственно в Восточном Лимерике, Кашеле и Северном Корке.

Регулярное чередование на престоле представителей трех этих родов предполагается в повести о Мор Муман, дочери Аэда Беннана из рода Лох-Лейнских Эоганахтов. Эта легенда отражает классический ирландский **[233]** миф о богине власти, которая спасается от старения или нищеты посредством брака с праведным принцем. Подобно многим мунстерским сагам, она проявляет черты сходства с интернациональным фольклором:

«Мор Муман была дочерью Аэда Беннана. Сначала она была заколдована. Обычно она доходила только до двери дома. „Горе тебе, Мор", — говорил голос сверху. Кроме того, ее искали короли Ирландии. Однажды она услышала, как голос сказал: „Горе тебе, Мор!" „Я бы предпочла, чтобы это случилось, а не постоянно обещалось". — „Должно ли это случиться в начале или в конце?" — „В начале", — сказала она. После этого помешательство овладело ей, и она перескочила через *liss*[79]. И неизвестно, куда она пошла.

Она бродила по Ирландии два года, одетая в рубище, обожженная солнцем и ветром. Наконец она пришла в Кашель, где королем был Финген, сын Аэда. Три дня она пасла его овец, а затем однажды она вошла с пастбища во дворец и опустилась у огня. Шинген хотел выгнать ее, но его жена (дочь короля десси) сказала, что ему нужно провести ночь с Мор, и предложила ему свою брошь, если он сделает так. Иначе она не будет спать с ним. Затем Мор сбросила свои лохмотья и пошла спать. Финген спросил ее, кто она, и тогда она сказала свое имя и пришла в чувство. Утром она поднялась, чтобы идти к овцам, но Финген удержал ее и отдал ей пурпурный плащ королевы и ее брошь. Он сказал королеве, что Мор останется в ее дворце, так как она выше ее родом. В тексте говорится также, что всякую красавицу в Ирландии сравнивали с Мор Муман.

Она осталась с Фингеном и родила ему сына, которого назвали Сехнассах. Затем Финген умер, и она отправилась к Каталу, сыну Фингуне, королю Глендамайна. Ибо центр королевства Мунстер находился одно время в Кашеле, другое — в Глендамайне и третье — в Айне; ибо все они — Эоганахты. Так она пошла к Каталу в Глендамайн».

---

[79] Вал крепости.

В этой легенде открыто не говорится, что затем Мор Муман отправилась к королю Айне, но она определенно должна была это сделать по логике сюжета. Финген, сын Аэда Черного, король Мунстера из рода Кашельских Эоганахтов, умер в 619 году, и его преемником стал Катал, сын Аэда Фланда Хатраха, из рода Глендамайнских Эоганахтов, который умер в 628 году. Автор текста или поздний переписчик спутал его с его более знаменитым правнуком Каталом, сыном Фингуне. **[234]**

Положение вещей и ход событий, обрисованные в легенде, отнюдь не полностью соответствуют действительности: Каталу, сыну Аэда, на самом деле наследовал Шайльбе Фланн, брат Фингена, сына Аэда, а Эоганахты из Айне пришли к власти лишь после его смерти в 637 или 639 году, когда королем Кашеля стал Куан, сын Амалгада. Намек на это содержится в саге о Коналле Корке, а именно в отрывке, посвященном Кумма-ну, «который пришел к Федлимиду после смерти Кайрпре», тем самым символизируя переход королевской власти к Федлимиду, сыну Тигернаха, из рода Ратлендских Эоганахтов после смерти Кайрпре Кромма, сына Кримтанна, из Глендамайнских Эоганахтов[80]. Анналы датируют смерть Федлимида, сына Тигернаха, 590 или 593 годом, однако не все признавали его королем Мунстера, как показывает рассказ о закрытии Кашеля перед его колесницей, а его место в списках королей в интересах Гленда-майнской ветви отдали его тезке Федлимиду, сыну Кайрпре. Легенда также оставляет без внимания правление Фергуса Раздора из рода Эоганахтов из Айртир Хлиах, который умер в 583 году.

В саге о Мор Муман рассказывается, как Катал упрекал Мор Му-ман и ее сестру Руйтхерн за то, что они постоянно оплакивали смерть Фингена, после чего она пообещала забыть покойного супруга и любить живого. В *Анналах Тигернаха* после записи о смерти Фингена цитируется следующее четверостишие:

In Muma
re linn Fingen maic Aedha,
robdar lana a cuiledha,
robdar toirrtigh a treba.

Мунстер,
во времена Фингена, сына Аэда, —
были полны его амбары,
плодородны его усадьбы.

В *Анналах Инисфаллена* сходным образом приводится четверостишие, сложенное тем же размером, которое якобы произнесла Мор Муман после смерти Катала, сына Фингуне, в 742 году:

In tImblech
ro-saer Aidbe dia bachail,
is oen ina erdarcus
a ur dare tan Cathail.

Эмли,
который освятил Айльбе своим посохом,
одно, чем он знаменит, —
его прах на лице Катала.

Вовсе не обязательно считать это анахронизмом, если учитывать, что Мор Муман, вполне возможно, является олицетворением нестареющей **[235]** богини, в данном случае выступающей в традиционной роли «банши». Анналы фиксируют смерть Мор в 632 году. Вероятно, у Аэда Беннана на самом деле была дочь, с именем которой позднее стали связывать этот древний миф.

---

[80] См. выше, с. 224.

Легенда о Мор Муман повествует также о войне между сыновьями Аэда Беннана и сыновьями Катала:

«„Как вести это сражение?" — спросили мунстерцы. Если бы сыновья Катала вышли против сыновей Аэда, то они перебили бы друг друга, поскольку равны они гордостью. Поэтому сыновья Аэда пошли на восток на *echtar-thuatha,* то есть Осрайге, десси, Эйле, Мускрайге Брегойн, Айртер Фемин и Фир Маге Фене... Сыновья Катала обратились против Корко Аойгде, Корко Дуйбне, Киаррайге, Корко Байскинд и Коркомруад. В последующей битве победили сыновья Катала и преследовали побежденных от Инде Мор до Луахайр Дедад, а сыновья Аэда бежали от них на восток в Кенн Курриг».

Согласно этой легенде, главные противники избежали столкновения, ограничив основные враждебные действия территориями вассальных племен. Обозначение *echtar-thuatha*, буквально «внешние племена», в данном случае равнозначно более привычному термину *forthuatha*. В приведенном выше отрывке мы находим любопытное свидетельство реально существовавшего разделения Мунстера на восточную и западную квазипровинции.

В действительности успех, достигнутый тремя восточными династиями, которые на полтора столетия монополизировали королевскую власть в Кашеле, весьма умаляло существование Иармуму, имевшего фактический статус независимого высшего королевства. Мы видели, что в мифологической легенде о происхождении сыновей Коналла Корка отчетливо выражается враждебное отношение к Лох-Лейнским Эоганахтам. Аэда Беннана, предполагаемого отца Мор Муман, некоторые анналы, сообщая о его смерти в 619 или 621 году, называют королем Мунстера. Даты его кончины указывают на то, что он жил в одно время со своим зятем Фингеном, сыном Аэда. Верховное господство Кашеля над Западным Мунстером, скорее всего, носило исключительно номинальный характер в то время, когда династия Лох-Лейнских Эоганахтов находилась в зените своего могущества.

Катал, сын Фингуне, происходил из Глендамайнской ветви и в 721 году наследовал Этерскелу, сыну Маэл Умай, из рода Эоганахтов из Айне. В первый же год своего правления он совершил поход на Уи Нейллов, **[236]** разорив Маг Брег в союзе *с* королем Лейнстера Мурхадом, сыном Брана. Северный верховный король Фергал, сын Маэл Дуйна, немедленно дал понять, что он не считает Лейнстер законной частью Половины Муга, в том же году напав на эту провинцию в качестве подготовительного шага к большому походу 722 года, в ходе которого и произошла битва при Алмайне, где он нашел свою гибель. Как ни удивительно, Катал не принял никакого участия в этом столкновении, и, вероятно, в очевидно предвзятой записи под 721 годом в *Анналах Инисфаллена* все же содержится некоторая доля истины:

«Разорение Бреги Каталом, сыном Шингуне, королем Мунстера, и после этого он и Фергал, сын Маэл Дуйна, король Темры, заключили мир; и Фергал подчинился *(giallais)* Каталу. Ибо таковы были пять королей из мунстерцев, что правили Ирландией после Крещения, а именно: Энгус, сын Над Фройха, и его сын, то есть Эохайд, который правил Ирландией 17 лет, и Катал, сын Фингуне, и Федлимид, сын Кримтанна, и Бриан, сын Кеннетига».

Включение в этот перечень Бриана указывает на то, что отрывок был написан не ранее XI века. В синхронной таблице королей, которую писец рукописи *Laud Misc 610,* по его словам, заимствовал из «Кашельского Псалтыря», в параллельных столбцах называются: короли Тары начиная с Лоэгайре, сына Ниалла; аббаты Армы начиная со св. Патрика; и короли Кашеля начиная с Над Фройха, сына Коналла Корка. Здесь же мы находим утверждение, что Катал, сын Аэда Фланда Хатраха, который умер в 628 году, был королем Ирландии *(rex Hiberniae).* Подобные ретроспективные утверждения, конечно же, носят исключительно анахронистический характер. Однако если между Каталом и

Фергалом в 721 году был заключен мир, то неучастие Катала в битве при Алмайне объясняется само собой.

В последующие годы наступило относительное ослабление Уи Нейллов. На престоле верховного короля Ирландии быстро сменились два короля Бреги, а вслед за ними в Таре стал править Флатбертах, сын Лоингсеха (728—734 гг.), которому не удалось обеспечить передачу власти представителю Кенел Конайлл из-за возвышения Кенел Эогайн при Аэде Аллане. В 733 году Катал, сын Фингуне, воспользовался возникшим разладом и совершил очередной набег на Брегу. В ходе этого набега войско Катала было отбито от Тайльтиу королем Миде Домналлом, сыном Мурхада (который сам стал верховным королем в 743 году), но Катал нанес поражение Фолламану, королю Кланн Холмайн Бикк **[237]** (Кайлле Фолламайн), при Тлахтге. Сакральная природа обоих мест сражений говорит о многом, но, как показал Бинчи, эти свидетельства вовсе не обязательно предполагают, что Катал притязал на верховную королевскую власть над Ирландией и с этой целью стремился председательствовать на Оэнах Тайльтиу, которая к тому времени представляла собой всего лишь собрание Уи Нейллов под началом их высшего короля. Из данных анналов вытекает, что это были чисто военные столкновения, и, кроме того, мы не находим никаких упоминаний о проведении оэнаха, пусть даже о неудавшейся попытке такого рода. *Анналы Инисфаллена* вообще обходят эти события полным молчанием.

Если бы Катал стремился установить свою власть над всей Половиной Муга, он должен был бы подчинить себе Лейнстер, а именно этого ему сделать не удалось. В 732 году мунстерцы потерпели поражение от Аэда, сына Колгу, возглавлявшего войско Южного Лейнстера, а в 735 году состоялось более крупное сражение при Белах Эйле, в котором погибло много лагенов и еще больше мунстерцев, включая Келлаха, сына Фаэлхайра, короля Осрайге, а сам Катал едва избежал гибели. Так повествуют о событиях *Анналы Ульстера;* однако в *Анналах Инисфаллена* говорится, что Катал одержал победу над Фаэланом, королем Лейнстера. Судя по месту сражения, расположенному в стратегически важной области между Мунстером и Миде, граничащей с северо-западной частью владений лейнстерских Уи Файльги, главным агрессором, скорее всего, являлся король Осрайге. По данным наиболее достоверных источников, в то время самым могущественным королем в Лейнстере был Аэд, сын Колгу, и, возможно, Осрайге рассчитывали на его невмешательство в случае нападения на Фаэлана, его соперника из Северного Лейнстера. В последней записи под 738 годом сообщается, что Катал, сын Фингуне, напал на Лейнстер и взял заложников у Фаэлана, также захватив большую добычу. В том же году Аэд Аллан нанес сокрушительное поражение лагенам в битве при Ат Сенайг, закончившееся гибелью Аэда, сына Колгу, и Брана Бекка, так что *Анналы Тшернаха* нисколько не облегчают дело, ставя Брана на место Фаэлана и представляя его в роли короля, подчинившегося Каталу. Фаэлан умер «в юном возрате» в начале этого года. Катал вряд ли мог получить изъявления покорности от лагенов после столь решительного утверждения власти Уи Нейллов, как битва при Ат Сенайг[81]. В общем и целом проще всего отнести эту запись к началу года до **[238]** смерти Фаэлана: усилия Катала могли послужить дополнительным поводом для нападения Аэда Аллана.

В 737 году анналы лаконично упоминают о встрече *(dail)* Аэда Аллана и Катала, сына Фингуне, в Терриглассе *(Tir-da-glass).* Нам ничего не известно о том, что произошло между ними, но сразу же вслед за этим сообщением мы находим запись: «Закон Патрика овладел Ирландией» *(Lex Patricii tenuit Hiberniam).* По предположению Китинга, историка XVII века, это означает, что на встрече с верховным королем Катал формально признал верховенство церкви Армы. И хотя между двумя этими сообщениями вовсе не обязательно существует текстуальная связь, возможно, Китинг прав. В следующем столетии Федлимид, сын Крим-танна, покажет, что он полностью осознаит ценность

[81] См. выше, с. 175.

дружеских отношений с Армой. Сообщение о торжестве Закона Патрика *(Cain Patraic)* не имело бы особого смысла, если бы оно не затронуло Мунстер, а это, в свою очередь, должно было повлечь за собой формальное провозглашение Закона Патрика королем Кашеля. В 784 году в Мунстере был введен *Закон Айльбе,* и это событие, по-видимому, отражает попытку церкви Эмли изменить политический курс, заложенный Каталом. Довод, согласно которому Айльбе из Эмли был «допатрикианским» святым, был преднамеренно вымышлен и задействован в споре с Армой, но не подтверждается скудными традициями, повествующими об этом святом, который, скорее всего, жил в начале VI века. Составители Житий Айльбе дополнили его биографический материал более достоверными сведениями о жизни Киарана Сайгирского и Деклана Лисморского.

Вряд ли в ходе встречи между двумя королями велись переговоры о чем-либо, кроме разграничения сфер влияния. Аэд Аллан дал понять, что теперь Уи Нейллы объединены под властью сильного и честолюбивого короля, который больше не потерпит никаких набегов на срединные области. Он показал свою мощь, нанеся поражение уладам два года назад в битве при Фохайрте, и лишил ирландцев всякого повода сомневаться в том, кто является господином севера. У нас нет оснований полагать, что Катал признал Аэда Аллана верховным королем Ирландии: если тот факт, что встреча состоялась на мунстерской земле, о чем-либо и говорит, то о противоположном, однако Терригласс, вероятно, рассматривался в качестве относительно нейтральной территории, в каком-то смысле являвшейся представительством Лейнстера. И если Катал счел, что заключенное соглашение доставило ему гегемонию над всей Половиной Муга, то события 738 года должны были лишить его этих надежд. Уи Нейллы **[239]** вновь завладели инициативой, и Катал более не причинял им никаких неприятностей до своей мирной кончины в 742 году.

В поздние времена мунстерцы наделяли правление Катала, сына Фингуне, ореолом золотого века. В стихотворении «Завещание Катала, сына Фингуне» *(Teist Cathail meic Finguine),* содержащемся в *Лейнстерской Книге,* он именуется королем Мунстера, королем Коннахта, верховным королем Тары, верховным королем Ульстера, королем Кланн Хонла (Айргиаллы), королем десси, королем Клэра (Томонда), королем Айне и верховным королем Ирландии. Относительно его щедрости к поэтам говорится следующее:

Lucht admolta Cathucain
ond uair tictis una thir
nucu teigtis assa dail
arin ruirig batis rig.

Люди, прославлявшие Катукайна[82],
с того времени, как они вступали в его страну,
до того, как они покидали его собрание,
были королями для верховного короля.

Автор сатиры XII века «Видение Мак Конглинне» относит время действия к правлению Катала, а герой повести спасает короля от непрошеного присутствия демона чревоугодия. Сам Мак Конглинне изучал поэзию в Арме с восемью товарищами, одним из которых был Донн Фиах по прозванию Кайллех Берре (возможно, автор стихотворения «Старуха из Берри»), и еще Дуб-да-Туат, сын Стелена, историческое лицо. Дуб-да-Туат умер в 783 году, ему в некоторых рукописях приписывается поэма «Совет королю» («Если бы я был известным королем» — *Diambad messe bad ri reil).* Согласно другим источникам, это стихотворение сочинил некий Финген для Кормака, сына Куленнана, и с этой датировкой лучше соотносится язык текста. Поэт советует:

[82] Уменьшительно-ласкательная форма от имени Катал.

«...король, не держащий в своих руках заложников, подобен пиву в надтреснутом сосуде. Наставления Кормака пылкому Кайрпре Аифехарю были мудрыми: набег для взятия заложников — лучший способ испытать верность туатов.

Король из Половины Конна хотел взять дань с короля круглого Кашеля воинских отрядов. „Не давай ее, — сказал благородный Руа-дан, — лучше обречь себя на погибель, чем быть слабым и жалким".

Когда святой произнес свой совет, дух короля не был слаб; на пользу апостолу этой земли обратилось то, что заложники содержались в их родной стране». **[240]**

Святой Руадан из Аоррхи происходил из рода Эоганахтов; его монастырь, как и многие другие, располагался в пограничной области между Мунстером и Миде. По легенде, он проклял Тару и в связи с этим стал олицетворять враждебность к Уи Нейллам.

В лице Федлимида, сына Кримтанна, мы встречаем одну из самых загадочных личностей в ирландской истории. Король и священник, господин Половины Муга и претендент на верховную власть над Ирландией, благочестивый правитель, который торжественно провозгласил *Закон Патрика* в Мунстере и которого с благодарностью упоминает автор «Трехчастного Жития», друг калди, даже член их ордена, позднее считавшийся святым, прославленный воитель, живший в самую трагическую эпоху ирландской истории, когда викинги от опустошительных набегов перешли к обустройству постоянных опорных пунктов и поселений, Федлимид ни разу не обратил оружие против этих чужеземцев-язычников, но отметил свой жизненный путь сожжением и разграблением нескольких величайших ирландских монастырей — Килдара, Галлена, Дурроу, Клонферта и прежде всего Клонмакнойса; он захватил и жестоко обращался с аббатом Армы, дал аббату Корка умереть без религиозного напутствия в плену в Кашеле и в итоге погиб, настигнутый местью святого Киарана.

Разграбление церквей не входило в обычную практику ирландских князей, какими бы варварскими деяниями они ни отличались время от времени. Иногда правители на самом деле нападали на монастыри, но эти нападения отходили на второй план в связи со все возрастающей тенденцией монашеских общин прибегать к оружию в борьбе друг против друга. Впрочем, вследствие викингских войн отмечается учащение нападений светских лиц на религиозные обители. К XI веку церкви чаще становились жертвой ирландских королей, чем иноземных грабителей. Крупные монастыри, пережившие время невзгод, заручались покровительством местных князей и сооружали каменные здания и круглые башни, которые делали их излюбленными складами для богатств прилегающих земель. Королевское покровительство влекло за собой дальнейшую секуляризацию, и чем теснее церкви были связаны с интересами местных властителей, тем скорее они рассматривались в качестве законной добычи их врагами. Однако именно Федлимиду, сыну Кримтанна, принадлежит незавидная честь быть первым могущественным ирландским королем, применившим эту практику, и это при том, что скандинавское присутствиееще **[241]** еще не продлилось достаточно долго для того, чтобы разрушить традиционные нравственные устои ирландского общества.

Мы вынуждены оценивать мотивы и характер Федлимида, опираясь на удручающе скудное количество записей в анналах и репутацию, которую он приобрел в глазах следующих поколений. Эта репутация была надежной в Мунстере, где считалось, что он доказал свое право на престол верховного короля Ирландии. В XII веке Геральд Камбрийский принял эту версию за исторический факт. Как ни странно, в стихотворении о королях Мунстера, приписываемом Кормаку, сыну Куленнана, в котором признацтся справедливость заявлений династии Дал Кайс о том, что из их рода вышли семь королей Мунстера в доисторическую эпоху, имя Шедлимида вообще не упомянуто и заменено именем некоего загадочного Дуб Ройса. Дуб Ройс — это герой раннесреднеирландской саги, в которой он предстает современником Федлимида, но не является королем (хотя сага носит отчетливые черты сходства с мифом о короле и богине). В генеалогических

традициях династии Дал Кайс фигурирует Дуб Ройс, живший в гораздо более раннюю эпоху и ставший предком «малых десси», и было выдвинуто предположение, что это стихотворение упоминает претендента на мунстерский престол IX века из этой династии. Однако следует отметить, что у нас отсутствуют исторические свидетельства того времени о существовании подобной личности и мы вряд ли можем предположить, что Кормак поддержал бы его притязания. Вероятно, стихотворение было написано после смерти Кормака, так как историографы Дал Кайс часто использовали авторитет Кормака для придания достоверности своим фальсифицированным традициям. В другом стихотворении, приписываемом Кормаку, Федлимид упоминается как один из членов «Союза Маэлруайна».

Иногда Федлимид, сын Кримтанна, именуется епископом, но, по-видимому, это не соответствует действительности. Он был священником и был связан с движением калди. Он захватил аббатство Корк в 836 году и сел на аббатское кресло Клонферта в 838 году, но мы не знаем, был ли он аббатом во время своего вступления на королевский престол в 820 году и каковы были его ранние церковные связи. Избрание духовного лица королем Кашеля — поразительное явление, характерное для IX и X веков. Священнослужителями можно с уверенностью считать четырех или пятерых королей Кашеля. Кажется, духовного сана не носил Кормак Мак Карртайг (1124—1138 гг.), строитель Часовни Кормака, хотя в одном источнике он именуется «королем-епископом» *(rigepscop).* У нас **[242]** нет оснований ставить под сомнение хорошо обоснованное мнение исследователей о том, что вельможи-Эоганахты намеренно стремились избежать междоусобных распрей во время спорных выборов, избирая нейтрального кандидата, церковный сан которого требовал уважения и, кроме того, гарантировал, что он не составит угрозы законным притязаниям других семей, заинтересованных в престолонаследии. Однако в ту эпоху нельзя было быть полностью уверенным в том, что клирик принял обет безбрачия. Такой обет, как открыто утверждают источники, дал епископ-король Кормак, сын Куленнана, однако в одном отрывке упоминается жена Федлимида, сына Кримтанна, а у Кенн Фаэлада, внука Мугтигерна, короля Кашеля и аббата Эмли, был по меньшей мере один сын, Эоган, который позднее сам стал аббатом.

Олхобар, сын Фланна, аббат Инис Катайг (Скэттери-Айленд), который умер в 796 или 797 году, является единственным представителем рода Уи Фидгенти, севшим на престол Кашеля. Его отец Фланн, сын Эрка, умер в 762 или 763 году, будучи королем Уи Фидгенти, а его брат Скандлан был их королем до своей смерти в 786 году. Они происходили из западной ветви династии, Уи Хонайлл Габра, и питали наследственный интерес к церкви Инис Катайг[83]. Впрочем, у нас есть основания усомниться в том, что Олхобар когда-либо был королем Кашеля. «Посвящение» Артри, сына Катала, из рода Глендамайнских Эоганахтов в короли Мунстера фиксируется в 793 году, а так как он умер лишь после 821 года (хотя, очевидно, отрекся от престола несколько раньше), то притязания Олхобара, не подтвержденные королевскими списками, представляются крайне шаткими. Составители *Анналов Ульстера* могли ошибиться, спутав его с двумя другими князьями из рода Эоганахтов, носившими то же имя. Под 805 годом в *Анналах Инисфаллена* появляется сообщение о смерти Олхобара, сына Дуб-Индрехта, возможного наследника Мунстера *(rigdamma Muman).* Его титул *rigdamma* объясняется тем, что еще не так давно династия Эоганахтов из Айне, к которой принадлежал и Олхобар, наряду с двумя другими родами пользовалась преимущественным правом на занятие мунстерского престола[84]. Позднее в том же столетии в Кашеле правил некий Олхобар, королевское достоинство которого признанся во всех наших источниках. Будучи непосредственным преемником Федлимида, сына Кримтанна, он правил с 847 по 851 год и **[243]** также был церковником, аббатом Эмли. Он был сыном Кинаэда из рода Лох-Лейнских Эоганахтов и

[83] См. Приложение II, табл. 16.
[84] См. Приложение II, табл. 13.

пользуется почетным отличием, будучи единственным представителем западномунстерской династии, включенным без каких-либо оговорок в списки королей. Этот факт, взятый в совокупности с недавней потерей его родом власти над западными племенами, говорит о том, что на самом деле он был избран как нейтральный кандидат: характерно, что позднее ни один представитель династии Лох-Лейнских Эоганахтов никогда не пытался сесть на престол в Кашеле[85].

Родословная Кормака, сына Куленнана, ясно показывает, что он не входил во внутренние династические круги Кашельских Эоганахтов и занял кашельский престол в результате компромисса[86]. Легенды о нем, составленные в полуагиографическом ключе, подчеркивают, что он был религиозным человеком и ученым, не расположенным к мирским заботам королевской власти. Согласно этой традиции, его злым гением был аббат Инис Катайг, Флатбертах, сын Инманена, из Мускрайге, который наследовал Кормаку и который, насколько известно, является последним королем Кашеля, носившим духовный сан.

Поэтому вполне возможно, что Федлимид, сын Кримтанна, собственной персоной положил начало традиции совмещения церковной и королевской власти. Говоря о Лейнстере, мы встречали случаи, когда короли занимали монашеские должности в Килдаре и Фернсе, но это были короли, захватывавшие аббатства и сопутствующие прерогативы, а не аббаты, избираемые королями. Тем не менее такое совмещение постов является отличительной особенностью Половины Муга и ограничивается эпохой самых разрушительных викингских набегов, которые заставляли монастыри с особенным рвением искать королевского покровительства.

Заслуживают упоминания два других аббата-короля из Мунстера, жившие в X веке. Ребахан, сын Мотла, умер в 934 году, будучи королем Северных десси и аббатом Томграни (Туайм Грене). По всей видимости, он также был избран в порядке компромисса по образцу Эоганахтов, так как его правление ознаменовало собой переход от правления его династии Кланн Энгусса к правлению династии Уи Тойрделбайг, ставших неоспоримыми королями Дал Кайс при его преемнике Лоркане, сыне Лахтны, деде Бриана Боромы (Ребахан происходил из Уи Хернайг, а предыдущие три короля — из Уи Эхтигирн; и Уи Хернайг, и Уи Эхтигарн были **[244]** ответвлениями династии Кланн Энгусса). Кормак, сын Мотла, король мунстерских десси, также был аббатом Келл Мо-Аассе (Килмолаш в графстве Уотерфорд), а заодно и епископом, и «вице-аббатом» *(secnap,* буквально «второй аббат») Лисмора и «главным советником Мунстера». Его гибель от рук представителей септа десси Уи Фотайд Айхед в графстве Типперэри (баронства Иффа и Оффа) описывается как «мученичество» (*martra* — обычное обозначение насильственной смерти духовного лица) в *Анналах Инисфаллена* в 920 году. В то время десси особенно тяжело страдали от норвежских нападений, которые исходили из постоянной базы скандинавов в Уотерфорде. Кормак не давал обета безбрачия, так как его сын Фаэлан умер, будучи королем, в 966 году, а два королевских септа Уа Бруйкк и Уа Фаэлайн числятся его прямыми потомками. В *Анналах Инисфаллена* по вполне понятной описке он называется Кормаком «сыном Куленнана».

За исключением священнослужителей Олхобара, сына Кинаэда (847— 851 гг.), Кенн Фаэлада, внука Мугтигерна (859—872 гг.), и Флатбертаха, сына Инманена (914—922 гг.), а также недолго правившего Дуб-да-Байренна, сына Домналла, из рода Ратлендских Эоганахтов (957—959 гг.), все наследники Федлимида, сына Кримтанна, до прихода к власти Дал Кайс (964 г.) происходили из рода Кашельских Эоганахтов. Поэтому можно считать, что он установил фактическую монополию на королевство Мунстер для своей династии, хотя не оставил после себя потомков, которые смогли бы воспользоваться его успехом. Ни один из непосредственных предков Федлимида вплоть до Фингена, сына

[85] См. Приложение II, табл. 15.
[86] См. Приложение II, табл. 12.

Аэда (ум. в 619 г.), не был королем Кашеля, а наибольшую выгоду из создавшегося положения извлекли потомки брата Фингена, Файльбе Фланна (ум. в 637 или 639 г.)[87].

Нам неизвестны подробности возвышения Федлимида. Из анналов мы узнаём, что он стал королем Кашеля в 820 году. Артри, сын Катала, умер в следующем году, что предполагает его отречение от престола. Согласно одним спискам королей, Федлимиду предшествовал Тнутгал, сын Доннгала, вымышленная фигура, не зафиксированная в анналах. Он происходил из рода Кашельских Эоганахтов, но в отношении его родословной существует безнадежная путаница, и ни в одной из них не упоминается его отец по имени Доннгал, хотя в некоторых он именуется сыном Доннгуса, сына Доннгала. В других списках королей до Тнутгала появляется столь же загадочный Туатал, сын Артри; он был бы последним королем Кашеля из **[245]** рода Глендамайнских Эоганахтов, однако сходство его имени с именем Тнутгала заставляет нас предположить, что это фиктивный персонаж, вставленный в списки из соображений местного патриотизма.

У нас есть все основания считать, что к 820 году, когда на престол взошел Федлимид, королевство Кашеля находилось в упадке. В предыдущем столетии верховный король Доннхад, сын Домналла, из Уи Нейллов предпринял военный поход против Мунстера, который, хотя и не принес заметных успехов, по крайней мере обозначил агрессивный настрой Половины Конна. В 775 и 776 годах он совершил крупные и чрезвычайно опустошительные походы на Мунстер, и во втором случае привел в составе своего войска силы монастыря Дурроу. Верховный король, несмотря на общий успех предприятия, потерял нескольких братьев в походе 776 года, однако нам ничего не известно о мунстерских королях, участвовавших в войне. *Анналы Инисфаллена* обходят молчанием как эти события, так и последний поход, который совершил Доннхад в 794 году, помогая лагенам в войне против мунстерцев.

Основы, на которых Федлимид сумел возвести здание могущества своего рода в Мунстере, были заложены в предшествующий период, ставший свидетелем упадка династии Лох-Лейнских Эоганахтов. Их высшее королевство Иармуму распалось, когда вассальные западные племена изъявили свою покорность напрямую Кашелю. Это событие отражено в любопытном документе, сохранившемся в собрании генеалогий и легенд *Laud* и рассказывающем о Соборе, который был созван в Западном Мунстере, очевидно, в VI веке (хотя некоторые действующие лица на самом деле жили в VII веке):

«Мак Ардда, сын Фидаха, был королем Киаррайге Ауахра до самого моря. Он был воспитанником Киарана-мак-инт-сайра[88]. Затем Мак Ардда, и Киаран, и Брендан мокку Алтай держали совет. К ним пришел Мо-Хуту Ратин: он был сведущ в этом деле. Киаран сказал Брендану и Мак Ардде, что они должны заключить союз *(braithirse* «братство») с Корко Оха и всеми Мускрайге: „Трудные времена наступят для вас при верховном короле Луахайра и Лох Лейна". И после этого они заключили союз с окружающими туатами. И там были Брендан, и Финан Кам, и Нессан Корко Оха, и Лугайд мокку Оха, и Ааихтине из Ахад Ур. И тогда пришли Бренайнд Бирор[89] и Комган, наследник Айльбе, и они каждый в **[246]** отдельности заключили вечный союз с туатами. Скрепляющую клятву для Киаррайге произнесли Брендан и Мо-Хуту, для Корко Дуйбне — Финан Кам и Мо-Нессок[90], для Корко Оха — Мо-Луа[91], для Мусрайге — Мо-Лахток[92] и его наследник, для

---

[87] См. Приложение II, табл. 12.

[88] «Киаран-сын-плотника», то есть святой Киаран из Клонмакнойса.

[89] Святой Брендан из Бирра; в трактате постоянно смешиваются имена Бренайнд и Брендан и не различаются оба святых Брендана.

[90] Уменьшительно-ласкательная форма имени Нессана, основателя Мунгре-та (Мунгайрит) близ Лимерика.

[91] Уменьшительно-ласкательная форма имени Лугайда, основателя Клонфертмуллоу.

всех Куириги (?) — Бренайнд из Бирра, и для «внешних племен» *(forthuatha)* — Комган эренаг из Имлех Ибайр (Эмли).

Все эти святые скрепили вечный союз между этими народами (*cenela*) до Судного Дня. И тогда пришел Кримтанн Одор, король Иармуму, и сказал им: „Правда ли, что вы ущемляете нашу власть?"[93] Брендан из Бирра ответил ему: „На этом Соборе не будет иного короля, кроме Царя Небесного. И у туатов не будет иного владыки, кроме короля Кашеля". И два Брендана сказали Кримтанну Одору: „Не будут королями твои потомки до Судного Дня". А Бренайнд мокку Алтай сказал: „Ни один король Иармуму не будет править Киаррайге с дней короля, чье имя будет Маэл Дуйн, но Ирмуму (Западный Мунстер) будет свободен выбирать, какой бы король ни был в Кашеле из потомков Энгуса, сына Над Фройха, и именно он поставит короля над каждым туатом в Мунстере, и не должно быть короля на Севере, кроме короля Тары, и именно он должен поставить короля над каждым туатом в Половине Конна".

И тогда Мак Ардда и Шурудран отдали своих заложников Кримтанну, сыну Федлимида, королю Кашеля. И Мо-Хуту Ратин сказал: „Кто бы ни был королем Мунстера из Арай (?)[94]) мы1 будем верны ему, ибо мы — братья друг другу". Кримтанн, сын Федлимида, сказал Киаррайге: „Вы будете свободны в моих глазах, и ничего не будут брать у вас, кроме того, что вы сами выберете"».

В раннем стихотворении об отношениях между Айргиаллой и Уи Нейллами мы уже встречали святых, выступающих в роли поручителей. В данном случае, возможно, писец ошибся, поставив имя Киарана-мак-инт-сайра вместо Киарана Сайгирского, который происходил из Корко **[247]** Лойгде, так как родители Киарана Клонмакнойсского происходили из Латарна и Дал Арайде в Ульстере, а его монастырь не имел связей с Мунстером со времени смерти аббата Кронана мокку Лойгде (из Корко Аойгде) в 638 году: то, что после этого мунстерцы не допускались к занятию аббатского кресла, могло явиться следствием споров о сроках празднования Пасхи, из-за которых Мо-Хуту Ратин был изгнан из Рахо-на в 636 году. Остальные фигурирующие в тексте святые, за исключением Нессана из Мунгрета и Комгана, аббата Эмли (возможно, одно лицо с Мак-да-Хердой, который умер в 641 или 645 г.), являются представителями монашеской экспансии Западного Мунстера, о которой мы уже говорили[95].

Далее в трактате говорится, что если Киаррайге пожелают покориться королю Лох Аейна, то они должны будут сделать это только при следующих условиях: король Лох Лейна изберет одного из Киаррайге своим управляющим (*rechtaire*) и будет содержать его должным образом; всякая дань, причитающаяся королю Лох Лейна от Корко Три, Орбрайге и всех остальных племен (*forsloinnti*)[96] Иармуму, будет делиться на две части между королем Эоганахтов и королем Киаррайге; всякая дань, причитающаяся королю Лох Лейна от Киаррайге, будет оставаться во владении Киаррайге и их короля: «таково одно из его достояний (*folaid*)[97] от короля Лох Лейна». Кроме того, когда король Киаррайге дает заложника королю Лох Лейна, тот также дает ему заложника со своей стороны в качестве гарантии выплаты его достояния. Король Лох Лейна дает королю Киаррайге трех заложников, а король Киаррайге дает ему двух. Однако король Киаррайге

---

[92] Уменьшительно-ласкательная форма имени Лайхтине из Ахад Ура (Фрешфорд).

[93] Или возможно: «Правильно ли защищать власть от нас?»

[94] По-видимому, текст поврежден: упоминание Арай или Арада Хлиах неправдоподобно.

[95] См. выше, с. 200.

[96] От *forslondud* — клан, формально не по кровному родству входящий в состав господствующего рода и проживающий в его владениях. — *Примеч. ред.*

[97] Здесь приблизительно соответствует рату.

не должен давать заложников, пока король Лох Лейна не утвердит свою власть *(cain)* над всеми окружающими туатами: Корко Байскинд, Коркомруад, Уи Фидгенти, Корко Лойгде на суше и на море, и над Уи Эхах Муман. Киаррайге не обязаны отправляться в поход, пока все племена Иармуму не соберутся в лагере короля Лох Лейна, и они должны провести в лагере всего лишь четыре дня и четыре ночи, если таково будет их желание, и они не будут участвовать в военных действиях, направленных против любого мунстерского туата, с которым они заключили этот союз на основании клятв святых, которые выступили посредниками. **[248]**

Как можно видеть, королевство Иармуму в том виде, в котором оно предстает в этом трактате и в повести о Мор Муман, значительно превосходит по своим размерам область Керри и Западного Корка. Оно охватывает всю западную часть провинции от Коркомруада на севере Клэра через земли Уи Фидгенти и их вассальных племен в графстве Аимерик и даже включает господство над могущественными Ратлендски-ми Эоганахтами, тем самым устраняя существование соперничающего королевства Десмонд. Примечательно, что в обоих источниках отсутствуют упоминания о Северных десси или Дал Кайс: образование королевства Томонд (королевства Дал Кайс) стало возможным лишь после ослабления господства Лох-Лейнских Эоганахтов в Лимерике и Западном Клэре, а также упадка в VIII веке королевства Уи Фиахрах Айдне в Южном Коннахте[98].

Последним королем из рода Аох-Лейнских Эоганахтов, носившим титул «короля Иармуму» *(ri Iarmuman),* был Ку Хонгелт, сын Корпре, смерть которого отмечена в *Анналах Инисфаллена* под 791 годом. Последующие короли именуются всего лишь «королями Лох-Лейна» *(rig Locha Lein),* как, например, Кобтах, сын Маэл Дуйна, в сообщении о его смерти в 833 году (хотя *Анналы Улъстера,* менее сведущие в мунстер-ских делах, продолжают употреблять титул «король Иармуму»). Маэл Дуйн, упоминавшийся в пророчестве св. Брендана, вероятнее всего, тождествен Маэл Дуйну, сыну Аэда, который умер в 786 году и зовется в анналах королем Мунстера. С его смертью рухнуло величие рода Лох-Лейнских Эоганахтов. Еще в 766 году он потерпел поражение при Энбот Бреге близ Трали от Уи Фидгенти и Арада Хлиах. Сообщается еще два случая восстаний «внешних племен»: в 793 году в битве при Конхенне пал король Корко Дуйбне, а в 803 году брат Ку Хонгелта Аэд Аллан, сын Корпре, погиб в сражении между Эоганахтами и Киаррайге. Хотя правнук Маэл Дуйна Олхобар, сын Кинаэда, правил Мунстером с 847 по 851 год, своим избранием и всеобщим признанием он был обязан, скорее всего, своей должности аббата Эмли[99].

Кримтанна Одора, против которого по легенде был заключен союз западных племен, можно отождествить с Кримтанном, сыном Кобтаха, отцом Аэда Беннана; однако так как его потомки на самом деле становились королями и даже претендовали на престол Мунстера, отраженная в **[249]** трактате традиция может относиться к некоему Кримтанну, который выпал из поля зрения составителей генеалогий именно потому, что пророчество святых полностью сбылось.

Личность Кримтанна, короля Кашеля, которому изъявили верность Киаррайге, вызывает ряд вопросов. Кримтанн, сын Федлимида, из рода Кашельских Эоганахтов никогда не был королем Мунстера. У него было два двоюродных брата, также носивших имя Кримтанн: они были братьями, сыновьями Эохайда, сына Энгуса, сына Над Фройха. Кримтанн Срем (или Кримтанн из Фемен) стал предком Глендамайнских Эоганахтов и королем Кашеля в середине VI века. Впрочем, именно у его брата Кримтанна из Айртир Хлиах, предка Эоганахтов из Айртир Хлиах, по сведениям составителей генеалогий, была мать по имени Деркко или Деркоманат. Автор трактата либо безнадежно перепутал всех трех Криманнов, либо сохранил более раннюю генеалогию, в которой они не различались (в соответствии с привычной практикой составители генеалогий зачастую выдумывали

---

[98] См. ниже, с. 275.

[99] См. Приложение II, табл. 15.

отдельных предков для разных частей одного септа только потому, что тот или иной септ разделился на соперничающие или географически отдаленные группы)[100].

Условия, на которых Киаррайге соглашались признать верховную власть короля Лох Лейна, были столь возмутительными, что превращали его титул короля Иармуму в полную фикцию. Наш трактат представляет собой политический манифест. Чередование престола Кашеля между династиями Эоганахтов из Айне, Кашельских и Глендамайнских Эоганахтов было нарушено Маэл Дуйном, сыном Аэда, из рода Лох-Лейнских Эоганахтов во второй половине VIII века. Последним королем Кашеля из рода Эоганахтов из Айне был Катуссах, сын Этерскела, который предположительно наследовал Каталу, сыну Фингуне, в 742 году, но год смерти которого не зафиксирован в анналах. Олхобар, сын Дуб-Индрехта, *rigdamma Muman,* который умер в 805 году, был внуком его двоюродного брата, однако королевская власть ушла из рук их рода. Правление Маэл Дуйна в Мунстере не могло быть популярным у восточных Эоганахтов, а так как его вассальные племена на западе также выказывали недовольство, легко можно понять, почему его имя не было включено во многие списки королей. Подлинную историческую основу нашего трактата составляет сражение 803 года, но возможно, что записанный в нем договор был заключен Киаррайге с Федлимидом, сыном Кримтанна. **[250]**

Если подобный союз с западными племенами и обеспечивал Кашель-ским Эоганахтам господство в Мунстере, то этого шаткого единства было явно недостаточно для образования верховного королевства, соперничающего с Уи Нейллами. Ограниченная множеством условий покорность Киаррайге могла устранить угрозу, исходившую от Лох-Лейнских Эога-нахтов, но не влекла за собой никакого значительного увеличения владений или власти. Впрочем, на данный момент Федлимид твердо закрепился в Мунстере и получил возможность привести свою провинцию к серьезному столкновению с Половиной Конна.

Федлимид понимал, что для успешного отпора притязаниям Уи Нейл-лов он должен взять на вооружение их же политику. Экспансию Уи Нейллов нельзя было остановить, лишь настаивая на теоретическом верховенстве Кашеля над Половиной Муга. Понятие верховной королевской власти над Ирландией обладало магнетической притягательностью: Кашель, прославленный своим безупречным христианским прошлым, должен стать подлинным центром ирландской монархии. Федлимид в полной мере оценил, сколь многим королевство Тары было обязано поддержке со стороны Армы. Впрочем, не было никаких оснований полагать, что Арма, хотя и осознававшая необходимость самой идеи монархии для обеспечения своего господствующего положения в ирландской Церкви, испытывала безусловную преданность Уи Нейллам. Верховный король, обосновавшийся на более безопасном удалении от церковного города, мог с еще большим успехом расположить к себе духовенство.

Соответственно, в 823 году Федлимид и Артри, сын Конхобара, епископ Армы, совместно провозгласили *Закон Патрика* в Мунстере. В том же году Федлимид сжег монастырь Галлен (Галинне-на-м-Бретан) «со всеми его жилыми постройками и часовней». В 825 году Артри — действовавший как фактический аббат в то время, когда на этом посту пребывал Мак Лойнгсиг (812—826 гг.), — провозгласил *Закон Патрика* в Коннахте. В 826 году Федлимид с мунстерским войском разорил небольшое королевство Делбна Бетра. Артри, сыну Конхобара, не удалось захватить аббатство Армы: в 827 году в битве при Лет Кам Ниалл, сын Аэда, из Айлеха, успешно утвердил власть Кенел Эогайн над Айргиаллой и их косвенный контроль над Армой, выступив на защиту Эогана Майнистреха[101].

В 827 году верховный король Тары Конхобар, сын Доннхада, встретился с Федлимидом в монастыре Бирр, находившемся в пределах Мунстера **[251]** у самой

---

[100] См. Приложение II, табл. 11 и 12.

[101] См. выше, с. 146.

границы. Нам неизвестно, о чем они договорились, но набеги Федлимида на окраины владений Южных Уи Нейллов не могли не раздражать Конхобара, и к тому же обоих королей беспокоила неудачная попытка Артри захватить аббатство Армы. Войска Конхобара из Миде нанесли поражение коннахтам в 829 году, а Федлимид одержал победу над южными Уи Бриуйн из Маг Сеолы в следующем году. Союз, если он был на самом деле заключен, оказался недолговечным, ибо в 830 году брат Конхобара Фолломан был убит мунстерцами, а в *Анналах Улъстера* сообщается, что убийство произошло во время похода Федлимида в Коннахт. Также в 830 году Федлимид сжег местечко (вероятно, монастырь) под названием Фойр. Общепринятая точка зрения, согласно которой Фойр соответствует Фору в Уэстмите (Фобар), не кажется нам достаточно обоснованной.

В 831 году Федлимид встал во главе войска всей Половины Муга — как Мунстера, так и Лейнстера — и напал на Брегу, дойдя до Феннора (Финнабайр) близ Слане и опустошив страну. Конхобар в том же году предпринял ответные действия, разграбив долину Лиффи. Он умер в конце 832 года Его преемником стал гораздо более прославленный правитель, Ниалл, сын Аэда, известный по произведениям поздних писателей также под именем Ниалл Калле, так как в 846 году он утонул в реке Каланн у Армы.

В 832 году Федлимид трижды совершал набеги на Делбна Бетра и сжег церковные земли Клонмакнойса. В 833 году он возвратился, убил много монахов и сжег владения монастыря «до самой двери церкви». Затем той же участи он предал монашескую общину Дурроу, которая (хотя и соперничала с Клонмакнойсом за благоволение Кланн Холмайн) оказала помощь одному из предыдущих верховных королей против Мунстера в 776 году.

Враждебность Федлимида к Клонмакнойсу не ослабевала на протяжении всей его жизни. Маленькое королевство Делбна Бетра, номинально подчиненное Южным Уи Нейллам со своим племенным королем, на деле, должно быть, представляло собой церковное государство, управлявшееся аббатами Клонмакнойса, которые владели лучшими землями в этой болотистой и неплодородной местности. Клонмакнойс владел монастырем Лиат Манхайн (Леманаган), первоначально находившимся в сфере влияния Мунстера, и, вероятнее всего, также контролировал Галлен. Ему оказывали покровительство короли Уи Мане, Коннахта и Миде, но, к счастью для себя, Клонмакнойс так и не попал в слишком сильную зависимость ни **[252]** от одной династии светских правителей. На протяжении правления Федлимида Клонмакнойс и его дочерние церкви на обоих берегах Шеннона и озера Лох-Ри тяжело страдали от нападений как викингов, так и мунстер-ского короля. То, что монастырь вообще выжил, говорит о его необычайной устойчивости. Кроме того, немалую роль сыграло и его богатство, которое он продолжал накоплять. В конечном итоге он даже обогатился, поглощая земли тех менее крупных монастырей, которым не удалось выдержать бурю.

Начиная с 638 года Клонмакнойсом не управлял ни один аббат родом из Мунстера. Местный хронист в *Хронике Скоттов* под 827 годом утверждает, что пост «вице-аббата» (*secnapote*) был дан мунстерцам, как только он появился. Поэтому вероятно, что *Анналы Четырех Мастеров* ближе к истине, датируя 835 годом (правильнее, вероятно, отнести к 837 году) сообщение, которое появляется в *Хронике Скоттов* под 823 годом, о том, что Катал, сын Айлиля, король Уи Мане, совершил насилие над Клонмакнойсом, утопив в Шенноне его вице-аббата. Жертвой короля пал Фланн, сын Флатбертаха, из рода Уи Форга, септа Мускрайге Тире, проживавших вокруг Ненага к югу от мунстерской границы. Это несчастье случилось вскоре после того, как некий Ронан сложил с себя полномочия аббата по неизвестным причинам. В возмещение король отдал Клонмакнойсу семь церквей. Под тем же годом *Хроника Скоттов* отмечает, что Федлимид, сын Кримтанна, потерпел поражение на равнине Маг Ай от того же Катала, сына Айлиля. В данном случае, по-видимому, хронист опять ошибается, так как в *Анналах Ульстера* под 837 годом содержатся две записи, первая из которых сообщает о разграблении земель Уи

Мане Федлимидом, а вторая — о его поражении (вероятно, далее к северу на Маг Ай) от Катала, сына Муиргиуса, короля Коннахта.

Между тем Федлимид обратил свои взоры на восток к Килдару, который он разграбил в 836 году. Он взял приступом часовню и захватил в плен Фориндана, аббата Армы, который прибыл туда с визитом. Аббат и его свита были брошены в тюрьму; обходились с ними крайне оскорбительно. Этот потрясающий акт насилия на самом деле не идет вразрез с политикой налаживания дружественных отношений с Армой, которую проводил Федлимид. Смерть Эогана Майнистреха в 834 году положила начало новому витку борьбы. Преемником Эогана стал Диар-майт уа Тигернайн, который в 835 году был вытеснен Форинданом. Диармайт не примирился с поражением и на протяжении семнадцати последующих лет аббатство оставалось предметом ожесточенных споров. **[253]** В 836 году оба соперника отправились в поездки по Ирландии: Фориндан посетил Лейнстер, что, как известно, принесло ему одни несчастья, а Диармайт «с законом и знаменами Патрика» *(cum lege et vexillis Patricii)* совершил успешный тур по Коннахту, демонстрируя по крайней мере некоторые реликвии св. Патрика, такие как Бахалл Иса (Посох Иисуса), Колокольчик Патрика и его Евангелия (хотя если эти Евангелия тождественны нынешней *Книге Армы,* то ко времени описываемых событий они прожили совсем недолгую жизнь: их писец Фердомнах все еще был жив), которые входили в число символов власти аббата Армы. В 839 году Диармайт был формально восстановлен в своем чине. К 842 году оба аббата, судя по всему, пришли к согласию, так как оба они прибыли в Мунстер с *Законом Патрика.* Впрочем, поездки на юг не принесли удачи Форинданy, так как в 845 году он был захвачен в плен викингским флотом из Лимерика в Клуайн Комарда во владениях Уи Фидгенти: возможно, он был вновь изгнан из Армы или же объезжал патрикианские церкви в графстве Аимерик, важнейшей из которых была церковь Ардпатрик. Захватчики разбили и увезли раку св. Патрика. В конце концов за Фориндана был уплачен выкуп, и он вернулся в Арму в 846 году. В 848 году он вновь был смещен Диармайтом, и именно Диармайт совершал богослужение на встрече, состоявшейся в 851 году между верховным королем Маэлсехнайллом и Матуданом, королем уладов, в Арме[102]. Оба аббата-соперника умерли в 852 году, и беспристрастный хронист называет их «двумя наследниками Патрика, Форинnан писец и отшельник и Дермайт мудрейший из всех ученых Европы» (*duo heredes Patricii, Forinnan scriba et anchorita et Dermait omnium doctorum Europae).*

Спор 835 года произошел вскоре после вступления на престол нового верховного короля Тары. В этом году Ниалл, сын Аэда, утвердил свою власть в Лейнстере, «назначив» королем Брана, сына Фаэлана, но был вынужден подавить недовольство Южных Уи Нейллов и разграбил Миде, разорив край до Тех Маэлхонока, еще одного монастыря в области Делбна Бетра; несомненно, именно в ходе этой военной кампании мун-стерцы убили одного из его вассальных королей Фергуса, сына Бодбхада, из Каррайк Брахайде в Инишоуэне. Таким образом, Федлимид получил благоприятную возможность для заключения сделки с Армой. Он решил принять участие в споре: если бы ему удалось прочно усадить Диармайта **[254]** на аббатском кресле, он мог бы, безусловно, рассчитывать на его поддержку в борьбе за верховную королевскую власть над Ирландией. Бран, сын Фаэлана, новый король Лейнстера, очевидно, был лишь ставленником Ниалла, сына Аэда[103]. Его предшественник Келлах, сын Брана, в 833 году нанес поражение монашеской общине Килдара в бою, убив многих «в праздник святого Иоанна осенью» (29 августа). Эта общая враждебность к Килдару может свидетельствовать о том, что этот монастырь из политических или религиозных соображений сочувствовал Федлимиду: в 824 году монахи из Килдара сами разграбили Таллахт, материнскую церковь реформаторов калди. По иронии судьбы, из двух аббатов

[102] См. с. 149 и с. 298.
[103] См. выше, с. 189.

Армы Фориндан мог с наибольшими основаниями рассчитывать на поддержку калди (судя по эпитетам, которыми его наделяет хронист). Впрочем, мы не располагаем достаточными сведениями о родословных Диармайта и Фо-риндана, чтобы понять, столкновение каких именно политических и династических интересов скрывалось за борьбой аббатов: ни тот, ни другой не принадлежали к Кланн Синайг.

Фориндан не был единственным аббатом, которого бросил в темницу Федлимид. Ранее, в 836 году, анналы сообщают о смерти Дунлайнга, сына Катуссаха, аббата (princeps) Корка, сопровождая это сообщение мрачным комментарием: «умер без причащения в королевстве Кашель» *(mortuus est sine communione i Caisil regum);* хотя в *Анналах Инисфаллена* мы не находим записи об этом событии, из них мы узнапм дополнительные сведения о том, что в этом году Федлимид присвоил аббатство Корк. В 822 году Корк подвергся нападению викингов, и спустя некоторое время на его месте возникнет норвежский город, но пока что монастырь святого Финнбарра деятельно занимался укреплением своей власти над разбросанными церквами, которые образовали ядро установленного позднее диоцеза. В 807 году произошло избиение церковных и монастырских служителей Корка в битве с Клонфертом. В 828 году в битве с Мускрайге Миттине войско Корка потерпело поражение. В бою погибли Эладах, сын Дунлайнга, один из князей Ратлендских Эоганахтов, и еще 170 человек. Вероятно, война разгорелась из-за контроля над церковью Гогейн Барра, опасным соперником в борьбе за главенство в парухии. Ничуть не устрашенные, «монахи Корка вновь собрали Уи Эхах и Корко Лойгде и Киаррайге Куирхе[104] против Мускрайге, и они вновь оставили **[255]** двести убитых». Доброжелательно настроенный человек мог бы усмотреть в решительных действиях Федлимида стремление очистить монашескую общину от скверны в соответствии с идеалами калди. В любом случае в результате он приобрел полезную опору в Десмонде, ибо Ратленд-ские Эоганахты не менее, чем Эоганахты Лох-Лейнские, выказывали опасную склонность считать себя независимым высшим королевством.

Нападение Федлимида на Уи Мане в 837 году, скорее всего, преследовало двойную цель: отомстить за убийство мунстерского вице-аббата Клонмакнойса и принять участие на стороне Корка в его давнем противостоянии с Клонфертом, который в качестве церкви святого Брендана и Куммене Фоты сам имел мунстерские корни. В *Анналах Инисфаллена* не упоминается ни этот поход, ни последующий разгром, который Федлимид потерпел от короля Коннахта, однако под 838 годом мы находим следующую примечательную запись:

«Большое собрание людей Ирландии в Клуайн Ферта Бренайнн, и Ниалл, сын Аэда, король Темры, покорился Федлимиду, сыну Кримтанна, так что Федлимид стал единым королем Ирландии в тот день *(corbo lanri Herend Fedlimmid in la sein*), и он занял кресло аббата в Клуайн Ферте ».

У нас нет оснований сомневаться в том, что Федлимид сидел в кресле аббата Клонферта, будь то в роли аббата или короля, и что он притязал на верховную власть над Ирландией; однако утверждение, что верховный король Тары изъявил свою покорность Федлимиду, говорит скорее о патриотических настроениях мунстерского хрониста, чем о строгом следовании исторической правде.

Согласно сообщениям северных анналов, встреча между Федлимидом и Ниаллом состоялась в 838 году, но она проходила в Клуайн Конайре (Клонкурри) в Килдаре на лейнстерской границе. Она называется «великим королевским собранием» *(rigdal mor),* но, как обычно, хронист, по-видимому, не был осведомлен об обсуждавшихся на ней делах. В 840 году Федлимид разграбил Миде и Брегу и расположился лагерем в Таре, тем самым как нельзя более ясно обозначив свои честолюбивые планы. На обратном пути он еще раз разорил несчастное королевство Делбна Бетра, а также соседнее королевство Кенел Фиахах из Уи Нейллов, носившее также многозначительное название Фир Хелл «люди церквей», так как большая часть их владений контролировалась такими крупными

[104] Ветвь Киаррайге к юго-западу от Корка, ныне баронство Керрикуррихи.

монастырями, как Дурроу, Рахан и Аиналли. В *Анналах Ульстера* цитируется четверостишие, написанное в то время: **[256]**

Is he Feidlimid in ri
dianid opair oen-laitni
airthrigad Connacht cen clath
ocus Mide do mannrad.

Федлимид король,
для которого было делом одного дня
оставить Коннахт без короля без боя
и разрушить Миде.

Согласно мунстерскому хронисту, Федлимид разорил земли от Бирра до Тары и, кроме того, захватил в плен супругу Ниалла Гормлайт, дочь Доннхада[105], вместе с женщинами ее свиты. Это преднамеренное оскорбление, нанесенное верховному королю (в записи о смерти Гормлайт в 861 году она называется «прекраснейшей королевой ирландцев»), имело символическое значение, которое не могли не оценить современники.

Подобные яркие поступки не смогли доставить Федлимиду власти над Ирландией. Как всегда, пробным камнем в борьбе между Половиной Конна и Половиной Муга оказался Лейнстер. В 841 году Федлимид дошел с войском до Кармана, очевидно, намереваясь провозгласить свою верховную власть над провинцией, проведя оэнах. Ниалл, сын Аэда, был готов к такому повороту событий и пришел с большим войском к Маг Охтайр близ Клонкурри, места их недавней встречи, и нанес смертельный удар надеждам Мунстера. Нам неизвестны подробности сражения; погибло немного знатных людей; на самом деле, по-видимому, Федлимид был захвачен врасплох, как отмечается в торжествующем сатирическом стихотворении:

Bachall Feidlimid figlig
foracbad isna draignib

Посох благочестивого Федлимида
оставлен в зарослях терновника.

Анналы Инисфаллена хранят благоразумное молчание. Отныне Ниалл, сын Аэда, был верховным королем «без протеста», а Федлимид принял двух соперничающих аббатов Армы во время их совместного посещения Мунстера в 842 году, так и не сумев извлечь из этого события никакой политической выгоды.

Можно было бы надеяться, что оставшиеся годы король Мунстера посвятит учению и аскетизму, приверженцем которого он изображается в сообщении о его смерти, но в 846 году он вновь повел свои войска на Клонмакнойс, и по сообщению *Анналов Клонмакнойса* (сохранившемуся в довольно вольном переводе Коналла Магэгана XVII века): **[257]**

«...все церковные земли, принадлежащие святому Киарану, были разграблены и опустошены Фелимом, сыном Крована, без какого-либо уважения к месту, святому и храму. После возвращения в Мунстер в следующем году его охватила жестокая болезнь, истечение из живота, которая приключилась таким образом. Когда король Фелим (вскоре после своего возвращения в Мунстер) отдыхал на своем ложе, ему явился святой Киаран в своем облачении и с бахаллом или пастырским посохом, и он ударил его бахаллом в живот, отчего с королем и приключилась болезнь и смерть, и несмотря на свою великую тягу к беззакониям и грабежу, он входил в число писцов и отшельников Ирландии».

---

[105] Хронист спутал ее с более известной Гормлайт, дочерью Мурхада, короля Лейнстера, и женой Бриана Боромы.

Та же самая история менее живописно рассказывается в *Хронике Скоттов,* версии местных анналов Клонмакнойса, однако составитель достаточно великодушен, чтобы процитировать отрывок из элегии, в котором говорится, что смерть Федлимида привела ирландцев в уныние. В нем содержится, в сущности, та же запись о смерти, что и в *Анналах Улъсте-ра,* сделанная хронистом из Армы: «Федлимид, король Мунстера, лучший из ирландцев, умер писцом и отшельником» *(Fighlimidh rex Muman, optimus Scotorum, pausavit scriba et ancorita).*

Нет никаких сомнений в том, что Федлимид был могучим защитником калди. Он входит в число двенадцати ведущих представителей этого движения, перечисленных в «Союзе Маэлруайна из Таллахта» наряду с Маэл-Дитруйбом из Терригласса, Диармайтом из Дисерт Диармата и Энгусом, автором Мартиролога Энгуса. Катлин Хьюз обратила внимание на то, что в географическом распределении этих двенадцати калди заметен сильный мунстерский уклон: трое жили в Таллахте в графстве Дублин и по одному — в Уэстмите, Килдаре и Клэре, два — в Корке и пять — в Типперэри. Она также привлекла внимание к другому памятнику, озаглавленному «Союз Федлимида», который является расширенной версией другого списка:

«Двадцать четыре человека вкруг Федлимида, сына Кримтанна, которые имели одну просьбу в небесах и одну мольбу на земле... Они жили вместе в Дайре Эднех, не дурное собрание, предаваясь благочестию без причуд, бодрствуя крестом во время Великого поста[106]. Они шли именно в Дайре Эднех, чтобы творить свои чудеса, пока их путь не приходил на восток, на плиту в Таллахте... Они приходили сюда, в Друим **[258]** Абрат, эти святые, которых мы ожидаем; в этом месте они проводили восемь часов».

Друим Абрат и Дайре Эднех располагались в графстве Типперэри, первый недалеко от Кашеля.

В официальном своде генеалогий О'Брайена, составленном в начале XVII века — *Мунстерской Книге (Leabhar Muimhneach),* — Федлимид, сын Кримтанна, поминается как знаменитый, отважный и благочестивый правитель:

«Вот каким был Шедлимид: с епископом у каждого плеча, с десятью священниками вокруг и семьюдесятью двумя славными мудрецами, возглашающими на мессе; с ними он делил свой дом, свой стол и свой совет, по подобию дома Святого Отца».

В *Мунстерской Книге* притязания Дал Кайс на родство с Эоганах-тами и на чередование с ними на престоле Кашеля доведены до абсурда. Когда они силой захватили Томонд у коннахтов, они заявили, что не обязаны платить дань с нее. Даже скудные крупицы сохранившейся правдивой информации относительно Северных десси были фальсифицированы: Федлимид приводится в соприкосновение с Аахтной, прадедом Бриана Боромы, хотя род Аахтны, Уи Тойрделбайг, даже не владел королевской властью над Северными десси до X века. Когда Федлимид искал заложников у «свободных племен» *(saer-thuatha)* Мунстера, а именно семи Эоганахтов, Уи Лиатайн, Уи Хонайлл Габра и Уи Хайрпре, они отказались, если он сначала не возьмет заложников у Дал Кайс. Федлимид сомневался, выполнять ли столь несправедливое требование, но остальные пообещали помочь ему и признать его королем Мунстера, если ему удастся это дело. В конце концов на Лахтну произвело такое впечатление благочестие Федлимида, что он согласился подчиниться ему, но Федлимид отказался от какой-либо дани. Затем Лахтна пригласил Федлимида провести Великий пост, как ни странно звучит подобное приглашение, пируя с ним во владениях Дал Кайс.

Этот рассказ является от начала и до конца художественным вымыслом, но он может служить прекрасным примером репутации, которой пользовался Федлимид в Мунстере в позднюю эпоху, и, по всей видимости, в конечном итоге восходит к трактату о соборе Мак Ардды IX века. Автор элегии на смерть Джона Кантуэлла, архиепископа

---

[106] Излюбленная практика ирландских аскетов, состоявшая в бдении с руками, раскинутыми в форме креста.

Кашеля (1452-1482 гг.), сравнивает его с Федлимидом, сыном Кримтанна, в качестве образцового правителя Церкви и государства. Архиепископ Кантуэлл вел активную деятельность, утверждая права своей кафедры в противостоянии **[259]** с норманнской и гэльской знатью и примирив Батлеров и Фицджеральдов во время Войны Роз, так что эта параллель кажется вполне приемлемой.

«Я слышал — просто сравнение — о коронованном справедливом короле, прежде жившем в крепости Кашель; это было в прежние времена.

Король получил небеса в награду за смирение — святым было знамение — миряне и клирики под его рукой, лучшая награда за его управление.

Шелим, сын Кримтанна, сразу же принял ярмо благочестия — нужно понять это так, как понял он, — чтобы защищать это место, принадлежащее Патрику.

Задолго до них было видно, что они по очереди сделаются королями, тень двух королей над крепостью Кашеля, защитить каждого человека было обязанностью этой четы.

Каждый из них носил сан епископа и верховного короля; направляясь на небеса святых, они оба следовали одним путем.

Шелим, сын Кримтанна, которого мы почтили, взимал с Кашеля дань апостола Ирландии — его потеря обернулась для нас выгодой».

Хотя монашеская община Клонмакнойса, несомненно, не видела особого различия между викингами, разграбившими монастырь в 844 году, и обладающим епископским посохом королем Мунстера, навестившим монастырь в 846 году, вполне вероятно, что непримиримость Федлимида была обусловлена пуританским рвением. В одном рассказе говорится о наказании, которое он наложил на одного из старейшин *(sruith)* Клонмакнойса, который прежде отказался оказать гостеприимство ему, его жене, его мальчику-слуге и его собаке, когда Федлимид путешествовал по Половине Конна, переодетый нищим. Разграбив монастырь, Федлимид наложил оковы на гордого церковника вместе с его женой, слугой и собакой, связав их в круг, который представляется непристойной пародией на иллюминацию какой-нибудь ирландской рукописи, и произнес сатиру об их неподобающих позах. В более жестокой версии добавляется, что он также убил их. Крайние сторонники реформы калди с чрезвычайной враждебностью относились к «людям старых церквей» *(lucht na sen-chell),* которых они изобличали в развращенности и упадничестве. Велись даже споры о том, подобает ли отшельнику принимать материальную поддержку от таких общин. Жизнь таких монастырей, как Клонмакнойс, Дурроу и Килдар, на самом деле изобиловала злоупотреблениями, свойственными **[260]** ирландской Церкви той эпохи, хотя они же являлись процветающими центрами культуры и искусства — и по недолгом размышлении становится понятно, что два эти явления не лишены связи. Следует также отметить, что гнев Федлимида отличался политической выборочностью. Он обрушивал свой реформистский пыл прежде всего на обители, стоявшие на его пути к Половине Конна и верховной королевской власти. День Федлимида, сына Кримтанна, по *Мартирологу Донегола* празднуется 28 августа. **[261]**

ГЛАВ А XI

КОННАХТ

Коннахт, беднейшая и хуже всего заселенная ирландская пятина, до XI века играла важную роль в истории Ирландии не столько сама по себе, сколько в качестве «кузницы народов» *(officina gentium).* В IV и V веках она стала родиной Уи Нейллов, а в IX и X веках Уи Бриуйн Брефне выкроили для себя земли к востоку от реки Шеннон и начали приобретать все большее значение в срединных областях Ирландии. В целом, однако, Коннахт представлял собой заводь, дела которой мало соприкасались с общим ходом

ирландской истории вплоть до замечательного и совершенно неожиданного возвышения Тойрделбаха Уа Конхобайра, ставшего верховным королем Ирландии в XII веке.

В западную провинцию входили достаточно плодородные области в устье реки Мой, на юге между Голуэйским заливом и рекой Шеннон, а на востоке графства Роскоммон лежала равнина Маг Ай, на которой находилась королевская резиденция Круахан, окруженная комплексом круглых замков. Как ни странно, северо-восточная область графства Голуэй, которую по коннахтским меркам вовсе нельзя считать бесплодной, в эпоху раннего Средневековья была, по-видимому, плохо заселена: здесь обитали Согайн и Корко Мога, вассальные племена Уи Мане, а позднее большая ее часть попала под власть Уи Бриуйн Ай. Возможно, она густо заросла лесом; в любом случае, она служила политическим водоразделом между северной и южной частями провинции. Область за озером Лох-Корриб также не отличалась густонаселенностью. Здесь расселились племена Конмайкне, Делбна и Партрайге. Иар-Коннахт буквально означает «к западу от Коннахта», то есть за пределами самой провинции. Только во второй половине XI века ее захватила влиятельная и могущественная династия — О'Флаэрти из Уи Бриуйн Сеола, которая была вытеснена из равнин вокруг Туама победоносными О'Коннорами из Уи Бриуйн Ай. **[262]**

Название пятины первоначально относилось к потомкам Конна Ста Битв, сородичам Уи Нейллов. Три септа, которые считали своими предками братьев Ниалла, образовали «Три Коннахта» *(teora Connachta).* Согласно традиции, пятина за рекой Шеннон когда-то называлась «Койкед Ол Экмахт», пятиной Людей Ол Экмахт (или Некмахт). За этим названием может стоять название «нагнаты», то есть название племени, которое Птолемей помещает в Западной Ирландии. С другой стороны, возможно, перед нами просто очередное измышление средневековых историков, пытавшихся дать описание провинции такой, какой она, по их предположениям, была до появления коннахтов. По другим традициям, коннахты при Кормаке, сыне Арта, захватили королевскую власть над пятиной у Гаман-райд, подвластного племени, которое позднее обитало в пустошах Эрриса в Западном Мэйо. Здесь они соседствовали с Фир Домнанн (Эррис называется Иррус Домнанн), которые, возможно, оставались на этой территории с незапамятных времен, когда владения лагенов или думнониев простирались к западу от Шеннона: такое положение вещей нашло свое отражение в лагенском происхождении, приписываемом Айлилю, сыну Мата, королю-супругу Медб в «Похищении быка из Куальнге», и в рассказе об отряде галеойн, которые вызвали ревность Медб в этом походе[107].

Впрочем, если сами Уи Нейллы происходили из Коннахта, нет причин предполагать, что эта провинция была завоевана коннахтами в доисторические времена. Коннахты благодаря удачному стечению обстоятельств вполне могли выделиться из окружающего населения, которое позднее подпало под их власть, и образовать правящую династию: они обладали особенно тесными связями с Гайленга, Ауигни, Корко Фир Три и Грекрайге. Вероятно, не ранее конца VI века название «коннахты» сузило свое значение и стало прилагаться лишь к тем династическим группам, которые остались на западе. Это династии Уи Фиахрах, Уи Бриуйн и Уи Айлелло. Единство Уи Нейллов и коннахтов теперь выражалось лишь с помощью общего наименования «Дал Куинн» и в географическом понятии Половины Конна как северной половины Ирландии, которую они совместно контролировали.

Благодаря составителям генеалогий понятие Дал Куинн расширило свое значение и стало относиться также к Айргаалле и Уи Мане, между тем как вследствие упадка Уи Айлелло, наступившего в VIII веке, могущественные Уи Мане, распространившие свою власть на всю юго-восточную **[263]** часть провинции, добились признания в качестве одной из ветвей «Трех Коннахтов». Не вполне ясно, насколько единство коннахтов и Уи

[107] См. выше, с. 154.

Нейл-лов, подразумеваемое общими названиями «Дал Куинн» и «Половина Конна», соответствовало политической действительности; иными словами, на самом ли деле коннахты признавали Уи Нейллов верховными королями Тары. Конечно, в ранней части официальных списков королей Тары присутствуют имена Нат И, сына Фиахры, и его сына Айлиля Молта наряду с именами их двоюродных братьев Уи Нейллов, но после гибели Айлиля в битве при Оха в 482 году Уи Нейллы стали единственными властителями Тары.

Странно, что в коннахтских списках королей не фигурирует Нат И: возможно, в качестве «короля Ирландии» он не мог быть только королем провинции; с другой стороны, Айлиль Молт именуется в них королем Коннахта. Когда Тирехан писал краткий очерк *(Breviarium)* миссионерских путешествий св. Патрика в конце VII века, он ни словом не упомянул о каком-либо короле Коннахта, хотя, по его словам, святой и посещал Круахан, где он крестил двух дочерей верховного короля Лоэгайре, сына Ниалла, находившихся там на воспитании. Эти сведения были истолкованы так, как будто они означали, что в эпоху св. Патрика король Тары автоматически занимал положение короля Коннахта. Если это так, то у нас есть все основания считать, что в V веке потомки Конна Ста Битв всц еще представляли собой единую и не разделившуюся на отдельные соперничающие группы общность. Возможно также, что даже во времена самого Тирехана четкие представления об отдельном высшем королевстве, охватывающем всю западную пятину, еще не устоялись.

Конечно же, нет никаких сомнений в искусственном характере ранней части коннахтских списков королей. В них были внесены обширные вставки, состоящие из имен представителей рода Уи Бриуйн, призванные удревнить и тем самым окружить ореолом респектабельности ту власть, которую эта династия на самом деле приобрела лишь в ходе VIII века. Сам Тирехан происходил из Тир Амалгадо и принадлежал к побочной ветви северных Уи Фиахрах, которые являлись наиболее влиятельным родом в Коннахте в VII веке. Он приводит подробные сведения относительно северных и северо-западных областей провинции: северного Роскоммона, Мэйо и Слайго, и лишь однажды прямо упоминает сыновей Бриона, королевские замки *(aulae)* которых он помещает в Дума Селге близ древней столицы Круахана. Из описания Тирехана можно понять, что в его времена королевства Уи Бриуйн в Брефне еще не существовало, **[264] (Карта. Коннахты и Уи Мане. Вассальные племена Коннахта) [265]** ибо Патрик идет через Маг Рейн в Лейтриме, *прежде чем* вступить в пределы Коннахта. Через 100 лет после смерти Тирехана Уи Бриуйн отодвинули границы Коннахта на восток, и к X веку Брефне охватило до того пустынные земли графства Каван.

Тирехан также кратко упоминает Уи Мане, указывая, что их королевство доходило до самого центра Роскоммона в Фуерти, так что под властью Уи Бриуйн Ай, видимо, находилась очень небольшая область. К востоку от них на берегах реки Шеннон обитали Корко Охланн или Кенел Майк Эрке, могущественный фортуат Коннахта. В «Трехчастном Житии», опирающемся на произведение Тирехана, о них говорится: «Род Макк Эрке сильнейший и могущественнейший из коннахтов, но он не правит подобно высшим королям». Ко времени написания этого произведения фальсификаторы генеалогий возвели род Кенел Майк Эрке к Бриону, и позднее они стали известны под именем Уи Бриуйн Синна, воспользовавшись удобным случаем разделить возвышение удачливых Уи Бриуйн Ай.

Правильнее всего, по-видимому, считать свидетельства Тирехана описанием подлинной политической ситуации в Коннахте в VII веке, а не предполагать, что он был в состоянии в точности воссоздать обстановку V века. К сожалению, Тирехан сообщает очень мало сведений о Центральном и Южном Коннахте: в этих областях либо не сохранились патрикианские традиции, либо его миссия по собиранию таких сведений явно не встречала одобрения и понимания. Тирехан прямым текстом упоминает о таких противниках Армы, которые отнимают у св. Патрика причитающееся ему и которые боятся, как бы весь остров не был признан его парухией, если наследник св. Патрика

выдвинет притязания на все, что по праву должно принадлежать ему. Св. Патрик крестил Уи Мане и основал церковь Фидарта (Фуерти), но не пошел дальше на юг. На самом деле на королевство Уи Мане распространялась церковная власть других церквей, а именно Клонферта и Клонмакнойса. Тирехан рассказывает, что клонмакнойсская община захватила много патрикианских церквей после «недавнего мора» (очевидно, 680~684 гг.): «община Клоно силой удерживает многие места Патрика после недавних моровых поветрий» *(familia Clonon per vim tenent locos Patricii multos post mortalitates novissimas*).

Другие указания на быстрые изменения, происходившие в годы после того, как Тирехан писал свой труд, можно извлечь из того внимания, которое он уделяет многим скромным племенам по сравнению с правящими династиями Коннахтов. Некоторые подобные племена в действительности **[266]** исчезли и не упоминаются в более поздних источниках. Этот факт должен предостеречь многих исследователей от излишнего доверия к древности ирландской генеалогической традиции.

В число «внешних племен» Коннахта входят многие племенные группы, представленные и в других частях Ирландии. Тесно связанными между собой были племена Гайленга и Луигни: и те и другие обитали в срединных областях провинции. Расселившись к югу от гряды Оке, они образовали мощный барьер между Северными Уи Нейллами и Уи Бриуйн[108]. Они сами распространили свое влияние на менее могущественные племена и могли притязать на звание высшего королевства, как было признано в XII веке, когда из их владений был создан диоцез Ахонри. Их правящие роды О'Гара и О'Хара играли важную роль вплоть до XVII века. Баронства Галлен в Мэйо и Лейни в Слайго, а также Корран и Кулавин в горах Керлыо, господствующих над плодородной равниной Маг Луйрг, которой на определенном этапе завладели Уи Бриуйн Ай, были населены небольшими племенами, часть которых играет важную роль в легендах о происхождении коннахтов. Здесь обитали Грекрайге и Корко Фир Три, а также побочная ветвь вездесущих Калрайге, которые также обнаруживаются в Тир Амалгадо, в северном Слайго и Лейтриме в пределах высшего королевства Кайрпре Дрома Клиаб из дома Уи Нейллов, в во владениях Уи Нейллов в южной Тетбе и в Миде к востоку от реки Шеннон. Перенаселенность этой страны холмов говорит о том, что именно сюда удалялись вытесненные с прежних мест обитания народы, сумевшие сохранить свое племенное самосознание.

Племена Киаррайге занимали особенно важное место в ряду коннахт-ских «внешних племен». В центре провинции расположились три племени Киаррайге Коннахт: Киаррайге Ай из самого Круахана, владевшие землями бок о бок с Уи Бриуйн, Киаррайге Айртих в нескольких милях к северо-западу, а еще дальше к западу обитала племенная группа, известная под названиями Киаррихи Суперни или Киаррайге Уахтайр, Киаррайге Иартарах или Киаррайге Лоха Айрне. То обстоятельство, что эти три племени имели общее место собраний в Кара-на-Три-Туат (Кара Трех Племен, ныне Карранаду в баронстве Северный Баллинтобер), является очевидным свидетельством в пользу того, что когда-то они составляли единое королевство, раздробленное на части родом Уи Бриуйн в VIII и IX веках. На юго-западе провинции жили также Киаррайге Айдне. **[267]**

Еще одним племенем, широко распространившимся по территории Коннахта и обитавшим также в центральной части Ирландии, были Конмайкне, которые считали своим прародителем Аугайда Мак Кона. На крайнем западе Конмайкне Мара дали свое имя Коннемаре; самым важным ответвлением этого племени были Конмайкне Куле Толад, жившие на территории современного баронства Килмайне, на юге графства Мэйо; другие группы Конмайкне расселились вокруг озера Лох-Корриб, в северном Голуэе вокруг Дунмора, у истока реки Сак в западном Роскоммоне, рядом с Куиркни в Миде и в северной Тетбе близ Гранар-да. Конмайкне из Маг Рейн в южном Аейтриме стали играть важную роль в XI и XII веках; вероятно, они первыми двинулись на восток от Шеннона в

[108] См. выше, с. 87.

Маг Рейн совместно с властвовавшими над ними Уи Бриуйн Брефне и в конечном итоге под покровительством Уа Руайрк захватили большую часть графства Лонгфорд, оттеснив на юг Кенел Мане из Тетбы: приобретенные ими в позднее время владения стали основой диоцеза Арды.

Между озерами Лох-Корриб и Лох-Маек обитало очень древнее племя, не сумевшее занять видного места в ирландской истории, — Патрайге, название которых говорит о том, что они были остатком до-кельтского населения, родственного, возможно, иллирийскому племени, оставившему свой след в названии баварского курорта Гармиш-Партенкир-хен. Вероятно, именно оно являлось подлинным предком Шир Умайлл с побережья залива Клю, позднее появившихся на исторической сцене под именем Уи Бриуйн. Племя Согайн составители генеалогий относили к круитни: сообщается, что подобно Лойгис (с которыми их, таким образом, соединяли узы близкого родства) они разделялись на семь групп, шесть из которых были расселены в королевстве Уи Мане. Они составляли большинство населения в северной части этого высшего королевства, но нам известно и о Согайн, обитавших в Миде или Бреге и в Шернмаге среди племен союза Айргиаллы.

Как и Конмайкне, племя Делбна было рассеяно на территории от восточных до западных берегов Ирландии. К западу от города Голуэй в землях, позднее принадлежавших О'Флаэрти, обитали Делбна Тире да Лох. Небольшая группа проживала восточнее озера Лох-Корриб. Более могущественное королевство образовали Делбна Нодот (или Нуадат — название, обозначающее происхождение от бога Нуаду, который в некоторых отрывках самой ранней генеалогической схемы очевидно считался божеством-прародителем всех ирландцев). Они подчинялись Уи Мане и **[268]** занимали всю область между реками Сак и Шеннон. В прежние времена они, несомненно, составляли единое территориальное образование с Делб-на Бетра, располагавшимися сразу за рекой Шеннон, власть над которыми захватил кукушонок, выросший в их гнезде, Клонмакнойс, монастырь святого Киарана. Мы уже высказывали предположение, что Уи Мане в ходе VI века, когда разошлись исторические пути Уи Нейллов и коннахтов, сходным образом были отрезаны от своих сородичей, живших к востоку от Шеннона[109]. Также в Миде проживали еще два племени Делбна, одно из которых дало свое имя баронству Делвин.

Анналы, составленные в Клонмакнойсе, и остальные источники, опиравшиеся на них (особенно *Анналы Четырех Мастеров),* изобилуют вставками из официальных списков королей, выказывающих явное предпочтение роду Уи Бриуйн. *Анналы Ульстера* и *Анналы Инисфаллена* свободны от подобных искажений, но их сведения относительно Коннахта в ранний период истории носят довольно отрывочный характер.

Впрочем, из источников выясняется, что с конца V до середины VIII века наибольшим влиянием в Коннахте пользовалась династия Уи Фиахрах, даже принимая во внимание то обстоятельство, что, скорее всего, в тот период институт верховной королевской власти над провинцией не существовал как таковой. Хотя в позднюю эпоху северных Уи Фиахрах отделяли от Уи Фиахрах Айдне, обитавших на юго-западе, большие пространства, гегемония, которой они располагали над расселенными на этих просторах племенами-данниками, скорее всего, имела расплывчатую природу, характерную для племенного состояния ирландского общества в VI и VII веках, так что географическое расстояние между двумя ветвями господствующей династии не имело решающего значения до тех пор, пока возвышающийся род Уи Бриуйн не установил новых принципов властвования, опирающихся на понятие территориального господства и, распространив свою власть как раз на промежуточную область, не отрезал одну группу Уи Фиахрах от другой и не низвел Уи Фиахрах Айдне до положения небольшого зависимого королевства. Этому процессу также способствовала экспансия Уи Мане, которые, в свою очередь

[109] См. выше, с. 113.

испытывая давление на севере со стороны Уи Бриуйн Ай, продвигались в южном и западном направлениях.

Северные Уи Фиахрах владели областью в устье богатой лососем реки Мой, с плодородной прибрежной полосой (Муйреск), простиравшейся **[269]** на восток от реки. Это была страна Тирера (Тир Фиахрах), над которой в конце Средних веков властвовали О'Дауды, и именно здесь род Мак Фирбисов, наследственных хранителей родословных О'Даудов *(O Dubhda),* хранил множество рукописей, из которых мы черпаем наши знания по истории ранней Ирландии. Последний представитель этой ученой семьи, Дубалтах Мак Фирбис, во введении к *Книге Генеалогий,* написанной им в 1650 году, защищает добрую славу своего народа от обвинений в том, что ирландцам были неизвестны каменные постройки до прихода норвежцев, а позднее норманнов. Он указывает на свидетельства ратов и других земляных сооружений в любопытном отрывке, который иллюстрирует сочетание традиционных сказаний, передаваемых его кастой, с зачатками научного подхода. Он говорит о крупном форте близ родины Мак Фирбисов в Лекане:

«По всей Ирландии в изобилии встречаются очень большие королевские земляные укрепления и ограды, и в них многое сложено из гладкого хорошо обтесанного камня и погреба или помещения под землей под их стенами, например, в Рат Мэлхата в Кашлен Конхабайр, у Бале Уи Дувда в Тир Фиахрах, на берегах Мой.

Под стеной этого рата имеются девять подвалов из гладкого камня, и я был внутри, и я думаю, что это один из очень древних ратов в Ирландии, а его стены достаточной высоты для укрепленного двора. Этот и многие другие сходные вопросы я оставляю на суд знатоков...»

Ратмулка на самом деле представляет собой впечатляющее сооружение, содержащее большой комплекс подземелий. Он господствует над бродом через устье реки, ведущим во владения Уи Фиахрах в Тир Амалгадо на стороне Мэйо, а также с него открывается прекрасный вид на само устье реки и многочисленные острова. В одном стихотворении из «Старины мест» описывается король, сидящий на холме Ард-на-Риаг в трех или четырех милях к югу от Баллины и наблюдающий за своими кораблями, выплывающими из реки в море. Несложно понять, почему титул «король Моя» был излюбленным титулом этой династии. В прекрасном отрывке из древнеирландской песни, сохранившемся в трактате о стихотворных размерах, говорится:

Mac rig Muaide mid samraid
fuair i fid uaine ingin;
tuc do mess ndub a draignib,
tuc airgib sub fo subnib.

Сын короля Моя посреди лета
встретил в зеленом лесу девушку;
она дала ему черные ягоды терна,
дала пригоршню земляники на тростнике. **[270]**

Перед нами — ранний пример темы *binsin luachra* («шелест тростника»), широко распространенной в современной ирландской народной поэзии и родственной средневековой французской пасторали.

Ратмулка был родиной Маэл Котайда, сына Маэл Умай, короля Коннахта согласно спискам королей, хотя в *Анналах Улъстера* он именуется всего лишь «королем Уи Фиахрах» *(rex nepotum Fiachrach). Анналы Улъстера* фиксируют его бегство в битве при Эхросе (Орис Хед) в 603 году, когда Уи Фиахрах Муйрске потерпели поражение от Кенел Кайрпри. Эта битва является одним из эпизодов непрестанной вражды между коннахтами и Северными Уи Нейллами за контроль над стратегическим маршрутом через Слайго.

Поражение Маэл Котайда (нам ничего не известно о его смерти), возможно, способствовало тому, что его род не сумел удержать власть над долиной реки Мой. В

будущем его септ обнаруживается далеко к югу под названием Фир Хера из Карры в графстве Мэйо. Побочная ветвь, позднее давшая королевский род северных Уи Фиахрах, впервые представлена в списках королей Коннахта Дунхадом Муриски, жившим в конце VII века: судя по его прозвищу, он захватил власть над Муйреск[110].

Предпоследним предшественником Дунхада на королевском престоле Коннахта был Гуайре Айдне из рода южных Уи Фиахрах. Он играет выдающуюся роль в сагах королевского цикла, и на время его правления пришелся наивысший пик могущества Уи Фиахрах Айдне в Коннахте. Хотя завоевание мунстерцами Томонда по традиции датируется V веком, вполне возможно, что истинные сроки экспансии Северных десси в Восточный Клэр обозначены сражением при Карн Ферадайг, состоявшимся в 627 году Карн Ферадайг (Каэрнарри в Лимерике) позднее определял границу между северной и южной ветвями Малых десси. В этой битве Гуайре был обращен в бегство Файльбе Фланном, королем Кашеля, а король Уи Мане был убит. Как мы помним, в *538* году Гоибненн, сын Коналла, король Уи Фиахрах Айдне, отстоял право своей династии на господство над Уи Мане, нанеся поражение Мане, сыну Керрбела, из рода Южных Уи Нейллов[111]. В 627 году Гуайре, скорее всего, был еще слишком молод, и неудача, которую он потерпел, должно быть, способствовала успеху Рагаллаха, сына Уату, который стал королем Коннахта и **[271]** правил до своей смерти в 649 году, успев за время своего правления заложить основы преуспевания рода Уи Бриуйн.

В 649 году Гуайре потерпел еще одно крупное поражение от верховного короля Тары Диармайта, сына Аэда Слане, в сражении при Карн Конайлле в своей родной области близ Горта. Согласно спискам королей, Гуайре стал королем Коннахта только после смерти в 655 году своего брата Лайдгнена или Лоингсеха. Так как Лайдгнен не стал родоначальником династии, влияние которой могло обеспечить включение его имени в списки королей, скорее всего, он правил Коннахтом на самом деле. Его правление ни словом не упоминается в саге о битве при Карн Конайлле, но возможно, что поражение Гуайре повлекло за собой временную утрату королевства, которая, в свою очередь, привела к возникновению легенд о том, что он вынашивал намерение обратиться к религиозной жизни. В стихотворении IX века «Король и отшельник» Гуайре посещает своего (вероятно, совершенно легендарного) брата Марбана в его лесном убежище и спрашивает его, почему он ведет такой образ жизни. Марбан отвечает:

Тис нетленный
мой моленный
дом лесной;
дуб ветвистый,
многолистый —
сторож мой...
Яблок добрых,
алых, облых —
в куще рай;
мних безгрешен,
рву с орешин
урожай.
Ветер веет,
листья плещут,
шелестят;
струйным звоном
вторит в тон им

[110] См. Приложение II, табл. 18.
[111] См. с. 113.

водопад![112]

Тогда Гуайре говорит, что он отдал бы свое королевство за то, чтобы жить со своим братом в монашеском уединении.

Однако сага о битве при Карн Конайлле обращает военное поражение Гуайре в моральную победу. Очевидно, эта сага была составлена в Клонмакнойсе, и она отражает успех этого монастыря, приобретшего и удерживавшего поддержку соперничавших между собой Уи Нейллов и коннахтов. Диармайт и Гуайре соревнуются друг с другом в благочестии, но Гуайре выигрывает соревнование благодаря своей скромности и **[272]** щедрости. Накануне битвы Диармайт отправляется в Коннахт через Клонмакнойс, где он просит аббата и общину молиться о его благополучном возвращении. Задним числом оправдывая поглощение Клонмакнойсом одного более слабого соперника в IX веке, составитель повести говорит, что Диармайт подарил Клонмакнойсу землю, на которой стоял монастырь Лиат Манхайн, «и наложил три проклятия на короля Миде, если кто-либо из его людей возьмет оттуда хотя бы глоток воды. Потому ни один король Миде не осмеливается смотреть на него и ни один из его людей не осмеливается есть его пищу». Диармайт попросил также похоронить его в Клонмакнойсе, что в конце концов (как говорит автор) и было исполнено. Гуайре посылает Куммене Фоту, аббата Клонферта, просить перемирия, но хотя коннахтские войска вкупе с их союзниками превосходят противника числом, Диармайт, полагаясь на волю Божью, отказывает в перемирии и побеждает.

Когда побежденный Гуайре является к Диармайту, чтобы «покориться на мече» *(giallad fri claideb)* — по словам автора саги, это выражение буквально означало, что победитель вкладывал острие своего копья или меча меж зубов лежащего противника, — верховный король испытывает его прославленную щедрость, и шут, прокаженный и другие бедняки выпрашивают у распростертого на земле короля дары. В конце концов Гуайре просит у Диармайта позволения подняться, чтобы снять рубаху, так как это все, что у него осталось, и отдать ее одному отшельнику-калди. «Что ж, — сказал Диармайт, — ты покорился другому королю, Сыну Божьему. И вот мое повиновение тебе». Так был заключен мир. Даже после смерти Гуайре, спустя много лет один шут пришел на его могилу в Клонмакнойсе, и из могилы показалась рука покойного короля с пригоршней праха, который превратился в золото, «и это была последняя щедрость Гуайре».

В саге утверждается, что на помощь Гуайре в битве при Карн Конайлле пришли мунстерские войска под началом Куана, сына Энды, короля Кашеля, Куана, сына Коналла, короля Уи Фидгенти, и Толомнаха, короля Уи Лиатайн. Все они погибли в бою. Это сообщение неправдоподобно: в ранних анналах мы не находим никаких упоминаний об этих союзных частях, тем более что, по сообщениям этих источников, Куан, сын Энды, умер в 641 году. Уи Лиатайн вряд ли принимали участие в событиях, разворачивавшихся столь далеко от их родного края, а имя Толомнах кажется довольно необычным, хотя оно и появляется в родословных Корко Байскинд, а некий Таламнах, сын Лайдкенда, король **[273]** Корко Байскинд, был убит в 665 году в битве при Лох Фен (Лохфейн в графстве Лимерик) между мунстерцами и коннахтами. Не исключено, что он сражался на коннахтской стороне. Однако его сын погиб в 721 году в бою между Корко Байскинд и коннахтами, что может служить указанием на упадок Уи Фиахрах Айдне и распространение власти Мунстера на весь Томонд.

Отношения между Гуайре и Уи Фидгенти (сфера влияния которых иногда простиралась даже на земли к северу от устья реки Шеннон) отражены в стихотворении, приписываемом Креде, дочери Гуайре, которое якобы представляет собой надгробный плач по принцу Динертаху из рода Уи Фидгенти, который был смертельно ранен «в битве

---

[112] Цит. по изданию: Поэзия Ирландии. Перевод Г. Кружкова. М., 1988. С. 40— 43. — *Примеч. ред.*

при Айдне». Впрочем, профессор Карни считает это стихотворение подлинным произведением VII века, написанным придворным поэтом Гуайре, и ранним примером проявления бардовского причудливого воображения, когда поэт представляет себя в роли законной супруги своего покровителя. Таким образом, это является тонким комплиментом мунстерскому принцу:

«Великая любовь к человеку из другой страны, который превзошел своих сверстников, похитила мой румянец (он почти поблек); она не дает мне спать.

Мне хорошо живется у Гуайре, короля холодного Айдне, но моя душа устремляется прочь от моего народа в страну, находящуюся в Иарлуахайре.

В краю славного Айдне, у Келл Холмайн, люди поют о славном пламени с юга Луимнеха[113] могил, имя которому Динертах».

Вокруг цикла саг и стихотворений о Гуайре Айдне скопилось также множество агиографических преданий. Рассказывались истории о его близком знакомстве с такими святыми, как Куммене Фота из Клонферта, Колман, сын Дауи из Килмакдуа, Каймmин из Инис Келтра и оригинальным святым простецом Мак-да-Хердой «сыном двух ремесел», который, возможно, представляет собой одно лицо с Комганом, аббатом Эмли, о котором мы уже говорили в связи с собором Мак Ардды[114]. Из всего этого можно сделать вывод, что влияние Гуайре, пусть и косвенным образом, распространялось на некоторые области Мунстера. Килмакдуа, главная церковь его владений и позднее их епископская кафедра, располагался на границе с владениями Коркомруад, а Куммене Фота был родом **[274]** из Мунстера. В самом деле, вполне вероятно, что Гуайре во многом заслужил свою добрую славу благодаря тому, что оказывал покровительство примечательной экспансии святых из Западного Мунстера вверх по течению реки Шеннон, о которой мы уже говорили. Инис Келтра на озере Аох-Дерг был тесно связан с Дал Кайс из Томонда, однако обитель святого Каймmина сама вытеснила память о лейнстерском святом Колуме, сыне Кримтанна, из Терригласса. Туайм Грене (Томгрейни), еще одна церковь Дал Кайс, также могла привлекать интерес Гуайре, и вполне возможно, что он стал предком двух аббатов, Рехтабры уа Гуайри и Катнии уа Гуайри, умерших соответственно в 752 и 794 году. Даже в X веке Туайм Грене управлял аббат из рода Уи Фиахрах Айдне, Кормак уа Киллин, который умер в 966 году и был также аббатом Клонмакнойса и Роскоммона: именно он построил церковь и ее круглую башню *(с1о'щ1НесН,* буквально «колокольный дом»; это — первое письменное упоминание о подобном сооружении).

Таким образом, власть Гуайре, по-видимому, простиралась на Томонд и, возможно, обеспечивала ему верховное господство над Коркомруад и Корке Байскинд, что привело к соперничеству с Уи Фидгенти. Кроме того, в его непосредственном подчинении состояла территория, которая лишь позднее полностью перешла к Северным десси или Дал Кайс. Неспособность династии Гуайре удержать власть над этой областью обусловила последующий ее упадок и, соответственно, незначительную роль, которую она стала играть в истории королевства Коннахт. В *Хронике Скоттов* при сообщении о смерти сына Гуайре Муйрхертаха Нара в 668 году он именуется «королем Коннахта», но в других источниках упоминается лишь один король этой пятины из рода Уи Фиахрах Айдне, внук Гуайре Фергал Айдне, который умер в 697 году. Два других потомка Гуайре — его сын Айрмедах и его внук Экомрас, сын Конгала, — погибли в 675 и 697 году, но нам ничего не известно об обстоятельствах их гибели. Тесные отношения между Южным Коннахтом и Томондом, безусловно, сохранялись, и когда политическая ситуация в стране изменилась кардинальным образом, Уи Фиахрах Айдне и Уи Мане оказались единственными ирландскими королевствами за пределами Мунстера, выставившими свои контингенты войску Бриана Боромы в битве при Клонтарфе в 1014 году.

---

[113] Луимнех — устье Шеннона; позднее это имя получил город, основанный викингами в Инис Сибтонн (Лимерик).

[114] См. с. 246.

Креде, дочь Гуайре, сама стала героиней целого цикла романтических легенд, дошедших до нас в виде отдельных отрывков. Она выступает в роли прототипа Изольды в ранней версии сказания о Тристане — повести о Кано, сыне Гартнайта из Ская, который недолгое время пребывал при **[275]** дворе Гуайре; функции короля Марка исполняет носящий сходное имя Маркан, сын Томайне, король Уи Мане, погибший в сражении с королями Уи Бриуйн: Кенн Фаэладом, сыном Колгу, и Маэнахом, сыном Баэти-не, — в 653 году.

Имя Гуайре также связывают с фигурой нестерпимо высокомерного поэта и ученого Сенхана Торпеста в саге о том, как было найдено «Похищение быка из Куальнге». Сенхан подвергает гостеприимство Гуайре тяжелейшему испытанию, угрожая сочинить на него хулительные стихи, и король выходит из щекотливого положения лишь благодаря совету своего брата (или племянника), отшельника Марбана, который приносит в жертву своего любимого белого кабана, чтобы жена поэта Муренн получила свиное сало. В ранненовоирландской версии «Барды в гостях у Гуайре» *(Tromdann Guaire*) текст представляет собой настоящую пародию на претензии сословия поэтов, хотя Иейтс сделал Сенхана героем своей пьесы «Порог короля». Упоминание о существовании саги, повествующей о том, как было найдено «Похищение быка из Куальнге», появляется уже в «Глоссарии» Кормака. В конце концов Сенхану пришлось умолкнуть, когда Марбан попросил его рассказать сагу о быке из Куальнге. Ульстерский эпос был утерян, ибо единственный список увез за пределы страны один ирландский ученый и обменял его на книгу Кулмена (энциклопедическое сочинение Исидора Севильского «Этимологии»). В этом рассказе содержится зерно истины, так как в VII веке местная ирландская мифологическая и героическая традиция оказалась под угрозой исчезновения из-за растущей популярности латинской культуры, которая считала произведение Исидора «вершиной» познания. Однако Сенхану удалось вызвать тень ульстерского героя Фергуса, сына Ройга, который и рассказал ему весь эпос.

В неожиданно неприглядном свете Гуайре появляется в другом ранненовоирландском тексте, изобилующем фольклорными мотивами Житии святого Келлаха *(Betha Chellaigh),* епископа Киллалы и покровителя этого диоцеза. Так как Келлах изображается сыном Эогана Бела, то он должен был жить (если он когда-либо существовал в действительности) на 100 лет раньше Гуайре, а само Житие во многом гораздо больше напоминает светский роман, чем агиографическое сочинение. Эоган Бел погиб в битве при Сликехе (река, протекающая через город Слайго) в *543* или 547 году, защищая Коннахт от Северных Уи Нейллов, которыми руководили Форггус и Домналл, сыновья Муйрхертаха, сына Эрк, и Айнмере, сын Сетны, из Кенел Конайлл. В саге говорится, что Эоган Бел **[276]** был похоронен в стоячем положении в Райт Уа Шиахрах на Кнокари лицом на север со своим красным копьем в руке. До тех пор пока его тело оставалось нетронутым, северяне не могли победить Коннахт. Наконец Уи Нейллы собрались на совет и откопали тело Эогана, похоронив его лицом вниз в Оэнах Лоха Гиле, месте собраний на озере Лох-Гилл.

Именно в этих местах, во владениях королевства Кайрпре Дрома Клиаб, произошло сражение при Кул Древне между этими северными князьями, на сей раз выступавшими в союзе с Аэдом, сыном Эху, королем Коннахта, и верховным королем Тары Диармайтом, сыном Керрбела, в 560 или 561 г.[115] На протяжении следующих столетий власть Коннахта возвышалась, и Уи Бриуйн Брефне отрезали эту северную часть королевства Кайрпре от ее западной половины в графстве Аонгфорд. Вследствие этого Коннахт заявил свои права и на эту область: согласно традиции, доисторическая пятина Коннахт граничила с Ульстером по реке Дроуз в нескольких милях к северу от Друмклиффа. Однако по своим естественным симпатиям короли Кайрпре Дрома Клиаб

[115] См. с. 117.

всегда тянулись к своим северным сородичам, и статус их королевства оставался предметом споров вплоть до XVI века.

В 550 году сын и преемник Эогана Бела Айлиль Инбанда был убит теми же Форгуссом и Домналлом в Кул Конайре в Кере; впрочем, возможно, это сообщение появилось в результате неправильного истолкования ранней записи, в которой говорилось о том, что Айлиль пал от рук своих сородичей Уи Фиахрах, Фир Хера, которые также вели свой род от Мак Эрка.

В генеалогической традиции Эоган Бел занимает неясное положение; по наиболее правдоподобным свидетельствам, он был внуком Айлиля Молта. Он определенно принадлежал к роду Уи Фиахрах, несмотря на попытки составителей некоторых списков королей сделать его сыном Дауи Тенга Умай или Дауи Галаха из рода Уи Бриуйн. Историческая достоверность родословной Уи Бриуйн, Дауи — Эоган Срем — Муйре-дах Мал — Фергус — Эху Тирмхарна, чрезвычайно сомнительна[116]. Эоган Срем и Муйредах Мал являются всего лишь двойниками Эогана Бела и его сына Муйредаха, брата Келлаха. Дауи Тенга Умай и Дауи **[277]** Галах изначально представляли собой одно лицо: оба были из каких-то неясных соображений включены в генеалогию Уи Бриуйн. Ни Тирехан, ни «Трехчастное Житие» ни словом не упоминают Дауи, сына Бриона: это умолчание было бы чрезвычайно странным, если бы Тирехану был известен такой король Коннахта. Какое бы предубеждение к соперничающей династии, будучи представителем рода Уи Фиахрах, ни испытывал Тирехан, он мог бы с легкостью выразить его, вложив проклятие в уста святого, но Патрик у него лишь мимоходом благословляет сыновей Бриона.

Героем второй половины Жития Келлаха становится Муйредах, сын Эогана Бела, которого, как и его брата святого, вероломно убивает Гуайре. Несмотря на позднее время написания текста и анахронистическое включение в ткань повествования Гуайре, в данном случае мы обнаруживаем подлинные воспоминания о вражде между северной и южной ветвями Уи Фиахрах.

На первый взгляд Эху Тирмхарна и его сын Аэд, короли Коннахта VI века, якобы происходившие из рода Уи Бриуйн, кажутся историческими лицами. Однако то обстоятельство, что о смерти Аэда в 577 году *Анналы Улъстера* сообщают следующим образом: «убийство Аэда, сына Эху Тирмхарны, (совершенное) Уи Бриуйн» *(ingulatio Aedha maic Echach Tirimcharna la Hu Briuin),* в сочетании с тем фактом, что это сообщение представляет собой первое упоминание о Уи Бриуйн в ранних анналах, заставляет нас заподозрить, что Аэд погиб, будучи не королем Уи Бриуйн, а первой выдающейся жертвой их честолюбия. В *Анналах Инисфаллена* он именуется «королем Коннахта»; здесь же мы находим утверждение, что он якобы отдал Энах Дуйн святому Брендану Клонфертскому. Однако вряд ли король, властвовавший над равниной Маг Ай, мог распоряжаться Аннагдауном на озере Лох-Корриб.

Родословные Уи Бриуйн проявляют все признаки фальсификации. Так как эта династия играла относительно маловажную роль в истории VII столетия и стала распространять свое влияние за пределы Центрального Коннахта лишь в ходе VIII века, приблизительно в эту же эпоху и должно было происходить обильное почкование ее генеалогического древа. Ветви ирландских генеалогий обычно разрастаются по мере того, как династия приобретает все больше власти и влияния. Однако и Уи Бриуйн Умайлл с берегов залива Клю, и Уи Бриуйн Синна из Восточного Роскоммона, и Уи Бриуйн Сеола из области Туам в графстве Голуэй, а также Уи Бриуйн Брефне и Уи Бриуйн Ай с помощью незафиксированных или сомнительных предков возводят свой род к Бриону или его сыну Дауи, **[278]** якобы жившему в V веке. Уи Бриуйн Синна, ранее известные под названием Кенел Майк Эрке, и Уи Бриуйн Умайлл (впервые упомянутые под этим именем

---

[116] См. Приложение II, табл. 19: необходимо было воспроизвести эту генеалогию, чтобы проиллюстрировать официальную доктрину о происхождении Уи Бриуйн, однако Эоган Срем не назван королем, а двойник Дауи Галах был вовсе выброшен.

в 787 году) почти наверняка были включены в родословную в VIII веке: такой ход обеспечивал им статус племени, освобожденного от дани *(saer-thuatha), и* одновременно позволял власти Уи Бриуйн закрепиться на территории от реки Шеннон до залива Клю.

Хотя смерть Уату, сына Аэда, зафиксирована в 601 или 602 году, *Анналы Ульстера* не называют его королем Коннахта. Первым представителем рода Уи Бриуйн, которого мы с некоторыми основаниями можем считать королем Коннахта, был его сын, современник Гуайре Рагаллах, сын Уату, который умер в 649 году. Согласно спискам королей, он убил своего предшественника, отца Гуайре Колмана, сына Кобтаха, в сражении при Кенн Буге (Камбо близ Роскоммона). В позднем переложении королевских саг, переработанных в псевдолетописной форме, он изображается в довольно мрачном свете. Рагаллах захватил королевский престол, вероломно убив своего брата, а его жена Муренн узнант, что он примет смерть от собственного потомства. Поэтому, когда она рождает дочь, Рагаллах бросает дитя на произвол судьбы. Однако она остается в живых, и ее воспитывает одна вдова. Позднее Рагаллах принимает девушку к своему двору и делает ее своей любовницей. Муренн обращается за помощью к своему приемному сыну Диармайту, верховному королю Тары, и святые Ирландии приходят в Коннахт, чтобы поститься против Рагаллаха и проклясть его. Однажды мимо краннога, в котором пребывает Рагаллах, пробегает олень, и король садится в лодку, чтобы поохотиться на него. Когда он приплывает к берегу, то обнаруживает, что оленя убили крестьяне, добывающие в болоте торф. Рагаллах требует от них тушу животного, и они убивают его заступами: так его постигла бесславная смерть, которую навлекли на него проклятия святых.

В *Анналах Ульстера* лишь мимоходом упоминается гибель Рагаллаха, короля Коннахта. Судя по всему, он не обладал серьезным влиянием, так как рассказ о его смерти от рук крестьян представляет собой всего лишь развернутое повествование о подлинном событии, зафиксированном в *Анналах Тигернаха.* Он был убит Маэл Бригте, сыном Мотлахана, и Корко Куллу, подчиненным племенем *(aithech-thuath)* Киаррайге, которые все еще составляли крупнейшую часть населения в родной области Уи Бриуйн, равнине Маг Ай. В очень раннем стихотворении, которое в саге приписывается Муренн, Рагаллах именуется «королем Селги» *(ri* **[279]** *Selga).* Здесь же сообщается, что он был похоронен в Баслике (Баслекк, *basilica sanctorum).* Это раннее патрикианское сооружение, единственная ирландская «базилика», хотя и находилась на равнине Маг Ай, оставалось в руках Киаррайге до конца VIII века.

Начало экспансии Уи Бриуйн на запад можно отсчитывать со времени смерти следующего представителя этой династии, достигшего королевской власти над провинцией Коннахт. Кенн Фаэлад, сын Колгу, из Уи Бриуйн Сеола был убит Конмайкне Куле в 682 году. Тот факт, что эти ранние короли из рода Уи Бриуйн погибали от рук вассальных племен, дает понять, что в своих новых владениях они еще представлялись незваными гостями. Эта кажущаяся нестабильность Уи Бриуйн могла вызывать у все еще господствующих Уи Фиахрах чувство ложной защищенности. Однако новый политический курс, проводимый Уи Бриуйн и направленный на создание королевства, которое основывалось бы на территориальном владычестве, заложил прочный фундамент будущего могущества этой династии. Племена, связанные с Уи Фиахрах не слишком крепкими узами верности, стали изъявлять свою преданность Уи Бриуйн — частью по принуждению, частью следуя своим интересам, частью же входя в состав самой династии Уи Бриуйн. В итоге под контролем Уи Фиахрах остались лишь те земли, которыми они владели в качестве самостоятельного племени. В VIII веке из рода Уи Фиахрах вышло только три короля Коннахта, а после смерти Донн Котайда, сына Катала, в 773 году Уи Бриуйн стали безраздельно властвовать провинцией, хотя разделение их династии на ряд септов сулило вызвать в будущем еще более жестокую борьбу за королевскую власть.

В 704 году верховный король Тары Лоингсех, сын Энгуса, пошел в поход на Коннахт, но потерпел поражение и был убит в битве при Коранне в Южном Слайго: «в четвертый день июльских ид [12 июля] в шестом часу в субботу» — с необычной точностью говорят анналы. Лоингсех происходил из Кенел Конайлл, которые вследствие продвижения Кенел Эогайн на территорию современного графства Лондондерри оказались под угрозой изоляции. Единственный выход для Кенел Конайлл, чтобы сохранить благосостояние династии, заключался в продвижении на юг, в Коннахт. Несомненно, Лоингсех также желал укрепить реальное значение своего титула верховного короля: он входит в число тех немногих королей Тары, за которыми *Анналы Улъстера* признают звание «короля Ирландии». Однако Лоингсех потерпел неудачу, а его сын Флатбертах, отрекшийся от престола под давлением Аэда Аллана в 734 году, был **[280]** последним королем Тары из рода Кенел Конайлл. В сражении погибли три сына Лоингсеха и множество других знатных людей из войска Уи Нейллов, а победу одержал Келлах, сын Рагаллаха, который умер год или два спустя, приняв духовный сан. В саге Келлах предстает в образе древнего старика, и на самом деле его отец был убит за 55 лет до описываемых событий. Однако он был вовсе не таким немощным старцем, каким его изображали в своих сатирах поэты верховного короля. Искупавшись в настое из трав и намазавшись маслом, он садится между двумя Дунхадами — Дунхадом Муриски и «другим Дунхадом» — и идет в сражение. Его старые кости издают громкий треск, когда он выпрыгивает из колесницы. Он обещает королевство двум Дунхадам и после победы удаляется в монастырь.

Автор саги несколько перепутал хронологию событий; если же он ничего не путает, то в действительности Келлах занимает неверное место в списках королей. По официальной доктрине, ему наследовал не Дунхад Муриски, а сын Дунхада, Индрехтах. Кто скрывается под именем «другой Дунхад», мы не знаем. Келлах, сын Рагаллаха, иначе именуется Келлахом Аоха Киме, по названию озера Лох Киме (ныне Лох-Хакет близ Хедфорда) на крайнем западе Маг Ай. Его дети, Сил Келлайг, на протяжении VIII века с успехом соперничали с Сил Муйредайг и Сил Катайл в борьбе за королевский престол Коннахта, однако позднее были вытеснены из области Хедфорда родом Уи Бриуйн Сеола.

Преемник Келлаха Индрехтах, сын Дунхада, из рода Уи Фиахрах Муаде, был убит в 707 году, потерпев поражение от войска Северных Уи Нейллов под началом Фергала, сына Маэл Дуйна, короля Кенел Эогайн, Фергала, сына покойного верховного короля Лоингсеха, и Коналла Менна, короля Кенел Кайрпри. Таким образом, Уи Нейллы отомстили коннахтцам за поражение 704 года. Рассказывая об этом событии, *Анналы Тигернаха* именуют Индрехтаха «королем трех Коннахтов» *(ri teora Connacht).* Это выражение входит в обычное словоупотребление с VIII по X век и может служить указанием на развитие представлений о королевской власти над всей пятиной Коннахт, возникших в противовес претензиям Уи Нейллов. Эволюция таких представлений шла только на пользу Уи Бриуйн, занимавших срединные равнины Коннахта и безраздельно владевших доисторической столицей провинции Круаханом в Маг Ай.

Время правления Индрехтаха, сына Муйредаха, с 707 по 723 год, ознаменовалось дальнейшим сплочением Уи Бриуйн в качестве господствующей **[281]** династии Коннахта. Индерхтах умер своей смертью, совершая паломничество в Клонмакнойс, дружеские связи с которым способствовали укреплению позиций Уи Бриуйн в Южном Коннахте. Его прабабка Муренн упоминается в одном архаическом хвалебном стихотворении, посвященном Индрехтаху (в саге о Рагаллахе ей приписываются некоторые характерные черты мифологического персонажа):

Indrechtach iath mBruiun,
bresfhota, bailc baind,
breo derg di chlaind
chet rig, roart caur,

cainfhael ilchonda,
aue Muime muin.

Индрехтах земель Бриона,
воюющий в дальних пределах, с могучими подвигами,
красное пламя детей
ста королей, высочайший воитель,
прекрасный волк (среди) множества псов,
драгоценный потомок Муренн.

Возвышению Уи Бриуйн также способствовал упадок «Третьего Коннахта», Уи Айлелло к северу от Маг Ай. В 743 году этот род участвовал в сражении на Маг Луйрг, долине реки Бойл, с Гайленга. В 752 году Уи Бриуйн сами нанесли поражение племени Калрайге Луйрг, в то время, скорее всего, являвшемуся вассалом Уи Айлелло. В 753 году Уи Айлелло потерпели поражение от грекрайге. В 789 году Уи Айлелло победили Ауигни в битве при Ахад Абле в баронстве Коранн, а в следующем году вновь нанесли им поражение при Ат Ройс, убив Дуб-да-Туата, вождя трех септов Луигни Коннахт *(dux na tri sloinnte).* Однако эти победы были лишь агонией умирающего: династия Уи Айлелло исчезает со страниц истории после битвы при Ард Маккриме в 792 году, о которой в анналах сообщается, что «внуки Айлиля были уничтожены» (*nepotes Ailello prostrate sunt).* Победители не названы, но среди убитых упоминаются Катмуг, сын Шлатбертаха, король Кайрпре, и Кормак, сын Дуб-да-криха, король Брефне. Кормак является первым правителем Брефне, упомянутым в анналах, хотя его имя и не было включено в сохранившиеся родословные Уи Бриуйн Брефне. Правда, *Анналы Тигернаха,* сообщая о смерти Маэнаха, сына Баэтине, в 653 году, называют его королем Брефне, но ввиду характера этого источника мы можем с уверенностью утверждать, что этот титул представляет собой анахронизм: племянник Маэнаха Дуб Дотра, сын Дунхада, называется в *Анналах Ульстера* в 743 году всего лишь «королем Уи Бриуйн», хотя *Анналы Тигернаха* наделяют его титулом «короля Уи Бриуйн и Конмайкне», обычным для его потомков, рода Уа Руайрк, королей Брефне. **[282]**

Должно быть, Уи Бриуйн Ай с некоторым удовлетворением следили *за* победами Луигни, Гайленга и Грекрайге над Уи Айлелло: в конечном итоге именно они извлекли выгоду из этих побед, и позднее равнина Маг Луйрг перешла во владение Сил Муйредах. В 754 году Уи Бриуйн сражались с Кенел Кайрпри при Ард Нойскане на территории Уи Айлелло: частое участие королей Кайрпре из рода Уи Нейллов в коннахтских войнах той эпохи может объясняться их попытками устранить разрыв между слаго-лейтримской и лонгфордской частями их королевства, который стал реальной угрозой вследствие экспансии Уи Бриуйн Брефне. В 762 году Кенел Кайрпри одержали победу над Луигни.

В годы правления Айлиля Медрайге из рода Уи Фиахрах Муайде, ставшего королем Коннахта, Уи Бриуйн потерпели относительную неудачу. Прозвище короля, вероятнее всего, означает, что он воспитывался подвластным племенем Медрайге, расселившимся на восточном берегу залива Голуэй. В 758 году он нанес поражение Уи Бриуйн при Друйм Робайг (Дромровей) в Южном Мэйо; однако место сражения, находящееся во владениях Шир Хера, говорит о том, что в роли агрессоров выступали Уи Бриуйн. После смерти Айлиля в 764 году королевская власть перешла к Дуб-Индрехту, сыну Катала, из рода Уи Бриуйн, который нанес сокрушительное поражение племени Конмайкне Куле Толад в битве при Срутайре (Шруле, графство Мэйо), тем самым в очередной раз обозначив непреклонное стремление своей династии к захвату западных областей Коннахта. Отец Дуб-Инрехта стал предком рода Сил Катайл, который на протяжении столетия являлся опасными соперниками Сил Муйредайг и сумел выкроить для себя владения в Роскоммоне, вытеснив оттуда Уи Мане: позднее их правящим родом стал род Уа Фланнакайн (О'Фланаган), но последним претендентом на королевскую

власть над Коннахтом из их династии был Мугрон, сын Маэл Котайда, которого анналы, сообщая о его смерти в 872 году, называют всего лишь «со-королем Коннахта» (leth-ri Connacht)[117].

Прочно утвердившись в центральных областях Коннахта, Уи Бриуйн обратили свои взоры на юг, на владения Уи Мане, которые пользовались положением практически независимого от короля Коннахта высшего королевства, но тем не менее находились в достаточно хороших отношениях с Уи Фиахрах Айдне. Маркан, сын Томайне, современник и зять Гуайре в VII веке, в одном источнике именуется королем Уи Мане и Медрайге. **[283]** Вследствие упадка, постигшего Уи Фиахрах Айдне, традиционные связи прервались, и в 743 году между двумя королевствами произошло сражение. В 775 году в битве при Ахад Аиаке Уи Мане были обращены в бегство родом Уи Бриуйн (Атлиг). Это сражение ознаменовало собой начало активного давления, исходившего от северных династий. В 778 году они вновь потерпели поражение от Артгала, короля Коннахта из Сил Катайл.

Типрате, сын Тадга, ставший королем Коннахта после отречения Артгала в 782 году и его отъезда в паломничество на Иону, простирал свои виды и на юг, и на север, нанеся тяжелый удар Уи Фиахрах Айдне на историческом поле боя Карн Конайлл в 784 году и победив их северных родичей на реке Мой в следующем году. В 783 году его вступление на престол было отмечено посещением Дуб-да-Лете, аббата Армы: король и аббат провозгласили в Круахане *Закон Патрика.* Выбор места говорит о взаимном признании претензий Армы и Уи Бриуйн в Коннахте, а *Закон Патрика* провозглашался последующими аббатами Армы в западной провинции через частые промежутки времени при жизни следующих двух поколений: в 799, 811, 818, 825 и 836 годах. Типрате, сын Тадга, в позднюю эпоху оказался в таком глубоком забвении (так как у него не оказалось сколько-нибудь выдающихся потомков), что его имя пропущено во многих списках королей. Однако можно считать, что его непродолжительное правление (он умер в 786 году) ознаменовало собой окончательное признание Уи Бриуйн полноправными наследственными правителями королевства Коннахт. После его смерти Уи Фиахрах попытались вернуть себе утраченные позиции и в 787 году выиграли два сражения. Первая победа оказалась пирровой, так как в бою погибли вожди обеих сторон: Катмуг, сын Дунн Котайда, сын последнего короля Коннахта из рода Уи Фиахрах, и Дуб-Дибейргг, сын Катала из рода Уи Бриуйн. Второе сражение закончилось избиением Уи Бриуйн Умайлл (первое упоминание этого септа по имени) родом Уи Фиахрах Муриски: его эффект оказался недолговечным.

В последние годы VIII века во времена правления Муиргиуса, сына Томмалтаха, Коннахт заявил о себе как о самостоятельной силе на ирландской политической сцене. Сначала Муиргиус должен был утвердить первенствующее положение своего рода Сил Муйредайг среди разросшихся септов Уи Бриуйн. Его отец Томмалтах умер в 774 году, будучи королем Маг Ай *(rex Ai),* но ни один из его предков вплоть до прадеда Инрехтаха, сына Муйредаха, не был королем Коннахта. Его первым соперником стал Кинаэд, сын Артгала, из Сил Катайл. Хотя мы не **[284]** находим имени Кинаэда в списках королей, в анналах начало правления Муиргиуса отсчитывается с победы над Кинаэдом в битве при Срут Клуана Арги (Клунаргид в Роскоммоне) в 792 году, в которой последний погиб. Кроме того, в *Анналах Инисфаллена* королем Коннахта именуется Колла, сын Фергуса, из рода Сил Келлайг, умерший в 796 году, а Муиргиус в том же году потерпел поражение в битве при Ат Фене на северной границе земель Киаррайге Ай в своих собственных владениях. В 799 году, по сообщениям источников, произошла битва между коннах-тами при Дун Ганиба, в которой погибло много знатных людей, но в которой Муиргиус одержал победу над какими-то врагами, оставшимися не названными в наших источниках. В том же году Гормгал, аббат Армы, ввел в Коннахте *Закон Патрика.* В 802 году

[117] См. Приложение II, табл. 20.

Муиргиус уже достаточно укрепил свою власть, чтобы продвинуться далеко на юг и разрушить кранног на озере Лох Риах (Лох-Ри), а в 803 году Согайн подняли восстание против своих сюзеренов в Маэнмаге, той части королевства Уи Мане, центром которой являлось озеро Лох-Ри.

Характерной чертой, отметившей правление Муиргиуса, стала его агрессивная политика, направленная против вассальных племен Коннахта и свидетельствующая о том, что верховенство Уи Бриуйн основывалось на активном приобретении территориальных владений. Муиргиус сделал своего сына Кормака аббатом Баслика, церкви Киаррайге Ай, находившейся в неудобной близости от Круахана. В 805 году Кормак был убит Киаррайге, и Муиргиус отомстил убийцам, разорив их земли. В 810 году еще два его сына, Тадг и Флатниа, был убиты жившими к северу от Маг Ай Луигни из Коранна, которые этими действиями также навлекли на себя разорительный поход короля. В 812 году Муиргиус вел активные действия против Калрайге Луирг, и в том же году он опустошил Южный Коннахт.

Муиргиус стремился завоевать расположение Церкви, и это вполне ему удалось. В 811 году Нуадо, аббат Армы, посетил Коннахт, привезя с собой мощи св. Патрика и его Закон. До этого в 793 году Муиргиус и Айльдобур, аббат Роскоммона, навязали «Трем Коннахтам» *Закон святого Коммана* из Роскоммона (Рос Коммайн «Лес Коммана»). По-видимому, Роскоммон был дочерней церковью Клонмакнойса, а Уи Бриуйн подкрепили свои династические притязания церковной поддержкой еще в 744 году, когда Форггус, сын Келлаха, ввел в Коннахте *Закон Киарана* (Клонмакнойсского) и *Закон Брендана Клонфертского.* Эти Законы, которые определяли выплату налогов и штрафов за их нарушение, **[285]** накладывались друг на друга и зачастую вступали между собой в противоречие. Однако Клонмакнойс, многие аббаты которого вышли из числа вассальных племен Коннахта и который был самой богатой и престижной церковью в пределах коннахтской сферы влияния (хотя формально он не находился на территории провинции), представлял собой очевидного морального союзника, поддержкой которого стремились заручиться Уи Бриуйн. *Закон Киарана* вновь был официально провозглашен в 775 году, после того как Уи Бриуйн нанесли поражение Уи Мане, а также в 788 году, а Законы Коммана и Аэдана — в 772 и 780 годах. Конечно, формальное введение этих Законов подразумевало дальнейшую секуляризацию, которая нашла наиболее яркое отражение в боях, которые Клонмакнойс вел с Бирром и Дурроу в 760 и 764 годах, но о подлинном уважении к религии, питаемом королями Коннахта в VIII веке, свидетельствует число тех из них, кто закончил свои дни, удалившись от мира в монастырь.

В 814 году, на последнем году своей жизни, Муиргиус предпринял важный шаг, совершив удачную попытку теснее связать судьбу Клонмак-нойса с судьбами своей династии. Орим (Эхдруйм), церковь во владениях Уи Мане, по-видимому, находился в зависимости от Клонмакнойса. В 814 году был убит епископ и эренаг Орима Маэлдуйн, и Муиргиус с Фойрхеллахом, аббатом Клонмакнойса, возглавили совместный военный поход против Уи Мане «на юг от реки Сак». По сообщениям анналов, в ходе этой кампании было убито много невинных (*innocentis*). *Закон Адомнана (Cain Adomnain),* который был обнародован для всей Ирландии в Бирре в 697 году и блюстителем которого был аббат Рафо, был специально предназначен для защиты жизни женщин, детей и людей церкви во время военных действий и поэтому назывался также *Законом невинных (Lex innocentium).* Нам неизвестны причины, стоявшие за раздражением, которое Уи Мане испытывали по отношению к Маэлдуйну, но мы можем предположить, что в этом деле, как обычно, тесно переплелись династические и церковные интересы. Последним зафиксированным в источниках действием Муиргиуса в качестве короля Коннахта в конце того же года было «поднятие над Коннахтом *Закона Киарана».*

Муиргиус привел Сил Муйредайг к господствующему положению среди Уи Бриуйн Ай: название «Шилморти» (от Сил Муйредайг) все еще употреблялось по отношению к владениям О'Конноров в Роскоммоне после англо-норманнского завоевания

Коннахта. Хотя Уи Бриуйн Брефне и Уи Бриуйн Сеола — в лице Уа Руайрк (О'Рурков) и Уа Флатбертайг (О'Флаэрти) — были грозными соперниками в борьбе за **[286]** королевскую власть над Коннахтом в X—XI веках, род Уа Конхобайр (О'Конноры), названный по имени Конхобара, сына Тадга, короля Коннахта с 967 по 973 год, в конечном итоге удержал завоеванные позиции. Порядок престолонаследия в королевстве Коннахт, установившийся у Сил Муйредайг в среднеирландский период, представляет собой замечательное явление: королевская власть передается напрямую от отца к сыну семь поколений подряд[118]. Этот феномен не говорит о появлении какого-либо нового «закона»: династические междоусобицы даже в теснородственных группах оставались обычным делом; однако такая фактическая преемственность не имеет параллелей в ирландской истории. Ведь О'Конноры не были единственными потомками Сил Муйредайг: к Муиргиусу, сыну Томмалтаха, возводили свой род Мак Диармата (МакДермотты) из Маг Луйрг и Мак Доннхада (МакДона) из Тир Айлелло.

Слава Муиргиуса основывалась не только на достижениях его потомков. Он и при жизни чувствовал себя достаточно сильным, чтобы вмешиваться в дела верховных королей из рода Уи Нейллов. Муиргиус предоставил убежище и поддержку лейнстерскому королю Финснехте Четырехглазому во время его изгнания в 805 году[119], а в 808 году он оказал еще большую помощь другому мятежнику против Аэда Посвященного — Конхобару, сыну Доннхада, королю Миде. Муиргиус довел коннахтское войско до самого места собраний Тайльтиу. Согласно *Анналам Улъстера,* этот инцидент закончился довольно бесславно: когда верховный король через три дня напал на союзников, они бежали словно козлы и олени *(eorumque fuga capris et hunnilis simulate est*). Однако следует отметить, что Аэд Посвященный ограничил свою месть областями к востоку от реки Шеннон, разграбив пограничные районы Миде, и не сделал попытки наказать западного короля. Первое рискованное предприятие правителя Коннахта в срединных областях Ирландии со всей очевидностью свидетельствовало о том, что провинция готова к переходу на новую стадию ирландской истории. Претенденты на верховную власть над Ирландией сначала должны были обеспечить себе господство над Половиной Конна. **[287]**

ГЛАВА XII

ВЕРХОВНАЯ КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ НАД ИРЛАНДИЕЙ

На протяжении IX века процесс консолидации власти Уи Нейллов быстро набирал ход, завершившись общим признанием королей Тары верховными королями Ирландии. Какое бы мистическое значение ни заключалось в титуле короля Тары и сколь бы расплывчатыми ни были представления о власти, которой располагал его носитель, по справедливости можно сказать, что с момента своего появления на исторической сцене в V веке Уи Нейллы внесли в ирландскую историю динамизм, подорвавший архаическую иерархию пяти пятин. Хотя понятие королевской власти, основанное на племенном принципе, никогда не исчезало полностью, новое династическое государственное устройство, введенное У и Нейллами, низвело его до положения примитивного пережитка. И еще в VII веке Уи Нейллы предъявили свои притязания на звание верховных королей всей Ирландии.

Мы уже обращали внимание[120] на четыре текста, датируемые последней четвертью VII века, в связи с теми свидетельствами о королевской власти Тары, которые они предоставляют в наше распоряжение. Древнейший список королей «Видение Конна» не

---

[118] См. Приложение II, табл. 20 и 21.
[119] См. с. 187.
[120] См. с. 69, 75, 82, 112, 119, 134, 138.

содержит явных указаний на то, что потомки Конна Ста Битв до Финснехты Пиролюбивого были подлинными королями Ирландии. «Суждения о пчелах» *(Bech-bretha)* — единственный правоведческий трактат, в котором вообще упоминается Тара, — позволяют предположить, что ее престол некоторое время занимал Конгал Кривой, король ульстерских круитни; однако ни этому, ни любому другому юридическому тексту неизвестно понятие верховного короля Ирландии (хотя мы находим частые упоминания о нем в глоссах и комментариях). В *Житии Патрика,* написанном Муирьху, Тара V века **[288]** изображается ирландским Вавилоном, друидическим центром, представляющим собой подходящую сценическую декорацию для риторического повествования о столкновении св. Патрика с Лоэгайре, «неким великим, жестоким, языческим императором варваров, правящим в Таре, которая была столицей ирландцев» *(rex quidam magnus, ferox, gentilisque imperator barbarorum regnans in Temoria, quae erat caput Scotorum).* Муирьху также утверждает, что отец Лоэгайре Ниалл был «основателем королевского рода почти всего этого острова» *(origo stirpis regiae huius pene insulae).* Современник Муирьху Адомнан категорически заявляет, что правнук Ниалла Диармайт, сын Керрбела, был «богопоставленным правителем всей Ирландии» (*totius Scotiae regnatorem a deo ordinatum),* и рассказывает о предупреждении Колума Килле не пятнать свои руки кровью родичей, которое святой дал сыну Диармайта Аэду Слане, иначе Аэд утратит «право, предназначенное тебе Богом, на монархию королевства всей Ирландии» *(tibi a deo totius Euerniae regni praerogatiuam monarchiae praedestinatam).*

Столь высокопарный язык свидетельствует скорее об амбициях, чем о реальных достижениях. В ту эпоху ни улады, ни лагены не были низведены до подчиненного положения, а короли Кашеля не принимали почти никакого участия в северных делах. Муирьху писал в интересах Армы, и, возможно, он осознанно ставил перед собой задачу отвратить Уи Нейллов от привязанности к парухии их собственного святого, Колума Килле, и связать миссию св. Патрика с фигурами их предков. Верховенством, которого Арма достигла к концу VII века, она по большей части обязана успеху этого нового союза, однако оно оставалось бы зыбким, если бы не было поддержано параллельным светским институтом власти. Прерогативы аббата Армы в том виде, в котором они излагаются в «Книге ангела», составлены по образцу прерогатив верховного короля Ирландии, все еще остававшегося фиктивной фигурой.

Что касается Адомнана, то он сам был членом Кенел Конайлл, ответвления рода Уи Нейллов. Он также всеми силами стремился привить на ирландской почве представления о специфически христианском верховном королевстве. Об этом красноречиво свидетельствуют как тот факт, что Адомнан хранит полное молчание об языческой ауре, окружавшей Тару, так и настойчивость, с которой он подчеркивает богопоставленную природу правления Диармайта. Вряд ли полуязычник Диармайт прошел официальную церемонию церковного посвящения. Первый такой обряд состоялся в **[289]** Шотландии, когда Колум Килле помазал Аэдана, сына Габрана, в короли Дал Риады, как сообщает Адомнан. По словам Адомнана, сам святой хотел избрать брата Аэдана, Эоганана, но ангел явил ему имена всех будущих королей Дал Риады, записанные в некоей *liber vitreus* (скорее всего, книге с эмалированной обложкой, а не «стеклянной книге»).

В конце концов, поверхностной эмалировке можно уподобить результаты всех усилий, направлявшихся на христианизацию ирландской королевской власти. Даже короли Кашеля сохраняли многие архаические черты. Именно король Кашеля Артри, сын Катала, в 793 году был первым королем, «поставленным» на ирландской земле[121]. Его современник Аэд, сын Ниалла, из Тары получил прозвище «Посвященный» *(Oirdnide),* а в 993 году анналы рассказывают, как Муиркекан, аббат Армы, во время объезда Тир Эоган

[121] См. с. 185, 243.

(Тирона — к тому моменту центра королевской власти у Кенел Эогайн) пожаловал «королевский сан» *(grad rig)* Аэду, сыну Домналла, который уже четыре года был королем, в присутствии общины Армы. К тому времени короли севера из рода Кенел Эогайн до некоторой степени сделали Арму своим городом, хотя она никогда не относилась к их владениям. Они устроили там свою постоянную резиденцию, а также королевскую усыпальницу *(mausoleum regum),* которая упоминается в анналах в 935 и 1064 годах. Однако церковное посвящение всегда представляло собой необязательный довесок к древним обрядам королевской инаугурации. Даже в тех областях, в которых церковники вытеснили поэтов с положения полноправных вершителей инаугурации, эта победа ничего не принесла Церкви, так как после реформ XII века новые епископы, в свою очередь, были лишены права отбирать эту привилегию у ставших отныне наследственными светских держателей владений древних монастырей[122].

На первый взгляд ирландские анналы полны упоминаний о верховных королях Ирландии. В *Анналах Четырех Мастеров,* составленных в начале XVII века, сообщения датируются не только годом от Рождества Христова, но и по годам правления королей Ирландии, в соответствии с их первоначальным названием — *Анналы королевства Ирландии (Annala Rioghachta Eireann).* Однако при более пристальном рассмотрении можно заметить, что более ранние анналы, в наиболее надежном виде представленные в консервативных *Анналах Ульстера, с* крайней неохотой **[290]** признают кандидатов на верховную королевскую власть. В ранние века они называют предполагаемых верховных королей просто по имени или отчеству, иногда прибавляя титул «король Уи Нейллов» или «король Тары». Поздние летописцы, находившиеся под влиянием доктрины средневековых ирландских школ (которые насчитывали более сорока верховных королей между Ниаллом Девяти Заложников и Брианом Боромой)[123], в большинстве подобных случаев подставляют на его место титул «король Ирландии». Было бы опрометчиво считать подобную подстановку заведомой подделкой; скорее, перед нами то, что Уоллес-Хэдрилл называл «разумным глоссированием текста». Примечательно, что первая рука *Анналов Ульстера* (которую нелегко отличить от позднейших вставок в печатном издании) наделяет титулом «король Ирландии» лишь восьмерых королей из рода Уи Нейллов и четверых из других династий. Это — Домналл, сын Аэда (628—642 гг.), Лоингсех, сын Энгуса (695—704 гг.), Маэлсехнайлл, сын Маэл Руанайда (846—862 гг.), Ниалл Глундуб, сын Аэда (916—919 гг.), Конгалах Кногба, сын Маэлмитеха (944—956 гг.), Домналл уа Нейлл (956—980 гг.), Маэлсехнайлл, сын Домналла (980—1002 и 1014—1022 гг.), Бриан Борома, сын Кеннетига (1002-1014 гг.), Тойррделбах уа Бриайн (1064—1086 гг.), Муйрхертах Уа Бриайн (1086—1119 гг.), Муйрхертах Мак Лохлайнн (1156—1166 гг.) и последний верховный король Ирландии Руайдри Уа Конхобайр (1166—1186 гг.; ум. в 1198 г.).

Запись о смерти Домналла уа Нейлла в 980 году содержит первую современную фиксацию титула «верховный король Ирландии» *(ard-ri Irenn),* а ученые люди, создававшие псевдоисторию Ирландии начиная с XI века, подняли значение этого титула на небывалую и неоправданную высоту. Бриан Борома именуется «верховным королем ирландцев Ирландии и чужеземцев и валлийцев, Августом земли всей Северо-Западной Европы» *(ardri Gaidel Erenn 7 Gall 7 Bretan, August iarthair tuaiscirt Eopra uile).* В эту эпоху *Анналы Ульстера* составлялись в Арме, где Бриан во время своего посещения Армы в 1005 году был признан «императором ирландцев» *(imoerator Scotorum)* согласно записи, вставленной в *Книгу из Армы* его секретарем Маэл Сутайном, и где он был похоронен после битвы при Клонтарфе.

Представления Уи Нейллов о верховной королевской власти стали воплощаться в жизнь при Маэлсехнайлле, сыне Маэл Руанайда, который **[291]** в сообщении о его смерти

---

[122] Ср. с. 32-33.

[123] См. Приложение I, с. 312—313.

в 862 году именуется «королем всей Ирландии» *(ri Eгenn uile).* Однако требуется дать какое-то объяснение тому обстоятельству, что в анналах титулом короля Ирландии *(rex Hiberniae)* наделяются два короля VII века. Домналл, сын Аэда, нанес поражение Конгалу Кривому и его союзнику Домналлу Пестрому, королю Дал Риады, в битве при Маг Рот в 637 году, которое означало серьезный шаг в деле возвышения Уи Нейллов, положив конец претензиям Ульстера[124]. В единственном дошедшем до нас отрывке из «Книги о добродетелях Колумбы» *(Liber de virtutibus Columbae),* написанной Куммене Финдом, седьмым аббатом Ионы (657—669 гг.), который был включен в *Житие Колума Килле* Адомнаном, говорится, что эта битва окончательно подорвала благосостояние Дал Риады и явилась следствием неразумия Домналла Пестрого, нарушившего союз, заключенный между Уи Нейллами и Дал Риадой по настоянию святого. Адомнан, который стал девятым аббатом Ионы (679—704 гг.), вполне мог сохранить детские воспоминания об этом сражении: он родился в 624 или 628 году, а его дед был троюродным братом Домналла, сына Аэда. Сам он был в полном смысле слова современником внука Домналла Аоингсеха, сына Энгуса, своего пяти-юродного брата: и король, и аббат умерли в 704 году. Если мы вспомним о том, что ранняя часть наших анналов приблизительно до 740 года целиком или частично восходит к хронике, составленной в монастыре на острове Иона, то станет очевидным, что свидетельства анналов о королевской власти над Ирландией, которой пользовались Домналл и Лоингсех, нельзя рассматривать в отрыве от идей самого Адомнана.

Возвеличивая Диармайта, сына Керрбела, Адомнан параллельно называет «императором всей Британии, поставленного богом» (*totius Britanniae imperator a deo ordinatus*) Освальда, короля Нортумбрии (633—641 гг.). В обоих случаях внушительная титулатура не вполне соответствует действительности. Однако именно ирландец Адомнан первым приписал императорское достоинство (*imperium*) англосаксонскому бретвальда, и это притязание повторяли поздние английские короли. Сан бретвальда имел по меньшей мере столь же туманное и расплывчатое значение, что и представления о верховной королевской власти в Ирландии, но он обозначал признанное верховенство среди гептархии крупных королей и некоторое право на расширенную власть над кельтским и англосаксонским населением Британии. Такого верховного короля удобно было именовать **[292]** императором, чтобы наделить его более почетным титулом, возвышающим его над остальными, менее выдающимися королями. Беда тщательно проводит различие между понятиями королевской власти *(regnum),* которая означает для него власть короля над своими непосредственными подчиненными, и императорского достоинства (*imperium*), в котором выражается его господство над другими королевствами и народами. Алкуин пишет об Эдвине, короле Нортумбрии (617—632 гг.), что он привел к повиновению своему императорскому величию (*imperium*) саксов, пиктов, скоттов и бриттов. Выдвигалось даже предположение, что в основе империи Каролингов лежал не только римский образец, но и это идущее от варварских народов представление о власти верховного короля. Именно Алкуин первым называет правление Карла Великого империей *(imperium)* еще до того, как он получил императорские регалии в Риме. Поэтому было бы неосмотрительно говорить о том, что, используя титул «император ирландцев» *(imperator Scotorum),* Бриан Борома вводил какое-то новое понятие верховной королевской власти. Отсутствие поэтических восхвалений ирландских королей на латинском языке и латинской историографии в период между творениями Адомнана и правлением Бриана означает, что мы не можем проследить постоянства или перемен в словоупотреблении: анналы в тех местах, где они составлены по-латыни, довольствуются титулом *rex для* всех королевских разрядов.

Отношения между Ирландией и Британией в эпоху Колума Килле и Адомнана не сводились к церковной сфере. Колман Младший, сын Диар-майта, сына Керрбела, и

[124] См. с. 137-139.

основатель династии южных Уи Нейллов, сопровождал Коналла, сына Комгалла, короля Дал Риады, в походе на Гебридские острова в 567 году, а Маэл Умай, сын верховного короля Баэтана из рода Кенел Эогайн, сражался вместе с Аэданом, сыном Габрана, в битве при Дегсастане в 600 или 603 году, в которой был убит Энфрид, брат одержавшего победу Этельфрида, короля Нортумбрии. По сообщениям источников, ульстерский король Фиахна, сын Баэтана, также вступил в союз с Аэданом и, возможно, даже принимал участие в нападении на Бамборо в 623 году. Осрик «сын Альброта», именуемый «наследником Саксонии» *(rigdamnae Saxan),* и, вероятно, один из принцев Берникии в изгнании при дворе Дал Риады, пал в Ирландии в сражении между Дал Риадой и ульстерскими круитни в 629 году. Верховный король из рода Кенел Эогайн Колман Римид, сын Баэтана (598—604 гг.), брат воителя Маэла Умай, согласно ирландским источникам, был дедом по матери короля Нортумбрии Альдфрида, которого в 686 году посетил Адомнан, **[293]** чтобы выкупить пленников, захваченных его братом и предшественником Эгфридом в набеге на Брегу в 684 году, и которому он подарил список своего недавно написанного труда «О святых местах» *(De locis sanctis),* которым позднее часто пользовался Беда[125]. Альдхельм Мальмсберийский, сам получивший образование у ирландского монаха Маэлдуба, обращается к Альдфриду как к «управляющему скипетрами северной империи» *(aquilonalis imperii sceptra gubernanti).*

Обсуждая понятие верховной королевской власти, не следует забывать и о пиктах, на границе с которыми располагалась Иона и чье обращение в христианство по большей части приписывалось Колуму Килле. Остается только сожалеть, что народ, создавший памятники в высшей степени изощренного и оригинального искусства, не оставил никаких (или почти никаких) письменных источников, кроме тех, которые можно почерпнуть у анналистов Ионы. До сих пор не получило подобающей оценки то обстоятельство, что пикты создали единое королевство прежде, чем это удалось любому другому народу в Британии. Порядок наследования по женской линии не мог придать ему особой прочности — некоторые пиктские короли были по отцу англами, бриттами или ирландцами Дал Риады, — но само это государственное образование заложило основы средневековой шотландской монархии. Общение с теми или иными народами, населявшими Британию (происходило ли оно в ученой области или во время войны), несомненно, способствовало развитию понятия монархии у ирландцев. Окончательное установление всеирландского верховного королевства Маэлсехнайллом, сыном Маэл Руанайда, в середине IX века совпало с объединением пиктов и скоттов под началом Кинаэда (Кеннета), сына Альпина (843—858 гг.), который, вероятно, унаследовал пиктский престол по материнской линии, а затем изменил порядок престолонаследия в пользу династии своего отца. Его правление ознаменовало собой начало истории Шотландского королевства, но одновременно и распад единого шотландско-ирландского культурного пространства, главным связующим символом которого когда-то была Иона, ныне разграбленная викингами. Опасность, исходящая от викингов, подтолкнула к развитию тенденции, достигшей своей высшей точки в период правления Кинаэда и Маэлсехнайлла.

Если само понятие верховной королевской власти зародилось в Ионе и Арме, то своим воплощением в жизнь оно было обязано доблести Уи **[294]** Нейллов. К началу IX века короли Тары, несомненно, играли самую важную роль в Ирландии. Королевская власть поочередно доставалась представителям родов Кенел Эогайн и Кланн Холмайн, чьи сплошные массивы территориальных владений располагались на севере и в срединных областях страны, а промежуточный район занимали вассальные племена Айргиаллы. Цельность власти Уи Нейллов в Коннахте, вероятно, была серьезно нарушена, но исторические традиции, связывавшие их с этой провинцией, позволили назвать всю

[125] См.с.136.

северную половину острова Половиной Конна. Правда, на северо-востоке все еще держались улады, но Аэд Аллан нанес им сокрушительный удар в битве при Фохайрте в 735 году, меж тем как его победа над лагенами в сражении при Ат Сенайг в 738 году утвердила превосходство Уи Нейллов над другим традиционным врагом, низвергнув пресловутую гегемонию королей Каше-ля над Половиной Муга[126].

Таким образом, король Тары господствовал над территорией, превосходившей по своим размерам территорию любой традиционной пятины, а выпадавшие на его долю успехи, связанные с взиманием дани с лагенов, лишали всякого смысла юридическую доктрину, по которой король Лейнстера, бесспорный король пятины *(ri coicid),* не должен иметь над собой никакого господина. По какой-то причине правоведческие тексты с начала VIII века застывают в окаменелой форме и не принимают во внимание последующее развитие ирландского общества и политическую эволюцию. В этом отношении они разительно отличаются от валлийских законов, которые, будучи по существу сходными с ирландскими, были записаны в) XII веке и включили большое количество инноваций, особенно в области, которое они уделяют рассмотрению королевской власти и сложной структуре полуфеодального королевского двора. Очевидно, что к XII веку крупнейшие ирландские короли провинций значительно расширили сферу своей военной и исполнительной власти, но в правоведческих трактатах мы не находим ни одного намека на это. Сколь бы оторванными от действительности ни были эти трактаты, тот факт, что в них никоим образом не фигурирует верховный король Ирландии, должен был стать серьезным препятствием на пути политического прогресса. Верховная королевская власть, которой добивались некоторые ирландские правители с IX по XII век, оставалась без законной силы: она так и не стала устоявшимся институтом, сохраняя характер всего лишь желанной привилегии. **[295]** Поэтому Геральд Камбрийский, хотя он и поддерживает доктрину, согласно которой верховная власть существовала со времен Эремона, сына Миля, высказывает совершенно реалистическое замечание: «Эти короли достигают власти над всем островом не посредством какой-либо церемонии коронации или обряда посвящения или даже по праву наследования или порядку преемственности, но только силой и оружием. Они становятся королями каждый своим путем». В другом месте Геральд называет Руайдри Уа Конхобайра принцем Коннахта и номинальным монархом всего острова. Однако принадлежавший к предшествующему поколению святой Бернард в своем *Житии Малахии (Vita Malachiae)* ни словом не упоминает короля всей Ирландии: современный ему «верховный король с протестом» Тойрделбах Уа Конхобайр, по-видимому, выказывал на удивление малый интерес к трудам святого Малахии по реформированию Церкви. К концу XI века Папа Григорий VII, Ланфранк и Ансельм, обращаясь к Тойрделбаху уа Бриайну и его сыну Муйрхертаху, оказывали им любезность, именуя их «королями Ирландии».

Ранние заметки чужеземцев о верховных королях Ирландии носят скудный и двусмысленный характер. В одной летописной записи, обнаруженной на полях ирландского списка Беды, ныне находящегося в Карлсруэ, сообщается, что в 817 году (гес1е 819) «умер Аэд, король Ирландии» *(Aed rex Hiberniae moritur*), однако о главенствующем положении Аэда Посвященного ничего не знал Эйнхард, который пишет в своей *Жизни Карла Великого* лишь о каких-то «королях ирландцев» *(rages Scotorum):* «Своей необычайной щедростью он заставил королей ирландцев так добиваться своего благорасположения, что они называли его не иначе как Господином, а себя — его подданными и слугами. Существуют письма, которые они посылали ему и в которых они таким образом выражали свое почтение к нему». Хотя у нас нет свидетельств, подтверждающих это сообщение, утверждение Эйнхарда само по себе нельзя считать недостоверным. Ирландцы привыкли к восходящей иерархии королей и высших королей; именно эта привычка облегчила внедрение представлений о власти верховного короля,

[126] См. с. 142-143, 172-173.

несмотря на ее эфемерную природу. Представления о римском императоре как «царе мира» были знакомы ирландским ученым, вскормленным на теориях Евсевия об историческом возвышении и падении земных царств. В *Анналах Ульстера* этот титул *(ri in domain),* до сих пор присутствующий в современном ирландском фольклоре, прилагается даже к Генриху II и его преемнику Конраду II в 1023 году (recte 1024), и было высказано предположение, что когда Генрих II Английский **[296]** принимал изъявления покорности от ирландских королей и прелатов в 1171 году, его прозвище Фицемпресс (Fitzempess «сын императрицы») ничуть ему не повредило.

Во франкской *Хронике аббатства Сен-Бертен* под 848 годом мы находим сообщение о посольстве, отправленном к Карлу Лысому с дарами от «короля ирландцев» *(rex Scotorum)* и с извещением о том, что ирландцы победили и изгнали норвежцев. Кроме того, посланцы просили предоставить им свободный проезд для паломничества в Рим. Вероятно, в связи с этим посольством на континент прибыл и Седулий Скотт. Имеются некоторые указания на то, что Седулий и члены его кружка друзей-ученых прибыли из Лейнстера, и вполне вероятно, что королем, о котором шла речь в сообщении послов, был не Маэлсехнайлл, сын Маэл Руанайда, а Олхобар, сын Кинаэда, аббат Эмли и король Кашеля. В 848 году ирландцы одержали над норвежцами не менее четырех побед: в одном сражении близ Скрина верх взял новый верховный король Маэлсехнайлл; еще одну битву в той же области выиграл Тигернах, король Лагора в южной Бреге; третью победу при Скиат Нехтайне близ Каслдермота в Килдаре совместными усилиями одержали Олхобар, король Кашеля, и Лоркан, сын Келлаха, король Лейнстера; наконец, в четвертом сражении при Дун Маэле Туле победу праздновали Кашельские Эоганахты.

Вопрос о том, ускорился ли процесс формирования верховного королевства под воздействием войн с викингами, остается предметом обсуждения. Маэлсехнайлл заслужил общее одобрение в 845 году, за год до своего вступления на престол, утопив норвежского вождя Тургейса в озере Лох-Энелл, а после своей победы над дублинскими норвежцами в 848 году он закрепил успех, разграбив на следующий год только лишь зарождавшийся город. Эти события были первыми серьезными столкновениями между викингами и крупным ирландским властителем, хотя к тому моменту их набеги продолжались вот уже около 50 лет. Однако в 837 году в реки Бойн и Лиффи вошел сильный военный флот, что ознаменовало наступление эпохи интенсивной деятельности викингов, существенно отличавшейся по своему характеру от тактики кратковременных набегов на прибрежные монастыри, составлявшей основную черту предшествующего периода. По восточному побережью были обустроены постоянные военные базы. Некоторые из них пустили корни и со временем превратились в города. Возникла реальная угроза норвежского завоевания Ирландии. В 831, 842 и 852 годах норвежцы совершали набеги на Арму, а в 852 году Олаф создал Дублинское королевство. **[297]** Викингские ладьи дерзко плавали по внутренним водам: в 839 году они вошли в озеро Лох-Ней и разграбили владения Северных Уи Нейллов, Айргиаллы и уладов; база Тургейса находилась на реке Шеннон и на озере Лох-Ри.

На этом фоне в 851 году состоялась встреча королей *(rigdal)* в Арме, в которой приняли участие Маэлсехнайлл и знатные представители Половины Конна, с одной стороны, и король уладов Матудан, сын Муйреда-ха, со знатью «Пятины Конхобара» — с другой. На встрече присутствовали Диармайт, аббат Армы, епископ Фетгна и Суайрлех, аббат Клонарда, с духовенством Миде. Какое бы соглашение ни было заключено в ходе переговоров, оно не предотвратило разграбления Армы на следующий год, но сам факт встречи очевидно знаменует признание уладами верховной королевской власти Уи Нейллов. Незадолго до этого Маэлсехнайлл беспощадно подавил мятеж соперников из рода Сил Аэдо Слане. Кинаэд, сын Конайнга, король Ноута и всей Бреги, заключил союз с дублинскими норвежцами, и верховный король предал его позорной смерти, утопив «в грязном ручейке» (вероятно, этот вид казни он позаимствовал у норвежцев), «несмотря на ручательство ирландской знати и наследника Патрика в особенности». Этот случай может

служить иллюстрацией жестокости династической вражды, раздиравшей Уи Нейллов даже во времена наивысшего успеха, готовности ирландских королей прибегнуть к услугам чужеземцев-язычников и произвольного расширения королевских прав, ставшего возможным благодаря вызванному норвежцами кризису.

Кербалл, сын Дунлайнге, из Осрайге приобрел особую известность и заслужил репутацию оппортуниста, так как он защищал и Мунстер и Лейнстер, искусно стравливая между собой норвежских наемников. Между 870 годом и своей смертью в 888 году он даже взял на себя обязанности покровителя норвежской династии Дублина, отдав своих дочерей замуж за ее представителей. Своими ранними успехами 850-х годов он был обязан контролю над долинами рек Норы и Барроу. Таким образом он нарушил традиционное распределение сил между Половиной Конна и Половиной Муга и создал серьезное препятствие честолюбивым замыслам Уи Нейллов. Успешно сдерживая усиление Кербалла благодаря разумному сочетанию силовых и дипломатических методов, Маэлсехнайлл одновременно использовал Осрайге в качестве средства для достижения под-линной верховной королевской власти над всей Ирландией. В 854 году он совершил поход на Мунстер, дойдя до границ десси в южном Типперэри и взяв у них заложников. **[298]**

Федлимиду, сыну Кримтанна, наследовали недолговечные короли, которым приходилось, в отличие от него, бороться с опасными набегами норвежцев на Мунстер. В *Трех Отрывках* (поздний летописный свод из Осрайге) говорится, что Маэлсехнайлл послал Кербалла, сына Дунлайнга, потребовать мунстерских заложников от Айлгенана, сына Доннгайла, короля Кашеля; однако поход 854 года состоялся во время междуцарствия, длившегося со смерти Айлгенана в 853 году до вступления на престол Маэл Гуале в 856 году. В этом году Маэлсехнайлл вновь появился в Мунстере с походом на Кашель и взял заложников от провинции. Впрочем, его внимание тут же отвлекла «большая война с язычниками». До этих пор слово *cocad* «война» редко появлялось в анналах, которые использовали латинское слово *bellum* в качестве равнозначного ирланд-скому слову *cath* «битва». Викинги опрокинули обычные нормы ирландского военного дела.

Маэлсехнайлл с упорством преследовал свою главную цель. Эоганахты были ослаблены, но Кербалл, сын Дунлайнга, с норвежской помощью мог создать на юге Ирландии объединение, несущее гораздо большую опасность для Уи Нейллов, чем Эоганахты. В 858 году Маэлсехнайлл пришел в Мунстер «с людьми Ирландии» (это выражение подразумевает, что в составе его войска присутствовали части из всех остальных провинций); на десять ночей он расположился лагерем на берегах Блэкуотера, нанес поражение королям Десмонда при Карн Лугдах и убил Маэл Крона, сына Муйредаха, соправителя *(1eth-ri)* десси. Он разграбил Десмонд до самого морского побережья и стал первым королем из рода Уи Нейллов, достигшим южного берега. Он утвердил верховную власть Тары над Половиной Муга и взял с Мунстера заложников от Белах Габрана на границе с Лейнстером до Инис Тарбнай «на западе Ирландии» (Дерси Айленд) и от Дун Кермнай у Олд Хед в Кинсале до островов Аран.

Три Отрывка указывают в качестве дополнительной причины похода покорение Кербалла, сына Дунлайнга, который притеснял лагенов, хотя добавляют, что разрушения, причиненные Мунстеру «галл-гойделами», бродячими смешанными отрядами норвежских и ирландских грабителей, в любом случае составляли достаточный предлог для ввода войск на территорию провинции. На самом деле Маэл Гуале, король Кашеля, был убит в следущем году норвежцами, но Маэлсехнайлл закрепил свои успехи еще до этого. *Анналы Инисфаллена* вообще обходят молчанием действия Маэлсехнайлла в Мунстере за исключением лаконичной заметки о его**[299]** походе 858 года, но утверждают, что в 859 году Кербалл, сын Дунлайнга, водил мунстерцев в поход против Уи Нейллов и разорял их земли до Слиаб Шуайт в Южной Арме, пока северяне не покорились ему. Если в этом сообщении и есть зерно истины, его не упоминают другие летописцы.

В 859 году Маэлсехнайлл созвал королевское собрание в Райт Аэда майк Брикк («замок Аэда, сына Брекка», Рахью, графство Уэстмит в Миде в той стратегической области, где владения Уи Нейллов граничили с землями Мунстера и Лейнстера). На встрече также присутствовали Фетгна, ставший аббатом Армы, и Суайрлех Клонардский. Они «установили мир и согласие меж ирландцев; и в итоге этого собрания Кербалл, король Осрайге, полностью покорился общине Патрика и его наследнику; и именно по этому случаю Осрайге были отчуждены к Половине Конна и Маэл Гуале удостоверил это отчуждение»[127]. Осрайге, подобно Лейнстеру, на престол которого их король стал выдвигать претензии, отныне следовало считать частью Половины Конна. Эта утрата признанной сферы влияния была подтверждена королем Кашеля, чье господство над Осрайге всегда было исключительно номинальным, и предполагалось, что такое положение дел несомненно переживет чисто личное верховное королевство, которого добился Маэлсехнайлл. В соответствии с этим для королей Осрайге была составлена поддельная родословная, связывающая их с лагенами.

Успех Маэлсехнайлла, воплотившего в жизнь амбиции Уи Нейллов, немедленно поставил его лицом к лицу с затруднениями, проистекавшими изнутри его же династии. Этот парадокс красноречиво свидетельствует о слабости внутреннего политического устройства Уи Нейллов, которая и помешала им создать подлинную ирландскую монархию. Чередование на престоле Тары представителей родов Кенел Эогайн и Кланн Холмайн, продолжавшееся уже более столетия, протекало согласно хрупкому обычаю, хранимому скорее бдительной ревностью, чем дружеским согласием. Возникла опасность, что верховная королевская власть, которой столь долго добивались Уи Нейллы и которой теперь на деле достиг Маэлсехнайлл, превратится в наследственное право Кланн Холмайн. На правах законного наследника Тары Аэд, сын Ниалла, из Айлеха, проявлял явное беспокойство за судьбу своей династии и вступил в союз с Фланном, сыном Конайнга, из Ноута, стремившимся отомстить за своего казненного **[300]** брата Кинаэда. Новые ресурсы власти верховного короля во всей полноте проявились в 860 году, когда Маэлсехнайлл отправился в Арму против Аэда с войсками не только Южных Уи Нейллов, но и Лейнстера, Коннахта и даже Мунстера. Маэлсехнайлл удовольствовался демонстрацией силы, оставшись в своем лагере после того, как ночное нападение, предпринятое Аэдом и Кенел Эогайн, закончилось позорной неудачей. В следующем, а затем и в 862 году Аэд совершал набеги на Миде совместно с Фланном, сыном Конайнга, и язычниками королями Дублина. Эти набеги не носили характера серьезных военных действий: их скорее можно считать чем-то вроде предупреждения, легким намеком на то, что престол верховного короля должен достаться представителю другого рода, как и прежде. Маэлсехнайлл умер своей смертью 27 ноября 862 года, и Аэд Финдлиат унаследовал звание короля Тары.

Теперь достижение положения верховного короля Ирландии зависело исключительно от его личных усилий, так как победы Маэлсехнайлла не обеспечили за королем Тары никаких юридических прав на этот титул. *Анналы Ульстера,* сообщая о смерти Аэда в 879 году, признают его всего лишь королем Тары *(rex Temoriae),* но на самом деле его правление в целом можно признать успешным. Особенную активность он проявлял при искоренении норвежских баз на севере Ирландии, и нельзя исключить вероятности того, что выражение «король Тары» уже в то время воспринималось как синонимичное титулу «король Ирландии». Близкий родич Аэда по жене Кербалл, сын Дунлайнга, король Осрайге, был вторым наиболее могущественным королем в Ирландии и получил свободу действий в Мунстере. Однако сын Маэлсехнайлла Фланн Синна (879—916 гг.) отстоял свои права в качестве короля Ирландии, нанеся поражение Кормаку, сыну Куленнана, в битве при Белах Мутне в 908 году. Вызов, брошенный Кормаком власти Уи

[127] Подлинное значение технических юридических терминов в этом сообщении было объяснено доктором Бинчи.

Нейллов, стал последней серьезной попыткой Эоганахтов вернуть себе прежнее положение, а его поражение, за которым последовало возобновление активности викингов в Мунстере, нанесло катастрофический удар по престижу династии в их родной провинции. Исключительные права на королевский престол Мунстера, которых добились Кашельские Эоганахты, основывались на доброй воле автономных племенных королевств и уходили корнями в архаические представления о почетном звании старейшины, таким образом по сути своей являясь весьма расплывчатыми и призрачными. Наступившая жестокая эпоха признавала лишь тех королей, династическая власть которых покоилась на владении компактной и стратегически выгодной территорией. И уже **[301]** вскоре после поражения Кормака такие короли появились из рода Дал Кайс, контролировавшего Томонд и долину реки Шеннон.

Хотя престиж Уи Нейллов на престоле верховных королей Ирландии со времен Маэлсехнайлла, сына Маэл Руанайда, до его праправнука Маэлсехнайлла, сына Домналла, поддерживала и укрепляла череда способных и могущественных правителей, в конечном итоге плоды их трудов пожал Бриан Борома. На встрече с Каталом, сыном Конхобара, состоявшейся в 900 году в Клонмакнойсе, Фланн Синна обеспечил верность Коннахта своей династии, однако в ходе X века Уи Бриуйн Брефне продолжали усиливать свои позиции. Попытки вырвать королевский престол Коннахта из рук О'Конноров не принесли им успеха, и потому с тем большей заинтересованностью в конце концов они обратили свои взоры на привлекательные просторы срединных областей Ирландии. Тем самым они вбили клин между Северными и Южными Уи Нейллами. Пути последних уже сильно разошлись: крупные территориальные сеньории Кенел Эогайн и Кланн Холмайн не были связаны почти никакими общими интересами, кроме воспоминаний об общем происхождении. Деятельный северный верховный король Домналл уа Нейлл, который в течение своего правления с 956 по 980 год совершил ряд нововведений в военной сфере, которые обычно приписывались Бриану Бороме, хотел сместить Кланн Холмайн и установить единую династическую ирландскую монархию *с* центром в срединных областях страны. Когда, несмотря на это, Маэлсехнайлл, сын Домналла, из Миде восстановил привычный порядок престолонаследия, разочарованные Кенел Эогайн отказались помогать ему в борьбе против Бриана.

Прославлению известных деяний Бриана посвящена сага «Война ирландцев с чужеземцами» *(Cocad Gaeded re Gallaib*), основанная на летописных и других исторических источниках, но написанная во времена правления его правнука Муйрхертаха Уа Бриана и отражавшая замыслы этого короля, покровителя церковной реформы и тестя Арнульфа Монтгомери и Сигурда Магнуссона. Эту сагу слишком часто цитировали в качестве современного памятника по истории войн с викингами, так что многие историки впали в заблуждение, сочтя Бриана Борому первым настоящим верховным королем Ирландии. У нас нет особого повода полагать, что Бриан вынашивал какие-либо оригинальные представления о власти верховного короля и уж тем более что он владел бульшим могуществом, чем его предшественники из рода Уи Нейллов. Его успех (слово «узурпация» прозвучало бы чересчур жестко, так как формальным **[302]** юридическим правом на ирландский престол не обладал никто) спутал все политическое устройство Ирландии, которое хотя и могло показаться достаточно анархическим, тем не менее следовало определенным внутренним законам династической иерархии. Его пример преподал последующим поколениям опасный урок, что любой король провинции может сделаться королем Ирландии, опираясь на силу оружия, и следующие полтора столетия ознаменовались активными попытками повторить его успех.

В этой ошибке, конечно же, нет вины Бриана: здесь сработали глубинные силы дезинтеграции. Главной их составляющей явился эффект войн с викингами. Хотя можно утверждать, что потрясение, произведенное их вторжениями, впервые сплотило ирландцев, осознавших свое национальное единство, и тем самым дало возможность Маэлсехнайллу, сыну Маэл Руа-найда, захватить верховную власть над страной, с тем же

основанием можно сказать, что причиненное ими волнение в конечном итоге разрушило устои ирландского внутреннего устройства, которые веками создавали Уи Нейллы. Успех Маэлсехнайлла стал всего лишь логической кульминацией процесса, начавшегося с возвышения Уи Нейллов на самой заре ирландской истории. Норвежцы оказали на удивление незначительное влияние на ход ирландской политической жизни в IX и X веках и никогда не захватывали в Ирландии сколько-нибудь обширных владений. Только в двух или трех случаях возникала опасность того, что они наводнят страну, как произошло в Англии, но дробящаяся природа многочисленных племенных королевств по крайней мере в той же степени, что и нарождающаяся монархия, делали подобное завоевание неосуществимым.

Ирландское общество изменилось в XI и XII веках под подспудным и незаметным воздействием последствий долгого присутствия викингов и экономического эффекта норвежских городов, проложивших дорогу новой породе королей. Неудача, которую потерпели Уи Нейлы, пытаясь подобрать бразды правления, выпавшие из рук Бриана в битве при Клонтарфе, явилась итогом их отдаления от благотворного влияния норвежских городов. Норвежские короли больше не несли угрозы чужеземного завоевания, заняв в ирландском государственном устройстве положение, равнозначное положению племенных королей *(rig tuaithe),* хотя их торговые связи и постоянный спрос на их военный флот, несший наемническую службу в Ирландии и за ее пределами, сделали их несравненно богаче. Ирландский король провинции, сумевший обложить данью Дублин, Уотерфорд или Лимерик, обладал гораздо большим могуществом, чем равные**[303]** ему по положению короли, принимавшие изъявления верности от двадцати племенных королей.

Хотя, по-видимому, вокруг портов Антрима и Дауна существовали крупные норвежские поселения, к северу от Дублина не было городов. Как это ни парадоксально, именно вследствие успешного противодействия викингам и устранения викингских опорных пунктов на севере род Кенел Эогайн, оставаясь могучими воителями, загнал себя в тупик, лишившись экономических перспектив. Их безразличное отношение к возвышению Бриана Боромы явилось признаком их возрастающего равнодушия к судьбам страны. Они сохраняли достаточно силы, чтобы составлять «оппозицию», характерную для истории верховной королевской власти в XII веке, но не внесли в эту историю ничего положительного. Они враждебно отнеслись к реформам св. Малахии в Бангоре и Арме и не проявляли особого интереса к важнейшим событиям англо-норманнского нашествия.

Наступивший в XI веке упадок Южных Уи Нейллов породил вакуум власти в срединных областях страны, который оказался роковым для развития общенациональной монархии. Хотя Маэлсехнайлл, сын Дом-налла, трижды совершал успешные набеги на Дублин до своего смещения *с* престола верховного короля в 1002 году, наложив (что характерно) налог в унцию золота на каждый двор в Дублине, а не изгнав чужеземцев, его преемникам не удалось достойно продолжить его дело. Таким образом Миде, естественный тыл Дублина и очевидное средоточие централизованной монархии, лишилось былой силы. Достижения Маэлсехнайлла, сокрушившего род своих соперников Сил Аэдо Слане из Бреги (тем самым распространив название Миде на территорию современного графства Мит), должно быть, вызвали возмущение его династией в восточной части страны, которая стала жертвой нападений со стороны Дублина, Лейнстера, Брефне и Айргиаллы. Более того, хотя Кланн Холмайн в ходе своего возвышения в VIII веке извлекли существенную выгоду из поддержки со стороны Клонмакнойса, Клонарда и Дурроу, цена этой поддержки оказалась слишком высокой. В Миде и Бреге находилось больше монастырей, чем в любом другом ирландском королевстве, а крупные обители владели обширными земельными угодьями, на которые распространялись всевозможные льготы, столь же ревностно охраняемые наследственными аббатами, как и новыми приверженцами реформ. Таким образом, поскольку им не удалось установить контроль над Дублином, короли из рода Уа Маэлсехнайлл были обречены на постоянное и**[304]** непрестанное ослабление. Соперники

со всех сторон отхватывали куски от их королевства, и возникший в итоге водоворот разнонаправленных интересов в богатых срединных равнинах Ирландии привел к тому, что XII век стал в глазах историков воплощением хаоса.

К сожалению, в незаслуженном пренебрежении у ирландских историков остался период с 1014 по 1169 год. Эта эпоха не была ни эпохой упадка, наступившего после золотого века святых и ученых, ни анархической прелюдией к англо-норманнскому нашествию. История церковной реформы привлекала к себе внимание специалистов, но ее нельзя правильно понять в отрыве от политических и социальных аспектов. Теперь мы видим, что сам хаос той эпохи вовсе не отражал первобытного состояния племенной анархии, а являлся характерным признаком перемен на пути к установлению нового порядка. Войны продолжались и распространялись, так как у людей возникали обширные замыслы, разрывавшие узы племенной и династической иерархии; и эти войны могли вестись лишь потому, что ведшие их короли черпали свои ресурсы из экономических и военных источников, неизвестных их предкам. Родовые схватки всегда мучительны, и уж тем более тяжело должна была их переживать консервативная и укорененная в традиции страна, где столь многие классы общества, как церковные, так и светские, обладали древними привилегиями и где общественное мнение получало отчетливое выражение лишь в устах представителей сословия, чьи знания и ученость были замкнуты в себе и обращены в прошлое. Эти годы стали свидетелями возникновения местного феодального общества из общества, трибализм которого подвергался постепенным изменениям под влиянием постоянного усиления династической власти. Этому процессу положило конец англо-норманнское нашествие, хотя при иных обстоятельствах подобное событие могло бы подтолкнуть его к окончательной кристаллизации.

Именно в период междуцарствия (1022—1072 гг.) ученые люди, принадлежавшие как к светским, так и церковным кругам, разработали доктрину о существовавшей с незапамятных времен верховной королевской власти над всей Ирландией, которая была сосредоточена в Таре и которой с эпохи пришествия христианства до узурпации Брианом Боромой были облечены потомки Ниалла Девяти Заложников. Вымысел ученых послужил толчком к возникновению новых амбиций. Добиваясь этой химерической верховной власти, могущественные короли провинций Уа Бриайн, Уа Конхобайр, Мак Лохлайнн и Мак Мурхада наступали и наносили ответные удары, пока Ирландия не стала, по знаменитому выражению**[305]** летописца, «дрожащей землей». Ученые мужи с учтивостью называли этих королей-соперников «королями Ирландии *с* протестом» *(rig Erenn co fressaba),* и некоторые педанты усердно объясняли, что если претендент на престол верховного короля происходит из Половины Конна и владеет всей Половиной Конна с одной провинцией Половины Муга, он имеет право именоваться королем Тары и Ирландии «с протестом», но если он происходит из Половины Муга, он не может именоваться королем Ирландии, если только он не владеет всей Половиной Муга и Тарой с соседними туатами и еще одной провинцией Половины Конна. В действительности очень немногие верховные короли XII века пользовались повсеместным признанием более одного или двух лет подряд. И все же прежние верховные короли вряд ли обладали большей фактической властью, и правители, подобные Муйрхетраху Уа Бриайну или Тойрделбаху Уа Конхобайру, были «королями с протестом» только по сравнению со своими легендарными псевдоисторическими предшественниками.

Верховная королевская власть ни на одном этапе ирландской истории не подразумевала под собой монархическое правление. Ни Бриан Борома, ни любой другой король никогда не управляли всем островом. Они царствовали, но не правили. Ни одному верховному королю не пришла в голову мысль упразднить провинциальные королевства или даже мелкие королевства, хотя последние претерпели серьезнейший упадок и утратили былую политическую значимость. К XII веку туат был низведен до положения небольшого района, находящегося под управлением местного вождя (toisech); король (ri) все еще правил над первоначальной племенной областью, отныне известной под

территориальным названием «тридцать сотен» (tricha set, единица, отождествленная Геральдом Камбрийским с валлийским кантредом (cantref)). Более важную роль играли занимавшие промежуточное место в королевской иерархии высшие короли, чьи «большие племена» *(mor-thuatha)* обычно составляли основу новых диоцезов, однако достаточно часто они служили своим господам скорее в качестве начальников полуфеодального воинства, чем независимых вождей племенных контингентов. Когда предоставлялась благоприятная возможность, провинциальные короли действовали в более деспотической манере по отношению к ним и даже к королям, равным себе по статусу. Они могли пытаться навязать вассальным королевствам своих родственников в качестве ставленников, как часто случалось с Дублином; они расчленяли соперничающие провинции, подобно тому как Тойрдельбах Уа Конхобайр разделил Мунстер между Уа Бриайнами из Томонда и Мак**[306]** Карртайгами из Десмонда или как Мак Лохлайнны безуспешно пытались раздробить Ульстер между четырьмя «владыками» уладов; на всем протяжении ирландской истории сходным расчленениям постоянно подвергалась область Миде. Однако сама иерархия королей воспринималась как нечто само собой разумеющееся, а не считаться с племенным чувством значило подвергать себя серьезной опасности, как выяснил Тойрдельбах Уа Конхобайр, когда люди Миде убили его сына Конхобайра, которого он навязал им в короли. Цель претендентов на престол верховного короля составляло первенствующее положение в Ирландии, и их успехи следует оценивать по критериям, установленным их собственным честолюбием, а не понятиями национальной монархии, которые были им чужды. И наоборот, восстания против их власти редко понимались как вероломство по отношению к естественному господину и никогда не рассматривались как измена родной стране.

Неудача в установлении династической верховной власти заставила историков обойти вниманием процесс укрепления власти провинциальных королей. А между тем короли XII века сделались владыками в своих родных провинциях. Их власть над вассальными королями достигала весьма значительных размеров, хотя и не была абсолютной. Новые представления о королевской власти особенно быстро усваивались в Южной Ирландии. Прогрессивные короли покровительствовали искусству и архитектуре, строили замки и мосты, поддерживали церковные преобразования и новую епископальную систему, председательствовали на Соборах, приветствовали цистерцианцев и подписывали грамоты, в тексте которых подразумевается, что в отличие от ранних ирландских высших королей они считались властителями и распорядителями земли *(domini terrae).* Избиение принцев из рода Уи Дунлайнге, учиненное Диармайтом Мак Мурхадой без боя, может служить показателем его власти и его решимости быть подлинным королем Лейнстера, а не первым среди равных. Тойрдельбах Уа Конхобайр выделил в Коннахте срединное королевство, никак не связанное с прежними племенными и династическими территориями, установил его светские и церковные столицы в Дунморе и Туаме и окружил эту область замками, расположенными в узловых стратегических точках. Еще более любопытными представляются действия Тойрр-делбаха уа Бриайна, который еще в XI веке сделал своей столицей город чужеземцев Лимерик, а его сын Муйрхертах поставил своего брата Диармайта «герцогом» (*dux*) в городе Корк, тем самым на время удовлетворив его честолюбие и распространив сферу непосредственного правления рода**[307]** Уи Бриуйн на самое сердце территории недовольных Эоганахтов. Сам он некоторое время в бытность верховным королем своего отца управлял Дублином. Ибо именно Дублин, а не Тара, что бы там ни говорили поэты, начинал играть роль ирландской столицы. Каждый претендент на звание верховного короля обязательно должен был обеспечить контроль над Дублином, либо прямой, либо через родича, либо посредством зависимого представителя местной норвежской династии, — все эти приемы были испробованы с разной степенью успеха.

И все же Дублин превратился в небольшой город-государство в пределах Лейнстера, и короли этой провинции прекрасно осознавали то преимущество, которое

приносило им это обстоятельство. В середине XI века к власти пришла новая династия — род Уи Хеннселайг в лице Диармайта, сына Маэл-на-м-Бо[128]. Его королевство, лежавшее на землях вокруг Фернса, занимало отдаленное и невыгодное расположение с точки зрения традиционного политического устройства, но благодаря викингам прибрежная полоса приобрела большое значение в жизни страны, а процветающий норвежский город Уэксфорд, ведущий оживленную торговлю с Бристолем, составил благосостояние Уи Хеннселайг, в то время как северная династия Уи Дунлайнге с самого начала терпела неудачу за неудачей в противостоянии с Уи Нейллами и дублинскими норвежцами. Дублинский флот часто находил себе применение в междоусобных войнах валлийских князей в XI и XII веках, а также на Гебридских островах и в Западной Англии. В итоге расцвела оживленная работорговля, которая, по-видимому, оказала серьезное воздействие на структуру ирландского общества, ускорив процесс разорения свободных общинников. В Ирландии появилась военная аристократия, о чем свидетельствуют полупрофессиональные армии, состоявшие из кавалерии или верховых пехотинцев, и хорошо укомплектованные флоты (не все норвежского происхождения), которые вели широкомасштабные кампании королей XII века.

После битвы при Гастингсе сыновья Гаральда бежали к Диармайту, сыну Маэл-на-м-Бо, и в 1068 и 1069 годах они приводили к берегам Англии норвежско-ирландский флот, разорявший побережье Девона и Сомерсета: среди сокровищ, которые Тойрдельбах Уа Бриайн захватил у Диармайта во время своего похода на Лейнстер в 1068 году, находился штандарт саксонского короля (предположительно, Эдуарда Исповедника). Сто лет спустя Генрих II нанял дублинский флот на шесть месяцев **[308]** для своей безуспешной кампании против Уэльса в 1165 году. В то время властелином Дублина был правнук и тезка Диармайта Диармайт Мак Мурхада, таким образом завязавший отношения с Генрихом и получивший право рассчитывать на расположение английского короля, о чем он и вспомнил на следующий год.

Диармайт, сын Маэл-на-м-Бо, боролся за престол верховного короля начиная с 1040 года и до своей смерти в 1072 году. Он и его союзник Ниалл, сын Эохада, король уладов, совершали набеги на Брегу и Миде; он посадил своего сына Мурхада (давшего свое имя роду Мак Мурхада) королем в Дублине; он помог Тойрдельбаху Уа Бриайну отнять королевство Мунстер у его дяди Доннхада и пал, пытаясь отвоевать Миде у Конхобара Уа Маэлсехнайлла.

Его пример не прошел даром для его правнука, заслужившего репутацию крайне жестокого человека, которая на самом деле отражает его стремление утвердить королевскую власть нового типа и поэтому не столь противоречит его дружелюбному отношению с церковными реформаторами, как может показаться на первый взгляд. Диармайт Мак Мурхада вовсе не был безразличен к традициям своих предков, как пространно свидетельствует *Лейнстерская Книга,* составленная преданным ему человеком, если не под его прямым покровительством. Ученые люди могли даже рассматривать легенду о происхождении его династии в качестве хорошего прецедента для поездки Диармайта в Бристоль и Аквитанию, ибо разве Лабрайд Лоингсех не испытал несправедливого изгнания и не вернул королевство с помощью союзников из Галлии? Лабрайд, согласно *Лейнстерской Книге,* не только основал королевский дом Лейнстера, но и захватил верховную королевскую власть над Ирландией. У Диармайта определенно были сходные замыслы, но более гибкий склад ума, позволивший ему успешно приспособиться к требованиям новой эпохи.

За неудачей Тойрдельбаха Уа Конхобайра, тщетно пытавшегося сохранить верховную власть, несмотря на многочисленные победы на полях сражений, и за внезапным падением его преемника Муйрхертаха Мак Лохлайнна последовало восшествие на престол Руайдри Уа Конхобайра, признанное всеми, кроме Мак Мурхада.

---

[128] См. Приложение II, табл. 10.

Вряд ли можно было ожидать от Диармайта безусловной преданности династии, лишь недавно вышедшей на широкую политическую арену из пустошей Западного Коннахта, и хотя Руайдри был достаточно силен, чтобы лишить Диармайта всякой надежды на обретение союзников в Ирландии, глубинная слабость его власти проявилась в неспособности сохранить положение господина ирландской**[309]** половины Ирландии, которое он получил по условиям Виндзорского договора в 1175 году. За исключением радикальной революции ничто не могло бы способствовать созданию национальной монархии: верховенство, которого заново должно было добиваться каждое следующее поколение и которое зависело от покорности королей, потенциально обладавших таким же могуществом, что и их временный властитель, не отвечало запросам нового времени. По всей видимости, именно к такому заключению пришли многие деятели реформированной Церкви, писавшие донесения о состоянии Ирландии Папе Александру III; эти люди с облегчением приветствовали прибытие в страну Генриха II в 1171 году.

Нам неизвестны помыслы Диармайта, но мы можем с уверенностью сказать, что он обладал более богатым воображением, чем Руайдри Уа Конхобайр. Удовлетворившись формальными изъявлениями покорности Генриху II, он сосредоточил все свои усилия на достижении власти над Ирландией. Династия Уа Руайрк из Брефне настаивала на том, чтобы Руайдри изгнал Диармайта из Ирландии, и эта враждебность была обусловлена не столько похищением Дербфоргайлл (возможно, она и была красива, но ей было уже за сорок), которое Диармайт совершил в 1151 году, сколько давним соперничеством за равнины Миде, которые она, будучи сестрой одного из неудачливых и недолговечных королей из рода Уа Маэлсехнайлл, в некотором смысле символизировала. Нападение Стронг-боу на Уотерфорд, последовавшее сразу же за его высадкой в 1170 году, согласовалось с давними замыслами Диармайта, стремившегося распространить сферу своего влияния за пределы Лейнстера в этом направлении. В Уотерфорде Стронгбоу женился на Айфэ, дочери Диармайта, своей невесте, приданое которой должно было составить само королевство Лейнстер. Хотя в Уэльсе посредством династических браков часто происходило объединение королевств, ирландское королевство никогда не могло наследоваться по женской линии, и именно благодаря этому обстоятельству веками оставалось неизменным непомерно большое количество мелких королевств и их королей. Готовность, с которой Диармайт собирался нарушить ирландский закон, чтобы заручиться поддержкой Стронгбоу, тем самым отметая права своих сыновей и родичей, можно объяснить, лишь выдвинув гипотезу, согласно которой он стремился к полному обновлению строя. Утвердившись в качестве феодального короля и обеспечив своей династии монаршью корону, он мог позволить себе наделить верных норманнских союзников своими первоначальными владениями в Лейнстере и другими королевствами своих ирландских противников. То, **[310]** что норманны без особых колебаний могли пойти на подобную сделку, мы можем заключить судя по тому, что Роберт ФицСтивен был готов поступить на службу к пленившему его Рису ап Гриффидду против Генриха II, если бы предложение Диармайта не освободило его от разрешения этой дилеммы.

Такая гипотеза совпадала бы с изображением Диармайта в роли «благородного короля» *(li gentil reis)* в англо-норманнской жесте, прославлявшей нашествие, а не с риторическим образом тирана-варвара, нарисованным убедительным, но ядовитым Геральдом. Однако Диармайт был слишком стар для такого предприятия и умер до того, как сумел прокатиться на тигре, которого оседлал. Его можно обвинять в наивности, но осуждать его за вероломство было бы анахронизмом. Если бы ему сопутствовал успех, имя Диармайта Чужелюба было бы окружено почтением как имя истинного основателя национальной монархии. **[311]**

Приложение I

СПИСКИ КОРОЛЕЙ

1. Верховные короли Ирландии[129]

I. Ниалл Девяти Заложников, сын Эохайда Мугмедона
II. Нат И, сын Фиахры
III. Лоэгайре, сын Ниалла (ум. около 463 г.)
IV. Айлиль Молт, сын Нат И (ум. около 482 г.)
V. Лугайд, сын Лоэгайре (ум. около 507 г.)
VI. Муйрхетрах Мак Эрке, сын Эогана (ум. около 536 г.)
VII. Туатал Маэлгарб, сын Кормака Одноглазого, сына Кайрпре (ум. около 544 г.)
VIII. Диармайт, сын Керрбела (ум. около 565 г.)
IX. Форггус, сын Муйрхертаха (ум. около 566 г.)
Домналл, сын Муйрхертаха (ум. около 566 г.)
X. Айнмере, сын Сетны (ум. около 569 г.)
XI. Баэтан, сын Муйрхетаха (ум. около 572 г.)
Эохайд, сын Домналла (ум. около 572 г.)
XII. Баэтан, сын Ниннида (ум. около 586 г.)
XIII. Аэд, сын Айнмере (ум. около 598 г.)
XIV. Аэд Слане, сын Диармайта (ум. около 604 г.)
Колман Римид, сын Баэтана (ум. около 604 г.)
XV. Аэд Аллан (или Аэд Уариднах), сын Домналла (ум. 612 г.)
XVI. Маэл Кобо, сын Аэда (ум. 614 г.)
XVII. Суибне Заика, сын Фиахны (ум. 628 г.)
XVIII. Домналл, сын Аэда (ум. 642 г.)
XIX. Келлах, сын Маэл Кобо (ум. 658 г.)
Коналл Каэл, сын Маэл Кобо (ум. 654 г.)
XX. Диармайт, сын Аэда Слане (ум. 665 г.) **[312]**
Блатмак, сын Аэда Слане (ум. 665 г.)
XXI. Сехнуссах, сын Блатмака (ум. 671 г.)
XXII. Кенн Фаэлад, сын Блатмака (ум. 674 г.)
XXIII. Финснехта Пиролюбивый, сын Дунхада (ум. 695 г.)
XXIV. Лоингсех, сын Энгуса (ум. 704 г.)
XXV. Конгал Кеннмагайр (ум. 710 г.)
XXVI. Фергал, сын Маэл Дуйна (ум. 722 г.)
XXVII. Фогартах, сын Ниалла (ум. 724 г.)
XXVIII. Кинаэд, сын Иргалаха (ум. 728 г.)
XXIX. Флатбертах, сын Лоингсеха (ум. 734 г.)
XXX. Аэд Аллан, сын Фергала (ум. 743 г.)
XXXI. Домналл Миди, сын Мурхада (ум. 763 г.)
XXXII. Ниалл Фроссах, сын Фергала (ум. 790 г.)
XXXIII. Доннхад Миди, сын Домналла (ум. 797 г.)
XXXIV. Аэд Посвященный, сын Ниалла (ум. 819 г.)
XXXV. Конхобар, сын Доннхада (ум. 833 г.)
XXXVI. Ниалл Калле, сын Аэда (ум. 846 г.)
XXXVII. Маэлсехнайлл, сын Маэл Руанайда (ум. 862 г.)
XXXVIII. Аэд Финдлиат, сын Ниалла (ум. 879 г.)
XXXIX. Фланн Синна, сын Маэлсехнайлла (ум. 916 г.)
XL. Ниалл Глундуб, сын Аэда (ум. 919 г.)
XL. Доннхад Донн, сын Фланна (ум. 944 г.)
XLII. Конгалах Кногба, сын Маэлмитеха (ум. 956 г.)

[129] См. Приложение II, табл. 1-5, 17, 21.

XLIII. Домналл уа Нейлл (ум. 980 г.)
XLIV. Маэлсехнайлл, сын Домналла (ум. 1022 г.)
XLV. Бриан Борома, сын Кеннетига (ум. 1014 г.)
XLVI. Тойрдделбах уа Бриайн (ум. 1086 г.)
XLVII. Муйрхертах Уа Бриайн (ум. 1119 г.)
Домналл Уа Лохлайнн (ум. 1121 г.)
XLVIII. Тойрдделбах Уа Конхобайр (ум. 1156 г.)
XLIX. Муйрхертах Мак Лохлайнн (ум. 1166 г.)
L. Руайдри Уа Конхобайр (ум. 1198 г.)

2. Короли Тары по «Видению Конна»

[Конн Ста Битв]
Арт
Мак Кон мокку Лугде Лойгде
Корбмак
Корпре
Фиехри**[313]**
Даре Дрехлетан
Фехо
Муйредах Тирех
Кримтанд
Ниелл
Лойгайре
Корпри
Айлиль
Лугид
Мак Эркени
Оэнгарб
Аид Оллайн
Диермайт
Феахно
Суибне
Домналл
Блатмак, внук другого Диармайта *(Diarmaid auae alaili)*
Снехта Фина
? Ниелл
Фланн Асаль
Фурбаде
Калех
Глунсалах

3. Короли Кашеля и Мунстера[130]

Династии мунстерских королей были обозначены следующими сокращениями:
[Б] — Эоганахты из Айне (см. табл. 13)
[АС] — Эоганахты из Айртир Хлиах (см. табл. 13)
[С] — Кашельские Эоганахты (см. табл. 12)
[О] — Дал Кайс (см. табл. 17)

[130] См. Приложение II, табл. 11—17. До нас не дошло никакой родословной Флатбертаха, сына Инманена; утверждается, что он происходил из Мускрайге.

[F] — Уи Фидгенти (см. табл. 16)
[G] — Глендамайнские Эоганахты (см. табл. 13)
[L] — Лох-Лейнские Эоганахты (см. табл. 15)
[R] — Ратлендские Эоганахты (см. табл. 14) **[314]**

1. Коналл Корк
2. Над Фройх, сын Корка
3. Энгус, сын Над Фройха (ум. 490/2 г.)
3a. Дауи Иарлате, сын Майтне [L]
4. Эохайд, сын Энгуса
4a. Федлимид, сын Энгуса [C]
4b. Дуб-Гилках, сын Энгуса
5. Кримтанн Срем (Фемин), сын Эхдаха [G]
6. Кайрпре Кромм, сын Кримтанна (ум. 579/80 г.) [G]
7. Фергус Раздор, сын Кримтанна Айртир Хлиаха (ум. 583 г.) [AG]
8. Федлимид, сын Кайрпре [G]
8a. Федлимид, сын Тигернаха (ум. 590/3 г.) [R]
8Ь. Амалгайд, сын Энды [Б]
8c. Гарбан (Габран), сын Энды [Б]
9. Финген, сын Аэда Черного (ум. 619 г.) [C]
9a. Аэд Беннан, сын Кримтанна (ум. 619/21 г.) [L]
10. Катал, сын Аэда Фланда Хатраха (ум. 628 г.) [G]
11. Файльбе Фланн, сын Аэда Дуба (ум. 637/39 г.) [C]
12. Куан, сын Амалгайда (ум. 641 г.) [Б]
13. Маэнах, сын Фингена (ум. 662 г.) [C]
14. Катал Ку-кен-матайр, сын Катала (ум. 665/6 г.) [G]
15. Колгу, сын Файльбе Фланна (ум. 678 г.) [C]
16. Фингуне, сын Катала Ку-кен-матайр (ум. 695/6 г.) [G]
16a. Айлиль, сын Катала (ум. 698/701 г.) [G]
17. Этерскел, сын Маэла Умай (ум. 721 г.) [Б]
18. Кормак, сын Айлиля (ум. 713 г.) [C]
19. Катал, сын Фингуне (ум. 742 г.) [G]
20. Катуссах, сын Этерскела [Б]
20a. Маэл Дуйн, сын Аэда (ум. 786 г.) [L]
20b. Олхобар, сын Фланна (ум. 796/97) [F]
? Олхобар, сын Дуб-Индрехта (ум. 805 г.) [Б]
21. Артри, сын Катала (ум. 821 г.) [G]
21a. Туатал, сын Артри [G]
22. Тнутгал, сын Доннгала [C]
23. Федлимид, сын Кримтанна (ум. 847 г.) [C]
24. Олхобар, сын Кинаэда (ум. 851 г.) [L]
25. Айльгенан, сын Доннгала (ум. 853 г.) [C]
26. Маэл Гуале, сын Доннгала (ум. 859 г.) [C]
27. Кенн Фаэлад уа Мугтигирн (ум. 872 г.) [AC]
28. Дунхад, сын Дуб-да-Байренна (ум. 888 г.) [AC]
29. Дуб Лахтна, сын Маэла Гуале (ум. 895 г.) [C] **[315]**
30. Фингуне Гусиная Голова, сын Лоэгайре (ум. 902 г.) [C]
31. Кормак, сын Куленнана (ум. 908 г.) [C]
32. Флатбертах, сын Инманена (ум. 944 г.)
33. Лоркан, сын Конлигана [C]
34. Келлахан Кашиль, сын Буадахана (ум. 954 г.) [C]
35. Маэл Фатардайг, сын Фланна (ум. 957 г.) [C]

36. Дуб-да-Байренн, сын Домналла (ум. 959 г.) [R]
37. Фер Грайд, сын Клерига (ум. 961 г.) [C]
38. Доннхад, сын Келлахана (ум. 963 г.) [C]
39. Матгамайн, сын Кеннетига (ум. 976 г.) [D]
40. Маэлмуад, сын Брана (ум. 978 г.) [R]
41. Бриан Борома, сын Кеннетига (ум. 1014 г.) [D]
41a. Дунгал, сын Маэла Фатардайга Уа Доннхада (ум. 1025 г.) [C]
42. Доннхад, сын Бриана (ум. 1064 г.) [O]
42a. Мурхад, сын Доннхада (ум. 1068 г.) [D]
43. Тойрдделбах Уа Бриайн (ум. 1086 г.) [D]
44. Муйрхертах Уа Бриайн (ум. 1119 г.) [D]
44a. Тадг, сын Тойрдделбаха Уа Бриайна (ум. 1086 г.) [D]
44b. Домналл, сын Тадга Уа Бриайна (ум. 1115 г.) [D]
45. Диармайт, сын Тойрдделбаха Уа Бриайна (ум. 1118 г.) [D]
46. Тойрдделбах, сын Диармайта Уа Бриайна (ум. 1167 г.) [D]
46a. Бриан, сын Мурхада Уа Бриайна (ум. 1118 г.) [D]
46b. Тадг Глай Уа Бриайн (ум. 1154 г.) [D]
46c. Тадг Мак Карртайг (ум. 1124) [C]
46d. Кормак Мак Карртайг (ум. 1138 г.) [C]
47. Домналл Мор Уа Бриайн (ум. 1194 г.) [D] **[316]**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

На данный момент не существует приемлемого учебника по ранней истории Ирландии. Предлагаемая читателю книга отчасти является синтезом различных частных исследований, а отчасти основана на до сих пор не опубликованном или относительно недоступном материале.

Основы истории ранней Ирландии в качестве научной дисциплины были заложены Эоном Мак-Нейллом (см. Eoin MacNeill, scholar revolutionary, 1867— 1945, ed. F. X. Martin, F. J. Byme [Shannon, 1972]), а три его книги ((Phases of Irish History [Dublin, 1919], Celtic Ireland [Dublin, 1921] h Early Irish laws and institutions [London, 1935]) представляют собой наилучшее введение в эту проблематику, несмотря на то что во многих отношениях они безнадежно устарели. Впрочем, они состоят скорее из эссе, не образуя непрерывного повествования. Единственной широкомасштабной попыткой представить связное изложение ранней ирландской истории остается книга Alice Stopford Green, History of the Irish state (London, 1925), в заглавии которой отражается ее главный недостаток — анахронистический национализм, но которая тем не менее содержит полезные сведения, несмотря на большое количество опечаток. Книга T. F. O'Rahilly, Early Irish history and mythology (Dublin, 1946) является трудом настоящего ученого, с которым необходимо познакомиться каждому человеку, серьезно изучающему данный предмет, но который трудно читать неискушенному читателю и который лишь слегка касается исторического периода. Чрезвычайно увлекательная работа по кельтской мифологии Алвина и Бринли Рисов Celtic Heritage (London, 1961) не написана по строгим канонам критики текста или истории, но предлагает читателю множество оригинальных интерпретаций концептуального мира ранней ирландской культуры и содержит многочисленные отсылки к источникам и вспомогательной литературе. Меньше по объему, но богаче иллюстрирована книга Proinsias Mac Cana, Celtic Mythology (London, 1970).

Раннеирландская литература отличается огромным разнообразием и гораздо обширней чисто исторических материалов. При написании этой книги **[339]** мы стремились, в частности, показать, каким образом этот материал может помочь историкам. Из антологий следует прежде всего упомянуть работы Cross and Slover, Ancient Irish tales (London, 1937) h Kenneth Jackson, A Celtic miscellany (London, 1951).

Очень полезный обзор прозы и поэзии содержится в работе Myles Dillon, Early Irish literature (Chicago, 1948). Издание с таким же названием вышло под редакцией Джеймса Карни ((London, 1966); в него вошли переиздания двух работ: Gerard Murphy, Saga and myth in ancient Ireland h The Ossianic lore and romantic tales of medieval Ireland, — а также Eleanor Knott, Irish classical poetry (первые издания Dublin 1955, 1955 и 1957 соответственно) с предисловием редактора.

Раннеирландская поэзия не выходила из поля зрения редакторов и переводчиков со времени появления классического труда Kuno Meier, Selections from ancient Irish poetry (London, 1913). Достаточно назвать работы Gerard Murphy, Early Irish lyrics (Oxford, 1956), James Carney, Medieval Irish lyrics (Dublin, 1967), а также издание David Green and Franc O'Connor, A golden treasuiy of Irish poetry, A. D. 600 to 1200 (London, 1967).

Классическим научным исследованием, посвященным Ульстерскому циклу, включая «Похищение быка из Куальнге» и связанные с ним саги, является книга Rudolf Thurneysen, Die irische Helden — und Konigsage (Halle, 1921). Рецензия Похищения XII века недавно была издана и переведена Cecile O'Rahilly, Tain Bo Cuailnge from the Book of Leinster (Dublin, 1967), а более ранняя версия была переведена поэтом Томасом Кинселлой: Thomas Kinsella, The Tain (Dublin, 1969).

Я многое почерпнул из собрания королевских саг исторического цикла, обработанного Майлзом Диллоном: Myles Dillon, The cycles of the kings (London, 1946). Издания и переводы некоторых других важных саг королевского цикла можно найти в двух томах Silva Gadelica (London, 1892), ed. Standish H. O'Grady.

Более развернутое обсуждение специальных вопросов содержится в книге James Carney, Studies in Irish literature and History (Dublin, 1955), а также в издании, вышедшем под редакцией того же автора, Early Irish poetry (Cork, 1965), и в Irish sagas, ed Myles Dillon (второе издание Cork, 1968) и Seven centuries of Irish learning, ed. Brian O Cufv (Dublin, 1961).

В отсутствие связного изложения ирландской истории следует отметить следующие работы, посвященные некоторым аспектам ранней Ирландии: Early Irish society, ed. Myles Dillon (Dublin, 1954); Maire and Liam de Paor, Early Christian Ireland (London, 1958); Ludwig Bieler, Ireland, harbinger of the middle ages (London, 1963); Myles Dillon and Nora Chadwick, The Celtic Realms (London, 1967); первые главы The course of Irish history, ed. T. W. Moody and F. X. Martin (Cork, 1967), а также вводную главу Кэтлин Хьюз к книге A. J. Otway-Ruthven, A history of medieval Ireland (London, 1968). В книге **[340]** E. R. Norman and J. K. St Joseph, The early development of Irish society (Cambridge, 1969) опубликованы новые данные, полученные с помощью аэрофотосъемки.

Церковная история находится в более выгодном положении. Монументальный труд J. F. Kenney, The sources for the early history of Ireland (New York, 1929) (вышел только первый том, посвященный Церкви), содержит самую полную библиографическую информацию, а также ценные замечания по агиографическим и другим текстам на латинском и ирландском языках. Классическим исследованием монастырской церкви является труд John Ryan, Irish monasticism (Dublin, 1931). Книга Kathleen Hughes, The church in early Irish society (London, 1966) представляет собой написанную хорошим языком историю ирландской церкви, учитывающую политический и социальный фон, особенно с VII по X век.

Большая часть агиографических источников, использованных в этой книге, заимствована из Vitae sanctorum Hiberniae (Oxford, 1910) h Bethada naem nErenn (Oxford, 1922), ed. Charles Plummer, а также из W. W. Heist, Vitae sanctorum Hiberniae ex codice olim Salmaticensi (Bruxelles, 1965) h Felire Oengusso: cm. Whitley Stokes, On the Calendar of Oengus (Dublin, 1880). Важнейшими ранними источниками являются произведения Адомнана, Муирьху и Тирехана. См. Adomnan's Life of Columba, ed. and tr. A. O. and M. O. Anderson (Edinburgh, 1961) и The tripartite Life of Patrick, ed. Whitley Stokes, 2 vols (London, 1887), который содержит латинские тексты Муирьху и Тирехана, а также издание и

перевод ирландского Жития Патрика конца IX века, известного под названием «Трехчастное Житие»; современное издание последнего текста см. в Kathleen Mulchrone, Bethu Phatraic (Dublin, 1939). Эти патрикианские тексты стали предметом исследований Эойна Мак-Нейлла, опубликовавшего множество статей, важнейшие из которых были переизданы во втором издании его книги St Patrick, ed. John Ryan (Dublin, 1964).

Кроме литературы светские источники состоят по большей части из анналов, генеалогий и законов. Для наших целей важнейшими изданиями являются Annals of Ulster, 2 vols, ed. Hennessy (Dublin, 1887) and MacCarthy (Dublin, 1893); Annals of Inisfallen, ed. Mac Airt (Dublin, 1951); Annals of Tigernach, ed. Stokes, Revue celtique, XVI-XVIII (1895-1897); Chronicum Scotorum, ed. Hennessy (London, 1886); Annals of Clonmacnoise, ed. Murphy (Dublin, 1896) h Annals of the Four Masters, ed. O'Donovan (Dublin, 1851). Анналы Инисфаллена содержатся в рукописи конца XI века и являются единственным собранием, доступным в хорошем современном издании, однако наиболее надежным историческим источником, если очистить его от поздних добавлений, следует признать первую часть Анналов Ульстера конца XV века. Three fragments of annals, ed. O'Donovan (Dublin, 1860) и MionannSla в Silva Gadelica, ed. O'Grady, носят отчетливый литературный характер. **[341]**

Основная масса генеалогий и легенд о происхождении героев и племен до сих пор не переведена или содержится в рукописях. Древнейший свод, записанный в двух рукописях XII века: Rawlinson B 502 году (Bodleian Library, Oxford) и в Лейнстерской Книге (Trinity Colledge, Dublin), — был издан без перевода и комментариев в M. A. O'Brien, Corpus genealogiarum Hibemiae, I (Dublin, 1962). Еще один древний сборник, включающий архаический материал и любопытные мунстерские тексты, находится в рукописи Laud miscellany 610; он был издан Куно Майером в Zeitschrift fiir celtische Philologie, VIII (1912) опять же без перевода, но в том же томе опубликована статья Мак-Нейлла с анализом текста. Собрание О'Клери XVII века было издано Шемусом Пендером в Analecta Hibernica, XVIII (Dublin, 1951), а T. O'Раферти отредактировал и перевел для Комитета Ирландских Рукописей введение, написанное Мак Фирбисом к его собранию 1650 года, в Genealogical tracts I (Dublin, 1932). В этом же томе можно найти и другие генеалогические материалы из рукописей XV века. Обсуждение природы и исторической ценности этих генеалогий см. в рецензии автора этой книги на M. A. O'Brien, Corpus genealogiarum Hiberniae b Zeitschrift fiir celtische Philologie, XXIX (1964) и John V. Kelleher, The pre-Norman Irish genealogies, в Irish Historical Studies, XVI (1968).

Наиболее трудной для понимания и специализированной разновидностью светских источников, имеющей первостепенное значение для социальной истории раннего периода, являются юридические трактаты, некоторые из которых были плохо изданы и неудовлетворительно переведены в шести томах Ancient laws of Ireland (Dublin, 1865—1901). С тех пор некоторые тексты издавались в различных журналах; развернутое обсуждение и полную библиографию вопроса можно найти в статье D. A. Binchy, « Ancient Irish law», The Irish jurist, I (Dublin, 1966) и D. A. Binchy, «The linguistic and historical value of the Irish law Tracts», Proceedings of the British Acade my (1943).

Главы I—III

Геста, известная под названием «Песня о Дермоте и ярле» была издана и переведена Годдардом Орпеном (Oxford, 1892). Сказочную предысторию Ирландии можно найти в компиляции XII века Lebor Gabala Erenn, 5 vols., ed. R. A. S. Macalister (London, 1938-1956).

Природа королевской власти в ранней Ирландии недавно была рассмотрена в книге D. A. Binchy, Celtic and Anglo-Saxon kingship (Oxford, 1970). О законах престолонаследия см. James Hogan, «The Irish law of kingship », b Proceedings of the Royal Irish Acade my, XL (1932). В полном объеме понятие определенного «закона» престолонаследия, ограничивавшегося рамками дерб-фине, недавно было пересмотрено в статье Donnchadh

O Corrain, «Irish regnal **[342]** succession: a reappraisal», Studia Hibernica, XI (1971), pp. 7—39; утверждается также, что термин «ригдамна» на самом деле эквивалентен термину «танист», обозначая предустановленного или по крайней мере предполагаемого наследника (Gearood Mac Niocaill, «The ,,heir-designate" in early medieval Ireland», The Irish Jurist, III (1968), pp. 326ff.) — впрочем, я полагаю, что это крайне спорный вопрос. По поводу трибализма см. Eoin MacNeill, «Early Irish population groups», ibid., XXIX (1911) и F. J. Byrne, «Tribes and tribalism in early Ireland», Eriu, XXII (1971).

Юридические трактаты Crith Gablach и Uraiccecht Becc были переведены и откомментированы в MacNeill, «Ancient Irish law: the law of status or franchise», Proceedings of the Royal Irish Acade my, XXXVI (1923); Crith Gablach был также издан с примечаниями и глоссарием, иногда корректирующим перевод Мак-Нейлла, профессором Бинчи (Dublin, 1941).

Роль поэтов в раннеирландском обществе разбирается в книге Osborn Bergin, Irish bardic poetry, ed. Green and Kelly (Dublin, 1970); неприязненные отзывы о поэтической лести можно найти в издании T. F. O'Rahilly, Measgra Danta, I (Dublin, 1961). Об инаугурации О'Коннора см. Myles Dillon в Medieval studies presented to Aubrey Gwynn, ed. Watt, Morrall and Martin (Dublin, 1961), а о дарах поэтам см. статью Proinsias Mac Cana b Celtica, VIII (1968). Рассказ Спенсера об инаугурации и о танисте заимствован из его произведения A view of the present state of Ireland, написанного в 1598 году. Сведения об обрядах, проводившихся в Брефне, можно найти в «Betha Maedec Ferna (II)» в Bethada naem nErenn, ed. C. Plummer. Цитата из «Похищения стад Фроэха» приводится по James Carney, Studies in Irish literature and history. Карни также издал и перевел The poems of Blathmac mac Con Brettan (Dublin, 1964).

Audacht Morainn был издан с немецким переводом Турнайзеном в Zeitschrift fiir celtische Philologie, IX (1917), но он не переводил так называемого текста B, который, как было показано, является еще более архаическим и совершенно языческим. Английский перевод, цитируемый в этой книге, заимствован из статьи Myles Dillon, «The archaism of Irish tradition», Proceedings of the British Academy, XXXIII (1947). Текст Tecosca Cormaic был издан и переведен Куно Майером, The instructions of King Cormac mac Airt (Dublin, 1909).

Новое издание Книги прав было предпринято Диллоном, Lebor na cert, ed. M. Dillon (Dublin, 1962). См. также статью Myles Dillon, «The taboos of the kings of Ireland», Proceedings of the Royal Irish Acade my, LJV (1951).

Глава IV

О Ноуте см. George Eogan, «Excavations at Knowth», Proceedings of the Royal Irish Acade my, LXVI (1968). **[343]**

О Таре см. R. A. S. Macalister, Tara, a pagan sanctuary of ancient Ireland (London, 1931); Y Riordain, Tara (Dundalk, 1957); и статьи Baudis, Eriu, VIII (1916); Y Maiile, Zeitschrift fur celtische Philologie, XVII (1928); Thurneysen, ibid., XIX (1932), XX (1936); O'Rahilly, Eriu, XIV (1943); Mac Cana, Etudes celtiques, VII (1955), VIII (1959); Binchy, Eriu, XVIII (1958).

Текст De shil Chonairi Mair был издан и переведен в Eriu, VI, ed. and tr. Gwynn (1912); о сагах, посвященных Конайре, см. Thurneysen, Heldensage.

Текст Baile Chuind издан и переведен в Eriu, XVI, ed. and tr. Gerard Murphy (1952).

Хорошую библиографическую справку по обширной литературе о св. Патрике составил Ф. Мартин для издания MacNeiil, St Patrick, ed. John Ryan (Dublin, 1964). Самыми заметными из последних работ по этой теме являются: T. F. O'Rahilly, The two Patricks (Dublin, 1942); James Carney,The problem of St Patrick (Dublin, 1961); превосходная, но составленная в несколько пессимистическом тоне статья D. A. Binchy, «Patrick and his biographers: ancient and modern», Studia Hibemica, II (1962) и R. P. C. Hanson, Saint Patrick:

his origins and career (Oxford, 1968). Несмотря на знание предмета и ясность изложения у Хэнсона, я полагаю, что поздняя датировка деятельности св. Патрика, обоснованная О'Рахилли и подновленная Карни, лучше согласуется с ирландскими данными.

Главы V-VI

Упоминающиеся здесь легенды приведены в Myles Dillon, The cycles of the kings h O'Grady, Silva Gadelica. См. также Alwyn and Brinley Rees, Celtic Heritage, F. J. Byrne, The rise of the Uf Neill and the high-kingship of Ireland (Dublin, 1970) и Paul Walsh, «Meath in the Book of rights», в Feilsgribhinn Eoin Mhic Neill, ed. John Ryan (Dublin, 1940).

Глава VII

Раздел об уладах основывается на моей неопубликованной магистерской диссертации для Национального Университета Ирландии, а при написании раздела об Айргиалле я извлек много ценных сведений из чтения другой неопубликованной диссертации отца Томаса О'Фиаха.

Генеалогические трактаты, посвященные уладам, были изданы и переведены в Zeitschrift fur celtische Philologie, XIII, ed. and tr. Margaret E. Dobbs (1923). См. также F. J. Byrne, «Clann Ollaman uaisle Emna», Studia Hibernica, IV (1964).

Ранняя поэма об Айргиалле была издана и переведена в Eriu, XVI, ed. and tr. Mairm O Daly (1952). **[344]**

По поводу общей обстановки на севере Ирландии между V и VII веком см. F. J. Byrne, «The Ireland of St Columba», в Historical studies, V, ed. McCracken (London, 1965), а о Северных Уи Нейллах в частности см. James Hogan, «The Ua Briain kingship of TulachOc», в Feilsgrfbhinn Eoin Mhic Neill, и Seamus 6 Ceallaigh, Gleanings from Ulster history (Cork, 1951).

Глава VIII

Ранние династические междоусобицы и географические основы лейстер-ского политического устройства недавно получили подробное освещение в неопубликованной магистерской диссертации Альфреда П. Смита. См. также Paul Walsh, «Leinster states and kings», в The Irish ecclesiastical record, XXIV (1924), LIII (1939).

По поводу саги о Лабрайде Лоингсехе см. Dillon, The cycles of the kings h O'Rahilly, Early Irish history and mythology. Легенды о бороме и Брандубе, сыне Эху, можно найти в книге Диллона и в Silva Gadelica. Недавно сомнения в историчности боромы были высказаны в статье Gearaid Mac Eoin в Studia Hibernica, VIII (1968).

Архаические стихотворения перевел на немецкий язык и издал Куно Майер: «Ueber die alteste irische Dichtung», в Abhandlungen der koniglichen preussischen Akademie (1913,1914). Обсуждение см. Dillon, Early Irish literature h Carney, Eriu, XXII (1971), pp. 63—73. Перевод текста Timna Chathafr Mar см. в Книге прав, изданной Диллоном.

Житие Колмана, сына Луахана, было издано и переведено Куно Майером в 1911 году. Исправленный перевод позаимствован из книги Paul Walsh, The place-names of Westmeath (Dublin, 1957). Отрывок о Каванахах XVII века взят из Civil Survey, цитируемого в Dinnseanchas, IV, 2 (Dublin, 1970).

Главы IX—X

При написании этих глав мне очень помогли обсуждения различных аспектов с моими коллегами профессором Пронширсом Мак Каной и Доннхадом О Корранем.

Особое значение для понимания мунстерских дел имеют теории, изложенные Алвином и Бринли Рисами в Celtic Heritage.

Ранняя история мунстерских династий стала предметом рассмотрения в ряде статей Liam O Buachalla b Journal of the Cork historical and archaeological society, LVI (1951), LVII (1952) и LXI (1956), в которых обсуждается важность до сих пор не переведенных текстов Frithfholaid: один из этих текстов был издан в Irish texts, I (1934), остальные по сей день доступны лишь в рукописях. Трактаты о «соборе Мак Ардды» и De bunad imthechta Eoganachta содержатся в собрании **[345]** саг о происхождении, изданном Куно Майером в Zeitschrift ftir celtische Philologie, VIII.

Стихотворение о «Старухе из Берри» цитируется по изданию Carney, Medieval Irish lyrics. Сага о Мор Муман цитируется по переводу O'Nolan, Proceedings of the Royal Irish Acade my, XXX (1912) в том виде, в котором она была изложена Мак Каной в его статье MacCana, «Aspects of the theme of king and goddess in Irish literature», Etudes celtiques, VII (1955).

Сага об изгнании десси была издана Куно Майером, Y Cymmrodor, XIV (1901) и Eriu, III (1907). Глоссарий Кормака был издан и переведен Стоуксом, Stokes, Three Irish glossaries (London, 1862).

Повесть о Корке была издана по собранию Laud Mafiepoiw в Anecdota from Irish manuscripts, III (1910) и была переведена с комментарием Vernam Hull, Proceedings of the Modern Language Association, LXII (1947) с дополнениями и исправлениями в Zeitschrift fur celtische Philologie, XXVII (1959). Хулл также издал позднюю сагу об изгнании Коналла Корка в PMLA, LVI (1941). Повесть о нахождении Кашеля была издана и переведена Диллоном в Eriu, XVI (1952).

О мунстерских юридических трактатах см. D. A. Binchy, «The date and provenance of Uraicecht Becc», Eriu, XVIII (1958).

О жизни Федлимида, сына Кримтанна, см. Cathleen Hughes, The church in early Irish society. Поэма «Совет принцу» была издана и переведена в Eriu, IX, ed. and tr. Tadhg O Donnchadha (1923). Поэма об архиепископе Джоне Кантуэлле была издана и переведена в Eigse, X, ed. and tr. Anne O'Sullivan (1962).

Глава XI

См. Paul Walsh, « Early kings of Connacht», Journal of the Galway archaeological and historical society, XVII (1939) и «Connacht in the Book of rights», ibid., XIX (1940), а также O'Rahilly, Early Irish histoiy and mythology.

Житие св. Келлаха см. в Silva Gadelica и Dillon, The cycles of the kings. В этих работах также содержится большая часть остальных легенд, использованных в этой главе. О Tromdamh Ghuaire см. Dillon, Early Irish literature. Повести о Гуайре были собраны и переведены на современный ирландский язык в Cormac O Cadhlaigh, Guaire an Oinigh (Baile Atha Cliath, 1939).

Большинство стихотворений из этой главы можно найти в Murphy, Early Irish lyrics; см. также статьи Карни в Eigse, XIII (1970).

Топографические и другие данные из Жития Тирехана и «Трехчастного Жития» были проанализированы в MacNeill, St Patrick. **[346]**

Глава XII

Об изменениях, вызванных влиянием норвежцев на ирландское общество, см. OD. A. Binchy, «The passing of the old order», Proceedings of the International congress of Celtic studies 1959, ed. O Cufv (Dublin, 1962).

По поводу политической истории XII века см. введение и первую главу Edmund Curtis, A history of medieval Ireland (London, 1932); John Ryan, «The O'Brians in Munster

after Clontarf» North Munster antiquarian Journal, II (1941), III (1942) и Toirdelbach O Conchubair (Dublin, 1966).

О церковных делах см. Aubrey Gwynn, The twelfth-century reform, vol. II, fasc. I b History of Irish Catholicism, ed. P. Corish (Dublin, 1968) и первые главы в b D. Gleeson and A. Gwynn, A history of the diocese of Killaloe, vol. I (Dublin, 1962). **[347]**

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИИ

Айлендбридж 149, 191
Айлех 61, 104, 116, 140, 143, 147, 166, 185, 251, 300
Айргиалла 61, 84-85, 91-93, 101-103, 106, 110, 114, 130-131, 138, 141-143, 146-149, 151, 240, 251, 263, 268, 295, 298, 304
Айртор 143-144, 147, 206, 250
Аленн 65, 90, 104, 152, 165, 175, 181, 183-184
Алмайн 166, 169, 171-172, 237
Антрим, графство 18, 52, 80, 97, 103, 119, 129-130, 133-134, 304
Арада Клиах 206, 209, 227
Аран, о-ва 205, 223, 299
Аргайл 18, 31, 97, 103
Ард Маккрим 282
Ардс, п-в 131
Арклоу 152, 154, 162
Арма, город 60-61, 64, 66, 102-103, 110, 140, 142, 144, 147, 186, 188, 219, 221, 237, 239-241, 252-255, 257-258, 284-285, 290-291, 298, 300
Арма, графство 24, 98, 99, 142-143, 146, 149, 178, 215, 218, 251, 266, 284, 289, 2?4, 297, 300-301
Ат Сенайг 172,173, 238, 295
АхадАбла 282
Бангор 19, 144-146, 170, 138
Банн, река 60, 134, 140, 147-148, 188
Барроу, река 152-154, 165, 174, 183, 186, 189, 298
Бенн Гулбан, гора 104
Берри, о-в 85, 195-196
Бирр 115, 118, 157, 198-199, 247, 251, 257, 286
Блэкуотер, река 204
Бойн, река 29, 34, 35, 67, 70, 72, 74, 86-87, 103, 109, 122-123, 130, 139, 144, 147, 161, 228, 297
Брега 60, 70, 77, 86-87, 108, 110, 116, 120, 136, 141-142, 144, 146, 167, 172, 180, 183, 187, 237, 252, 256, 268, 291, 297-298, 304-309
Брефне 32-33, 105, 112-113, 130, 264, 266, 282, 304, 310
Буш, река 134
Верхний Лох-Эрн, озеро 114
Галлен 199, 241, 251-252, 267
Галлия 21-23, 64, 67, 75, 96, 99, 154, 159, 185, 211, 289
Глендалу 152, 170, 177, 188
Глендамайн 204, 234
Гленн Риге 91, 93, 131
Голден Вейл 204
Голуэй, графство 106, 262, 268, 278, 283
Горт 272
Гранард 101, 113, 268
Греция 16, 19

Дал Риада 18, 20, 80, 97, 103, 124, 131, 135, 138, 148-149, 188, 290, 292, 294
Дандрум, залив 130
Даун, графство 38, 52, 66, 91, 129-130, 133, 138, 145, 188, 304
Даунпатрик 66, 102, 131, 145
Девениш 118
Дейнс Каст 93, 130
Делбна 262, 268-269
Делбна Ветра 198, 200, 251-252, 254, 256, 269
Делбна Нуадат 266
Дерри, графство 61, 135, 138, 140, 149
Десмонд 15, 61,192, 204, 205, 222, 249, 256, 299, 307
Дивед 211, 215
Донегол, графство 28, 61, 91, 104, 140
Друим Кет 24, 129, 134-135
Друмклифф 117, 277
Друнеметон 38
Дублин 12, 60, 73, 77, 86, 148,152,156, 176, 183-184, 189, 258, 298, 301, 303-304, 306, 309
Дулик 167
Дундалк 143
Дунейт 145
Дун Болт 167-168, 170-171, 174
Дун Кейтирнн 138
Дун Куайр 186-187
Дурроу 113-114, 182-183, 198-199, 241, 246, 252, 256, 260, 286, 304
Иве, баронство 133, 188
Инишоуэн 140, 182, 254
Инни, река 113
Иона 24, 103, 117-118, 182, 188, 198,284, 292, 294
Испания 20, 228-229
Йорк 42, 185
Каван, графство 87, 105-106, 266
Кайлле Фолламайн 141
Карбери, баронство 104
Карлоу, графство 153, 164, 168, 174, 179, 198
Карман 165, 257
Карн Фрайх 26, 29
Карра, баронство 105, 125, 271
Каслдермот 146, 170, 183-184, 297
Кашель 19, 57-58, 61, 72, 90, 94, 153, 161, 180, 189, 191-196, 201, 203-206, 210, 212, 214-225, 227-229, 231, 233-237, 240-247, 250-251, 255, 259-260, 273, 289-290, 295, 297, 299-300
Келлс 52, 79, 83, 96, 112, 144
Керна 77
Керри, графство 192-193, 195, 199, 203-204, 211, 222, 249
Килдар, графство 104, 146, 152—153, 157, 162, 164, 170, 172, 176-181, 184, 187-188, 241, 244, 253, 255-256, 258, 260, 297
Килкуллен 172
Киллала, залив 98, 276
Киллало 192, 210
Килларни 192, 204
Килфенора 192

Киннитти 199, 228
Кинтайр 138
Клонард 142, 146, 172, 183, 231, 304
Клонмакнойс 113-114, 117, 191, 200, 231, 241, 252-253, 256-258, 260, 266, 269, 272-273, 282, 285-286, 302, 304
Клош-арф 176, 190, 275, 291, 303
Клонферт 106, 197, 199, 241-242, 255-256, 266, 273-274
Клонфертмуллоу 198-199, 247
Клэр, графство 20, 38, 80, 85, 94-95, 156, 197, 199, 209-210, 249, 258, 271
Клю, залив 268, 278-279
Кнок Айне, см. Кнокани
Кнокани (Кнок Айне) 204, 210
Кнокари 277
Конайлли Муиртемне 110, 130, 147
Коннахт 15, 26-27, 29, 55-56, 60-61, 67, 73, 75-76, 83, 85-86, 91-92, 103-107, 112-115, 117, 120, 125, 128, 134, 140, 151, 156, 166, 169, 186, 197, 199-200, 203, 223, 226, 231, 240, 249, 251-254, 256-257, 262-264, 266-269, 271-273, 275-287, 295-296, 301-302, 307, 309
Корк 80, 85, 90, 192, 199, 203-205, 209, 222, 225-226, 233, 241, 249, 255-256, 258, 307
Корран, баронство 85, 267, 280, 282, 285
Краэб Тулха 38, 199
Кро-Иниш 108
Коуахан 29-30, 38, 65-67, 90, 97, 104, 105, 262, 264, 267, 281, 284-285
Куаланн 178, 188
Лаут, графство 41, 60, 86, 110, 129-131, 139, 142-144, 149
Лейиш, графство 154, 228
Лейлин 152, 164
Лейлинбридж 153, 191
Лейни, баронство 85, 267
Лейнстер (Лаген) 15, 21, 33, 46, 52, 55, 59-61, 67, 73-76, 79-80, 83, 89-90, 103, 106, 112, 115, 120, 140, 152-154, 156-162, 165-173, 191, 193, 196-198, 200, 209, 211, 214, 221, 237-239, 244, 252, 254-255, 257, 295-301, 304, 307-310
Лейтрим, графство 32—33, 105—106, 266-268
Лет Кам 143, 146-147, 251
Лимерик, графство 12, 157, 193, 204-206, 209-211, 218, 222, 225, 233, 249, 254, 302, 307
Лимерик, город 94, 192, 199-200, 247, 271, 274
Лисмор 192, 198, 200, 245
Лиффи, река 77, 152, 165, 174-176, 187, 252, 297
Лонгфорд, графство 60, 78, 87, 113, 268, 277
Лондон 71
Лондондерри, графство 86, 92, 117, 130, 139, 148, 280
Лох-Бег, озеро 148
Лох-Дерг, озеро 157, 183, 223, 275
Лох-Корриб, озеро 262, 268, 278
Лох-Маек, озеро 268
Лох-Ней, озеро 133, 144, 148, 298
Лох-Рамора, озеро 87
Лох-Ри, озеро 113, 253, 285, 298
Лох-Фойл, залив 140—141
Лох-Эннелл, озеро 74, 108, 114, 168, 297
Лох-Эрн, озеро 114, 118

Лохиншолин, баронство 148
Маг Ай 104-105, 253, 262, 278-282, 285
Маг Брег 34, 81, 237
Маг Кобо 151
Маг Лине 47, 133, 148
Маг Лифи 104
Маг Луйрг 267, 282-283, 287
Маг Мукриме 83, 231
Маг Рот 138-139, 292
Майстиу, см. Муллагмаст
Миде 60, 75, 87, 96,108, 110,114-116, 140-142, 156, 167, 180, 186, 190, 238, 241, 252, 254, 256-257, 267-269, 273, 287, 298, 300-302, 304, 307, 309-310
Мит, графство 15, 43, 60, 72-73, 86, 96, 103,109, 125, 142, 156, 304
Мой, река 105, 262, 269, 270, 271, 284
Мойн Дайри Лотайр 117, 133, 139
Мойра 75, 138
Монаган, графство 41, 61, 140, 142-143, 147, 151
Монастербойс 146
Муллагмаст 83, 166, 176, 223
Мунстер (Муман) 15, 18, 20-21, 55, 58-59, 60-61, 72-73, 75-76, 80, 83, 85-86, 89-90, 94-95, 105, 114-115, 120, 130, 133-134, 140, 150,152,154,156-157,161,166,171, 175-177, 183, 185, 189, 191-193, 197-201, 203-210, 212, 214-216, 218-220, 222-224, 226, 229-230, 232-254, 257-260, 274-275, 298-301, 306, 309
Мэйо, графство 87, 98, 105, 156, 263-264, 267-268, 270-271, 283
Мэн, о-в 134, 137
Наас 34, 162, 164, 176-177, 190
Наван 96, 115
Нортумбрия 42, 47, 119, 136, 185, 292-293
Ноут 70, 72, 108-109, 298, 300
Ньюгрейндж 70
Олд-Килкуллин 184
Олк Аха 83
Ормонд 157, 192, 206, 228
Оффали, графство 60, 87, 104, 113, 115, 152, 157, 167
Оха 105-106, 264
Райт Биле 153, 174
Райт-Имгайн 179
Райт Инбир 162
Рафо 105, 149, 188, 286
Рахан 199-200, 248, 256
Рим 22,96,185,293,297
Роскоммон, графство 26, 66, 104, 106, 125, 262, 264, 266, 268, 275, 278-279, 283, 285-286
Роскри 199
Сак, река 268-269, 286
Саул 66, 102
Сент-Муллинс 154, 169, 184
Скандинавия 22
Слайго, графство 26, 85, 87, 104-105,112, 125, 264, 267, 271, 276, 280
Слане 82, 108, 112, 115, 252
Слейни, река 152
Слиаб Луахра, гористый хребет 204, 222

Сливе Блум, гора 114
Тайльтиу 43, 46, 75, 112, 118-119, 237-238, 287
Таллахт 46, 183, 188, 255, 258
Тамон 174-175
Тара 11-12,19, 25, 28, 34-35, 38, 43, 46, 54, 57, 60-61, 65-84, 86, 89-93, 96-97, 100-106, 108, 110, 112, 114, 116-120, 124-126, 130, 135, 137-139, 141, 163, 165-166, 169, 173, 176, 184-185, 188, 191, 193, 196-197, 199-200, 208-209, 214, 221, 223, 227, 229-230, 233, 237, 240-241, 247, 251, 254, 256-257, 264, 267, 281, 284-285, 288-291, 295, 299-301, 305, 307-308
Терригласс, монастырь 164, 199, 239, 258, 275
Тегба 34, 113, 117, 267-268
Типперэри, графство 80, 157, 161, 204, 206, 209, 229, 245, 258-259, 298
Тиреррил, баронство 105
Тирконелл 26, 28
Тироли, баронство 98
Тирон, графство 61, 92, 140, 143, 147, 149, 290
Тлахтга 34, 75, 238
Трим 115
Туам 262,278
Тулах Ок 32, 33, 147
Уиклоу 152,162,172,174
Уитби 42, 47
Ульстер (Улад) 12, 15, 28, 30, 38, 44, 56, 60-61, 64, 66-68, 73, 75-76, 83, 86-87, 90-92, 100-102, 104, 106, 110,117,120-122,130,133-135, 139-140, 143-145, 148, 150-151, 169, 173, 177, 180, 184-185, 188, 190, 205, 238, 240, 242, 248-249, 252-253, 256, 258, 269, 271, 277-280, 282, 287, 290-292, 296, 307
Упсала 10, 126
Уотерфорд 12, 90, 154, 192, 209, 211-212, 245, 303, 308, 310
Уснех 75, 82, 108, 114-115
Уэксфорд, графство 153-154, 172, 181
Уэксфорд, город 152
Уэстмит, графство 60, 87, 104, 108, 167, 179, 252, 258, 300
Ферманаг, графство 61, 140, 142—143, 149, 268
Фермой 204-205
Фернс 152-153, 169, 174, 244, 308
Фор, баронство 110
Фохайрт 143-144, 173, 239, 295
Фуерти 266
Фьюз, горы 24
Шелбурн, баронство 154
Шеннон, река 66, 104-105, 113, 116, 156-157, 183, 198-200, 210, 253, 262, 274-275, 279, 287, 298, 302
Шотландия 16, 20, 44, 80, 87, 95, 118, 131, 134, 138, 154, 156, 158, 214, 222-223, 290
Эли 86, 208-209
Эмайн Маха 19, 38, 44, 60, 64-67, 85, 90-91, 93, 101-102, 129, 132, 143, 151, 154, 166
Эмли 90,192, 203-204, 206, 210, 239, 242-243, 247-249, 274, 297

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Августин, легат папы в Британии 42
Агрикола 53
св. Адомнан 29, 69-70, 110, 112, 118-119, 121, 127, 132-133, 135-136, 142, 171, 185, 286, 289-290, 292-293

Айлиль, король Коннахта, супруг Медб 29-30, 66-67
Айлиль, сын Доннхада 186
Айлиль, сын Дунлайнга 176
Айлиль, сын Катала 217
Айлиль, сын Катбада 206
Айлиль, сын Эохайда Мугмедона 93-94
Айлиль Голое Ухо 205, 210, 221, 231
Айлиль Инбанда, сын Эогана Бела, король Коннахта 125, 277
Айлиль Кетех 164, 166
Айлиль Медрайге, король Коннахта 283
Айлиль Молт, сын Нат И, король Коннахта 93, 102, 105, 125, 264, 277
св. Айльбе 90, 213, 239
Айнмере, сын Сетны 117, 125, 276
Альдфрид, король Нортумбрии 127, 136, 294
Альфред Великий 42, 51
Амалгайд, сын Нат И 96, 98
Ардгал, сын Ниалла Девяти Заложников 101, 108, 112, 185, 284
Арт, сын Конна 83—85, 231
Артри, сын Катала, король Мунстера 185, 219, 243, 245, 290
Артри, сын Конхобара, епископ Армы 147, 251-252
Ассер 51
Аэд, сын Айнмере 129, 135-136, 138, 141-142, 167, 170, 173
Аэд, сын Бреннана 113, 117
Аэд, сын Колгу, король Лейнстера 172-173, 175, 183, 238
Аэд, сын Кримтанна 157
Аэд, сын Эху Тирмхарны, король Коннахта 117, 271-278
Аэд, сын Эохокана 144, 149
Аэд Айрдд, король Дал Арайде 143
Аэд Аллан, сын Корпре 249
Аэд Аллан, сын Фергала 140, 143—144, 172, 173, 182, 237-239
Аэд Аллан (Аэд Уариднах), сын Домналла 127, 141
Аэд Белый, сын Колмана 177
Аэд Беннан, король Мунстера 193, 206, 233-234, 236, 249
Аэд Гуайре 118
Аэд Посвященный, сын Ниалла Фроссаха, король Тары 46, 173, 185, 188-189, 287, 290, 296
Аэд Рон, сын Бекка Байррхе 143—145, 170
Аэд Рон, сын Катала 179
Аэд Слана, сын Диармайта 110, 119—120,127-128, 141, 180, 197, 289
Аэд Финдлиат, сын Ниалла Калле 300-301
Аэд Черный, сын Колмана, аббат и епископ Килдара 177—178
Аэд Черный, сын Суибне 117—122, 133, 136
Аэд уа Нейлл 149
Аэдан, епископ Глендалу 170
Аэдан, сын Габрана, король Дал Риады 134-137, 185, 290, 293
Баэтан, сын Кайрелла 134—136, 139
Баэтан, сын Муйрхертаха 135, 136
Баэтан, сын Ниннида 135
Беда Достопочтенный 42, 52, 136, 293-294
Бекк, сын Куану, король Уи Макк Уайс 142
Бинчи Д. 7, 13, 40, 55, 102, 181, 186, 201, 203, 238
Блатмак, сын Аэда Слане 128

Блатмак, сын Ку Бреттана 41, 58, 143
Боудикка 66
Боэций 37
Бран, сын Коналла 181
Бран, сын Маэлморда 176
Бран Ардхенн, сын Муйредаха, король Лейнстера 184, 187
Бран Бекк, сын Мурхада, король Лейнстера 172-175, 238
Бран, сын Фаэлана 189, 254-255
Брандуб, сын Эху 167—170, 174
св. Брендан из Бирра 118, 199, 246—247, 256
св. Брендан из Клонферта 199, 246—247, 249, 278, 285
Брессал, сын Айлиля Тассаха, король Мунстера 205
Брессал, сын Аэда Рона 148
Брессал Белах, король Лейнстера 161—162, 169
Брессал Энехгласс, сын Катайра Мора 163
Бриан Борома 11, 21, 61, 88, 134, 150,171,190,193,197, 210, 232, 244, 259, 275, 291, 293, 302-306
св. Бригита 45, 153, 169, 177-178, 180-182
Брикрен 64, 73
Брион, сын Эохайда Мугмедона 26, 93-94, 100, 104, 264-266
Генрих VIII 50
Геральд Камбрийский 28—29, 30, 38,61, 130, 180, 242, 296, 306
Гоибненн, сын Коналла 114, 271
Гормлайт 190-191, 257
Гуайре Айдне 105, 128, 271-274, 275-276, 278
Дайре Баррах 162, 181
Дарий 36
Дауи Галах, сын Бриона 100, 277— 278
Дауи Иарлате 223
св. Деклан 90, 209, 239
Джойс Дж. 10
Диармайт, сын Аэда Слане 128, 272-273
Диармайт, сын Кербалла, король Лейнстера 190
Диармайт, сын Керрбела, король Тары 69, 101, 110, 112, 116-118, 122, 125-127, 133, 135-137, 141, 185, 197, 221, 277, 289, 292-293
Диармайт, сын Маэл-на-м-Бо 168, 171, 190, 308-309
Диармайт Мак Мурхада 11, 21, 168, 307, 309-311
Диармайт уа Тигернайн, аббат Армы 253-255
Диллон М. 13, 36, 159
Домналл, сын Аэда, сына Айнмере, король Тары 138-139, 177, 291-292
Домналл, сын Муйрхертаха 117, 125, 276-277
Домналл, сын Мурхада, король Лейнстера 179
Домналл Мак Лохлайнн 130, 150, 171
Домналл Миди 144, 182-183, 237
Домналл Пестрый, король Дал Риады 136, 138, 292
Домналл уа Нейлл, король Тары 291, 302
Донн-бо, сын Ку Бреттана 143
Доннслебе, сын Эохайда 130, 150
Доннхад, сын Доннслебе 150
Доннхад Миди, сын Домналла Миди 146, 183-184, 186, 246
Доннхад Уа Кербайлл, король Айргиаллы 92, 149, 151
Доннхад уа Лойнгсиг, король Дал Арайде 149

Доннхад Уа Руайрк, король Брефне 130
Дуб-да-Байренн 245
Дуб-да-крих 172
Дуб-да-Лете 284
Дуб-да-Туат, сын Стелене 240
Дуб-да-Туат, из луигни 282
Дуб-Индрехт, сын Катала, король Коннахта 283 Дуирдриу 215, 217
Дунлайнг, сын Энда Ниа 83, 169, 175,188
Дунлайнг, король Уи Эхах 204
Дунхад, сын Мурхада 175
Дунхад, сын Дуб-да-Байренна 217
Дунхад Муриски 271, 281
Евсевий 154, 296
Иероним 19
Индрехтах, сын Дунхада, король Коннахта 281
Индрехтах, сын Муйредаха, король Коннахта 281, 284
Ине, король Уэссекса 42
Ир, сын Миля 231
Исидор Севильский 20, 159, 199, 276
Йейтс 10, 276
Кайрелл, сын Фиахны, король уладов 146
Кайрпре Кромм, сын Кримтанна, король Мунстера 224, 235
Кайрпре Лифехарь 38, 169, 240
Кайрпре Муск, сын Коналла Корка 195, 212, 216
Кайрпре, сын Катала, король Уи Хенн-селайг 175
Кайрпре, сын Ниалла Девяти Заложников 101, 112-113, 116
Камбиз 36
Карл Великий 37, 185, 293, 296
Карни Дж. 13, 28, 30, 99-101, 159, 207, 274
Картимандуя 66
Катайр Мар 154, 161-166, 179, 181-182
Катал Ку-кен-матайр, король Мун-стера 206-207
Катал, сын Айлиля, король Уи Мане 253
Катал, сын Аэда Фланда Хатраха, король Мунстера 234—236, 237
Катал, сын Дунлайнга, король Уи Хеннселайг 174
Катал, сын Конхобара 302
Катал, сын Фингуне, король Мунстера 175, 203, 217-218, 232, 234-236, 237-238, 240, 250
Катуссах, сын Этерскела, король Мунстера 250, 255
св. Келлах 276, 278
Келлах, сын Брана, король Лейнстера 187, 255
Келлах, сын Дунхада, король Лейнстера 183
Келлах, сын Рагаллаха, король Коннахта 281
Кенн Фаэлад, сын Колгу 276, 280
Кенн Фаэлад, внук Муттигерна 206, 217, 243, 245
Кербалл, сын Дунлайнга, король Осрай-ге 189-190, 298-301
Кербалл, сын Муйрекана 190—191
св. Киаран Клонмакнойсский (Киа-ран-мак-инт-сайр) 246, 248, 269, 285-286
св. Киаран Сайгирский 90, 113, 199— 200, 209, 239, 241, 247
Кинаэд уа Артакайн 96
Кинаэд, сын Альпина, король Дал Риады 294

Кинаэд, сын Иргалаха 108
Кинаэд, сын Куммаскаха 109
Кир 57
Китинг 8, 239
Когитос 45, 178, 180
Колла, братья 91-92, 96, 132, 140
Колла Да Крих 84
Колла Фо Хри 114
Колман Вычислитель, сын Баэтана, король Тары 127, 136, 293
Колман Младший, сын Диармайта 110, 112, 136, 141, 293
Колман Старший, сын Диармайта 108, 110, 112, 116, 141
Колум Килле 24, 29, 103, 114, 117-121, 127, 135-136, 169, 185, 188, 289-290, 292-294
св. Комгалл 160, 170
Конайре Мор, сын Этерскела 69, 76-81, 119, 200
Коналл, сын Комгалла, король Дал Риады 136, 293
Коналл Кремтайнне, сын Ниалла Девяти Заложников 101, 110, 116
Коналл Гулбан, сын Ниалла Девяти Заложников 91-92, 104, 110, 112, 116
Коналл Кернах 24
Коналл Корк 205-206, 212-214, 223, 227, 231, 235-236
Конгал Кривой, король Дал Арайде 75, 137-138, 288, 292
Конгалах Кногба, сын Маэлмитеха, король Тары 108, 291
Конн Ста Бита 21, 66, 71, 75, 80-81, 85, 91-92, 106, 172, 196, 229, 231, 263-264, 288
св. Конлаэд 177
Конхад, сын Куану, король Уи Эхах
Кобо 143
Конхобар, сын Аэда, король Тары 67
Конхобар, сын Доннхада, король Миде 147, 150, 186-187, 251-252, 287
Конхобар, сын Тадга, король Коннахта 287
Конхобар, сын Несс, король Ульстера, дядя Кухулина 65, 106, 129, 170
Конхобар Маха, король Айртир 143
Конхобар Руад Мак ан Ворд 26
Конхобар Уа Маэлсехлайнн, король Миде 167, 190, 309
Кормак, сын Арта 34, 38, 67—72, 75-76, 79, 81, 83-87, 91, 106, 122, 138, 169, 199, 210, 229-231, 263
Кормак, сын Куленнана 94, 171, 180, 190-191, 201, 212, 226, 230-232, 240-245, 301
Кормак Мак Карртайг, король Мунстера 220-221, 242
св. Коэмген 177
Кримтанн, сын Аэда, король Лейнстера 177
Кримтанн, сын Катайра Мора 164
Кримтанн, сын Фидаха, король Мунстера 94-95, 212, 214
Кришна 79
Крундмаэл, сын Ронана 160, 175
Ксенофонт 57
Ку Бреттан, сын Конгусса 143
Ку Хонгелт, сын Корпре, король Иармуму 249
Ку Улад Мак Дуйннхлебе 151
Ку Улад Уа Флайтри, король Ульстера 145
Куан, сын Амалгада, король Мунстера 207, 235
Куан, сын Энды, король Мунстера 273
Куан уа Лотхайн 34, 178

Куммасках, король Ноута 109
Куммасках, сын Аэда, сына Айнмере 170
Куммасках, сын Катала, король Уи Хремтайнн 146
Куммене Айльбе 136, 292
Куммене Фота, аббат Клонферта 197, 256, 273-274
Кунедда 103, 159
Кухулин 30, 44, 65, 72, 80, 91, 129
Лабрайд Лоингсех 21, 153, 154-155, 159, 166, 309
Ладкенн мак Бархедо 159, 206
Ллудд, см. Нудд 71
Лоингсех, сын Энгуса, король Тары 139-140, 280-281, 291-292
Лоэгайре, сын Ниалла 66, 69, 82, 100-104, 108, 112, 116, 125, 169, 176, 221, 223, 237, 264, 289 Луг 71-72, 85-86
Лугайд, сын Ита 231
Лугайд, сын Лоэгайре 101, 106, 112, 125
Лугайд Мак Кон 83-85, 210, 226, 231, 268
Лугайд Лайгде 93
Лугайд Лайгсе 67
Лугайд Лайгне 211
Лугайд Реодерг 80
Лугна Фер Три 84-85
Луккрет мокку Херай 201, 206—207
Майер, К. 159-160, 178, 182, 190
Мак-Нейлл 13, 50, 59, 86, 91, 95, 102, 104, 176, 197, 211
Мак Фирбис 8, 32, 48, 50, 85
Макбет 121
св. Малахия 22, 147, 149, 296, 304
Мане, сын Ниалла Девяти Заложников 101, 113-114, 116
Мане, сын Керрбела 114, 271
Матгамайн, сын Кеннетига, король Дал Кайс 210, 233
Матудан, сын Муйредаха 149, 254, 298
Маха 67, 181
Маэлморда, сын Мурхада 190
св. Маэлруайн 184, 258
Маэлсехнайлл, сын Домналла, король Тары 77, 291, 302
Маэлсехнайлл, сын Маэл Руанайда, король Тары 139, 149, 189, 254, 291, 294, 297, 302-303
Маэл Брессайл, сын Маэл Дуйна, король Мугдорна 142
Маэл Гуале (Гуалэ) 217, 299-300
Маэл Дуйн, сын Аэда 247, 249-250
Маэл Дуйн, сын Кенн Фаэлада, «принцепс» Рафо 188
Маэл Дуйн, из Уи Файльги 179
Маэл Котайд, сын Маэл Умай, король Коннахта 271
Маэл Крайбе, сын Дуйбсинаха, король Айргиаллы 148
Маэл Одран 128
Маэл Умай, сын Баэтана 136, 293
Маэл Фотардайг, сын Маэл Дуба, король Айргиаллы 143
Медб 29-30, 44, 66-67, 79, 156, 200, 263
Меркурий 71
Месс Буахалла 77—78, 80—81
Месс Делманн, король Лейнстера 158
Мидир 78

Миль 20-21, 63, 228, 231
св. Мо-Лайссе 118
св. Моллинг 154, 169, 171
Монган 137
Монгфинд 93-94, 212
Мор Муман, дочь Аэда Беннана 193, 233-236, 249
Моранн 35-36
Морриган 181
Муг Нуадат (Эоган) 196, 205, 215, 228, 231
Мугайн 120, 197, 215
Муиргиус, сын Томмалтаха, король Коннахта 186, 253, 284-287
Муирьху 66, 69, 82, 99, 102, 119, 288-289
Муйредах, сын Брана, сокороль Лейнстера 186—187
Муйредах, сын Мурхада, король Лейнстера 175
Муйредах, сын Руайдри, сокороль Лейнстера 186—187
Муйредах, сын Эогана Бела 277— 278
Муйредах, сын Эогана 124
Муйредах, сын Эохайда 184
Муйредах Тирех 91, 114
Муйрхертах Мак Лохлайнн 151, 291, 309
Муйрхертах Уа Бриайн, король Мунстера 150, 220, 221, 291, 302, 306-307
Муйрхертах, сын Эрк 101, 106, 112, 117, 122-125, 276
Муйрхертах Кожаный Плащ 171
Мурхад, сын Брана, король Лейнстера 175, 237
св. Мэдок 32-33, 34, 153, 169
Над Фройх, сьш Коналла Корка 207, 216, 225, 237
Нат И, сын Фиахры 93, 96, 100-101, 102-103, 125, 264
Немед 18
Ненний 137
Нехтан 71
Ниа Девяти Зерен 85, 86
Ниалл Глундуб, сын Аэда, король Тары 149-150, 191, 291
Ниалл Девяти Заложников 66, 68—69, 74, 85, 87-97, 100-104, 106, 110, 114, 116, 137, 150, 162, 167, 168, 231, 291, 305
Ниалл Калле, сын Аэда Посвященного 146, 189, 251-252, 254-257
Ниалл Фроссах 181
Ниалл, сын Эохайда 171, 309
Ниннид, сын Дауи 101, 117, 125
Ноденс 71
Нуаду 71-72,196,268
Нудд 71
Один 122
Одиссей 25—26, 55
Олаф, король Дублина 297
Олхобар, сын Дуб-Индрехта 243, 250
Олхобар, сын Кинаэда, король Мунстера 219, 245, 249, 297
Олхобар, сын Фланна, король Мунстера 205, 243
О'Рахилли Т. 20, 83, 91-92, 95, 98, 100-101, 104, 156, 159, 181, 193
Орозий 13
Освальд, король Нортумбрии 119, 185, 292
Оффа, король Мерсии 185
Палладий 98-100, 102

Партолон 18
св. Патрик 23, 37, 46-47, 66, 82, 88, 90, 97-103, 112, 134, 147, 162, 176, 206, 212, 217-219, 221, 223, 237, 239, 241, 251, 254, 260, 264, 266, 278, 284-285, 288-289, 298, 300
Посидоний 23, 64, 160
Проспер Аквитанский 98
Птолемей 65, 181, 223, 263
Рагаллах, сын Уату, король Коннахта 271, 279, 282
Рианнон 68
Рис А. и Рис Б. 13, 62, 75-76, 122, 126, 166, 192, 223
Ронан, сын Колмана, из Уи Хеннселайг 160
Ронан, сын Колмана, из Уи Дунлайнге 160
св. Руадан 46, 69, 118-119, 240-241
Руайдри, сын Фаэлана, король Лейнстера 184, 187
Руайдри Уа Конхобайр, король Коннахта 151, 296, 309-310
Рус Файльгех 163, 165
Седулий Скотт 37, 297
Сенхан Торпест 276
Септимий Север 64
Сигурд, ярл Оркнеев 190, 302
Ситрик Шелковая Борода 176
Снорри Стурлуссон 126
Страбон 38
Суибне, сын Колмана 119
Суибне Заика 137
Тадг, сын Диармайта 175
Тадг, сын Киана 86
Тадг, сын Муиргиуса 285
Типрате, сын Тадга, король Коннахта 284
Тирехан 66, 82, 97-99, 103, 112, 176, 264, 266, 278
Тойнби 22
Тойррделбах уа Бриан, король Мунстера 130, 210, 291, 296, 307, 309
Тойррделбах Уа Конхобайр, король Коннахта 262, 296, 306-307, 309
Томмалтах, сын Катала 145, 186
Томмалтах, сын Мургала 284
Торна О'Мал Конайре 26, 93
Туатал, сын Аугайре 176
Туатал Маэлгарб 101, 112, 113-114, 124
Туатал Техтмар 21, 75, 169
Уату, сын Аэда 279
Файльбе Фланн, король Мунстера 177, 180, 216, 227, 235, 245, 271
Фарамунд 97
Фаэлан, сын Колмана, король Лейнстера 177, 180
Фаэлан, сын Мурхада, король Лейнстера 175, 238-239
Федлимид, сын Кайрпре 235
Федлимид, сын Кримтанна, король Кашеля 11, 189, 200, 217-219, 232, 237, 239, 241, 243-245, 250-253, 256-261, 299
Федлимид, сын Тигернаха 216, 224, 235
Федлимид, сын Энгуса 216, 224
Фелим О'Конхобар 26—27
Феодосии 90
Ферадах Финд Фехтнах 35
Фергал мак Домналл Руад Мак ан Ворд 26

Фергал, сын Маэл Дуйна 169, 171— 173, 237, 281
Фергус, сын Лейте 67
Фергус, сын Ройга 67-68, 200, 207, 276
Фергус, сын Эохайда Мугмедона 93
Фергус Криворотый, сьш Коналла 110
Фергус Раздор, король Мунстера 206, 209, 235
Фергус Фоге 67, 91
Фер-да-Крих, аббат Армы 143—144
Фиахна, сын Аэда Рона 143—145
Фиахна, сын Баэтана 129, 136—137, 293
Фиахна, сын Деммана 136
Фиахра Кассан 84
Фиахра, сын Эохайда Мугмедона 93-94
Фиаху, сын Ниалла Девяти Заложников 101, 104-105, 115-116
Фиаху Арайде 229
Фиаху Байкед, сын Катайра Мара 161, 165
Фиаху Муллетан, сын Эогана Мара 85, 229-231
Фиаху Срайбтине 91
Финген, сын Аэда Черного, король Мунстера 234-236, 245
Фингуне Гусиная Голова, король Мунстера 217, 219
Фингуне, сын Катала, король Мунстера 203-204, 217
Финдабайр 29
Финд Филид, король Лейнстера 159, 166
Финдхад, сын Гаррхона 162
Финн, сьш Кумала 71, 166, 168-169
св. Финниан 117, 120, 172, 197
Финснехта Пиролюбивый 112, 127, 171, 289
Финснехта Четырехглазый, король Лейнстера 185-187, 287
св. Финтан Клоненагский 160
Фланн Синна 113, 190-191, 301-302
Флатбертах, сын Инмайнена, король Мунстера 233, 244-245
Флатбертах, сын Лоингсеха, король Тары 140,237,280
Флатбертах Уа Нейлл 145
Фолламан, король Миде 141, 237
Фолламан, сын Доннхада 255
Форггус, сын Муйрхертаха 117, 125, 276-277
Фориндан, аббат Армы 253—255
Фредегар 97
Фроэх, герой саги «Похищение стад Фроэха» 30
Фроэх, сын Финдхада 162
Фрэзер 34
Хакон Добрый 29
Цезарь 21, 23, 50, 52, 64, 71, 75, 210
Эбер, сын Миля 196, 228, 231
Эгфрид 185, 294
Эдвин, король Нортумбрии 136, 293
Эйнхард 296
Эмли 235
Энгус Болт 72, 193
Энгус Калди 69
Энгус, сын Над Фройха, король Мунстера 209, 216, 217, 223, 224, 237, 247
св. Энда 223

Энда, сын Ниалла Девяти Заложников 91, 104-105, 116
Эоган Мар, эпонимический предок Эоганахтов, см. Муг Нуадат 83— 85
Эоган Бел, король Коннахта 125, 276-278
Эоган, сын Ниалла Девяти Заложников 91-92, 101, 104, 116
Эоган Майнистрех, аббат Армы 243, 251
Эохайд Айрем 78
Эохайд Лайб 133
Эохайд Мугмедон 93—94
Эохайд, сын Ардгала, король уладов 149-150
Эохайд, сын Домналла 135
Эохайд, сын Энгуса, сына Над Фройха 224, 237, 250
Эоху, сын Энды Кеннселаха 169, 180
Эпона 68
Эремон, сын Миля 196, 228, 231-232, 296
Эркк, сын Эоху Муйнремора 96, 100
Этайн 78, 84
Этельберт, король Кента 42
Этельред, король Уэссекса 51
Этерскел 76-78, 80
Этерскел, сын Маэл Умай, король Мунстера 217, 236
Эху Тирмхарна, король Коннахта 278

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН И ДИНАСТИИ

Алтрайге 199
Беннтрайге 154
Брегмуйне 113
Гайленга 85-87, 109-110, 154, 156, *263*, 267, 282-283
Гаманрад 85
Грекрайге 85, 214, 263, 267, 283
Дайрине 205, 210, 222, 226
Дал Арайде 52, 106, 119, 130, 133-134, 136-138, 144, 148-150, 229-230, 248
Дал Кайс 20-21, 38, 208, 210, 232- 233, 242, 245, 249, 259, 275, 302
Дал Фиатах 38, 130, 132-134, 136, 144-145, 148-150, 188, 230
Десси 72, 90, 97, 110, 142, 181, 200,203-209, 211-212, 218, 226-227,234, 237, 240, 242, 244-245, 249,259, 271, 275, 299
Калрайге 113, 267, 282, 285
Кенел Ардгайл 109-110
Кенел Кайрпри 157, 271, 281, 283
Кенел Конайлл 29-30, 104, 110, 116-117, 125, 130, 138, 140-141, 149, 188, 219, 237, 276, 280-281, 289
Кенел Майк Эрке 125, 266, 279
Кенел Мане мак Нейлл 113-114, 115, 268
Кенел Ферадайг 149
Кенел Фиахах 108, 115, 198, 256
Кенел Эогайн 38, 74, 91-92, 112,116-117, 124, 127, 130, 135, 137-139, 140-143, 146-150, 171, 173,182, 237, 251, 280-281, 290, 293,295, 300-302, 304
Кианнахты 86-87, 144, 148, 154,229-230
Киаррайге 85, 186, 199, 201, 227, 236,247-251, 267, 279-280, 285
Кланы Синайг 147, 255
Кланн Холмайн Мар 108, 110, 113, 115, 140-141, 179, 180, 186, 208, 252, 274, 295, 300, 302, 304

Кланн Энгусса 244—245
Конмайкне 85, 130, 262, 268, 282-283
Корко Байскинн 80, 199-200, 236,
248, 273-275
Корко Даула 214
Корко Дуйбне 80, 195, 199-200, 204, 211, 236, 247, 249
Корко Лойгде 199, 203, 204, 208-209, 222, 226, 230, 246-248, 255
Корко Мога 262
Корко Оха 199, 206, 213, 227, 246-247
Корко Охланн 125, 266
Корко Ройде 87
Корко Фир Три 85, 263, 267
Коркомруад 85, 236, 238, 274-275
Крекрайге 85
Куиркне 87, 113, 268
Лойгас 52, 59, 67, 152-154, 157, 268
Луигни 85-87, 109-110, 263, 267, 282-283, 285
Мендрайге 214, 283
Мугдорна 140, 142, 147, 151
Мугдорна Брег 109, 142
Мугдорна Майген 142
Мускрайге 59, 80, 195, 196, 199-200, 209, 214, 218, 227-228, 233, 236, 244, 246-247,
255
Партрайге 262, 268
Сайтне 87, 110
Сил Аэдо Слане 77, 109-110, 115-116, 127, 144, 180, 298, 304
Сил Катайл 281, 283—284
Сил Келлайг 281, 285
Сил Маэлуидир 171, 174
Сил Муйредайг 281, 283-284, 286-287
Согайн 262, 268, 285
Сонмайкне Рейн 113
Уа Лойнгсиг 148
Уа Руайрк 32, 105, 130, 268, 282, 286, 310
Уа Флайнн 148
Уи Айлелло 106, 263, 282-283
Уи Байррхе 146, 153, 160-163, 167,170, 181
Уи Беккон 114
Уи Брессайл 144
Уи Бриуйн 105-106, 186, 252, 263-269, 272, 276-280, 281-286
Уи Бриуйн Ай 106, 262, 266-267, 269, 278, 283, 286
Уи Бриуйн Брефне 105—106, 112, 262, 277-278, 282-283, 286, 302
Уи Бриуйн Сеола 262, 278, 280, 281, 286
Уи Бриуйн Синна 266, 278—279
Уи Бриуйн Хуаланн 172, 174
Уи Гаррхон 152, 162, 167, 174, 177, 183
Уи Дрона 174
Уи Дуирдренн 216, 218, 227
Уи Дунлайнге 152-153, 160-161, 163, 165, 169, 173-177, 180-182, 189-190, 307
Уи Дунхада 175-176
Уи Лиатайн 90, 212, 226, 259, 273
Уи Лоэгайре 114, 204

Уи Майл 152, 162, 174, 177
Уи Мак Кайртинн 140, 142
Уи Макк Уайс 140, 142, 148
Уи Мане 106, 108, 113-114, 118, 199, 253, 256, 262-266, 268-269, 271, 275-276, 283-286
Уи Мейт 140, 147
Уи Мокку Уайс Брег 109
Уи Муйредайг 175, 176, 186
У и Надслуайг 147
Уи Нейллы 12, 18, 19-20, 34, 60-61, 66, 68-70, 74, 83, 85-87, 89, 91, 93, 99, 101-106, 108-110, 112-117, 119, 121, 125, 127, 129-130, 132, 134-139, 140-144, 146-147, 150-151, 153-154, 156-157, 162, 165-173, 177, 180, 183-184, 186, 196, 198, 200, 209, 228-232, 236-239, 241, 246-247, 251-252, 254, 256, 262-264, 267, 269, 271-272, 276-277, 281-287, 288-289, 291-295, 298-304, 308
Уи Ниаллайн 142-144, 147
Уи Сегайн 143
Уи Туиртри 140, 142, 147-148
Уи Файльш 101, 163, 167, 171, 174, 177, 179-181, 183-184, 187, 198, 238
Уи Фаэлайн 175-176, 186-187, 190
Уи Фиахрах 32, 105-106, 125, 263-264, 269-271, 277-278, 280, 284
Уи Фиахрах Айдне 105, 114, 144, 249, 269, 271, 274-275, 283-284
Уи Фиахрах Муаде 105, 281
Уи Фидгента 199, 204-207, 210, 226, 243, 248-249, 254, 273-275
Уи Хеннселайг 32, 152, 153, 160-161, 163, 165, 167, 169, 171, 174-179, 183-184, 187, 190, 307
Уи Хремтайнн 110, 140, 142-144, 146-147, 149
Уи Хримтайнн Айн 164
Уи Энехглайсс 152, 154, 161-164, 167, 174
Уи Эхах 52, 143, 204, 255
Уи Эхах Арда 132
Уи Эхах Кобо 130, 133, 144, 150, 188
Уи Эхах Муман 204, 224, 248
Уи Эхдах 147
Фир Болт 72, 222
Фир Домнанн 156, 263
Фир Ли 140, 148
Фир Маге Фене 204-205, 226, 236
Фир Росс 41, 141, 143-144, 147
Фир Тулах Миде 167-168
Фир Хелл 115, 256
Фир Хера 105, 125, 271, 277, 283
Фир Храйбе 140, 148
Фир Хул Брег 109, 125
Фотайрт 59, 67, 153-154, 180-181, 183
Эоганахты 18-21, 83, 85, 89-90, 94, 157, 183, 192-193, 196, 201, 204-211, 219-224, 228-236, 241, 243, 245-246, 248-251, 255-256, 259, 295, 300, 302, 304

Научное издание
Фрэнсис Джон Бирн
КОРОЛИ И ВЕРХОВНЫЕ ПРАВИТЕЛИ ИРЛАНДИИ
Главный редактор *Чубаръ В. В.*
Ведущий редактор *Иванов С. В.*

Художественный редактор Лосев /7. /7.
Макет *Антоновой Е. А.* Корректоры *Зверькова Е. В., Кротевич И. В.*
Подписано в печать 26.112006. Формат 70 X 100 '/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Асас1ету.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 199.
ООО «Издательство „Евразия"» 197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ИПК „Бионт"»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 86
тел. (812) 322-68-43